

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛГОГРАДСКАЯ АКАДЕМИЯ

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ
РАЗВИТИЕ РОССИИ
КАК КОМПЛЕКСНАЯ ПРОБЛЕМА
ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Материалы VII Всероссийской
научно-практической конференции

г. Волгоград, 28–29 марта 2019 г.

Волгоград
ВА МВД России
2019

УДК 30(082)
ББК 60я43
С 69

Одобрено
редакционно-издательским советом
Волгоградской академии МВД России

Социально-политическое развитие России как комплексная проблема гуманитарного знания : материалы VII Всероссийской научно-практической конференции, г. Волгоград, 28–29 марта 2019 г. / редколлегия : Е. А. Матвиенко и др. – Электрон. дан. (3,0 Мб). – Волгоград : ВА МВД России, 2019. – 1 электрон. опт. диск (CD-R). – Систем. требования : PC с процессором Intel Pentium 4 и выше ; 512 Мб оперативной памяти ; 3 Мб ОЗУ ; CD/DVD-ROM дисковод ; операционная система Windows XP и выше ; Adobe Acrobat Reader 8.0 и выше.

ISBN 978-5-7899-1200-3

В сборнике научных трудов представлены материалы, подготовленные участниками VII Всероссийской научно-практической конференции «Социально-политическое развитие России как комплексная проблема гуманитарного знания». Раскрыт широкий спектр актуальных вопросов современных гуманитарных наук.

Издание ориентировано на курсантов, слушателей, адъюнктов и педагогических работников образовательных организаций системы МВД России.

УДК 30(082)
ББК 60я43

Редакционная коллегия: Е. А. Матвиенко (председатель), Р. А. Кобылкин (зам. председателя), А. В. Войтов (отв. секретарь), А. А. Стризов, Ю. П. Доронин.

ISBN 978-5-7899-1200-3

© Волгоградская академия МВД России, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 1

Трансформация политической системы России: проблемы и перспективы. Обеспечение национальной безопасности России в современных условиях	12

Бардаков А. И.

Иллюзии и реализм в современных избирательных процессах России	12

Беликова Е. О., Дулина Н. В., Парамонова В. А.

Миграция как фактор формирования социокультурного ландшафта Волгоградской области	20

Варакин С. В.

Влияние политической культуры на процессы социально-экономического развития	24

Войтов А. В.

Возрастные особенности карьерных путей региональной политической элиты в современной России ...	28

Гордиенко В. В.

Системообразующие факторы и условия формирования коррупционных отношений в национальной экономике	33

Гринькова А. А.

Общественная дипломатия субъектов Российской Федерации как показатель эффективности международных контактов (на примере отношений Волгоград–Ковентри)	35

Гаврилов С. Д., Коломейцева Т. П.

Общественная палата Волгоградской области в контексте взаимодействия власти и общества: теория и практика политики	40

Гулевский А. Н., Гулевская Н. А.

Основные теоретические концепции войны в истории философии	44

Гулевская Н. А., Гулевский А. Н.	
Мемориальные войны в прошлом и настоящем	47
Ерыгин Д. А.	
Алексис Де Токвиль и Джон Стюарт Милль о демократии: опасности и возможности	50
Ерыгина В. И.	
Политические партии в современной конституционно-правовой теории	54
Колесников В. А.	
Политический режим в России: сферная проекция и перспектива	59
Корольков К. В.	
Криминализация современного российского общества как фактор преступности несовершеннолетних	64
Косяченко В. И.	
Общественно-политическая ситуация на территории Волгоградской области	68
Морозов И. Л.	
Противостояние великих держав – предчувствие глобальной войны или милитаристский психоз?	73
Морозов С. И., Стемасова В. Ю.	
Выборы и обновление представительных органов власти в контексте развития политической системы современной России	77
Прибытков Ю. Б.	
Политическая стабильность и губернаторская власть в современной России	81
Стризов А. Л.	
Идеология современного российского политического транзита: новые контуры старых концептов	84

СЕКЦИЯ 2

Экстремизм как угроза национальной безопасности:
мировые проблемы и российский опыт.

Деструктивное поведение: истоки и проявления 89

Абу Саада А., Дулина Н. В.

Насилие над женщиной в современном мире:
отсутствие национальных границ 89

Воропаева В. В.

Преступления коррупционной направленности
на государственной и муниципальной службе
как угроза национальной безопасности 93

Геворкян А. И.

Интеграция правоохранительных систем
как условие укрепления национальной безопасности
современных государств 97

Демидов А. В., Семенова О. В.

Радикализм и модели государственной власти 102

Еськин Д. Л.

Проблема использования
малоразмерных беспилотных летательных аппаратов
террористическими организациями 106

Закаляпина Л. А.

Ассоциация «Безопасность туризма»
как востребованный участник деятельности
по предупреждению преступлений в городах-курортах
современной России 108

Коломенская О. Д.

Деструктивное поведение: истоки и проявления
(агрессивное поведение подростков) 113

Копылова Г. К.

Профилактика деструктивного поведения
несовершеннолетних 116

Кравченко Е. А.

Информационная политика Российской Федерации
в современных условиях: новые угрозы и вызовы
в информационной сфере 121

Матюхин О. И.	
Актуальные аспекты обеспечения безопасности пассажиров при авиаперелетах	126
Мацефук Е. А., Разбегаев П. В.	
Ответственность как фактор информационной безопасности	131
Моисеева Д. В., Беликова Е. О.	
Повышение финансовой грамотности населения как направление обеспечения национальной безопасности России	137
Панкратов С. А.	
Научно-методическое обеспечение профессиональной деятельности ведущих акторов политического процесса по противодействию проявлениям экстремистских форм поведения в Российской Федерации.....	141
Парилов О. В.	
Утверждение постмодернистской игровой цивилизации как угроза будущему России	145
Рунаев Р. Ю.	
Современный терроризм как глобальная угроза обеспечения национальной безопасности России	150
Салахова Ж. В.	
Пропаганда терроризма как угроза национальной безопасности государства	159
Степаненко В. В.	
Деструктивное поведение футбольных болельщиков: истоки, проявления и возможности предупреждения	162
Треушников И. А.	
Философское обоснование национальной целостности России	167
Шукюров Ш. Т.-О.	
Теоретические и исторические аспекты понятия безопасности, института безопасности и его составных частей	172

СЕКЦИЯ 3

Право, нравственность, религия и традиция как регуляторы социальной жизни	183

Зуева О. В.

Проблема дисфункциональности института полиции в современной России	183

Иванов С. М., Маслов М. С.

Создание подземного комплекса Царицынского Свято-Духовского монастыря как пример интеграции религиозной группы	188

Котельников Н. В.

Правовое регулирование трансграничного усыновления	193

Кузнецова В. А.

Юридическая клиника как практическая составляющая образовательного процесса	199

Маслов В. А.

Эмиль Дюркгейм – преступление как норма поведения в обществе	203

Матвиенко Е. А.

Философские истоки юридического позитивизма	208

Мелихов А. И., Никитина Г. А.

Необходимость гуманизации уголовного законодательства в целях стабильности общества как фактора обеспечения национальной безопасности	212

Морозов А. А.

Религиозная принадлежность и культурная идентичность	219

Назарова Т. П., Шапцева Л. М.

Проблемы патриотического воспитания современной молодежи	223

Нифталиева И. А.

Законодательное выражение принципа справедливости в дореволюционном российском уголовном праве	228

Попов М. Ю.

Особые субъекты правоотношений и их место в государственно-правовом строительстве	233

Руссу О. Д., Денисова А. В.	
Нравственный конфликт в профессиональной деятельности юриста	241
Садков А. Н.	
Оказание публичных услуг как элемент социализации частного права	246
Садков В. А.	
К вопросу об определении понятия принципов гражданского права	251
Сальников Е. В.	
Юриспруденция в системе гуманитарного знания современной России: докторат научный или профессиональный?	256
Семиколенова А. Ю.	
Выявление причин преступления на основе психоанализа ...	262
Стоцкий А. П., Щепкин С. С.	
Эволюция отношений государства и церкви как институтов политической системы общества	266
Сухоруков В. А.	
Правовая культура сотрудников органов внутренних дел	271
Тарасов Н. К.	
Государственное принуждение как средство социального воздействия: сущностные характеристики в теоретической юриспруденции конца XIX – начала XX в.	275
Тафинцева И. С.	
Ретроспектива уголовно-процессуального законодательства, связанного с производством по уголовным делам в отношении следователя и адвоката	279
Чукаев Т. О.	
Полиция, органы государственной власти и местного самоуправления: основания взаимодействия	282

СЕКЦИЯ 4

Патриотизм, духовность, образование: на перекрестке мнений	286

Баева Е. В.

К вопросу о профессионально ориентированной риторической компетентности сотрудников органов внутренних дел в современных условиях	286

Бацкий А. Е.

Формирование патриотизма у курсантов на занятиях по иностранному языку	291

Бельских И. Е.

Уровни коррупции в высшем образовании России: административно-функциональный подход	295

Боинчану Г. И.

Патриотическое воспитание в образовательном пространстве ведомственной образовательной организации: из опыта работы	300

Василенко Е. В., Рябко Т. В.

Особенности работы с сотрудниками, нуждающимися в повышенном психолого-педагогическом внимании	304

Гришина Е. В.

К вопросу о выборе методики преподавания иностранного языка: традиция или инновация	309

Данакари Р. А., Козловцев Е. А.

Патриотизм и интернационализм как ценности российской цивилизации	314

Дарбинян Л. И.

Нравственность и благоустройство: основания причинно-следственных взаимосвязей	320

Зауторова Э. В.

Методологические подходы к патриотическому воспитанию личности	323

Кибасова Г. П.

Размышляя о патриотизме... ..	327

Кобылкин Р. А., Медведева Л. М.	
Наставничество: к истории вопроса	331
Климова Д. В., Новокольская К. А.	
Роль образования в гармонизации межнациональных отношений	335
Лаврентьева И. В.	
Психологические причины дезадаптации курсантов младших курсов образовательных организаций МВД России	339
Лапина Н. А.	
К вопросу об актуальности педагогического сопровождения образования детей с особыми образовательными потребностями	342
Лушников Д. А.	
Виды дегуманизации в информационно-психологических компаниях	347
Матвиенко Т. Н., Матвиенко Е. А.	
Современное цифровое образовательное пространство как ресурс для развития новых образовательных возможностей	352
Медведева Л. М.	
Проблема трансляции исторической памяти как основы духовно-нравственного воспитания (на примере профессии врача)	355
Овчинников В. А., Жарков С. А.	
Компетентностный подход при освоении дисциплины «Физическая подготовка»	359
Панченко Л. Д.	
Симптомы анархизма в современном российском обществе	362
Парамонова В. А., Беликова Е. О.	
Отражение традиционных ценностей в топонимах социального ландшафта региона	365
Пищулина С. Ю.	
Пропаганда опыта Сталинградской победы в годы Великой Отечественной войны как элемент патриотического воспитания	369

Родкина А. В.	
Актуальные вопросы риторической подготовки курсантов ...	373
Свинарева О. В., Крючков В. В.	
Вопросы реализации гуманистической парадигмы в системе образования МВД России	378
Сироткин Ю. Л.	
Пространство и время в духовной организации современного российского человека	383
Смирнов К. С.	
Кризис традиционных регуляторов социальной жизни в социокультурной реальности биокапитализма	387
Сяба М. В.	
Героико-патриотическое направление повышения патриотической направленности воспитания курсантов образовательных организаций системы МВД России	390
Хамидова И. В.	
Психологические особенности профессиональной идентичности курсантов вуза МВД	395
Ханина Н. В., Дзядевич И. В.	
Научное познание как социокультурный процесс	400
Черемушникова И. К.	
Сохранение национального культурного кода как проблема гуманитарного знания	405
Эслауэр Л. В.	
Диалог как философско-эстетическая проблема	410
Яловенко Т. В.	
Трансформация российского патриотизма в XXI в.	415
Сведения об авторах.....	421

СЕКЦИЯ 1

Трансформация политической системы России: проблемы и перспективы. Обеспечение национальной безопасности России в современных условиях

А. И. Бардаков,

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС

ИЛЛЮЗИИ И РЕАЛИЗМ В СОВРЕМЕННЫХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССАХ РОССИИ

Административно-территориальное устройство Российской Федерации предполагает избирательные процессы на федеральном уровне, в субъектах РФ, городских округах и муниципальных районах, а также в городских и сельских поселениях, т. е. формирование четырех уровней власти посредством выборов. Обращение к теме выборов обусловлено политической практикой слабого участия граждан в избирательных процессах и развернутым дискурсом об иллюзии выборов в современных социумах. В. Сурков не без иронии и в экспрессивной форме отмечает: «Иллюзия выбора является важнейшей из иллюзий, коронным трюком западного образа жизни вообще и западной демократии в частности» [1], и утверждает, что российское общество отказалось от этой иллюзии и осознало пользу реализма, который автору видится в суверенной демократии, а также утратило интерес к демократии. Согласно классификации В. Суркова получается, что реалисты – это та часть общества, которая поддерживает на выборах кандидатов, предложенных действующей властью, а та часть общества, которая поддерживает иных кандидатов еще остается в плену иллюзий. Автор не предлагает отменить выборы, он сторонник реализма в избирательном процессе.

Заметим, что внедрение такого реализма в современную российскую практику избирательного процесса – это путь восстановления советской избирательной системы, в которой можно найти много

достоинств. Однако основным недостатком советского избирательного процесса было согласование (утверждение) кандидата на избрание с партийными и государственными органами до его избрания, т. е. избирателю предоставлялась возможность прийти на выборы и проголосовать за предложенную кандидатуру, поскольку других претендентов нет. Здесь важно подчеркнуть, что ведущая роль в этом процессе принадлежит партийным органам, а точнее секретарю партийной организации (парткома, райкома, горкома, обкома и т. д.), где проходят выборы. «Как это возможно, – ставит вопрос А. А. Зиновьев, – что высшая законная государственная власть признает власть над собой неузаконенной организации, не нарушая законности?» [2, с. 147]. А затем поясняет, поскольку значительная часть работников системы власти состояла в партии, то «они фактически были представителями партийного аппарата и членами его учреждений» [2, с. 147]. Действующая социально-политическая система в современной России не может себе такого позволить, так как уже сложилась, хотя и формальная или декларативная практика многопартийности. Логика развития многопартийности предполагает, что оппоненты партии власти стремятся к увеличению количества сторонников, которые не поддерживают кандидатов от партии власти, т. е. воспроизводство избирателей, не утративших иллюзию о выборах.

Не верит в эффективность современных избирательных процессов и известный «рупор» российского либерализма Ю. Латынина. Начав свою статью с высказывания сомнений в законности выборов в Казахстане, она подвергла резкой критике избирательные системы многих богатых и бедных стран практически всех континентов. Автор, конечно, не изменила своей либеральной традиции и сказала несколько добрых слов в адрес Грузии периода Михаила Саакашвили, стран Балтии и современной Украины, но она осталась непреклонна и строга к избирателям этих и других стран, которые, по ее мнению, хотят халявы, «...молочных рек и кисельных берегов» [3]. Надо отдать должное автору, что она наряду с критикой вносит конкретное предложение по обсуждаемому вопросу. «Есть единственная система, – утверждает Ю. Латынина, – которая способна противостоять выборам Назарбаевых, Лукашенко, Мадуро и Окасио-Кортесов. Это выборы, но выборы с цензом» [3]. Высказанное предложение обретает особую политическую артикуляцию в кон-

тексте вышеизложенного концепта о реализме и иллюзиях выборов. В. Сурков предлагает вернуться в советскую эпоху, а Ю. Латынина ведет речь о необходимости возврата в монархический период. Утверждения Ю. Латыниной о том, что ценз может быть различного вида, вплоть до бутылки водки, не выглядят убедительно, публицист лукавит. Автору прекрасно известно, что основанием ценза была, есть и будет собственность. При реализации цензового подхода к выборам может возникнуть дискуссия только о размерах дохода или объемах собственности, все остальное демагогия. Вольно или невольно автор выполняет идеологическую функцию, пытается убедить граждан в том, что реализм выборов может быть осуществлен только посредством реализации воли состоятельных (крупных собственников) граждан. Все это подтолкнет не только к дифференциации, стратификации, но и к клановому, кастовому делению общества.

Такие заявления и утверждения требуют внимательного рассмотрения и детального анализа. Общеизвестный факт состоит в том, что 18 марта 2018 г. участвовало в выборах Президента Российской Федерации 67,5 % российского общества, из которых 76,69 % проголосовало за В. В. Путина [4]. В контексте утверждений В. Суркова получается, что пользу реализма осознало и предпочло около 77 %, а более 23 %, пришедших на выборы, не отказались или не преодолели иллюзий о выборах. Следует отметить, что 23 % избирателей, пришедших на выборы, составляют почти 1/4 от участвовавших в голосовании на выборах, поэтому весьма спорно утверждение о том, что российское общество осознало пользу суверенной демократии. Конечно, остается открытым вопрос о позиции 32,5 % граждан, не пришедших на выборы. Эта часть общества вряд ли испытывала иллюзии относительно результатов проводимых выборов, но и к сторонникам суверенной демократии ее тоже нельзя относить, поскольку при всей активности социально-политических институтов, призывающих голосовать за реализм, люди не пришли. Это свидетельствует о том, что кроме реализма и иллюзий в современном российском избирательном процессе присутствует нечто иное.

Обратимся к избирательному процессу регионального уровня. В сентябре 2014 г. состоялись досрочные выборы Губернатора Волгоградской области.

Претендентов было четыре, но реальный кандидат был один, он с апреля 2014 г. исполнял обязанности Губернатора Волгоградской области по поручению Президента Российской Федерации. Мне удалось в различных средствах массовой информации сказать много добрых слов и по поводу организации, проведения выборов, и об убедительной, закономерной победе А. И. Бочарова в этом избирательном марафоне. Хорошо известно, что оценочные высказывания в адрес должностных лиц, органов власти всегда имеют идеологическую составляющую и, в конечном результате, способствуют укреплению или разрушению власти существующей социально-политической системы. В этой статье нет необходимости решать идеологическую задачу, а есть потребность сделать объективную аналитику избирательного процесса. На выборы пришло около 34 % от списочного состава избирателей Волгоградской области, кандидат А. И. Бочаров, набрав 88,49 % [5], одержал убедительную победу в первом туре. Эти цифры показывают, что сторонников реализма было в разы больше, чем представителей, испытывающих иллюзии относительно избирательного процесса. Однако при пристальном рассмотрении регионального избирательного процесса обнаруживается, что в публичной сфере внимание акцентируется на цифрах убедительной победы, а не на 66 % избирателей, не пришедших на выборы. Заметим, что количество не пришедших избирать губернатора в три раза выше, чем не пришедших на выборы Президента Российской Федерации и в два раза выше, чем пришедших на выборы губернатора. Приведенные факты в их цифровом выражении показывают, что значительная часть общества не испытывает иллюзий по поводу выборов, но и не склонна поддерживать реализм. К этому следует добавить, что федеральному центру, по большому счету, безразлична персона победителя на региональных выборах, так как руководитель региона становится элементом единой властно-управленческой системы России, где его политическая воля ликвидируется, а личностные инициативы минимизируются и ограничиваются. На региональных выборах абсентеистов, которых нельзя отнести не к реалистам, не к сторонникам иллюзорного представ-

ления о выборах, в три раза больше чем на федеральных выборах. И вряд ли можно объяснить этот социальный феномен словосочетаниями: «низкая политическая культура», «лень», «отсутствие гражданской позиции» и др. Видимо, определенная часть российского общества не верит в возможность реализовать свою волю посредством выборов, поэтому она на них не ходит.

Выборы проходят и в муниципальных образованиях, поэтому есть необходимость остановиться и на этом уровне избирательного процесса, чтобы понять соотношения иллюзий и реализма. В сентябре 2018 г. в 22 муниципальных районах прошли выборы, явка избирателей составила более 45 % [6], что значительно меньше, чем на выборах Президента РФ, но выше чем на выборах Губернатора Волгоградской области. Количество избирателей 45 %, пришедших на выборы, дает общее представление о настроениях российских граждан, но этот показатель не позволяет понять позицию голосующих, поскольку они выражали свою волю в конкретном муниципальном образовании и по поводу конкретных кандидатов на должность. Поэтому обратимся к совсем свежему календарю выборов в сельских поселениях трех районов Волгоградской области [7].

Досрочные выборы главы Хоперопионерского сельского поселения Урюпинского муниципального района Волгоградской области. Дата голосования: 10.02.2019.

Число избирателей, включенных в список избирателей на момент окончания голосования и обладающих активным избирательным правом, – 612.

Число действительных избирательных бюллетеней – 381 (62,25 %).

Думцев Сергей Александрович – 92 (23,77 %).

Елизарова Галина Викторовна – 5 (1,29 %).

Сатова Карина Баймусаевна – 248 (64,08 %).

Серков Андрей Анатольевич – 36 (9,30 %).

Досрочные выборы главы Краснопахаревского сельского поселения Городищенского района Волгоградской области. Дата голосования: 03.03.2019.

Число избирателей, включенных в список избирателей на момент окончания голосования и обладающих активным избирательным правом – 705.

Число действительных избирательных бюллетеней – 370 (52,48 %).

Болучевская Ирина Владимировна – 210 (56,30 %).

Кубраков Николай Иванович – 4 (1,07 %).

Кузоватов Илья Петрович – 3 (0,80 %).

Сказкин Евгений Иванович – 153 (41,02 %).

Досрочные выборы главы Тростянского сельского поселения Новоаннинского района Волгоградской области. Дата голосования: 03.03.2019.

Число избирателей, включенных в список избирателей на момент окончания голосования и обладающих активным избирательным правом – 709.

Число действительных избирательных бюллетеней – 363 (51,76 %).

Анисов Александр Николаевич – 252 (62,38 %).

Лось Вера Александровна – 111 (27,48 %).

Результаты выборов в трех поселениях не позволяют понять – победа досталась представителям партии власти или же победили сторонники, не избавившиеся от иллюзий? Практика выборов глав сельских поселений в сентябре 2018 г. показала [6], что в 49 муниципалитетах из 74 победили представители партии власти, а в 25 одержали победу представители сторонников иллюзий, т. е. 1/3. Все это позволяет утверждать, что далеко не все российское общество прониклось «реализмом». Наиболее рельефны и показательны цифры об абсентеизме сельских избирателей. Одно дело не пойти на выборы в городе, т. е. в социальной системе, где тебя лично знает лишь незначительная часть этого социально-политического организма, притом, что еще более узок круг людей, которым интересно знать о твоём участии в выборах. Совершенно иная ситуация в сельском поселении, где все знают друг друга. В локальных сообществах манипулирование сознанием минимизировано или отсутствует, политические технологии не имеют особого смысла, черный пиар возможен, но при его разоблачении он становится фактором укрепления доверия к кандидату, однако это не устраняет абсентеизм. Как видно из вышеприведенных цифр в сентябре 2018 г. в сельской местности не пришли на выборы более 50 % избирателей, а согласно календарю выборов 2019 г. на выборы не пришли более 40 %, все это нельзя объяснить несознательностью или «темнотой» граждан. Неучастие в выборах – это демонстрация своей политической позиции, своего отношения к власти в целом и к выборам в частности.

Люди выступают против выборов или, по крайней мере, против действующей формы выборов.

Надо заметить, что отказ от участия в выборах, сомнения в их демократической ценности характерны не только для российского сообщества. Бельгийский исследователь Давид Ван Рейбрук написал книгу «Против выборов». В ней он проанализировал целый ряд зарубежных избирательных систем и пришел к выводу о бесперспективности их развития в качестве форм современной демократии. Он склонен полагать, что современные избирательные системы можно заменить жеребьевкой [8]. Не вдаваясь в детали и нюансы предложенной концепции, заметим, что Д. Ван Рейбрук критикует, прежде всего, представительную демократию, но у него нет серьезной аналитики прямых форм демократии. Его основная ошибка состоит в том, что он концентрирует свое внимание на избирательных процессах государственного уровня, а жизнедеятельность отдельного индивида имеет устойчивые тенденции глобализации и локализации. Глобализация имеет объективный характер, и от воли народов и тем более отдельного человека мало что зависит. А вот жизнедеятельность в локальных сообществах, малых пространствах без участия всех и каждого становится затруднительной.

Видимо, решать проблему выборов и улучшать жизнь общества в целом и каждого отдельного человека можно только в контексте оптимизации видов организации жизнедеятельности людей, т. е. адекватно существующим вопросам государственного и местного значения осуществлять организацию жизни в формах управления и самоуправления. Любая социальная система претерпевает постоянные изменения, поэтому необходима постоянная коррекция, чтобы в условиях доминанты вопросов государственного значения было управление, а при приоритете вопросов местного значения – самоуправление. Соответственно, на уровнях управления выборы были, есть и будут декларацией демократии, поэтому все поиски путей идеальной модели выборов посредством жеребьевки, ценза, реализма и т. д. это ничто иное как политические технологии. А на уровне самоуправления выборы в формах прямой демократии имеют перспективу своего развития, поскольку позволяют реализовать волю всех и каждого. Надо не только понять, но и настойчиво озвучивать, что воля отдельного человека является необходимостью при реше-

нии вопросов местного значения, а при решении вопросов государственного значения эта воля вообще не нужна или же используется для реализации другой воли.

Список библиографических ссылок

1. Сурков В. Долгое государство Путина. URL: <http://www.ng.ru> (дата обращения: 11.02.2019).
2. Зиновьев А. А. Идеология партии будущего. М.: Эксмо, 2003. 240 с.
3. Латынина Ю. Лугали и президенты. URL: <https://www.novayagazeta.ru> (дата обращения: 23.03.2019).
4. Результаты выборов Президента Российской Федерации. URL: <http://www.cikrf.ru> (дата обращения: 22.02.2019).
5. Результаты выборов. Досрочные выборы Губернатора Волгоградской области. URL: <http://www.volgograd.vybory.izbirkom.ru> (дата обращения: 10.03.2019).
6. Избирком подвел итоги выборов в 74 селах Волгоградской области. URL: <https://news.mail.ru> (дата обращения: 22.02.2019).
7. Календарь выборов. URL: <http://www.volgograd.vybory.izbirkom.ru> (дата обращения: 23.03.2019).
8. Рейбрук Д. Против выборов. – «Ад Маргинем Пресс», 2018. URL: <https://mybook.ru> (дата обращения: 22.02.2019).

© Бардаков А. И., 2019

* * *

*Е. О. Беликова, Н. В. Дулина, В. А. Парамонова,
Волгоградский государственный университет*

МИГРАЦИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Пространство и время формируют социокультурные ландшафты регионов, определяя их специфичные характеристики и схожие черты. «Составные» части Нижневолжского региона (Волгоградская и Астраханская области) обладают общими чертами: месторасположение – низовье Волги; климатическая зона – степь, полупустыня (территория рискованного земледелия), с присущими флорой и фауной. Однако наблюдаются и различия – время освоения территории; основные сферы деятельности населения и пр.

Освоение Нижневолжского региона с древнейших времен связано с миграцией племен и народов (гунны, скифы и пр.). Степи и зона полупустыни позволяли кочевым народам продолжительное время контролировать территорию, без существенных стационарных поселений [1, с. 205]. Исключение – столицы Хазарского каганата и Золотой Орды, возведенные в степной зоне [2, с. 10]. Жители этих поселений, независимо от социального положения – свободный или раб, были «пришлыми», а не коренным населением. Кочевой образ жизни предполагает постоянное передвижение с одной местности на другую, т. е. миграцию.

Формирование социокультурного ландшафта региона – Царицынский край (Сталинградская и Волгоградская области) начинается в XVI в. по повелению московского царя Федора Ивановича (из рода Рюриковичей) [3]. Центрообразующим элементом территории стал сезонный кордон стрельцов из 50 человек [4, с. 26]. Летнюю заставу заменили на «зимник», т. е. всесезонным поселением, в котором находился гарнизон с семьями. «Поселенцы» все были христианами, так как в «крепостице» располагались «дворы, базар и храмы» [3]. В XVII в. ближайшее поселение – Пять Изб, до которого по степи полдня пути. В низовьях Дона, вплоть до Азова, находятся «казачьи городки» (поселения казаков с семьями). И хотя в границах Цари-

цына (название «крепостицы») нет казаков, социокультурный ландшафт Нижневолжского региона формируется именно как казачий край. К середине XVII в. в письменных памятниках упоминаются и другие поселения, сформировавшие геоландшафт региона – Камышин, Черный Яр [3].

Письменные источники XVIII в. сообщают, описывая политические реалии этого времени, о казачьих городках – Алексеевск, Усть-Бузулукск, Федосеевск и пр.; городах – Дмитриевск (Камышин) и др.; станицах – Трехизбянская, Есауловская и пр. [3]. Все поселения «Царицынского края» создавались вокруг Царицынской укрепленной линии, что позволяло не только минимизировать саму возможность набегов на русские земли, но и освоить земли по этой «сторожевой» линии. Государство предоставляло земли для переселения [3]: так, к 1725 г. было выделено 115 земельных наделов малороссам, чьи поселения – станицы, а жителей стали именовать казаками [3].

Царицын был «заселен» выходцами из центральных областей России [3]: стрелецкий караул с семьями и филистеры (горожане-обыватели, среди которых: купцы, ремесленники, безземельные крестьяне/бобыли); количество населения – около 1 000 человек мужского пола; вероисповедание – православие (наличие православных церквей, при отсутствии религиозных сооружений иных вероисповеданий); «пригородские» поселения (уезд) отсутствуют. При этом сельские территории «Царицынского края» заселены [3] не только выходцами из центральных областей России, но и малороссами, донскими казаками, европейцами (немцы), кочевыми народами (калмыками и др.), вероисповедание которых – христианство (православие, старообрядчество, протестантизм); социальный статус – свободные, крепостные и экономические крестьяне. Заволжские степи осваивались не только казаками, но и старообрядцами и малороссами-чумаками [3]. В освоении степных просторов правого берега Волги участвовало также население Западной Европы [3]: так, в 1765 г. в устье р. Сарпы в 30 верстах от Царицына была основана немецкая колония евангелистического братства гернгутеров.

В XIX в. среднегодовой прирост в Царицыне за период с 1825 по 1847 г. – 34 человека, в Дубовке (за тот же промежуток времени) – 209 человек [3]. Сооружение Грязе-Царицынской и Восточно-Донской железных дорог в 1870 и 1900г. соответственно, ставших

частью железнодорожного пути из Нижнего Поволжья в Центральную Россию и Прибалтику, а также Царицына в Донбасс, послужили «точками отсчета» промышленного развития Царицына [3]. «Рельсы» привели на рынок Царицына лесоторговцев и рыбопромышленников, соледобытчиков и нефтепромышленников, крупные торговые фирмы и т. д. Царицын – крупнейший рынок сезонной рабочей силы (100–150 тысяч человек нанимались на работу на Дону и Кубани; 15–25 тысяч работников находили работу в Царицыне) [3].

На рубеже XIX–XX вв. Царицын становится крупным фабрично-заводским центром Нижнего Поволжья, привлекающий «рабочный люд» со всей Российской империи: количество наемных рабочих только на заводах «Гардиен и Валлос», «Урал – Волга» – 5 108 человек [3]. Помимо этих предприятий на территории Царицына, Ельшанки, Бекетовки, Сарепты (современный Волгоград) располагались [3]: нефтебаза, лесозавод, солеварни, заводы по производству строительных материалов, кирпичные заводы, жестяные и слесарно-механические мастерские. В Царицыне количество промышленно-фабричных предприятий с 1861 по 1900 г. существенным образом увеличилось с 9 до 189, а с 1900 по 1913 г. – с 189 до 450 [3].

После революции в Сталинграде согласно переписи населения проживало: русских – 171 776 чел., украинцев – 477 чел., немцев – 1 414 чел., евреев – 1 099 чел., татар – 2 835 чел., мордвы – 304 чел., армян – 475 чел., калмыков – 105 чел., киргизов – 7 чел., другие – 690 чел.; всего по переписи числилось населения – 170 453 чел. [5, с. 177–178]. Если до Сталинградской битвы 1942–1943 г. в Сталинграде проживало 525 000 чел., то после окончания военных действий – 32 181 чел., но уже на 1 мая 1945 г. численность населения составила 250 000 чел. [5, с. 255]. Можно предположить, что население административного центра увеличилось за счет беженцев, вернувшихся из тыла.

Природно-географический компонент ландшафта существенным образом влияет, особенно в аграрных цивилизациях, на характер и активность деятельности населения, формируя определенные психологические качества и поведенческие стереотипы. «Царицынский край» с давних времен формировался, с одной стороны, как территория миграционных потоков, как площадка для орд, кочующих с востока на запад, с юга на север и обратно (например, хазар-

ский каганат, Золотая Орда, гунны, печенеги, калмыки и т. д.), а с другой — местожительство переселенцев из Центральной России, Малороссии и пр.

Список библиографических ссылок

1. Флеров В. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. М.; Иерусалим, 2011.
2. Федоров-Давыдов Г. Золотоордынские города Поволжья. М., 1991.
3. История Волгограда 1589–2005. URL: <http://www.volgograd-history.ru> (дата обращения: 20.01.2019).
4. Царицын в путевых записках и мемуарах современников (конец XVI в. – 1917 г.). Т. 4 / под общ. ред. проф. М. М. Загоруйко; сост. предисл. и примеч. Л. В.Завьялова, Н. И.Примака. Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2005.
5. Городская черта. Царицын – Сталинград – Волгоград: (административно-территориальное деление города в XX веке): документы и материалы / под ред. М. М.Загоруйко. Волгоград: Издатель, 2010.

© *Беликова Е. О., Дулина Н. В.,
Парамонова В. А., 2019*

* * *

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПРОЦЕССЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

В своем послании 2019 г. Федеральному Собранию РФ Президент России В. В. Путин отметил необходимость осуществления экономического прорыва для обеспечения высокого уровня и качества жизни населения [1]. На саму возможность реализации такого «скачка» оказывает воздействие целый комплекс факторов, причем не только экономического характера. Политическая система воспроизводит благоприятные или неблагоприятные условия, саму среду, которая делает возможными или недостижимыми любые трансформации в общественной системе, в том числе и в сфере экономики, а также влияет на скорость протекания этих процессов. Понимание того, что политическая система «конструирует» реальность предопределило тот интерес, с которым ученые, начиная с 50-х гг. XX в., стали изучать политическую систему, под которой Д. Истон, например, понимал любые взаимодействия по поводу ролевого распределения ценностей [2]. Предназначение политической системы виделось в выработке, способе принятия и осуществления политических решений. Политическая система должна была приспособить идеологическую парадигму под национальные особенности развития. Еще через несколько лет появляется необходимость введения в научный оборот категории «политическая культура», которая является показателем стабильности или нестабильности существования политической системы, а также фактором, определяющим «текущее состояние» политической системы в данный момент времени. Г. Алмонд и Г. Пауэлл в работе «Сравнительная политика» определяют политическую культуру как способ существования политической системы, обладающей определенными функциями. А. Б. Рябов под политической культурой понимает среду функционирования политической системы [5, с. 42–43]. По мнению Дж. Гарднера, Г. Шопфлина, Уайта политическую культуру можно определить как установочную

и поведенческую матрицу, в пределах которой расположена политическая система. Мы же, в свою очередь, считаем, что политическая культура обеспечивает как взаимосвязь и взаимодействие между различными элементами политической системы, так и ее взаимосвязь и взаимодействие со средой. И в этом плане политическая культура является активным фактором воздействия на все процессы, протекающие в рамках политической системы, способствуя ускоренному или замедленному их развитию. Если учесть, что политическая система при своем функционировании создает благоприятную или неблагоприятную среду для формирования и развития других подсистем общества, то и политическая культура как производная от политической системы оказывает воздействие на эти процессы. С течением времени становится все более очевидным определяющее воздействие политической культуры на процессы развития, трансформации как самой политической системы, так и экономической и социальной систем общества.

Исследование политической культуры позволяет понять и объяснить причины ускоренного или замедленного роста, успеха или неудач реформ в прошлом, а также прогнозировать темпы развития на перспективу. Изучение политической культуры дает ответы на вопросы, почему одни страны добиваются быстрых результатов за короткий промежуток времени и в чем кроется секрет их успеха, а другие, несмотря на все старания, продолжают отставать. Полагаем, что для анализа ситуации необходимо рассмотреть такую характеристику политической культуры, как ее гомогенность (или ее антипод фрагментарность) и исследовать такой ее параметр, как «доверие к власти». Носителями политической культуры могут выступать как отдельная личность, так и различные социальные слои, и общество в целом. Гомогенность политической культуры общества свидетельствует о степени его однородности. Чем выше однородность общества, тем выше гомогенность его политической культуры и наоборот. Такие параметры политической культуры, как «гомогенность» и «доверие к власти», обычно взаимосвязаны и взаимовлияют друг на друга. Считаем, что достижение максимальных значений «гомогенности» и «доверия к власти» для данного уровня развития политической системы приводят к тому, что народ не на словах, а на деле оказывается главным ресурсом государства. Благодаря синергетическому

эффекту возникает такой феномен, как массовый энтузиазм, являющийся основным источником трудовых достижений и военных подвигов. Люди преодолевают различные препятствия, совершают трудовые и военные подвиги не ради получения материальных благ, а ради реализации Идеи, достижения поставленных целей и задач. История свидетельствует, что массовый энтузиазм был характерен только для тоталитарных режимов, их противники называли этот феномен «слепым фанатизмом».

В условиях демократических и авторитарных режимов степень гомогенности политической культуры и уровень доверия к власти были ниже, но при достаточно высоких значениях приводили к ускоренному развитию. Примером могут служить такие государства, как США, послевоенные Германия и Япония, Южная Корея и др., при названии которых «всплывает» такая характеристика, как «экономическое чудо». Это происходит за счет того, что политическая культура обеспечивает быструю взаимосвязь между различными элементами политической, экономической и социальной систем и обеспечивает ускоренное их развитие благодаря мультипликативному эффекту. Если уровень «доверия к власти» низкий, то политическая культура не способна обеспечивать быструю взаимосвязь между различными элементами политической, экономической и социальной систем и объективно становится «тормозом» развития. Как правило, низкий уровень доверия к власти там, где высока степень «фрагментарности» политической культуры. Это может служить объяснением тому, что многие реформы XIX – начала XX вв. в России характеризуются как «незавершенные», «половинчатые», «неудачные». При соотношении таких характеристик, как высокая степень фрагментарности политической культуры и низкий уровень «доверия к власти», на успешную реализацию реформ или локальных, конкретных проектов требуется потратить значительно больше усилий и ресурсов, чем это предусмотрено первоначальным планом и проектно-сметной документацией, так как предстоит преодолеть «сопротивление» «политической культуры». Об этом свидетельствует и опыт реализации таких крупных проектов в современной России, как Олимпиада в Сочи, чемпионат мира по футболу, строительство Крымского моста и космодрома «Восточный». Кстати, многие представители русской философской мысли XIX – начала

XX вв. понимали, что что-то тормозит общественное развитие, и грезили о «соборности» как о процессе объединения всего русского народа в рамках одного государства на религиозной православной почве. По их мнению, это способно принести мир, спокойствие и процветание русскому народу и российскому государству и обеспечить поступательное развитие на долгие годы. О «соборности» писали Хомяков и славянофилы, Вл. Соловьев, Достоевский, народные социалисты, Н. Федоров, В. Розанов, В. Иванов, А. Белый, П. Флоренский и др. Видный представитель русской философской мысли Н. А. Бердяев полагал, что причиной кризисного развития является «глубокий раскол» между элитой и «широкими социальными течениями». Он вскрыл глубокие пласты русской культуры, надеясь отыскать «истоки и смысл» происходящих процессов, и фактически описал состояние русской политической культуры так, как это ему виделось, давая при этом оценку событиям, людям, культурным феноменам, т. е. всему тому, что является содержанием понятия «политическая культура», ее неотъемлемыми элементами. По мнению Н. А. Бердяева, именно революция осуществила «соборность». Он считал, что «соборность» осуществилась, но сколь непохожая на ту, которую искали у нас люди в XIX – начале XX вв.» [3, с. 152]. В 1937 г. он писал: «Народные массы были дисциплинированы и организованы в стихии русской революции через коммунистическую идею, через коммунистическую символику. В этом бесспорная заслуга коммунизма перед русским государством. России грозила полная анархия, анархический распад, он был остановлен коммунистической диктатурой, которая нашла лозунги, которым народ согласился подчиниться» [4, с. 109]. Фактически это следует понимать так, что революция смогла преодолеть «чудовищный раскол» между элитой и «широкими социальными течениями» и положила начало формированию и развитию гомогенной политической культуры, которая и оказала влияние на ускоренное социально-экономическое развитие.

Если проводить аналогию с современной Россией, то в настоящее время в нашей стране наличествует и «чудовищный раскол» между элитой и «широкими социальными течениями», и, как следствие этого процесса, фрагментарность политической культуры и низкий уровень доверия к власти, что, безусловно, является тормозом

развития, заставляет тратить больше самых различных ресурсов на преодоление этого «сопротивления» и ставит под сомнение саму возможность успешной реализации национальных проектов.

Список библиографических ссылок

1. Послание Президента РФ Федеральному собранию 20 февраля 2019 г. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 28.02.2019).
2. Белов Г. А. Политическая система // Кентавр. 1995. № 2. С. 150–160.
3. Бердяев Н. А. Самопознание. Л., 1991.
4. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
5. Реформы в СССР и политическая культура: взаимозависимость и взаимодействие («круглый стол») // Вестник Московского университета. 1991. Сер. 12. № 4.

© Варакин С. В., 2019

* * *

А. В. Войтов,
Волгоградская академия МВД России

ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КАРЬЕРНЫХ ПУТЕЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

За прошедшие десятилетия российское общество переживает кардинальную модернизацию социально-политической системы и, следовательно, изменения в составе политических элит. Не исключением является региональная политическая элита, карьерные пути представителей которой, несмотря на разнообразные различия между самими регионами, можно объединить в несколько схожих

траекторий. Одна из важных, на наш взгляд, особенностей политической элиты – это возраст ее представителей.

Прежде всего, необходимо определиться с понятием «региональная политическая элита». Мы исходим из представления об элите не только как о социальном слое, но и как о функциональной группе наиболее влиятельных и высокопоставленных представителей различных общественных институтов, что позволяет элите осуществлять стабилизирующие и интегративные функции в обществе и его подсистемах. Иными словами, как указывал А. В. Дука, именно она ответственна за поддержание институциональных порядков в социуме [1, с. 126]. В рамках представления элиты как функциональной группы большое внимание уделяется вопросам взаимоотношений различных фракций элиты, а также переговорным процессам внутри элитного сообщества. При рассмотрении элит как социального слоя одним из основных вопросов является характер их воспроизводства. Речь идет не только о наследовании, но и о воспроизводстве и сохранении власти в «своем кругу» посредством поддержания условий, создающих для этого возможности стабилизации данного «круга» [2, с. 64–65].

Опираясь на понимание категории «политическая элита», следует трактовать понятие «региональная политическая элита» как определенную группу индивидов, занимающих высшие политические и административные позиции в регионе, благодаря чему способных повлиять на принятие политических решений, но только на определенной территории – в регионе.

Регионы Российской Федерации значительно отличаются друг от друга по этническому, конфессиональному, социальному составу населения и иным его характеристикам, историческим традициям. Этим обусловлена разнонаправленность политических процессов в различных регионах современной России, все отчетливее проявляются разные социально-политические процессы, которые все больше раскрывают свою специфику по отношению к федеральному центру [3, с. 60].

Ключевой политической фигурой в регионе *de jure* и *de facto* является губернатор. Он лично отвечает за поддержание жизнедеятельности региона, социальную и экономическую стабильность в нем. Для решения поставленных задач в его распоряжении имеются

большие ресурсы власти: контроль над местным бюджетом и расходованием финансовых средств, установление или отмена местных налогов, предоставление льгот, лицензий, дотаций. Губернатору также принадлежит право регулировать цены и ограничивать уровень рентабельности предприятий. Он ответствен за проведение приватизации в регионе, организацию конкурсов и аукционов. В ряде регионов уставы закрепили за администрацией право единолично распоряжаться региональной государственной собственностью.

Вокруг губернатора формируется команда, состоящая из близких ему людей, единомышленников. Члены команды подбираются по принципу личной преданности. Часто в нее входят люди, знакомые друг с другом по опыту прошлой работы, образованию, возрастным характеристикам, как это было в Нижнем Новгороде. Свою команду бывший губернатор Б. Немцов, которому было 32 года на тот момент (занимал этот пост с 1991 г. до марта 1997 г., когда был назначен первым вице-премьером российского правительства), частично сформировал из людей, с которыми работал в НИИ физики. В нее вошли и молодые предприниматели, которым покровительствовала местная власть [4, с. 41–46].

Подобную картину можно наблюдать и в современной политической действительности. Так, губернатор Мурманской области А. Чибис (40 лет) назначил своими заместителями бывших коллег по Минстрою М. Дергунову (35 лет) и О. Демченко (44 года).

Руководитель региона и его ближайшее окружение (команда) составляют ядро власти. К нему примыкает верхушка местной бюрократической элиты – руководители исполнительной власти. Вокруг центра власти, образованного губернатором, его ближайшим окружением, руководством исполнительных органов и примыкающей к ним бюрократической верхушкой, группируются дружественные руководству региона экономические структуры. Именно этим неформальным альянсам принадлежит вся власть в регионе.

На современном этапе развития региональных политических элит России исследователи все в большей степени обращают свое внимание на взаимодействие региональных элит с федеральным центром. Отмена выборов губернаторов, переход, в том числе к пропорциональной системе выборов в представительные органы власти с очень высоким заградительным барьером привели к переориента-

ции региональных элит, которая остается по-прежнему весьма значимой и после возврата к губернаторским выборам. Благополучие региональных элит зависит не столько от мнения населения, сколько от мнения представителей центральных органов власти. Именно в глазах последних региональные элиты стремятся позиционировать свою деятельность как инновационную и эффективную, т. е. переходят от нормативного изоморфизма к принудительному и даже миметическому. Последний выражается в том, что губернаторы, другие должностные лица активно используют Интернет, заводят свои неофициальные сайты и блоги. Помимо этого миметический изоморфизм проявлялся в создании региональных общественных палат, молодежных парламентов и других структур, которые, как правило, не выполняли никаких политических функций. Тем самым более молодым, активным, образованным молодым людям в данных условиях гораздо легче проявить себя нежели более опытному и возрастному поколению.

В указанных условиях элита более эффективно выполняет работу по обеспечению собственного устойчивого положения, которая традиционно ведется не по формальным принципам работы в высших органах власти, а по неформальным «правилам игры», структурирующим элиту по принципам личной преданности.

Укрепление вертикали власти потребовало изменения кадрового состава региональной политической элиты. Федеральному центру нужны были представители, не связанные с местным бизнесом, региональной бюрократией и другими структурами. Нужны были управленцы, ориентированные на Президента и Правительство РФ, полностью зависимые от последних. На этом фоне происходит значительное омоложение региональной политической элиты. Так, губернатору Калининградской области А. Алиханову 32 года, врио главы Республики Калмыкия Б. Хасикову 38 лет, главе Республики Хакасия О. Коновалову 31 год, врио губернатора Ненецкого автономного округа А. Цыбульскому 39 лет, губернатору Орловской области А. Клычкову 39 лет, губернатору Новгородской области А. Никитину 39 лет, губернатору Ямало-Ненецкого автономного округа Д. Артюхову 31 год. Эти и другие представители региональных политических элит вошли во власть при посредничестве феде-

ральной программы «Кадровый резерв», других механизмов и не имеют неполитических связей с местными структурами.

Подводя итог рассмотрению возрастных особенностей карьерных путей представителей региональных политических элит можно выделить две основные группы:

- старшее поколение, сделавшее карьеру в регионе, имеющее там хорошие связи и отношения с местным бизнесом, чиновниками, общественными организациями;

- молодое поколение, назначенное федеральным центром и зависимое во многом от него.

В то же время, несмотря на обновление персонального состава губернаторского корпуса, его структурные характеристики не изменились. Региональная элита как была, так и осталась непроницаема для разночинцев, которые могли попасть на высокие посты исключительно благодаря назначениям из центра, но не путем выборов. Выборный механизм выносил на высшие этажи региональной власти представителей старого политического класса. Демократические альтернативные выборы, призванные расширить доступ к власти для всех слоев населения, в регионах сыграли иную роль – они практически прекратили доступ в элиту представителей не элитарных слоев.

Список библиографических ссылок

1. Дука А. В. Институционализация политико-административной элиты // Политическая наука. 2009. № 3.
2. Дука А. В. Теоретические проблемы в исследованиях властных элит // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. № 1.
3. Анипкин М. А. Власть и общество: социальная и системная интеграция. Региональный аспект: монография. Волгоград, 2009.
4. Петров Н. Нижегородская область: экономика, партии, лидеры // Власть. М. 1996. № 3.

© Войтов А. В., 2019

* * *

СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЕ ФАКТОРЫ И УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Коррупция, ее динамика, специфика и масштабы – следствие общих социально-экономических и политических проблем страны. Коррупция всегда растет, когда страна находится в стадии модернизации. Россия переживает сейчас не просто модернизацию, а коренную ломку государственных, экономических и общественных устоев. Поэтому неудивительно, что страна следует общим закономерностям развития, в том числе негативным. Между коррупцией и порождающими ее проблемами прослеживается двухсторонняя связь. С одной стороны, любые социально-экономические проблемы усугубляют коррупцию, а их решение способствует уменьшению коррумпированности. С другой стороны, масштабная коррупция замораживает и обостряет социально-экономические проблемы, мешает их решению. Таким образом, чтобы уменьшить и ограничить коррупцию, необходимо одновременно решать проблемы, ее порождающие, а решению этих проблем будет способствовать противодействие коррупции со всей решительностью и по всем направлениям.

В списке ключевых проблем, порождающих коррупцию, можно выделить следующие:

1. Неразвитость и несовершенство законодательства. В процессе преобразований развитие экономики и экономических институтов существенно обгоняет их законодательное обеспечение. Неразвитость законодательства проявляется и просто в плохом качестве законов, в несовершенстве всей правовой системы, в нечеткости законотворческих процедур.

Здесь различные виды коррупции порождаются:

- противоречивостью законодательства и даже отдельных законов, что позволяет чиновникам создавать себе идеальные условия для вымогательства и шантажа граждан (клиентов);

– незавершенностью законов, изобилующих двусмысленностями, пробелами, многочисленными отсылочными нормами. В результате довершение законодательного регулирования перекладывается на подзаконные акты органов исполнительной власти, подготовка которых практически неподконтрольна. Например, возникают условия для появления нечетких, «закрытых», плохо доступных инструкций, создающих дополнительные условия для коррупции;

– отсутствием законодательно установленных процедур подготовки и принятия нормативных и иных регулирующих и распорядительных актов (законов, президентских указов, постановлений правительства и т. п.), что существенно облегчает возможности для коррупции. Все это усугубляется общим пренебрежением к процедурной строгости.

2. Неэффективность институтов власти. В современной России сформировался громоздкий государственный аппарат. Прежде всего, речь идет об исполнительной власти. Бюрократические структуры стойки и хорошо приспособляются к выживанию в меняющихся условиях. Причем чем энергичнее преобразования, тем больше энергии и изобретательности тратит аппарат на самосохранение. В итоге окружающая жизнь стремительно меняется, а бюрократические институты и, следовательно, система управления отстают от этих изменений. В результате чем сложнее и неповоротливее система управления, чем больше несоответствие между ней и проблемами, которые она должна решать, тем выше вероятность возникновения коррупции.

3. Слабость гражданского общества, отрыв общества от власти. Демократическое государство в состоянии решать свои проблемы только в кооперации с институтами гражданского общества. Ухудшение социально-экономического положения граждан, вызываемое этим разочарование, приходящее на смену прежним надеждам, – все это способствует отчуждению общества от власти, изоляции последней. Между тем эффективная борьба с коррупцией как на низовом, так и на верхушечном уровне не может быть эффективной без участия в ней общественных организаций.

Таким образом, можно предположить, что отсутствие реальной борьбы с условиями, порождающими коррупцию, приводит к ее распространению, как по горизонтали, так и по вертикали. В таких

условиях коррупция стремится захватить не только экономику, но и политику. В результате обществу и государству наносится огромный невосполнимый ущерб. Эффективность рыночной экономики резко снижается, а существующие демократические институты разрушаются. Усугубляется социально-экономическое и политическое неравенство, растет бедность, социальная напряженность. Под угрозу ставятся целостность страны и сохранение ее конституционного строя. Тем самым коррупция превращается в проблему, угрожающую национальной безопасности страны. Эту проблему не способна решить власть в отрыве от общества.

© Гордиенко В. В., 2019

* * *

*А. А. Гринькова,
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС*

**ОБЩЕСТВЕННАЯ ДИПЛОМАТИЯ
СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ЭФФЕКТИВНОСТИ
МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНТАКТОВ
(НА ПРИМЕРЕ ОТНОШЕНИЙ ВОЛГОГРАДА – КОВЕНТРИ)**

Актуальность исследования международных отношений между несколькими регионами со смежными равнонаправленными устремлениями заключается в выделении таких конкретных общих ценностей, традиций, объединяющих регионы, а также в нахождении идей для совместной деятельности и их сопоставлении с действующими мировыми политическими процессами. Кроме того, результаты общественной дипломатии выгодны для образования и укрепления международной лиги, способной укрепить внутренние ресурсы государства, статус государства на международной арене, а также

послужить сильным, влиятельным блоком по противодействию международной агрессии [1, с. 55].

В настоящей статье проводится анализ деятельности общественной дипломатии Волгоградского региона, в частности форума городов-побратимов.

Public diplomacy – термин, используемый теоретиками политологии и международных отношений, может быть переведен и воспринят под разными значениями, как «общественная дипломатия» и как «публичная дипломатия».

Общественная дипломатия – это создание комплекса мер, ориентированных на просвещение культуры, основных ценностей государства в государствах-союзниках, а также регламентирующих построение путей для сотрудничества с международными лидерами [2, с. 33–41].

Публичная дипломатия – это деятельность или процесс, при котором представители власти, частные объединения или какие-либо другие руководящие структуры склоняют народ какого-либо государства к своей внешнеполитической позиции. Подобного мнения придерживается известный теоретик Эдвард Гуллион [3, с. 54–63].

Основной функцией общественной дипломатии является организационная, сплачивающая два или несколько государств не только в целях объединения в сфере взаимных интересов, но и для профилактики международной безопасности, снятия политического напряжения на международной арене.

Форум городов-побратимов – проект мероприятий по зарождению союза между несколькими странами, которые способны утвердить многолетнее партнерство и реализовать ресурсы и наработки своей страны, показать себя в качестве перспективного, выгодного соратника на мировой арене, выгодно репрезентовать свои внешнеполитические воззрения.

История данного способа международного легитимизма началась после окончания сражений на территории Сталинграда, когда два устоявших в Сталинградском сражении иностранных города приняли решение о гражданском содействии, межнациональном мире и сотрудничестве. В честь этого события на центральной площади города ковенентрицы спроектировали и отправили в Сталинград скатерть с лицами 830 женщин для проведения акции, демон-

стрирующей уважение к героям Сталинграда. Полотно содержало в себе символ – надпись «Лучше маленькая помощь, чем большое сожаление» и было предназначено для поддержки жертв фашизма в военном Сталинграде.

Следующим шагом на пути к межгосударственному сплочению и дипломатическому взаимопониманию было образование документального квитиования политического альянса в 1955 г. – контрасигнирование соглашения о доверительных отношениях Ковентри – Волгограда [4, с. 73–78].

Женщины Ковентри занимаются разработкой проектов по оказанию помощи женщинам, их семьям, для возможности реализации их личности, уравниванию их прав относительно мужчин – авторитет движения женщин и в России, и в Великобритании, и по всему миру подвержен постоянному повышению.

В целях развития стратегии будущих городов союзников 2 ноября 1941 г. был образован комитет англо-советского единства представителями совета города Ковентри Сиднеем Стрингером и Джорджем Ходкинсоном – в ряды членов нового ведомства вступили покровитель центральной епархии и руководитель барклаевского банка.

В мае 1942 г. Сталинградские самоотверженные дамы на 285 партийных собраниях сконструировали ответ ковенрийским женщинам, который был передан спустя восемь месяцев. В активизирующей речи было изложено: «Из региона, в клочья растерзанного международным тираном, направлены частички наших сердец – региону, натерпевшемуся страданий больше нашего» [5]. Данный лозунг был перенесен на прокламации, отправленные в неисчисляемых экземплярах Сталинграду и Советскому Союзу, – и этот жест был воспринят с большим поощрением за терпение и мужественность Сталинградцев.

На Парижском конгрессе ВФПГ было принято решение документально отмечать с 1963 г. 28 апреля День Породненных Городов. С 1964 г. Ассоциация по связям советских и зарубежных городов включила в члены своей коалиции спектр городов, придерживающихся похожих принципов во внешнеполитических взглядах и внутригосударственных, общественных установках. «Совет Советских Обществ Дружбы» признал новоиспеченную лигу – ВФПГ

оказала подобное одобрение новой коалиции международного товарищества.

Вопрос об официальном присвоении Волгограду подобного титула был поднят в 2015 г. уполномоченными лицами по вопросам внешней политики и Президентом РФ по завершении делегации в город-герой Сергея Лаврова и Вальтера Штайнмайера. Диспут обсуждался вплоть до 2017 г. и в мае на публичной встрече департамента по проведению дня памяти 75-летия Победы в ВОВ, состоящего из членов и руководителей ведомственных структур субъектов РФ, – «Победа». Предыдущая дискуссия была переведена в нормативное утверждение: главенствующие права о ведении аспектов общественной дипломатии РФ были закреплены за федеральными структурами Волгоградского региона.

Всемирная Федерация Породненных Городов (ВФПГ) была создана в 1957 г. Инициатива и концепция деятельности была одобрена субъектами государств-союзников 26 апреля этого же года в Эксле-Бен. Число городов, установивших коллегиальные связи с Волгоградом, на международной арене с течением времени пополняют коллекцию федеральной организации побратимов. Годовые стремления укрепить коллегиальный арсенал международной обороны составили к 2019 г. 45 городов-единомышленников [6].

Стратегия ассоциации городов-побратимов на сегодняшний день объединила большое количество наций, народов и их политических лидеров, а также гражданские организации и иные субъекты, представляющие внутреннюю политику государства и таким образом влияющие на процесс становления внешнеполитического лидерства. Города, завязавшие давние исторические связи, нашедшие точки для совместного сотрудничества в рамках нашего форума сейчас находятся на стадии внутренней политической гармонизации и внешнеполитической безопасности. Кроме того, данное сотрудничество происходит за счет продвижения деятельности международных экономических, социальных, культурных организаций, спортивных и иных объединений, которые провоцируют рост конкурентоспособности двух или нескольких государств на мировой арене.

Инструментом по осуществлению созданной общественной дипломатической политики иностранных регионов, в том числе и ведущего субъекта РФ, в этой специализации должны служить в пер-

вую очередь молодежные организации, группы, способные повлиять на регуляцию будущих отношений мировых держав.

Список библиографических ссылок

1. Никольсон Г. Дипломатия / пер. с англ. под ред. и с предисл. А. А. Трояновского. М.: ОГИЗ. ГОС. ИЗД-ВО ПОЛИТ. ЛИТ., 1941 (дата обращения: 25.05.2019).
2. Най Дж. «Мягкая» сила и американо-европейские отношения // Свободная мысль-XXI. 2004. № 10. С. 33–41.
3. Dr Adam Humphreys & Dr Burak Kadercan «International Relations. URL: <http://www.freemediaonline.org> (дата обращения: 25.05.2019).
4. Кеохейн Р. Международные отношения: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления / под ред. Р. И. Гудина, Х.-Д. Клингеманна. М.: Вече, 1999.
5. URL: <https://www.investvlg.ru> (дата обращения: 25.05.2019).
6. URL: <http://goroda-pobratimyy.ru> (дата обращения: 25.05.2019).

© Гринькова А. А., 2019

* * *

*С. Д. Гаврилов, Т. П. Коломейцева,
Волгоградский государственный университет*

**ОБЩЕСТВЕННАЯ ПАЛАТА
ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПОЛИТИКИ**

Политические процессы современного российского государства, детерминированные совокупностью мягких авторитарных практик и демократических принципов, демонстрируют актуализацию гражданско-политического участия, проявляющегося в активном взаимодействии органов государственной власти и местного самоуправления с представителями гражданского общества. Одной из форм подобного взаимодействия является гражданский контроль – совокупность принципов и процедур, определяющих деятельность населения, направленную на проверку реализации политической власти, политических решений на предмет соответствия законодательным установкам и правилам, а также пресечению возможных нарушений. Как отмечает отечественный исследователь А. А. Гончаров, посредством контроля «...общество определяет основные направления политики государства, корректирует процесс ее реализации, участвует в решении всех общественно значимых вопросов... и имеет возможность влиять на эти решения» [1, с. 6]. Иными словами, через призму гражданского контроля представляется возможность налаживания партнерского диалога в ряде «власть – общество», что обеспечивает реализацию публичной политики.

Первым институтом, осуществляемым практики гражданского контроля в России, стала Общественная палата, созданная по инициативе государства в 2005 г. как аккумулятор и ретранслятор общественного мнения и интересов.

Причиной создания института, по мнению Ж. В. Пузановой и Д. А. Захарьян, стала необходимость в механизмах взаимодействия власти и общества, ранее отсутствовавших, а также «необходимость осуществления контроля над деятельностью власти со стороны граждан» [2, с. 56]. Несмотря на существование других организаций,

таких как «Голос», «Гражданский контроль», «Национальный комитет общественного контроля», именно Общественная палата сегодня является ключевым актором гражданского контроля.

Общественная палата Волгоградской области представляется авторами как активный участник общественно-политической жизни региона. Таким образом, на Общественную палату как на «регионального эксперта» в сфере общественной деятельности возлагаются задачи согласования интересов граждан, выработки единой общественной позиции по социальным, экономическим и общественно-политическим вопросам, а также предоставления площадки для взаимодействия населения с органами власти в целях учета общественного мнения.

В 2017 г. Губернатор Волгоградской области А. И. Бочаров на заседании Общественной палаты принял решение усилить гражданский контроль в регионе, обосновав стремления общественников «осуществлять взаимодействие, вносить предложения и помогать, а не заниматься популизмом, пытаться зарабатывать свой капитал и решать свои личные задачи» [3]. Как отметил Евгений Калинин, член Клуба экспертов Нижнего Поволжья, подобного рода решения обусловлены необходимостью «получения объективной информации именно от населения, что повысит не только осознание необходимости ведения публичной политики, но и ответственность местных властей перед жителями региона, а также ужесточит дисциплину органов власти в отношении своих полномочий» [4].

В рамках обсуждения роли Общественной палаты в процессе публичной политики целесообразно указать на регулярные встречи Губернатора с представителями региональной Палаты. В частности, в сентябре 2018 г. в ходе установочной встречи представителей Общественной палаты сформированного VI созыва А. И. Бочаров вновь подчеркнул «важную роль органа в работе властей в целом», а также назвал Общественную палату «ядром» общественного контроля в Волгоградской области. В представлении Губернатора, благодаря деятельности Общественной палаты «сформировано серьезное сообщество экспертов по каждой из областей развития региона, обозначенных как приоритетные» [5].

Доказательствами включенности Общественной палаты в политический процесс региона представляются следующие примеры

по итогам 2018 г.: во-первых, инициатива общественников о проведении референдума о переводе местного времени на час вперед; во-вторых, деятельность палаты по оказанию помощи в сфере долевого строительства, защите трудовых прав граждан, определении приоритетов дальнейшего развития сферы культуры. По инициативе Губернатора на базе Общественной палаты создана рабочая группа по вопросам тарифообразования, целью которой является разъяснение положений нововведений [6]; в-третьих, новая практика включения Общественной палаты в электоральный процесс, выраженная в осуществлении общественного наблюдения представителями общественных организаций региона и их координации Общественной палатой.

Внимания также заслуживают события по вопросу Социального кодекса Волгоградской области. В частности, как сам кодекс, так и его видоизменение разрабатывались в совместном сотрудничестве региональной власти с Общественной палатой. В основу поправок было положено увеличение помощи, в первую очередь инвалидам, ветеранам и молодым семьям. Как отмечает информационное агентство «Волга – Медиа», подобное решение было принято органами власти с учетом мнения жителей регионов, что представляет собой значительный вклад в развитие публичной политики в регионе [7]. Указанный опыт взаимодействия власти и общества отметил Президент РФ В. В. Путин, назвав его «опытом, достойным тиражирования» (применения данных результатов в процессе изменения кодекса другими регионами) [8].

Актуально упомянуть еще одно событие, в котором Общественная палата выступила как общественный эксперт. В частности, в конце года состоялось заседание по вопросам туризма, на котором присутствовали представители института гражданского контроля, а также депутаты профильного комитета Областной Думы (руководитель: Александр Осипов). В ходе него общественниками были предложены меры для развития туризма: «разработать стратегию образовательного туризма; создать другие «объекты показа», помимо Родины-матери и музея-панорамы, а также сформировать экспертный совет для подготовки и разработки программы по развитию туризма в Волгоградской области» [9], которые были направлены в региональные представительные органы власти.

Таким образом, 2018 г. показал позитивно заданный темп взаимодействия субъектов политики региона, в рамках которого Волгоградская Общественная палата выступила как эксперт не личной и корпоративной заинтересованности, но как выразитель общественного мнения. Однако стоит не забывать, что Общественная палата является лишь совещательно-консультативным органом, ее предложения и меры не обладают обязательным характером; следовательно, органы власти полноправны и самостоятельны в принятии политических решений.

Список библиографических ссылок

1. Гончаров А. А. Сущность и понятие гражданского контроля // Управление общественными и экономическими системами. 2011. № 2. С. 1–14.

2. Пузанова Ж. В., Захарьян Д. А. Общественная палата Российской Федерации как инструмент взаимодействия общества и власти: подходы к оценке эффективности деятельности // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2014. № 2. С. 52–59.

3. РИАЦ – политика. URL: <http://riac34.ru> (дата обращения: 15.02.2019).

4. Волга – медиа. Усиление общественного контроля в муниципалитетах одобрили эксперты от 15.08.2017. URL: <http://vlg-media.ru> (дата обращения: 15.02.2019).

5. Волгоградская правда. Новые задачи: чем займется VI созыв Общественной палаты Волгоградской области от 14.09.2018. URL: <https://vpravda.ru> (дата обращения: 15.02.2019).

6. Городские вести. В Волгоградской области сформировали Общественную палату VI созыва от 13.08.2018. URL: <http://gorvesti.ru> (дата обращения: 15.02.2019).

7. Волга – медиа. В Волгограде обсудили поправки в Социальный кодекс от 11.10.2018. URL: <http://vlg-media.ru> (дата обращения: 15.02.2019).

8. МКРу. Социальные инициативы губернатора одобрила Общественная палата от 16.10.2018. URL: <https://volg.mk.ru> (дата обращения: 15.02.2019).

9. Общественная палата Волгоградской области. Общественники предложили сформировать единый региональный экспертный совет для подготовки и разработки программы по развитию туризма в Волгоградской области от 28.11.2018. URL: <http://opvo.volganet.ru> (дата обращения: 15.02.2019).

© Гаврилов С. Д., Коломейцева Т. П., 2019

* * *

*А. Н. Гулевский,
Волгоградская академия МВД России;
Н. А. Гулевская,
Волгоградский государственный технический университет*

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ВОЙНЫ В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ

Несмотря на то, что война признается важнейшей социальной проблемой, человечество продолжает настойчиво обращаться к войнам как к средству решения социально-политических проблем. Особенно актуальной проблема войны становится сегодня в связи с резким обострением международных отношений и продолжающимся финансово-экономическим кризисом. Решению проблемы войны может способствовать философская мысль, которая на протяжении своей длительной истории активно изучала феномен войны. Рассуждения философов можно систематизировать в ряд концепций. По вопросу отношения к войне, ее оценке, исторической роли можно выделить следующие концепции:

1. Пацифизм. Адептом данной концепции был Эразм Роттердамский, считавший, что война представляет собой узаконенный вид преступления. То, что запрещено в мирной жизни, разрешается войной. В защиту пацифизма и мирного решения проблем выступал

и русский философ Л. Н. Толстой, участник Крымской войны, он видел все ее ужасы.

2. Милитаризм. Некоторые мыслители наоборот видят в войне позитивное начало. К таким философам следует отнести голландца Р. Штейнмеца, утверждавшего, что война развивает все стороны общественной жизни от политики и экономики до права, науки, нравственности, искусства. Такой подход восходит к идеям Гераклита, утверждавшего, что война – есть отец всего существующего. К сторонникам милитаризма следует отнести и взгляды немецкого философствующего генерала Э. Людендорфа.

3. Менее радикальной позиции придерживался Г. Гегель, считавший, что противоречия и борьба являются ключом к прогрессу. Также и И. Кант полагал, что война выводит человека из состояния застоя, заставляет развивать свои задатки и способности. Но в итоге,

когда они разовьются, человек должен бросить войну, осознав, что мир все же лучше. Английский философ А. Тойнби полагал, что война является своеобразной формой вызова, негативного фактора, ведущего к тому, что сообщества принимают вызов и начинают активно созидать, порождая цивилизацию. Так, по его мнению, было с Древней Грецией, которая добилась выдающегося прогресса после военной победы над Персией.

3. Реализм. Сторонники этой концепции понимают все отрицательные стороны войны, но полагают, что ее можно использовать как инструмент в руках политических деятелей для прагматических целей. Если война приводит к быстрому и эффективному решению проблемы, то она разумна и оправдана. Выразителем такого подхода следует считать Н. Макиавелли, а также К. Клаузевица.

В отношении природы войны, ее сущности также можно выделить несколько концепций:

1. Природа войны лежит в социальных противоречиях между людьми или коллективами людей. Среди таких противоречий можно выделить экономические, политические, культурные, религиозные противоречия. Среди представителей можно выделить Ф. Фукуяму, К. Маркса, К. Клаузевица, С. Хантингтона. В рамках понимания войны как социального феномена стоит и понимание войны как культурного явления. М. Кревельд выделяет войны за справедливость, веру, выживание культурной общности. Похожую теорию

выдвигал русский религиозный философ В. Соловьев, утверждавший, что справедливая война, как борьба со злом, с источником зла не должна осуждаться. Если человек борется за справедливое дело, то осуждать его нельзя, особенно если он борется не со злым сердцем, а с желанием добра. Такое понимание войны выражает особенность русской православной культуры, внутри которой формируется и понимание природы войны как противостояния, за которым стоят Бог или дьявол.

2. Война как биологический феномен. Биологическая борьба за доминирование в стаде, за доступ к пище и размножению переносится из мира природы в мир людей. По мнению К. Лоренца, агрессия носит природный характер, а война – есть вид агрессии. Сходных позиций придерживался З. Фрейд, который ввел понятие инстинкта смерти и саморазрушения, находящегося в бессознательном, наряду с инстинктом любви. К биологическому подходу следует относить расовую теорию, которую развил Ж. Гобино. По его мнению, расы неравноценны и одни могут властвовать над другими с помощью насилия. К биологическим подходам следует относить и учение Т. Мальтуса, полагавшего, что война решает вопрос численности населения земли, которая не может прокормить стольких людей, и поэтому война становится регулятором численности людей.

3. Представители экзистенциальной философии рассматривают войну с точки зрения человеческой индивидуальности, личных переживаний. Война выступает в качестве некой пограничной ситуации, в которой человек живет подлинно, т. е. выходит за рамки иллюзорной жизни, где все окружающее не истинно. Сторонником такого подхода был М. Хайдеггер. Сходную позицию занимал Л. Н. Толстой, который в своем знаменитом романе «Война и мир» показал фальшивость человеческого существования в мирной жизни и войну, раскрывающую человека в его истинных качествах. Романтизация и эстетизация войны обнаруживаются у Ф. Ницше и М. Лермонтова.

© Гулевский А. Н., Гулевская Н. А., 2019

* * *

*Н. А. Гулевская,
Волгоградский государственный технический университет;
А. Н. Гулевский,
Волгоградская академия МВД России*

МЕМОРИАЛЬНЫЕ ВОЙНЫ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

К сожалению, все чаще с экранов телевизоров и страниц новостных изданий мы слышим о том, что в странах Балтии, Польше и на Украине происходят осквернения памятников советской истории, вандализм в отношении могил советских солдат, извращение смысла истории. Некоторым может показаться, что это дело отдельных групп радикального националистического толка. Отчасти это утверждение можно считать верным, однако, на наш взгляд, данный процесс носит целенаправленный и более масштабный характер, представляя собой часть глобального и опасного процесса.

В 2014 г. в Польше, в г. Лиманове, снесен памятник советским воинам, якобы портивший своим видом ландшафт местного парка. В 2015 г. в Польше, в г. Нова-Суль, снесли памятник, посвященный советско-польскому братству, а также памятнику генералу Ивану Черняховскому в г. Пененжно. По состоянию на декабрь 2016 г. на Украине снесено и демонтировано около 1 300 советских памятников. В 2016 г. в Латвии, в г. Лимбажи, уничтожен памятник советским морякам. В Вильнюсе в 2015 г. снесены скульптуры рабочих и солдат в центре города. Уничтожение исторических памятников осуществляется руками ИГИЛ в Сирии.

Памятники имеют культурно-историческое значение, в них запечатлены культурные коды, политическая семантика, несущая информацию о государственном строе. Почему тема памятников, их охраны стала так актуальна в последние годы? Исторические памятники выполняют также идеологическую функцию. Процесс установки или наоборот сноса памятника — это, прежде всего, материальное выражение отношения государства или нации к каким-либо событиям, историческим фактам, личностям, к прошлому своего Отечества. Разрушить памятник — это трансформировать историческую

память нации. На наш взгляд, подобные тенденции деструктивны и обозначают отсутствие у государства взвешенной политики памяти.

Некоторые исследователи полагают, что для многих государств – это попытка освободиться от советского прошлого. Часто высказывается точка зрения, что памятники просто не вписываются в новый архитектурный ландшафт города. Уничтожение старых памятников во многих городах и странах может объясняться повсеместной победой постмодернизма в Европе. Постмодернизм с его идеей «деконструкции» всех прежних гуманистических ценностей, которые исчезли, либо деградировали и должны быть полностью изъяты из глубин сознания местного населения, либо стать как минимум равноправными с конкурирующими системами ценностей. Так, на Украине происходит героизация националистов, сотрудничавших с фашистами в годы Второй мировой войны. Борьба с памятниками свидетельствует также о том, что общество находится в состоянии поиска парадигмы новой идентичности и временной социально-экономической неустойчивости, так как памятники являются важнейшим элементом, формирующим историческую память народа, преемственность поколений. По этой причине памятники – это не просто скульптуры/монументы/изваяния, но символы, хранящие важную информацию о жизни народа, своеобразные маяки для граждан, не позволяющие сбиваться с выбранного пути исторического развития. Война с памятниками представляет собой элемент войны, часть так называемых войн памяти или мемориальных войн, в результате которых формируются новые исторические нарративы. Война за память не является чем-то новым. Можно вспомнить уничтожение языческих памятников христианами, уничтожение христианских памятников мусульманами или разрушение статуй в Риме варварами. В начале XX в. в советской России уничтожались памятники церкви и самодержавию.

Термин «мемориальная война» еще не утвердился в научном словаре, однако за этим явлением скрывается глубокий смысл. Дело в том, что современная информационная цивилизация вносит коррективы в представления о войнах и способах их ведения. Информационная война нового поколения включает в себя не только ведение горячей войны новыми современными средствами, но и различные стратегии подавления информационного поля противника, в том числе на ментальном уровне. Геополитическая борьба за постсовет-

ское пространство продолжается. Запад пытается навязать здесь образ России как врага, способного вернуть в любой момент свое прежнее влияние в бывших советских республиках, в то же время как Россия стремится вернуть добрососедские отношения и, возможно, в перспективе использовать эти республики как союзников в борьбе с НАТО. Память народа представляет собой информационное пространство, которое необходимо сохранять, защищать и мобилизовать в нужный момент. Осквернение советской истории, унижение заслуг СССР в деле формирования международного порядка представляет собой завуалированную форму борьбы с Россией, что необходимо четко осознавать. Россия была исторической родиной Великой Октябрьской революции 1917 г., именно она является преемницей СССР и, собственно говоря, тем, что от него осталось. «Подкоп» под СССР – это завуалированные действия агрессивного характера против суверенитета современной России, попытка изменить статус РФ как геополитического игрока. С прискорбием фиксируем, что уничтожение советского прошлого в средствах массовой информации (отечественных и зарубежных) или на страницах учебников – есть целенаправленное ослабление исторически сложившейся системы духовно-нравственных ценностей народа России, которая хоть и отошла от советских культурных ценностей, но все же является неотъемлемой частью советского наследия, без которого нация теряет почву «под ногами». Вся эта культурная борьба имеет огромное значение в свете укрепления патриотизма, усиления национального иммунитета. По нашему мнению, это требует особого внимания к данной проблеме, возможно разработки специального социального института или механизмов, контролирующих ситуацию в сфере исторической памяти. Необходимо пресекать попытки трансформаций содержания исторической памяти, противодействовать ослаблению таких феноменов как национальная гордость, духовно-нравственный суверенитет, чувство достоинства за подвиги дедов и прадедов. Государство и социальные институты в целях обеспечения национального суверенитета Российской Федерации обязаны проводить политику, направленную на сохранение исторической памяти.

© Гулевская Н. А., Гулевский А. Н., 2019

* * *

АЛЕКСИС ДЕ ТОКВИЛЬ И ДЖОН СТЮАРТ МИЛЛЬ О ДЕМОКРАТИИ: ОПАСНОСТИ И ВОЗМОЖНОСТИ

Демократия как форма политической организации общества является предметом изучения философов, политологов, социологов, юристов и других ученых уже на протяжении нескольких веков. Первыми весомый вклад в изучение демократии внесли древнегреческие философы, которые довольно скептически относились к народовластию, однако признавали за ним наличие ряда преимуществ. Схожее восприятие демократии прослеживалось и у более поздних мыслителей. При классификации демократий наиболее часто выделяют английскую, американскую и французскую модели. Преимущества и недостатки первой описаны британским философом, социологом, экономистом и политическим деятелем Джоном Стюартом Миллем (1806–1873) в сочинении «О свободе» (1859), второй и частично третьей – в трактате французского политического деятеля Алексиса де Токвиля (1805–1859) «Демократия в Америке» (1835). Целью настоящей работы является анализ и критика приведенных авторами аргументов относительно «плюсов» и «минусов» народовластия и их актуальности в условиях современного общества.

В качестве главной опасности, которую влечет за собой демократия, и Милль, и Токвиль видят «тиранию большинства». Люди, стремясь освободиться от авторитарного правления, при котором правит один человек или небольшая группа, и установить народовластие, зачастую и не подозревают о том, что народ может угнетать сам себя. Однако на практике оказывается, что воля народа – это лишь воля большинства, которое имеет естественное желание подавлять интересы остальной части населения. При этом несмотря на то, что тирания народа не так жестока по сравнению с тиранией в несвободных режимах в своих отдельных проявлениях (например, уголовное законодательство), она куда более опасна ввиду своей способности «глубоко проникать во все подробности частной жизни и кабалить самую душу» [1].

Развивая данную идею, Милль и Токвиль выделяют сферы жизни общества, в которых наиболее явно прослеживается нездоровое влияние большинства на меньшинство. Так, в силу свойственных демократии свободы мысли и печати каждый человек имеет право придавать огласке собственные убеждения, пусть даже противоречащие устоявшимся идеям и мнениям, однако в обществе такой индивид подвергается всеобщему осуждению, становится изгоем. В итоге, остерегаясь подвергнуться остракизму, меньшинство старается следовать большинству во всех его проявлениях или по крайней мере делать вид подчинения общим устремлениям и начинаниям. Сегодня подобное явление прослеживается в Западной Европе.

Правлению большинства также свойственна нестабильность и непоследовательность: обращая внимание на какой-либо общественный институт, общество понуждает чиновников забыть о старой повестке дня и скорее заняться решением более актуальных, по его мнению, вопросов. Указанное обстоятельство распространяется и на законодательную деятельность в демократических государствах.

Среди основных недостатков народовластия Токвиль считает низкое качество законов, принимаемых большинством, а также частую смену одних законов другими, что во многом связано с короткими сроками полномочий парламентариев. Демократический законодатель преследует благую цель, но при этом неумело распоряжается средствами ее достижения, и в этом он существенно отличается от законодателя аристократического. Последний более грамотно использует и трактует уже имеющиеся законы, а также планирует принятие и реализацию будущих.

Представленный Токвилем аргумент отчасти актуален и сегодня, что подтверждается рядом доказательств. Во-первых, в недемократических режимах суверену приходится придумывать и осуществлять долгосрочные стратегии по изменению законодательства, важного инструмента, позволяющего заполучить и сохранять власть, а также контролировать общество. Например, глава Таджикистана Эмомали Рахмон для укрепления и удержания собственной власти не только внес изменения в конституцию страны, предоставляющие ему право неограниченное количество раз переизбираться на пост президента, но и, желая придать себе сакральный статус, осуществил

долгосрочную культурную реформу, основными элементами которой стали обязательное переименование имен и фамилий граждан на таджикский манер, изменение традиционных национальных обрядов, поощрение повсеместного использования таджикского языка, а также запрет ношения мусульманской одежды в пользу национальной таджикской. Во-вторых, в демократиях англо-саксонской правовой семьи писанные законы действительно далеки от совершенства: многие из них устарели и не соответствуют сегодняшним реалиям, дублируют друг друга или попросту нелогичны и даже вредны. К тому же в подобных государствах закон имеет меньшую значимость по сравнению с судебным прецедентом. С другой стороны, во многих современных демократиях, в особенности западноевропейских, имеются довольно качественные законы. В любом случае описанная Токвилем слабость демократических законов не несет в себе большой опасности, поскольку стабильность демократических режимов скорее зависит от политической и социальной культуры общества, его материального благосостояния и уровня безопасности, чем от качества нормативных правовых актов.

Как отмечает Токвиль, слабые стороны демократии очевидны и «поражают с первого взгляда», в то время как «достоинства открываются лишь со временем» [2]. Основным преимуществом демократии французский мыслитель считает ее свойство способствовать благосостоянию большинства. Население демократических государств, тщательно защищая свои права, не дает своим представителям возможности преследовать чуждые народу интересы и цели и не позволяет не оправдавшим доверие чиновниками надолго оставаться у власти. В условиях демократии приходящие к руководству обществом люди могут в силу различных причин, в том числе собственной бесчестности или некомпетентности, совершать серьезные ошибки, но они ни при каких условиях не смогут постоянно вести политику, враждебную народу. Именно в силу указанных выше причин в демократиях «непрерывный процесс управления» в целом приносит пользу. Доводы Токвиля представляются верными, а их подтверждением служит сегодняшняя политическая обстановка в США. Вступив на пост президента, Дональд Трамп стал принимать политические решения, против которых выступила значительная часть американского общества. В 2017 г. Трамп активно прово-

дил политику ужесточения миграционного законодательства, следствием чего стали многотысячные митинги и демонстрации, а также частичная судебная блокировка соответствующих указов президента, в результате которых нынешнему американскому правительству пришлось отказаться от ряда планировавшихся инициатив.

В качестве еще одного аргумента Милль и Токвиль выделяют такую важную функцию демократии, как воспитание гражданского общества. Постоянное участие народа в управлении государством, пусть порой оно и приводит к печальным последствиям, расширяет сознание, развивает интеллект, повышает самоуважение и активность как общества в целом, так и отдельных его членов. Таким образом, демократия косвенно влияет и на экономический рост государства. Как справедливо утверждает Дж. Милль, активность граждан в экономической сфере «имеет великое значение для народного воспитания», позволяет индивидам переключить свое внимание с «личных и семейных стремлений» на общественные интересы и цели, «которые соединяют, а не разъединяют людей» [1].

Демократические учреждения придают людям необходимую энергию и силу, благодаря чему они совершенствуют общество, даже не замечая этого. Нельзя не согласиться с данными утверждениями французского и британского мыслителей, ведь сегодня большинство мест в рейтингах наиболее сильных экономик мира занимают демократические государства с развитым гражданским обществом, а редкие исключения, вроде Китая, лишь подтверждают правило.

Уинстон Черчилль справедливо отмечал следующее: «Демократия – наихудшая форма правления, за исключением всех остальных, которые пробовались время от времени» [3]. Следует полагать, что Милль и Токвиль охотно согласились бы с высказыванием британского государственного деятеля. Суждения об основных преимуществах и недостатках народовластия у английского и французского мыслителей во многом схожи. Так, оба в качестве главной опасности, которую влечет за собой демократия, резонно выделяют «тиранию большинства», а также следующую за ней нестабильность демократического режима и непоследовательность политики демократических органов власти.

Список библиографических ссылок

1. Милль Дж. О свободе / пер. с англ. А. Фридмана // Наука и жизнь. 1993. № 11. С. 10–15; № 12. С. 21–26. URL: <http://filosof.historic.ru> (дата обращения: 15.04.2019).
2. Алексис де Токвиль. Демократия в Америке. URL: <http://baguzin.ru> (дата обращения: 15.04.2019).
3. Уинстон Черчилль. URL: <https://ru.wikiquote.org> (дата обращения: 15.04.2019).

© Ерыгин Д. А., 2019

* * *

*В. И. Ерыгина,
Белгородский институт развития образования*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В СОВРЕМЕННОЙ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ТЕОРИИ

Одним из молодых субъектов политических отношений, связанных с формированием и оправлением государственной власти в Российской Федерации, являются политические партии. Они занимают важное место в политической системе любого демократического общества, составляя ту его часть, которая, с одной стороны, демонстрирует свою независимость от государства, а с другой – вынуждена подчиняться правовым нормам, легализующим ее деятельность. На законодательном уровне проблема разграничения сфер влияния государства и политических партий, правило взаимного невмешательства указанных субъектов властеотношений в дела друг друга нашло отражение в отдельной ст. 10 Федерального закона «О политических партиях» от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ [1]. Эта норма специально была введена в данный закон, чтобы вероятно не допустить повторения советского опыта выполнения функций

государства правящей партией, фактического превращения последней в ведущий орган государственной власти. В связи с этим представляется актуальным исследование проблемы соотношения и взаимодействия государства и политических партий в научной литературе.

Новый взгляд на взаимоотношения государства и политических партий, ломающий предыдущие стереотипы классических теорий, идущих от Аристотеля и Монтескье, мы встречаем в работе известного французского политолога М. Дюверже «Политические партии». Исходя из анализа имеющегося исторического материала, он сделал вывод о том, что не государство в лице его органов, как в большинстве предыдущих теорий, а партии и партийные системы влияют на современные политические режимы. В связи с чем должны быть, по мнению мыслителя, пересмотрены доктрины конституционного права и конституционные нормы о принципе разделения властей, поскольку реальной властью обладают не парламент и правительство, а партия, их формирующая. Дюверже раскрыл механизм влияния структуры партий, их размеров и альянсов на авторитет правительства, парламента и президентской власти [2, с. 472–496]. Многие американские, английские, французские исследователи продолжили начинания Дюверже во второй половине XX в. и использовали функциональный подход и социологический метод при анализе роли политических партий в осуществлении государственной власти [3, с. 152–153; 4, с. 72].

Советские ученые-правоведы негативно воспринимали опыт зарубежных стран в развитии многопартийности, использовали исключительно классовый подход в определении и классификации политических партий, резко критиковали буржуазные партийные теории и превозносили роль коммунистической партии в советском государстве, но тем не менее внесли огромный вклад в развитие компаративистики, теорию государства и права, историю учений о государстве и политических партиях [3, 4, 5].

Большинство современных российских исследователей в основном применяют институциональный подход для рассмотрения различных аспектов правового регулирования политических партий. Первой монографической работой как в отечественной, так и в зарубежной литературе, посвященной сравнительному анализу «партийного

права» в разных странах мира, является исследование Ю. А. Юдина под названием «Политические партии и право в современном государстве» [6]. Автор подчеркивает важную роль партий в функционировании всего государственного механизма, определяет объем законодательной регламентации их образования, регистрации и деятельности, а также порядка финансирования, участия в выборах. Отдельное внимание ученый уделяет взаимоотношениям политических партий с государственным аппаратом, в частности с правительством, и парламентской деятельности партий. В целом Юдин придерживается той точки зрения, что партии прежде всего являются автономными структурами гражданского общества и выступают посредниками между обществом и государством [6]. Предметом исследования российских ученых-юристов являются правовые основы многопартийности, правовая институционализация политических партий. К числу таких специалистов в области «партийного права» относятся В. В. Лапаева [7], С. Е. Заславский [8], С. А. Авакьян [9], В. А. Лебедев, П. М. Кандалов, Н. Н. Неровная [10] и др. Большой вклад в разработку рассматриваемой проблемы внесли также российские политологи, например Б. А. Исаев, Ю. Г. Коргунюк, А. В. Кынев, А. Е. Любаров, Н. А. Михалева. Они глубоко проанализировали практику российских выборов, партийные документы и выявили, что в России преобладает правовое влияние государственных институтов на политические партии, а не наоборот. Многие российские исследователи обращают внимание на то, что в нашей стране не сложилось гражданское общество с его многочисленными институтами, включая политические партии, как результат собственной естественной эволюции, как социальный компромисс. Многопартийность управляется искусственно «сверху» и продолжает формироваться доминирующей политической силой в ее интересах, тем самым не отражая реального баланса ценностей [11]. О том, что наиболее значительную роль в государстве играют политические партии писали многие, отмечая, что они наделены эксклюзивным правом выдвижения кандидатов на выборах, что они пользуются поддержкой государства по итогам голосования. Но о том, что они являются самостоятельными формами гражданской самоорганизации, об их ответственности перед обществом, о том, что они выражают волю и интересы граждан, вырабатывают и реализуют поли-

тические программы, участвуют в формировании и контроле за деятельностью государственных и муниципальных органов [12, с. 24], работ не много, и отсутствуют научные дискуссии. Следовательно, идеи демократии, политического плюрализма, в отличие от западной литературы последних лет, пока еще не вошли прочно в проблематику отечественной правовой науки.

В целом эволюция теоретических воззрений о роли политических партий в государстве и их взаимоотношениях прошла длинный путь, состоящий из нескольких этапов: первый период характеризуется появлением идей о политических партиях как части общества, как правило, содержащих в себе некую разрушающую силу (IV в. до н. э. – XVI в. н. э.); второй период ознаменовался переходом к позитивной оценке роли партий в государстве, которое признало их существование на законодательном уровне и допустило к участию в организации власти посредством выборов (XVII – первая половина XIX вв.); третий период характеризуется глубокими теоретическими и эмпирическими сравнительными исследованиями роли политических партий в демократическом государстве, нашедшим свое выражение в специальных работах (вторая половина XIX – начало XX вв.); четвертый период связан с активизацией деятельности самих партий и возрастанием количества научных разработок, в которых анализируются проблемы правового регулирования и институционализации политических партий в основном учеными-конституционалистами и политологами, в меньшей степени специалистами в области теории государства и права (вторая половина XX в. – настоящее время). Не претендуя на исчерпывающий анализ всех имеющихся учений о соотношении государства и политических партий, автор настоящей работы попытался выявить основные подходы к исследованию данной темы:

- политические партии являются посредниками между гражданским обществом и государством, трансляторами общественного мнения;
- институционализация партий осуществляется посредством легализации их в законе и правовом регулировании деятельности;
- партии обеспечивают стабильность представительства в законодательных органах власти посредством регулярного участия в выборах;

- партии участвуют в реализации государственной политики, в разработке стратегии и тактики общенационального развития;
- от места и роли политических партий в обществе и государстве зависит структура политической системы социума и политический режим.

Несмотря на огромный массив литературы по теме взаимоотношений государства и политических партий, все-таки приходится признать, что она не получила какого-то завершенного исследования в конституционно-правовой науке и в теории государства и права и требует дальнейшего всестороннего исследования, исходя уже из новых методологических подходов.

Список библиографических ссылок

1. О политических партиях: федер. закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ (от 03.07.2018 № 178-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 29. Ст. 2950; 2005. № 1. Ст. 9; № 30. Ст. 3104; 2008. № 30. Ст. 3600; 2012. № 49. Ст. 6756; 2014. № 42. Ст. 5608; 2016. № 52 (ч. V). Ст. 7501.
2. Дюверже М. Политические партии / пер. с франц. М., 2002.
3. Бекназар-Юзбашев Т. Б. Партии в буржуазных политико-правовых учениях. М., 1988.
4. Федоров Ю. В. Буржуазные партии в политической организации капиталистического общества (Критика концепций политической партии в современной буржуазной социологии). Л., 1969.
5. Партии и выборы в капиталистическом государстве / отв. ред. В. Е. Туманов. М., 1980.
6. Юдин Ю. А. Политические партии и право в современном государстве. М., 1998.
7. Лапаева В. В. Право и многопартийность в современной России. М., 1999.
8. Заславский С. Е. Политические партии России: проблемы правовой институционализации. М.: Ин-т права и публ. политики, 2003.
9. Авакьян С. А. Конституционно-правовой статус политических партий в России: учеб. пособие. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011.

10. Лебедев В. А., Кандалов П. М., Неровная Н. Н. Партии на выборах: опыт, проблемы, перспективы. М.: Изд-во МГУ, 2006.

11. Шевердяев С. Н. Теоретические основания моделирования системы государственной власти и особенности их конституционно-правового выражения // Современные проблемы организации публичной власти: монография / рук. авт. колл. и отв. ред. С. А. Авакьян. М., 2014. С. 44–48.

12. Тихомиров Ю. А. Государство: монография. М., 2015.

© Ерыгина В. И., 2019

* * *

*В. А. Колесников,
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС*

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ В РОССИИ: СФЕРНАЯ ПРОЕКЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВА

Политический режим категория политической науки, характеризующая способ реализации политической власти. Как политическая реальность политический режим (демократический, авторитарный и др.) объективирован историческим процессом и отражает состояние основных сфер развития общества, например, на втором основном этапе постсоветского развития с 2000 г. по настоящее время.

В проекции на экономическую сферу политический режим отражает состояние экономики – производительных сил и производственных отношений, качество диверсифицированной собственности и субъектного управления последней в условиях отечественного капитализма с доминантой государственной собственности и государственных корпораций в Российской Федерации. К окончанию второго срока полномочий второго Президента РФ закрепили вариант государственного капитализма с симбиозом интересов крупного капитала и правящего класса и неисполнением принципа «отделения власти от собственности». Востребовано сегодня осмысление перспективы государственного капитализма в России и какую его

модель вводить в качестве перспективной. Эта тема была центральной на семинаре по проблемам переходной экономики ведущих российских экономистов под руководством академика В. А. Мартынова в ИМЭМО в 2008 г. [1, с. 3–24].

Важны фактор социальной сферы и выявление корреляции режима с жизнеобеспечением населения и поддержкой малозащищенных слоев. По оценке В. В. Путина в Послании Федеральному Собранию РФ 2019 г. в России 19 млн бедных граждан. Поэтому акцентировано утверждение ориентиров на социальную защиту и повышение уровня жизни граждан. При решении комплекса демографических проблем приоритетно формирование среднего класса (малый и средний бизнес – основа социальной базы демократического политического режима). Существен целевой ориентир на достижение высшего критерия качества государственного управления? [2, с. 7]. Его фокусирует Президент РФ в Послании 2019 г., направляя посыл и правящему классу (восходит к идее А. И. Солженицына) о том, что главная результирующая эффективности власти – «сбережение народа». Напомним также «когнитивный диссонанс» о препятствиях к преодолению инерции развития и почему надо смотреть на 25 лет вперед [3, с. 1].

В политико-правовой сфере значима проекция политического режима на утверждение демократического и правового государства, развитие институтов гражданского общества с недопустимостью абсолютизации как ценности «государства-державы». Не оправданно и «камуфлирующее» сведение феномена «государство» в строго научном и управленческом аспекте его определения (административно-управленческая система власти и органов государственного управления) к отождествлению с «государством-страной» (широкий определительный синоним) – например, государство-страна Россия с населением, территорией, недрами и ресурсами, государственной целостностью. Поэтому важно акцентировать управленческую и организующую определенность государства (в триединстве ветвей и уровней государственной власти и управления) – ответственность перед народом.

Для демократического государства как системы управления обществом на основе принципов народовластия, верховенства закона, разделения власти конкретная ценность – многонациональный народ

(носитель суверенитета и единственный источник власти согласно ст. 3 Конституции РФ) – граждане России! Государство, подчеркнем, не ценность, но политико-субъектная система управления страной и сбережения народа – высшей ценности России.

В культурной сфере важны ориентиры политического режима на культуру, во многообразии форм развития, но приоритетны – культивация правой культуры и повышение уровня политической культуры, участие граждан в управлении делами общества и государства. Сегодня востребовано заключение нового горизонтального контракта («партнерство») российской власти и общества на основе гражданской политической культуры. Важно обеспечить и переход от действующей модели «субъект-объектных» отношений между государством и обществом к перспективной – «субъект-субъектных отношений» с активными формами самоорганизации граждан и общественного контроля органов власти. Необходимо интенсифицировать поддержку среднего класса в отношениях с крупным бизнесом, государственными корпорациями и чиновничеством: тезисы о «налоговой гильотине», «не позволим кошмарить малый бизнес» остаются актуальными. При обеспечении перспективной модели государственного развития объективируется новая форма соотношения интересов – общество и государство смогут выступать равноправными субъектами строительства новой России.

В духовно-идеологической сфере – демократический политический режим ориентирован на результативность общественного мнения во влиянии на государственную власть. Для обеспечения государственного строительства демократической России существенна разработка и предложение обществу «общенациональной» идеологии» (о важности ее В. В. Путин заявил в 2000 г. [4, с. 2]) как особой формы политической идеологии в условиях многопартийного политического режима. В политической науке сегодня востребовано комплексное исследование взаимосвязи государственной и публичной власти [5, с. 20–30], а с этим конкретных форм эффективности проводимой государственной политики. Закрепляемый в системе отношений общества и государства приоритет общественных интересов коррелятивен целям стабильного развития и упрочению демократических институтов. Напротив, доминанта интересов государственной бюрократии в симбиозе с крупным финансовым капиталом

тормозит продвижение общества к устойчивой демократии, требует критичного осмысления.

Сферная аналитика российского политического режима востребована при исследовании субъектного потенциала элиты: «господствующая элита» и «элита развития». По мнению М. Н. Афанасьева [6, с. 83–86], в «элите развития» концентрируются ориентиры к разрешению противоречий современного постсоветского этапа развития. В. Ю. Сурков (идеолог «ручного управления») аргументирует перспективу развития посредством определений «долгого государства» и «глубинного народа», предлагает закрепить в РФ персонифицированную идеологию правления: «Необходимо осознание, осмысление и описание путинской системы властвования и вообще всего комплекса идей и измерений путинизма как идеологии будущего» [7, с. 1]. Напомним, что Н. Андреева в условиях перестройки настаивала на реабилитации «сталинизма», игнорируя историческую и политическую оценки культа личности XX съездом КПСС [8, с. 2]. Сферный подход приемлем и к исследованию оппозиции в условиях гибридного политического режима. Например, см. работы В. А. Гельмана, Н. В. Гришина, А. В. Кынева, Э. В. Шакировой и др. [9, с. 52–56; 10, с. 5–26; 11, с. 42–56; 12, с. 203–209].

В заключение отметим, что приверженность демократическому режиму с обеспечением политической стабильности в стране подтверждена Президентом РФ В. В. Путиным в ответе журналисту телеканала «Россия»: «Как бы там не ругали политическую систему в Китае, а деньги туда идут и прежде всего потому, что там стабильно, инвесторы знают, что они могут рассчитывать, что в ближайшие 5, 10, 15 лет их деньги не растворятся в результате каких-то политических потрясений. Это важнейшее условие стабильности. Это не значит, что мы должны сделать такую же систему как в Китае, но стабильность мы должны обеспечить, как обязательное условие развития, я об этом много раз уже говорил» [13, с. 4]. В Послании Президента РФ 2019 г. для сохранения политической стабильности аргументирована необходимость утверждения эффективного государства (не «глубинного») с перспективными моделями экономического развития и управления обществом и страной-государством (высокие технологии, инновационная форма развития и др.) [14]. В новом политическом курсе обретение действительных гарантий

суверенитета, национальной безопасности, конкурентоспособности – жизнеутверждения сильной России, устремленной в будущее.

Список библиографических ссылок

1. Государственный капитализм в России // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 12. С. 3–24.
2. Высший критерий качества государственного управления // Вестник Центра. Информационный бюллетень Центра проблемного анализа и государственного управленческого проектирования. 2015. № 5. С. 7.
3. Кувшинова О. В России начинается когнитивный диссонанс. Александр Аузан о преодолении инерции развития... // Ведомости. 2016. 8 июня.
4. Путин В. В. Интервью газете «Известия» (о национальной идее, «общенациональной идеологии») // Известия. 2000. URL: <http://kremlin.ru> (дата обращения: 19.04.2019).
5. Колесников В. А. Государственная власть и публичная власть: к исследованию взаимосвязи в современной России // Теоретические проблемы политических исследований. 2018. Т. 8. № 1 А. С. 20–30.
6. Афанасьев М. Н. Российская элита развития: запрос на новый курс. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2009. 132 с.
7. Сурков В. Ю. Владислав Сурков. Долгое государство Путина // Независимая газета. 02.11.2019. URL: <http://ng.ru> (дата обращения: 20.02.2019).
8. Андреева Н. Не могу поступаться принципами // Советская Россия. 1988. 12 янв.
9. Гельман В. Я. Политическая оппозиция в России: вымирающий вид // Полис. 2004. № 4. С. 52–69.
10. Гришин Н. В. Региональная оппозиция в России: чужеродный элемент в системе гибридного политического режима // ПОЛИТЕКС. 2014. Т. 10. № 4. С. 5–26.
11. Кынев А. В. Выборы региональных парламентов в России 2009–2013 гг.: от партизации к персонализации. М.: Центр «Панорама», 2014. 728 с.
12. Шакирова Э. В. Концепт гибридного политического режима в современной политологии как аналитическая рамка анализа Рос-

сийской политики // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 6. Ч. 2. С. 203–209.

13. Путин В. В. Пресс-конференция 20 декабря 2012 г. URL: maxpark.com (дата обращения: 15.04.2018).

14. Путин В. В. Послание Президента Российской Федерации 20 февраля 2019 г. URL: sk-news.ru (дата обращения: 23.02.2019).

© Колесников В. А., 2019

* * *

К. В. Корольков,
Северо-Кавказский федеральный университет

КРИМИНАЛИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА КАК ФАКТОР ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В настоящей работе рассмотрим ряд факторов, влияющих на поведение подростков в современном российском обществе.

Психологи отмечают особенность подросткового периода. Бурный физиологический рост, половое созревание, озабоченность тем, как он выглядит перед другими, – вот основные вопросы, волнующие подростка. В этих условиях, как известно, меняются статусы агентов первичной социализации. Данный феномен достаточно изучен, мы же останавливаемся на нем, чтобы отметить: в той или иной степени влиянию этого фактора подвержены практически все подростки.

Молодежная среда болезненно реагирует на негативные моменты кризисного состояния общества. Стремительное снижение уровня жизни сказывается сильнее всего на подростках, так как во все времена несовершеннолетние были и остаются наиболее «уязвимой» частью общества [1]. «Уязвимость» заключается в том, что отли-

чающие несовершеннолетних особенности (неустоявшаяся психика, несформированная до конца система ценностей) делают их более подверженными влиянию факторов, которым взрослые люди противостоят гораздо успешнее.

Не имея возможности законным путем удовлетворять свои потребности, многие подростки начинают добывать необходимые вещи и продукты в меру своих сил и возможностей, зачастую путем совершения преступления. Сказывается и катастрофическое положение с организацией досуга детей и подростков по месту жительства.

Существенным моментом предстает стремление подростков к личной безопасности. Групповая принадлежность, постоянное общение с членами своей компании служат надежной гарантией неприкосновенности, развивая при этом индивидуалистические настроения, эго- и группоцентризм, приоритет насильственных способов решения конфликтных ситуаций, рост агрессивности, разрекламированный СМИ.

Более того, указанные моменты служат надежной гарантией достижения некоего психологического комфорта, который приобретается и поддерживается за счет повышенного уважения со стороны сверстников из-за принадлежности к группе.

Влияние на подростка также оказывает отношение к преступности российского общества в целом.

В России в общественном сознании традиционно в отношении совершивших преступление и осужденных за это судом смешивались осуждение, любопытство и сочувствие, что отражалось и отражается в фольклоре и литературе. Сегодня правомерно говорить о том, что в российском обществе сформирована определенная криминальная субкультура. Черты ее проникли в повседневную жизнь граждан. Социальные психологи отмечают наличие в повседневном поведении россиян элементов, характерных для социально-психологического типа заключенного. Необходимо также обратить внимание на то, что в российском обществе есть значительное число людей, имеющих опыт, связанный с тюремным заключением. Эти люди являются носителями ценностей и стереотипов поведения, сформированных тюремной средой. Отношение к таким людям в нашем обществе не положительное, а скорее сочувственное, и уж точно не отрицательное.

Данный аспект (вновь) оказывает влияние не на отдельных подростков, в чьих семьях культивируются элементы подобной субкультуры, а на всех подростков российского общества, поскольку они сталкиваются с ними в обществе в любое время и в любом месте, видят по телевизору и в кино, читают в книгах, слышат по радио [2].

Следующий момент заключается в том, что советская модель отношений «государство – граждане» никогда не строилась на паритетных началах. Исторически сложилось так, что государство как институт редко обращало внимание, как воспринимает его те или иные политические шаги общество. Безразличие государства к реакции общества на действия власти обуславливало обреченность на неудачу в восприятии обществом любых ее инициатив, какими бы благими намерениями они не были движимы. Правильная интерпретация намерений власти в таких условиях невозможна. Таким образом, вакуум, разделяющий государство и его граждан, явился основной причиной не слишком сердечного отношения последних к государственным структурам и вообще всему, что от государства исходит. Закон как произведение государства также не воспринимался в обществе как «священная корова». Именно в годы застоя в народе появляется понятие «по блату»: достать дефицитный товар, купить вне очереди автомобиль, получить квартиру в обход существующих официальных правил считалось делом очень удачным и негласно поощряемым в массах как «умение жить». Данные опросов начала нынешнего века показывают, что большинство россиян (58,5 %) уверены: если закон противоречит здравому смыслу, то следует слушаться здравого смысла [3, с. 223]. В настоящее время, согласно статистике, по сравнению с 2000 гг., не произошло кардинальных изменений в отношении количества совершаемых преступлений, равно как и в отношении квалификации деяний: данные показатели остаются на примерно одном уровне, за исключением «вспышки» с 2005 по 2008 г. [4]. Таким образом, вряд ли позиции российских граждан по указанному вопросу существенно изменились.

Кроме того, отношение к закону проецируется людьми и на отношение к государственным органам, прежде всего к органам контроля. Пожалуй, ни одна профессия не имеет в народе столько нелицеприятных прозваний, как полиция.

Подобное негативное отношение к правоохранительным органам формируется не только у несовершеннолетних, воспитывающихся в неблагополучных семьях и, как принято говорить, составляющих так называемые «группы риска», а у подростков из любой семьи.

Указанные нами признаки глубокой криминализации российского общества влияют не на отдельных подростков, имеющих проблемы с семейным воспитанием. Поскольку криминализация пронизывает все слои российского общества, она накладывает свой отпечаток на мировоззрение практически всех подростков. Рабочий может не совершать квартирных краж, но нередко выносит с завода произведенную продукцию. Прораб не занимается грабежом, но частенько приторговывает «на стороне» стройматериалами. Народный депутат не занимается бандитизмом, но нелегально занимается предпринимательством. Таких примеров, к сожалению, можно привести великое множество, ими наполнено все наше общество. Но парадокс заключается в том, что люди вовсе не считают себя преступниками. Большинство граждан не совершают убийств, грабежей, краж, изнасилований и т. д., а менее значительные правонарушения как бы не в счет. Человек – не важно, рабочий или депутат – совершая такое «незначительное», на его взгляд, деяние, не считает себя нарушителем закона, но при этом он подает пример сыну, который также будет считать себя вправе совершать подобное, ведь он следует примеру близкого, авторитетного для него человека. Таким образом, пример преступной деятельности получает любой подросток, в независимости от своей принадлежности к тому или иному социальному слою.

Все перечисленные моменты, во-первых, каждый сам по себе, оказывают влияние на несовершеннолетних; во-вторых, указывают на широкую криминализацию российского общества, которая охватывает и несовершеннолетних. Вследствие всех перечисленных обстоятельств мы получаем следующую картину: криминализация российского общества нивелирует так называемые «группы риска» несовершеннолетних на предмет совершения преступлений, загоняя в одну большую «группу риска» всех российских подростков. Воспитываясь в российской семье, любой подросток не просто может – он подвержен опасности становления на преступный путь.

Список библиографических ссылок

1. Власова Э. Д. Роль институтов гражданского общества в реализации молодежной политики // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 5. С. 273–281.
2. Королькова Л. Н. Роль семьи как фактор, компенсирующий подростку десоциализирующее влияние социального окружения // НаукаПарк. 2011. № 2 (3). С. 35–37.
3. Олейник А. Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М.: ИНФРА-М, 2001. XIV, 418 с.
4. Статистика: преступность в России. URL: guxpert.ru (дата обращения: 21.05.2019).

© Корольков К. В., 2019

* * *

В. И. Косяченко,
Волгоградская академия МВД России

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

По данным Управления Министерства юстиции по Волгоградской области, на территории области зарегистрировано 5 487 некоммерческих организаций, из них: 262 – некоммерческих партнерства; 137 – автономных некоммерческих организаций; 1 945 – ТОСов; 2 205 – общественных объединений, 7 – региональных отделений политических партий «Всероссийская политическая партия «Единая Россия», «Коммунистическая партия Российской Федерации», «Правое дело», «Справедливая Россия», «Патриоты России», «Яблоко», «ЛДПР».

В целом общественно-политическая обстановка на территории Волгоградской области остается стабильной. Противоречий между политическими партиями и движениями, влияющих на обеспечение правопорядка, не отмечено. Расстановка основных политических сил в регионе не изменилась. Политическая активность заметно возрастает при проведении выборов в органы местного самоуправления. После выборов политическая активность в регионе резко снизилась.

Основными силами, как по численности, так и по своему влиянию в общественной, экономической и политической жизни Волгоградской области являются: Всероссийская политическая партия «Единая Россия», Коммунистическая партия Российской Федерации, ЛДПР. На основе анализа социально-политической ситуации в области региональное отделение политической партии «Единая Россия» занимает наиболее активную позицию. Перевес основных политических сил находится на стороне политической партии «Единая Россия» – об этом свидетельствует то, что численность членов партии составляет 33 494 человека. Местных отделений – 46, первичных – 1 499. Фракции «Единой России» имеются в Волгоградской областной Думе и Волгоградской городской Думе, представительных органах местного самоуправления городов и районов области.

Всплески политической активности отмечались среди сторонников КПРФ в связи с празднованием Дня весны и труда 1 мая и участием в мероприятиях, посвященных Дню Победы 9 мая и Дня России 12 июня.

В 2018 г. на территории области состоялись 8 569 массовых мероприятий, в том числе 90 митингов, 93 пикетирования и 14 шествий.

В целях недопущения противоправных действий и провокаций руководством ГУ МВД, органов внутренних дел г. Волгограда и области проводились встречи с лидерами и активистами политических партий и общественных движений в период подготовки значимых общественных и политических мероприятий. С организаторами мероприятий, уведомивших об их проведении, проводились обязательные предварительные консультации в целях обеспечения охраны общественного порядка и безопасности.

Религиозная обстановка

В Волгоградской области межконфессиональные отношения характеризуются взаимным невмешательством во внутренние дела религиозных организаций, сотрудничеством при осуществлении совместных благотворительных акций и мероприятий, отсутствием религиозных столкновений и распрей, наличием у представителей различных вероисповеданий терпимости к другим религиям. По данным отдела по связи и содействию религиозным организациям аппарата главы администрации Волгоградской области, количественный и качественный составы религиозных объединений на территории области не изменились.

На территории Волгоградской области действуют 387 религиозных объединений, из них 133 в г. Волгограде. Среди религиозных организаций по количеству прихожан наиболее многочисленны Русская православная церковь и Духовное управление мусульман. Христианские организации составляют 86,3 %, исламские – 4,2 %, иудаистские – 2,2 %, буддистские – 0,6 %, прочие – 6,7 %. Основная часть общественно значимых публичных мероприятий проведена Волгоградской епархией Русской православной церкви при поддержке администраций города и области.

Деятельности представительств зарубежных некоммерческих организаций, общественно-политических движений, иных общественных объединений деструктивной направленности по вовлечению молодежи, молодежных общественных организаций в процесс формирования выгодной для них электоральной обстановки не наблюдалось.

Работа с диаспорами и национально-культурными автономиями

Управлением Министерства юстиции по Волгоградской области зарегистрированы 46 национальных общественных объединений, из них 33 организации этнокультурной направленности действуют на территории г. Волгограда. Наиболее крупные этнические группы населения на территории Волгоградской области, кроме русских: украинцы (около 60 тыс.), казахи (около 50 тыс.), татары (около 30 тыс.), корейцы (25 тыс.), немцы (17,5 тыс.), кавказские и северокавказские диаспоры: около 20 тыс. чеченцев; 14 257 азербайджанцев; 26 974 армянина; 3 536 грузин; 2 604 даргинца.

Политическую активность национальных общественных организаций можно охарактеризовать как низкую.

В рамках деятельности по противодействию политическому и религиозному экстремизму при проведении крупномасштабных массовых и спортивных мероприятий:

- на постоянной основе проводится мониторинг межнациональных отношений на территории области;

- внесены предложения для включения в проект «Соглашения о взаимодействии между Главным управлением внутренних дел по Волгоградской области и Управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Волгоградской области в сфере контроля за деятельностью региональных отделений, иных структурных подразделений политических партий, общественных объединений, религиозных организаций, а также иных некоммерческих организаций;

- подготовлен ряд информационных материалов о мероприятиях ЦПЭ, н. п. ГУ МВД, направленных на противодействие проявлениям экстремизма в молодежной среде;

- в рамках Межведомственной рабочей группы при Управлении министерства юстиции по Волгоградской области организован обмен информацией о деятельности общественных объединений.

В целом в Волгограде и области сохраняется стабильная обстановка в сфере межнациональных отношений. Благодаря конструктивной совместной деятельности правоохранительных органов, органов государственной власти, местного самоуправления, национальных общественных объединений, религиозных организаций удастся избежать серьезных потрясений и конфликтных ситуаций на межэтнической и межрелигиозной основе.

Оказать негативное влияние на состояние оперативной обстановки и деятельность личного состава ГУ МВД по Волгоградской области и взаимодействующих органов во время подготовки и проведения крупномасштабных мероприятий и спортивных соревнований могут следующие условия:

- проведение в Волгоградской области торжественных мероприятий, посвященных празднованию Дня Победы (9 мая 2019 г.), в которых обычно принимают участие гости из субъектов РФ и граждане других государств как ближнего, так и дальнего зарубежья;

- прибытие зарубежных делегаций (часть из которых будут охранять личные вооруженные службы безопасности, сотрудники ФСО России) и иностранных граждан;
- значительная концентрация граждан на ограниченной территории (территория центрального стадиона, общественный транспорт);
- особый психологический настрой болельщиков и зрителей;
- установление ряда ограничений (полное или частичное прекращение движения транспорта, пешеходов, регулирование движения в определенных направлениях), введение предписаний о правилах поведения;
- массовое перемещение людей на железнодорожном и автотранспорте, обеспечение сопровождения объектов государственной охраны, VIP-персон и команд;
- необходимость оперативного досмотра больших групп лиц на наличие холодного и огнестрельного оружия, взрывных устройств и т. п.;
- активизация деятельности экстремистских и террористических организаций на территории Северо-Кавказского региона и планирование ими протестных акций криминальной направленности, в том числе террористических актов с использованием террористов-смертников;
- последствия мирового финансово-экономического кризиса, приведшие к экономическому спаду, безработице, повышению цен и т. д., которые могут вызвать акции протеста;
- несение службы в сложных погодных условиях.

© Косяченко В. И., 2019

* * *

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ – ПРЕДЧУВСТВИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ ВОЙНЫ ИЛИ МИЛИТАРИСТСКИЙ ПСИХОЗ?

Как отмечал российский философ и политолог А. С. Панарин, анализируя тренды мирового развития, XXI в. будет характеризоваться состоянием стратегической нестабильности, а Россию в нем ждет период геополитического одиночества [1, с. 308]. Тенденции современного военно-технического развития современных великих держав и особенности их военно-политических курсов позволяют предположить, что человечество входит в новый исторический военный цикл, повышающий угрозу межгосударственных конфликтов и глобальной войны.

Российские политологи исторически выделяют три полномасштабных военных цикла, разделяя их на депрессивные и экспансивные в зависимости от преобладания технологий мобилизации или уничтожения, и два предшествующих им протоцикла, которые в силу ограниченности уровня эволюции вооружений и государственных структур сложно отнести к какому-либо классическому циклу [2, с. 28–50]:

А. 1340–1494 гг. – депрессивный военный протоцикл, возможности уничтожения преобладают (феодальный доогнестрельный стандарт армии – рыцарь как основной военный ресурс, уникальный, дорогостоящий и сложновоспроизводимый);

Б. 1494–1648 гг. – экспансивный военный протоцикл, возможности мобилизации преобладают (швейцарское пехотное ополчение, распространение наемничества – в условиях появления даже несовершенного огнестрельного оружия с ограниченной эффективностью новый тип формирования европейских армий обесценил роль рыцарства);

В. 1648–1792 гг. – депрессивный цикл, возможности уничтожения преобладают (выставленные на поле боя шведским королем Густавом Адольфом легкие пушки, легкие мушкеты и достигнутая

новыми построениями боевых порядков высокая плотность огня позволили наносить неприемлемый урон большим и плохо обученным наемным армиям, Европа переходит к преобладанию компактной высокопрофессиональной армии и тактике ее сохранения в войне);

II. 1792–1945 гг. – экспансивный цикл, возможности мобилизации преобладают (появление нового мобилизационного ресурса – идеологии национализма, благодаря чему революционная Франция впервые выставляет на европейское поле боя массовую армию, появляется концепция «народных войн», вооруженного народа);

III. С 1945 г. по наши дни – депрессивный цикл, возможности уничтожения преобладают (создание и эволюция ядерного оружия и средств его доставки к цели обнулили смысл содержания огромных массовых армий с развернутыми мобилизационными резервами, мировая война стала невозможной под угрозой неизбежности взаимного уничтожения).

Смена данных циклов обуславливается сочетанием революционных открытий в сфере вооружений (способные пробивать доспехи арбалеты, изобретение пороха, многозарядность ружей, тяжелая бронетехника, оружие массового уничтожения и т. д.) и развитием политических режимов, приобретающих новые возможности вовлечения в войну все более широких людских масс (национальная идеология, возможность массовой вербовки военных наемников, всеобщий воинский призыв, тотальная мобилизация и т. д.) и материальных ресурсов. Основной инструмент внешней политики государства при депрессивном цикле – воздействие на политическую волю оппонента с целью склонения к уступкам невоенным путем («мягкая сила»), основной инструмент внешней политики государства при экспансивном цикле – война или военная угроза, проистекающая из разницы потенциалов («жесткая сила»).

На фоне антироссийских экономических санкций со стороны западных стран, постепенного снижения уровня жизни российского населения, формирования на границах страны антироссийских геополитических плацдармов (Украина, Грузия, Прибалтика), готовых при благоприятных для них условиях стать вектором военной экспансии, выдвижения иных территориальных претензий к Российской Федерации со стороны сопредельных государств [3, с. 22–29],

советское ядерное наследие видится как универсальная гарантия от нападения, а вероятностная нейтрализация его потенциала как основная угроза, сравнимая с военной катастрофой. Подобная ситуация геостратегического превосходства США над Россией становится вероятной в среднесрочной перспективе (10–15 лет) в связи с одновременным развитием двух процессов: сокращение количества стратегических наступательных вооружений (табл. 1) и наращивание систем глобальной противоракетной обороны, в том числе за счет размещения ее элементов в космическом пространстве.

Таблица 1

**Стратегические наступательные вооружения
США и Российской Федерации на 1 сентября 2018 г. [4]**

Категория	США	Россия
Количество стратегических носителей ядерного оружия (межконтинентальные баллистические ракеты, подводные лодки и тяжелые бомбардировщики)	659	517
Количество боеголовок, развернутых на межконтинентальных баллистических ракетах, подводных лодках и тяжелых бомбардировщиках	1 398	1 420
Общее количество развернутых и неразвернутых носителей ядерного оружия (межконтинентальные баллистические ракеты, подводные лодки и тяжелые бомбардировщики)	800	775

Отсюда проистекает острая ответная реакция российского руководства: от демонстрации новейших стратегических разработок («Сармат», «Авангард», «Кинжал») во время Послания Президента

Российской Федерации В. В. Путина Федеральному Собранию 1 марта 2018 г. [5], до заявления министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова о росте риска применения ядерного оружия [6]. Российские эксперты так же указывают на высокую вероятность перерастания силового противостояния между Западом и другими цивилизациями (включая Россию) в военное противоборство в 2020 г. [7, с. 18].

Учитывая рост экономической, культурной, социальной взаимозависимости цивилизаций, к которому привели человечество процессы глобализации, ответ на вызов нарастающей военной угрозы российскому обществу следует искать не только в военно-технической сфере, но прежде всего в социально-культурной плоскости международных отношений.

Список библиографических ссылок

1. Панарин А. С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Эксмо, 2004. С. 308–321.
2. Цымбурский В. Л. Сверхдлинные военные циклы и мировая политика // Полис. Политические исследования. 1996. № 3. С. 27–55.
3. Харыбин А. Н. Присоединение Крыма к России в 2014 году: особенности и основные проблемы // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2018. № 3 (23). С. 22–29.
4. New START Treaty Aggregate Numbers of Strategic Offensive Arms. The U. S. data in this Fact Sheet comes from the exchange of data required by the Treaty. Both sets of data are current as of September 1, 2018 / U. S. Department of State. Electronic text data. URL: <https://www.state.gov> (date of access: 22.02.2019).
5. Путин В. В. Послание Президента РФ Федеральному Собранию. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 05.03.2019).
6. Филипенко А. Лавров заявил о росте риска применения ядерного оружия из-за действий США // РБК. URL: <https://www.rbc.ru> (дата обращения: 05.03.2019).
7. Ваганов А. Геополитика – это следствие технологических средств ведения боевых действий // Военное обозрение. URL: <https://topwar.ru> (дата обращения: 05.03.2019).

© Морозов И. Л., 2019

* * *

ВЫБОРЫ И ОБНОВЛЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Политическая система – это совокупность институтов (государственных органов, политических партий, структур власти, движений и т. д.), в рамках которых проходит политическая жизнь общества и осуществляется политическая власть [1, с. 24]. Таким образом, институт выборов в политической системе современной России создан для ее динамичного развития посредством обновления основных структур власти.

Необходимость выборов и обновления представительных органов власти, по мнению Д. В. Новикова, «сводится к тому, что с их помощью граждане, реализуя принцип суверенитета, избирают субъектов политического управления [2, с. 102], т. е. тех, кто будет управлять, корректировать и направлять современный политический процесс. Следовательно, обновление органов власти нацелено на отбор лучших и способных кандидатов, которым следует делегировать властные ресурсы для развития политической системы.

Переходный период развития политической системы России представляет собой больше 20 лет реформ, модернизационных и демократических тенденций, которые в свою очередь трансформировали политическую систему России. Наиболее востребованным в современных реалиях стало появление института выборов представительных органов власти. Выборы по своей природе стали инструментом поддержания и укрепления демократических тенденций, обеспечивали стабильность, но в то же время развивали политическую систему конвенциональными формами обновления представительных органов власти после продолжительной партийной монополии. Как утверждает Ю. Н. Дорожкин: «Российская политическая система, обладая устойчивостью, тем не менее нуждается в дальнейшей модернизации» [3, с. 10].

Необходимо уточнить тот факт, что развитие политической системы современной России должно базироваться на равновесии политических сил и их интересов. В данном контексте актуально отметить действующий представительный орган власти в современной России – Государственную Думу РФ. Парламентарии представляют собой фракции, группу единомышленников, которые посредством своей деятельности «предлагают альтернативные решения, корректируют политику власти в целом и готовы сами сменить ее» [4, с. 100]. Следовательно, такая институциональная борьба «альтернативных решений» посредством выборов, избирательных кампаний позволяет дорабатывать и укреплять существующий политический курс, который в свою очередь стабилизирует и адаптирует политическую систему. Выборы, а в дальнейшем и обновление органов власти, позволяют населению самому определить доминирующие требования, которые на современном этапе необходимы для развития политической системы России. В таком контексте, с одной стороны сохраняется устойчивость и стабильность базовых институтов и правил, а с другой – «обновленный» состав представительных органов власти предлагает актуальные проблемные точки действующего курса в соответствии с ожиданиями и требованиями самого населения. Такая закрепившаяся практика способствует не только сохранению и совершенствованию политической системы современной России, но и легитимации властных структур. Таким образом, без оппозиции, без альтернативы, без предоставления выбора происходит «застой» политического процесса, а соответственно, и политической системы. Так, С. С. Бигазиева утверждает, что при таких обстоятельствах «политический режим утрачивает возможности к саморазвитию и, напротив, стремится к «окаменению» власти» [4, с. 100], а следовательно, и всего функционирующего в российском обществе, так как отсутствует адаптация под вызовы современности.

Однако российская практика обновления представительных органов власти на федеральном уровне свидетельствует о закрепляющемся застое политической системы. Это обусловлено, прежде всего, одной доминирующей партией (Единая Россия) на протяжении длительного времени, а также закрепившимся спектром оппозиционных сил (ЛДПР, КПРФ, Справедливая Россия). Такая система прочно укрепилась в политической жизни российского общества, а также

в научном дискурсе. Например, некоторые исследователи считают, что «помимо партий к 2007 г. оформилась политическая (в т. ч. партийная) система на ближайшее десятилетие» [5, с. 15]. Кроме того, имеет место быть и двоякое отношение к институту выборов в России. Помимо той части населения, которая проявляет свою гражданскую позицию и воспринимает выборы как необходимый элемент демократического развития, существует еще немало людей, которые отмечают декоративный, искусственный характер проводящихся в стране выборов и считают их бесполезным занятием [6, с. 71].

Начавшийся в 90 гг. XX в. переход к демократическим ценностям ставит перед властью определенные задачи по созданию условий закрепления этих ценностей на современном этапе. Современная оценка демократии в России в целом обобщается в единое мнение, что процесс демократизации еще не завершен, хотя и существуют ее отдельные институциональные черты. Следовательно, российское государство нуждается в развитии политической системы демократического образца. Как утверждает Н. Ю. Блинкова: «Без свободных и альтернативных выборов не может существовать демократическое государство» [7, с. 49], что априори подразумевает под собой обновление представительных органов власти в контексте развития политической системы современной России.

Различные социологические исследования отражают не доверительное отношение населения к действующим представителям органов власти, по мнению населения, они не могут стабилизировать положение дел в стране, а соответственно, и дальнейшее развитие. По результатам опроса аналитического центра Ю. Левады население считает, что помимо улучшения социальной сферы жизни (повышение уровня жизни, повышение з/п – 22 %; социальная политика – 10 %; безработица – 9 %; повышение пенсий – 8 %), необходимы политические изменения (смена власти – 7 %) [8]. Это свидетельствует о том, что существует прямая зависимость властных структур от функционирования политической системы, и совершенствование одного элемента этой зависимости приведет к развитию другого.

Таким образом, необходимость института выборов и обновления представительных органов власти связана, прежде всего, с демократическим развитием политической системы России. Кроме того,

обновление представительных органов власти подразумевает под собой свободный выбор населения наиболее актуального политического курса для социально-политической, экономической, культурной и т. д. сфер жизни. Однако российский опыт включения выборов в политическую систему еще окончательно не сформирован, поскольку и сегодня сохраняется высокий процент недоверия населения к данному институту, а также несовершенство избирательной системы в Российской Федерации, что, безусловно, выступает актуальной тематикой научного переосмысления данного процесса и его роли в развитии политической системы современной России.

Список библиографических ссылок

1. Кадлец В. А. Сравнительный анализ подходов к изучению понятия «политическая система общества» // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. 2015. № 11. С. 23–25.

2. Новиков Д. В. Институт выборов в системе российского политического монополизма // Приволжский научный вестник. 2013. № 9. С. 102–108.

3. Дорожкин Ю. Н. Актуальные проблемы модернизации политической системы современной России // Власть. 2012. № 10. С. 10–13.

4. Бигазилова С. С. Парламентская оппозиция как институт политической системы современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2010. № 3. С. 100–102.

5. Ахмедов Ф. А. К вопросу о политических технологиях оппозиционных политических партий (2007–2011 гг.) // Инновационные технологии в современных научных исследованиях: экономические, социальные, философские, политические, правовые, общенаучные тенденции. 2017. № 3. С. 15–17.

6. Омелечкин О. В. Политический выбор в России: факторы и мотивы // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 1. С. 71–76.

7. Блинкова Н. Ю. Политические партии как необходимый элемент политической системы общества (на примере Российской Федерации и федеративной республики Германии) // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2008. № 1. С. 48–50.

8. Аналитический центр Юрия Левады. Изменения и перемены от 19.06.2018. URL: <https://www.levada.ru> (дата обращения: 15.02.2019).

© Морозов С. И., Стемасова В. Ю., 2019

* * *

*Ю. Б. Прибытков,
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ И ГУБЕРНАТОРСКАЯ ВЛАСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Политическая стабильность в политологии рассматривается и как определенный результат и как условие политического развития [1, с. 82]. Она стала достижима в первые два десятилетия XXI в. в Российской Федерации посредством объективных и субъективных внутренних и внешних факторов.

В период либерального переустройства с трансформацией экономического уклада, распределением собственности в сторону создания класса собственников крупного капитала и деидеологизацией были поставлены под угрозу основы российской государственности и система национальной безопасности. Нарастание политических противоречий и общественной напряженности, проведение террористических атак и война на Северном Кавказе в целях обрушения территориальной целостности страны привели к необходимости проведения трансформации политики в сторону обеспечения политической стабильности.

Губернаторская власть в современной России неотделима от объективных и субъективных факторов трансформации всей системы политического управления в современной России. Категория «губернаторская власть» отражает как формальные и неформальные полномочия главы субъекта РФ в системе политического внутри-

государственного правления, его включенность в механизмы взаимодействия центральной, региональной и муниципальной власти.

На начало 2000-х гг. актуальны предпринятые меры по проведению политического курса на рецентрализацию политической системы и усиление вертикали исполнительной власти для обеспечения политической стабильности в России. Отметим наиболее значимые шаги, направленные на выстраивание новых отношений между центром и регионами:

- образование в начале семи федеральных округов (ФО), а в дальнейшем выделение восьмого из Южного ФО Северо-Кавказского ФО, института полномочного представителя Президента РФ, который по статусу приравнивается к вице-преьерам и федеральным государственным инспекторам по региону (представитель Президента в субъекте РФ);

- формирование института высших должностных лиц субъектов РФ по диалектическому закону отрицания отрицания с переходом от выборности высшего должностного лица субъектов РФ к формированию с подключением президентского начала и механизма выборности в региональном представительном органе (модель 2005 г.) и дальнейшим возвратом к выборности с включением механизма селекции «муниципального фильтра» ведущими партиями на региональном уровне в сцепке с новым институтом временно исполняющего обязанности высшего должностного лица субъекта РФ;

- закрепление и поддержание на общественно-политическом партийном поле лидирующих позиций партии центра – «Единой России». Большинство руководителей регионов входят в руководящий состав данной партии;

- укрепление влияния центральной власти на руководство субъектов РФ путем изменения порядка формирования Совета Федерации. В настоящий момент руководители регионов направляют в данный государственный орган своего представителя – члена Совета Федерации;

- образование 1 сентября 2000 г. Государственного совета как совещательного и консультативного органа при Президенте РФ;

- минимизация количественного состава субъектов РФ (объединение Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа, объединение Красноярского края с Таймырским и Эвенкийским АО);

- решение проблемы разграничения полномочий между уровнями власти в трехуровневой системе российской публичной власти;
- активизация взаимодействия органов власти и СМИ, формирование общественных СМИ;
- интенсификация формирования гражданского общества и действенного механизма общественного контроля посредством образования общественных палат на всех уровнях российской власти и общественных советов при структурах исполнительной власти;
- создание и деятельность Совета глав субъектов Российской Федерации при Министерстве иностранных дел РФ [2]. Данная структура предназначена для координации внешнеэкономической и политической деятельности субъектов РФ;
- организация оперативных штабов по борьбе с экстремизмом и терроризмом в регионах РФ;
- участие большинства населения в политической жизни регионов.

Ключевую роль в обеспечении политической стабильности в современной России играет губернаторская власть. Посредством конкретизирующих действий в русле укрепления государственного начала в условиях политической стабильности может быть осуществлен созидательный процесс с участием губернаторской власти, обретающей субъектное основание.

Список библиографических ссылок

1. Колесников В. А. Политическая стабильность и строительство новой России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 6 (32): в 2 ч. Ч. II. С. 82–87.
2. Совет глав субъектов Российской Федерации при МИД России // Официальный сайт МИД РФ. URL: <http://www.mid.ru> (дата обращения: 01.03.2019).

© Прибытков Ю. Б., 2019

* * *

ИДЕОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ТРАНЗИТА: НОВЫЕ КОНТУРЫ СТАРЫХ КОНЦЕПТОВ

Современная Россия вступила в период транзита власти, который сопровождается как с обострением противоречий между различными группировками политической и бизнес-элиты, так и с ростом протестных настроений в обществе, что изменило ориентации общественного мнения, но в то же время не привело к формированию широкого протестного движения. Одновременно в российском политическом пространстве разворачиваются процессы смены поколений профессиональных политиков и управленцев. Все это заставляет основных агентов политического поля искать способы обоснования собственных интересов и притязаний, которые одновременно позволяли бы снизить социальную напряженность, концептуально обозначить пространство мнимого или реального социального компромисса, идеологически оформить изменения в высших эшелонах власти.

Современные идеологические поиски, по нашему мнению, принципиально не совпадают с имевшими место в недалеком прошлом поисками «русской идеи», лежащей в основе проекта реформ или в основе легитимации сложившегося социального порядка и баланса сил. Сегодня поиск идеологии перехода – это поиск приоритетов, технологии и пропагандистского сопровождения переходного периода, периода транзита власти, за которым должен последовать этап становления и закрепления нового институционального дизайна и компромисса интересов в российском обществе.

Исходя из опыта постсоветского политического развития России и его идеологического оформления, можно следующим образом представить основные варианты (режимы) действий политических агентов и реализации связанных с ними социальных приоритетов. Во-первых, это режим государственно-гражданской мобилизации, господства крупного монопольного бизнеса, когда переход осуще-

ствляется за счет ресурсов общества, его социального капитала; и государственного патроната отдельных социальных слоев. Идеологическим оформлением данного режима перехода мог бы стать авторитарно окрашенный государственный или технократический консерватизм.

Во-вторых, это реконструкция режима либеральной демократии, возвращающего нас к господству крупного монопольного бизнеса за счет поощрения конкуренции в среде наемного труда, режима социальной самопомощи и минимизации социальных функций государства. Идеологические конструкции в этом случае было бы невозможно просто заимствовать из 90-х гг. Следовало бы «упаковать» либеральные постулаты в учитывающие российские реалии XXI в. концепты «Открытой России», «Гражданской платформы», «Парнаса» или близкие к ним идеологемы.

В-третьих, это режим стратегического компромисса господствующей элиты и крупного монопольного бизнеса с основной массой наемных работников, в том числе представителями «среднего» и «креативного» классов, и получателей социальной помощи. Цена компромисса – легитимация существующего распределения собственности, сохранение «статус-кво» и социального мира, отказ от реприватизации и стимулирования активности снизу при условии создания социальных условий, достойных личности. Этот путь открывает перспективу консолидации российского общества, становления действительно единой России, в которой доминирует не государственный патронат, корпоративные льготы и привилегии, а взаимные обязательства элиты и общества, их участие в решении общенациональных проблем.

Можно предположить, что сценарии транзита власти во всех трех случаях могут различаться, но все они, с преобладающей долей вероятности, будут реализовываться в правовых формах. Различия указанных выше вариантов касаются устойчивости и эффективности нового баланса интересов и связанного с ним нового политического порядка, его способности гарантировать развитие общества, отвечать на внутренние и внешние вызовы. Таким образом, идеологический выбор в условиях транзита власти – это не столько выбор легитимации его ближайшей тактики, которая зависит от стечения многих, часто случайных, обстоятельств, сколько выбор стратегии

реализации и оправдания социально-политических интересов и экономических интересов основных агентов и гарантов транзита.

Поскольку абсолютное большинство описанных нами политико-идеологических приоритетов было артикулировано еще в начале 90-х гг., а затем не раз анонсировалось на политической сцене, то закономерен вопрос об их трансформации и модификации. Сформировавшийся в 2000 гг. российский консерватизм постулировал особый исторический путь России, особые духовные ценности и соответствующее им социокультурное пространство «русского мира», основы которого заключены в государственном дирижизме и патронате некоторых социальных слоев, а также в призывах к самопомощи населения самому себе. Сегодня этот консерватизм исходит из того, что, согласно В. Суркову, «...умение слышать и понимать народ, видеть его насквозь, на всю глубину и действовать сообразно – уникальное и главное достоинство государства» [1]. Поскольку, как полагает автор статьи о «глубинном народе», этот народ недоступен для рациональных социологических, а значит, и иных научных исследований, то остается предположить, что уяснить его запросы можно, используя иррациональные приемы и процедуры. Тем самым нынешний консервативный дискурс приближается к дискурсу исторической школы права первой половины XIX в. с ее претензиями на мистическое постижение властью народного духа и его выражение, отрицающее условности и ограничения правового государства. Исходя из эффективности и долговечности существующего ныне государства и незыблемости в нем доверия народа и власти, консерваторы хотят решать проблемы транзита власти без учета интересов общества и его активного воздействия на элиты и политические институты.

Историческая бесперспективность подобного рода авторитарно-традиционалистского подхода в современном трансформирующемся обществе, в котором доминируют городские, модернистские, постсекулярные ценности, заключается в его несовместимости с тенденцией возвышения потребностей все большей массы населения, роста стремления к участию в принятии решений, к рационализации повседневной жизни, ее информационной открытости и инновационности. Политическая неэффективность предлагаемого варианта консерватизма обнаруживается в его неспособности решить объективно

стоящие перед российским обществом и признаваемые В. В. Путиным задачи осуществления технологического и экономического рывка, социального переустройства общества, повышения качества жизни граждан. Эти задачи невозможно решить без раскрепощения и активизации широких слоев общественности, стимулирования в нем инициативы и гражданской ответственности, развития самоорганизации и самоуправления.

Российский либерализм начала XXI в., как представляется, не преодолел свой концептуальный кризис, поскольку не смог предложить российскому обществу идеологию и программу, позволяющую существенно расширить его электоральную базу. На смену гайдаровским лозунгам свободы, собственности, законности, обращенным к широким слоям населения, сегодня приходят идеи апологии и защиты сугубо предпринимательских интересов, лишенных всякой социальной ответственности и социальной миссии. Своеобразным обоснованием этого могут служить высказывания А. Чубайса на одной из сессий Общероссийского гражданского форума в декабре 2018 г. Говоря о вкладе российских предпринимателей в развитие страны, он посетовал: «Как-то так получилось, что страна каким-то чудовищно неблагодарным образом не то что „спасибо“ не удостоилась им сказать, а вообще ничего, кроме негатива, мы о них не видим и не слышим... Именно эти люди стали основой того, что страна была поднята из разрухи» [2]. С другой стороны, оценивая отношения власти, общества и бизнеса он признавал: «...общество явно не любит и терпеть не может бизнес, бизнес с недоверием относится к власти, а что такое общество, вообще не понимает» [2]. С другой стороны, показательны попытки движения А. Навального использовать идеи социал-либерализма, чтобы мобилизовать в ряды протестного движения подростков, молодежь и студентов [3]. Несмотря на идеологические эксперименты последних лет, российским либералам не удастся создать идеологические конструкции, способные объединить интересы предпринимательских слоев и реальных или потенциальных наемных работников. В этом случае политико-идеологическое влияние либералов на процесс транзита власти вырождается в банальное лоббирование интересов отдельных олигархов или групп российской бизнес-элиты.

Сегодня в российском политико-идеологическом пространстве отсутствуют концепты и конструкты, выражающие левые идеи, интересы и точку зрения рядовых граждан, современных наемных работников. Догматический социализм КПРФ не претерпел принципиальных изменений: он по-прежнему простроен на абстрактной критике капитализма, обосновании изоляционизма, антизападных настроений, православия, государственного патроната. Незавершенность современными левыми силами идеи социальной справедливости – основной левой идеи, – ведет к ее перехвату популистами из ЛДПР. В этом случае идеология транзита власти, способная обосновать преемственность курса на модернизацию и обновление российского общества, оптимизацию российской государственности при одновременном компромиссе элит и основных социальных слоев, может представлять собой вариант социал-либерализма или социал-консерватизма. Модернизированные концепты либерализма, консерватизма и социализма могут в своем сочетании выразить идеи индивидуальной свободы и коллективных интересов, предполагающие прагматические компромиссы индивидов и различных социальных сил между собой как необходимое условие конструктивного созидания.

Список библиографических ссылок

1. Владислав Сурков. Долгое государство Путина // Независимая газета. 2019. 11 февр.
2. Анатолий Чубайс обвинил российское общество в инфантилизме и неблагодарности бизнесу. 09.12.2018. URL: incrussia.ru (дата обращения: 05.05.2019).
3. О социал-либерализме А. Навального // Независимая газета. 2016. 15 дек.

© Стризов А. Л., 2019

* * *

СЕКЦИЯ 2

Экстремизм как угроза национальной безопасности: мировые проблемы и российский опыт. Деструктивное поведение: истоки и проявления

А. Абу Саада,
Волгоградский государственный университет;
Н. В. Дулина,
Волгоградский государственный университет

НАСИЛИЕ НАД ЖЕНЩИНОЙ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ОТСУТСТВИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГРАНИЦ

Насилие в отношении женщин, в том числе девочек, является одним из самых распространенных систематически и широко нарушаемых прав человека и основано на гендерных социальных структурах, а не на отдельных и случайных действиях. Насилие над женщиной происходит в возрастных, социально-экономических, образовательных и географических границах, затрагивает все общества, и является основным препятствием на пути преодоления гендерного неравенства и дискриминации во всем мире [1].

В соответствии с декларацией, принятой Генеральной Ассамблеей ООН (резолюция 48/104 от 20 декабря 1993 г.), насилие в отношении женщин (НОЖ) определяется следующим образом (ст. 1): «„насилие в отношении женщин“ означает любой акт насилия по признаку пола, который приводит или может привести к физическому, сексуальному или психологическому ущербу или страданию женщинам, включая угрозы таких актов, принуждение или произвольное лишение свободы, будь то в общественной или частной жизни» [2].

Анализ научной литературы, официальных документов и т. д., доступных авторам, позволяет выделить следующие основные формы насилия в отношении женщин [3]:

1. Физическое насилие, под которым понимают злоупотребление, связанное с контактом, чтобы вызвать чувство боли, травмы или других физических страданий. Физическое насилие включает

в себя удары, пощечины, побои, удушение, толкание, сжигание и другие виды контакта, которые приводят к физической травме. Оно также может включать такие виды поведения, как отказ в медицинской помощи, когда это необходимо, лишение сна или нарушение других функций организма человека, необходимых для его жизни.

2. Сексуальное насилие, когда любая ситуация, в которой сила или угроза используются для получения участия в нежелательной сексуальной активности.

3. Эмоциональное насилие (также называемое психологическим насилием) может включать унижение человека, изолирование от друзей и семьи или отказ в доступе к деньгам или другим основным ресурсам. Эмоциональное злоупотребление может включать словесное оскорбление или любое поведение, которое угрожает, запугивает или контролирует свободу, а также публичное унижение, которое наносит ущерб самооценке.

4. Словесное насилие. Это форма эмоционально оскорбительного поведения, связанного с использованием языка. Словесное оскорбление также может упоминаться как угрожающий акт и включать в себя агрессивные действия, такие как насмешка, неуважение и неконструктивная критика.

5. Экономическое насилие: это форма злоупотребления, когда человек имеет контроль над доступом к экономическим ресурсам своего партнера и использует свои экономические ресурсы.

Можно сказать, что насилие в отношении женщин и девочек творится всюду, оно происходит в различных общественных и частных условиях, включая дом: например, в школах и вокруг них, на улицах или в других открытых пространствах (на рынках, в общественном транспорте и т. д.), местах работы (в офисах, фермах и фабриках и т. д.); государственных учреждениях или учреждениях по лизингу (исправительные, полицейские, медицинские и объекты социального обеспечения и т. д.); лагерях беженцев и перемещенных лиц, связанных с вооруженными конфликтами (военные соединения или базы и т. д.) [1].

В 2012 г. Всемирная организация здравоохранения провела на территории многих стран исследование [4] по вопросам здоровья женщин и насилия в семье в отношении женщин. В ходе исследования были собраны данные более чем от 24 000 женщин из разных

стран мира (Бангладеш, Бразилия, Эфиопия, Япония, Намибия, Перу, Самоа, Таиланд, Сербия и Черногория и Объединенная Республика Танзания и др.). Результаты исследования еще раз подтвердили, что НОЖ широко распространено во всех странах мира.

Согласно результатам представленного исследования:

- из каждых трех опрошенных женщин одна испытала физическое/сексуальное насилие в какой-то момент своей жизни;

- женщины во всем мире, независимо от дохода, возраста или образования, подвергаются физическому, сексуальному, психологическому и экономическому насилию. Насилие интимного партнера объясняет большинство случаев насилия. Распространенность сексуального насилия ниже, чем физического насилия, однако в интимных отношениях они часто встречаются вместе. Во всем мире 35 % женщин испытали физическое и/или сексуальное насилие со стороны интимного партнера или сексуальное насилие со стороны непартнера в какой-то момент своей жизни;

- опыт насилия может привести к долгосрочным физическим, умственным и эмоциональным проблемам со здоровьем; в самых крайних случаях насилие в отношении женщин может привести к смерти. Две трети жертв самоубийств, связанных с интимными партнерами/родственниками, составляют женщины, а женщины составляют лишь 20 % жертв всех случаев убийств;

- половина стран в развивающихся регионах сообщают о распространенности физического и/или сексуального насилия со стороны интимного партнера (не менее 30 %). Распространенность, как правило, высока в Африке, причем одна четверть стран региона сообщают о распространенности (не менее 50 %). В Океании распространенность является самой высокой, достигая более 60 % в ряде стран региона. Более половины развитых стран сообщили о распространенности на протяжении жизни не менее 20 %;

- пожизненный опыт психологического насилия (включая эмоциональное насилие и контролирующее поведение) наиболее высок в Латинской Америке и Карибском бассейне, в Океании и развитых странах, где распространенность превышает 40 % в более чем половине стран;

- принятие избиения жены обычно выше в Африке, Азии и Океании и ниже в Латинской Америке и Карибском бассейне и развитых

странах. Однако отношение к насилию начинает меняться – почти во всех странах, где имеется информация более чем на один год, уровень признания женщин и мужчин насилием со временем уменьшается. В большинстве стран уровень приема ниже среди мужчин, чем женщин;

- в 29 странах Африки и Ближнего Востока более 125 млн девочек и женщин, живущих сегодня, подвергаются калечащим операциям на женских половых органах. Однако данные показывают, что практика менее распространена среди более молодых женщин;

- в большинстве стран менее 40 % женщин, которые подвергаются насилию, ищут помощь любого рода, и среди тех, кто это делает, большинство обращается к семье и друзьям, а не к полиции и в службу здравоохранения. Доля женщин, обращающихся за помощью в полицию, из всех женщин, обращающихся за помощью, составляет менее 10 % почти во всех странах;

- около 120 стран приняли законы о бытовом насилии, более 120 имеют законы о сексуальных домогательствах и более 50 – законы об изнасиловании в браке. Однако даже при наличии законов о бытовом насилии они не всегда реализуются или реализуются таким образом, чтобы помочь женщинам. Необходимо принять конкретные меры для учета того факта, что женщины, часто экономически зависимые от их близкого партнера, могут лишиться единственного источника экономической поддержки, когда их партнера осуждают и заключают в тюрьму.

Заметим, что доступность данных о насилии в отношении женщин за последние годы значительно возросла: с 1995 г. 102 страны провели хотя бы одно обследование, посвященное этому вопросу (44 собрали данные в период 1995–2004 гг., 89 – 2005–2014 гг.) [5].

Список библиографических ссылок

1. In-Depth Study on All Forms of Violence against Women: Report of the Secretary General. A/61/122/Add. 1. United Nations, New York. – 2006. URL: <http://www.un.org> (дата обращения: 15.03.2019).

2. Декларация об искоренении насилия в отношении женщин / Генеральная Ассамблея ООН. URL: <http://www.un.org/ru> (дата обращения: 15.03.2019).

3. Abu Saada, Abed Elhadi Khalil. Statistical Methods for Predicting Violence Against Women Cases in Palestine, A thesis Submitted in Partial Fulfillment of Requirements for the Degree of M.Sc. of Statistics, Al-Azhar University – Gaza, 2013.

4. Understanding and addressing violence against women // World Health Organization, 2012. URL: <http://www.who.int> (дата обращения: 15.03.2019).

5. United Nations Statistics Division, The World's Women 2015, Trends and Statistics. URL: <https://unstats.un.org> (дата обращения: 15.03.2019).

© Абу Саада А., Дулина Н. В., 2019

* * *

В. В. Воропаева,

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС

ПРЕСТУПЛЕНИЯ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ И МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЕ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

На сегодняшний день одной из реальных угроз для национальной безопасности Российской Федерации стала коррупция. Это обусловлено тем, что коррупция приводит к разложению власти в условиях политической, социальной и экономической нестабильности нашей страны. Преступления коррупционной направленности могут привести к социальным противоречиям и дестабилизации общества в целом. Коррупция представляет собой использование должностным лицом своих властных полномочий и доверенных ему прав в целях личной выгоды, которые противоречат установленным в обществе нормам и правилам.

В России данный социальный феномен берет свое начало еще в XVI–XVII вв. Получение денег и других материальных благ

представителями власти от управляемых людей для обеспечения своей деятельности было естественным явлением до формирования полноценного института государственной службы. Получение взятки стало считаться преступлением лишь в 1715 г. Это было обусловлено тем, что чиновники стали получать фиксированную заработную плату. Именно 1715 г. можно по праву считать началом становления государственной антикоррупционной политики в России.

Так называемый «пик» преступлений коррупционной направленности в нашей стране, когда уровень коррупции достиг небывалых масштабов, приходится на 2009 г. В это время было зарегистрировано 13 100 преступлений, только связанных со взяточничеством. Сегодня ситуация изменилась, уровень взяточничества в России снизился в несколько раз. Согласно данным официального сайта Генпрокуратуры РФ в 2017 г. было зарегистрировано 3 188 фактов взяточничества [1]. Но несмотря на такую положительную динамику, уровень преступности коррупционной направленности в нашей стране продолжает оставаться на высоком уровне. Необходимо отметить, что коррупция негативно сказывается на эффективности государственного и муниципального управления, вызывает недоверие к органам власти со стороны населения, что приводит к дестабилизации общества.

В Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. «О противодействии коррупции» коррупция рассматривается как злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, совершение противоправных деяний (которые представлены в первом пункте), от имени или в интересах юридического лица [2, ст. 1].

В юридической литературе дано следующее определение коррупции: «это социально-правовое явление, под которым обычно понимается подкупаемость и продажность государственных чиновников, должностных лиц, а также общественных и политических деятелей вообще» [3, с. 67]. По мнению Томаса Гоббса, коррупция «есть корень, из которого вытекает во все времена и при всяких соблазнах презрение ко всем законам» [4, с. 192–304].

Важно отметить, что коррупция не является синонимом взяточничества, она имеет множество форм. Но в то же время самой популярной формой коррупции является именно взяточничество, пред-

ставляющее собой негативное явление, при котором происходит получение или же наоборот дача взятки государственному или муниципальному служащему. Взятка может иметь денежную или иную материальную форму.

Следующей формой коррупции на государственной и муниципальной службе является фаворитизм – это благоприятное отношение к определенным лицам, а также назначение их на высокие должности, несмотря на квалификационное несоответствие данным должностям.

Еще одной формой коррупции является nepотизм, или кумовство, который заключается в замещении должностей родственниками. Необходимо отметить, что в законодательстве закреплён запрет на поступление на государственную и муниципальную службу, если службу в данном структурном подразделении проходит близкий родственник. Однако многим удается обойти этот запрет посредством укрытия информации.

Помимо указанных форм коррупции в настоящее время существует еще множество других. Их перечень не является исчерпывающим.

В настоящее время в мировом сообществе существуют страны, которые смогли свести количество преступлений коррупционной направленности к минимуму. Одним из ярких примеров является Сингапур. Но так было не всегда. Первое правительство Сингапура в противостоянии коррупции столкнулось с рядом проблем. Закон, который регулировал борьбу с коррупцией, был слишком слаб. Многие коррупционные преступления были вне сферы его действия, а работники правоприменительных органов не обладали властью, дающей им возможность эффективно выполнять свои функции.

Истребить коррупцию и стать одним из мировых лидеров по экономическому развитию Сингапур смог с помощью политической воли лидеров и грамотного антикоррупционного законодательства. Борьба с коррупцией проходила постепенно. Во-первых, были сокращены возможности для совершения коррупционных действий. Во-вторых, была закреплена стратегия борьбы с коррупцией в Законе о предотвращении коррупции, а также создано Бюро по расследованию коррупции, наделенное особыми полномочиями. Произошло упрощение процедур принятия решений, была устранена всякая

двусмысленность в законах в результате издания ясных и простых правил, вплоть до отмены разрешений и лицензирования [5].

Независимое Бюро вело борьбу с преступлениями коррупционной направленности в высших эшелонах власти. Расследования инициировались даже против близких родственников Ли Куан Ю (первого премьер-министра). Ряд министров, уличенных в коррупции, были приговорены к различным срокам заключения либо покончили жизнь самоубийством, а некоторым удалось бежать из страны. Среди них были и давние соратники Ли Куан Ю.

Достижения Сингапура в сфере борьбы с коррупцией впечатляют. Всего за несколько лет Сингапур превратился из одной самых коррумпированных стран в государство, где количество преступлений коррупционной направленности практически сведено к минимуму. По сей день правительство авторитарными методами держит под контролем бюрократию, успешно справляется с задачей предупреждения коррупции.

Агентства, подобные сингапурскому Бюро по расследованию случаев коррупции, создаются в тех странах, где коррупция смогла проникнуть в судебную систему, прокуратуру, а также в органы полиции и спецслужбы. Как правило, такие органы независимы от других правоохранительных структур. Они напрямую подчиняются высшему руководителю государства. Отбираются в данные органы исключительно высокопрофессиональные и безупречные кадры. Бюро или агентство наделяется чрезвычайными полномочиями для проведения оперативных и следственных действий на фоне эффективной системы общественного надзора над его деятельностью.

Создание подобных агентств необходимо в нашей стране, ведь коррупция приобрела в России колоссальные масштабы. Именно такое агентство будет эффективно функционировать в условиях российской действительности, так как будет независимым, оно не просто будет противодействовать преступлениям коррупционной направленности, а также позволит повысить эффективность деятельности государственных и муниципальных служащих в целом.

Список библиографических ссылок

1. Официальный сайт Генпрокуратуры РФ. URL: <https://www.genproc.gov.ru> (дата обращения: 24.02.2019).
2. О противодействии коррупции: федер. закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Резанов В. И., Клепицкий И. А. Получение взятки в уголовном праве. Комментарий законодательства. М.: АРиНА, 2001. С. 67.
4. Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М., 1965.
5. Ю Ли Куан. Из третьего мира – в первый. История Сингапура (1965–2000): пер. с англ. А. Боня. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.

© Воронаева В. В., 2019

* * *

*А. И. Геворкян,
Санкт-Петербургский университет МВД России*

ИНТЕГРАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ КАК УСЛОВИЕ УКРЕПЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВ

В условиях трансформации политико-правовой организации современного государства меняются механизмы обеспечения национальной безопасности: процессы правовой аккультурации [1, с. 48–50; 2, с. 125–130; 3, с. 111–117; 4, с. 82–87] и глобализации сопровождаются трансграничностью девиантных проявлений (прежде всего, организованной преступности, коррупции, торговли людьми, торговли наркотиками, терроризма) и социального контроля над ними [5, с. 321], что предполагает выход субъектов власти за пределы конституционной юрисдикции [6, с. 46]. Начинается медленный

процесс частичного или полного вытеснения права (юрисдикции) к согласованному (договор) или несогласованному (захват) основанию прав. Кроме того, развивается практика совместного освоения некоторых сфер юрисдикции, которые перестают быть зоной только прав сторон или одной из них. В этом состоит суть международного взаимодействия – взаимный обмен импульсами и сигналами по поводу формирования сфер совместной юрисдикции за счет согласованной взаимной (предположительно) уступки сторонами отдельных частей исключительных прав [7, с. 143].

На международной арене также видится внутренне противоречивая ситуация. В глобальном мире безопасность становится неделимой: любая значимая кризисная ситуация порождает цепочку последствий, так или иначе затрагивающих всех. Более того, накопление региональных факторов нестабильности не может продолжаться бесконечно: рано или поздно мы станем свидетелями системного кризиса. Однако перспективы реформирования основных элементов международной системы безопасности пока не предвидится – на это явно не хватает политической воли и настойчивости.

Современные условия диктуют необходимость институционализации отношений безопасности, которая должна стать динамичным социально-политическим процессом. Ее неотъемлемой частью является интенсивный поиск эффективных моделей институтов безопасности, в частности полиции [8, с. 244–245].

Активное реформирование полицейских систем практически во всех европейских странах происходило на рубеже XX–XXI вв. на основе обновленных концепций национальной безопасности. „Gouvernance“ – так определили искусство или способ управления системой, состоящей из множества элементов (государство, местные органы власти, негосударственные организации, ассоциации, международные инстанции), которые располагают (каждый в различной степени) способностью принимать решения. Общий смысл концепции „gouvernance“ состоит в том, что государственное управление утрачивает прежнюю жесткость, детализированность и регламентированность [9, с. 55]. В противовес привычной практике публичного управления, основанной на иерархии и предполагающей неукоснительное выполнение приказов, главными параметрами новой концепции становятся согласие и договор [10, с. 168].

Примером эффективной европейской интеграции в сфере обеспечения безопасности граждан, борьбы с транснациональной преступностью является создание надгосударственных органов управления полицейскими формированиями в рамках Союза Бенилюкс. В основе интеграции правоохранительных органов Бельгии, Люксембурга и Нидерландов лежит «Меморандум Зеннинген», предусматривающий интенсивные взаимные консультации между руководителями правоохранительных органов, разработку планов по проведению совместных действий полиции трех стран в приграничных районах, расширение полномочий офицеров связи, обеспечение полицейских формирований современными техническими средствами, активный обмен оперативной информацией, передовым опытом, специалистами [11, с. 99], а также другие договоры и соглашения, направленные на совместное решение проблем безопасности. По мнению большинства ведущих национальных и зарубежных исследователей, полицейские системы Нидерландов, Бельгии и Люксембурга органично вписываются в общие представления о требованиях, которые предъявляются к структуре, организации деятельности правоохранительных органов по защите конституционных прав и свобод граждан в развитых демократических государствах.

Рассматриваемое интеграционное объединение может послужить примером для создания наднационального полицейского органа на евразийском пространстве. За время существования СНГ накоплен положительный опыт координационной деятельности в сфере обеспечения безопасности, однако какая-либо унифицированная система борьбы с преступностью отсутствует [12, с. 67]. Данная проблема актуализирована еще и тем фактом, что на территории СНГ функционирует Евразийский экономический союз (ЕАЭС), представляющий единую таможенную территорию в рамках стран-участниц, таможенные границы как таковые отсутствуют, что способствует разрастанию криминала в рамках этого объединения (незаконное перемещение товаров, ценностей и иных предметов, сопровождающееся нарушением требований таможенного законодательства, отток капитала за рубеж посредством фиктивных внешнеэкономических сделок в рамках Таможенного союза).

Таким образом, в современных условиях интегративные объединения правоохранительных систем имеют возможность стать наи-

более активным международным субъектом, который обеспечит гармонизацию противоречивых процессов глобализации; найдет способ для осуществления универсализации без потери уникальности; обеспечит экономическую и политическую стабильность для своих граждан; возглавит глобальное стремление к социальной справедливости и комфортному существованию общества. Изоляционизм при всей внешней привлекательности ведет в тупик – обрекает на стагнацию, отставание и неизбежный упадок. Ни одна даже самая сильная и самодостаточная страна не в силах решить все свои проблемы в одиночку [13, с. 14].

Список библиографических ссылок

1. Нижник Н. С. Правовая аккультурация в контексте коэволюции политико-правовых систем современности // Международное и национальное право: теория, история, современность: сб. науч. ст. СПб.: Астерион, 2009. С. 48–51.
2. Нижник Н. С. Правовая аккультурация как атрибутивный признак коэволюции политико-правовых систем в условиях глобализации // Право и глобализация: вопросы теории и истории: тр. междунар. науч.-теорет. конф. Санкт-Петербург, 28 ноября 2008 г. / сост.: С. В. Волкова, Н. И. Малышева; под общ. ред. Д. И. Луковской. СПб., 2010. С. 125–132.
3. Нижник Н. С. Взаимовлияние национальных правовых культур – атрибутивная характеристика постсовременности // Правовая система России: традиции и инновации: матер. X Всерос. науч.-теорет. конф. Санкт-Петербург, 25–27 апреля 2013 г. / под общ. ред. Н. С. Нижник: в 5 ч. Ч. III. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2013. С. 111–120.
4. Нижник Н. С. Правовая аккультурация как детерминанта коэволюции политико-правовых систем современности // Заманбап илим. 2013. № 1. С. 82–88.
5. Гишинский Я. И. Глобализация и девиантность. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2006. 391 с.
6. Иванов И. С. Европейский вектор внешней политики современной России. М.: Э, 2018. 424 с.

7. Богатуров А. Д. Международно-политический анализ. М.: Аспект Пресс, 2018. 208 с.

8. Nizhnik N. S. Police and civil society institutions: search for a vector of interaction in the field of combating crime // International Scientific Conference „Archibald Reiss Days“ (2017; Beograd): Thematic Conference Proceedings of International Significance. Vol. 2. Beograd: Kriminalističko-policijska akademija, 2017. S. 241–251.

9. Сморгунов Л. В. Сравнительный анализ административных реформ: от нового государственного менеджмента к концепции „governance“ // Полис. 2003. № 4. С. 54–59.

10. Киселев А. К. Реформы в полиции европейских стран (рубеж XX–XXI вв.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2014. № 4. С. 167–171.

11. Кислухин В. А. Процессы интеграции полицейских систем в государствах Союза Бенилюкс и странах Евразийского Союза: сравнительно-правовой анализ // Современные проблемы права и управления: сб. докл. III Междунар. науч. конф.: в 2 ч. Ч. 1. Тула: Папирус, 2013. С. 98–102.

12. Падалка В. В. Евразийская полиция как одна из составляющих механизма минимизации угроз национальной и экономической безопасности Российской Федерации при взаимодействии в рамках Евразийского экономического союза // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 2 (38). С. 66–69.

13. Осветимская И. И. Государство в условиях глобализации: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2016. 24 с.

© Геворкян А. И., 2019

* * *

*А. В. Демидов, О. В. Семенова,
Санкт-Петербургский университет МВД России*

РАДИКАЛИЗМ И МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Происхождение государственной власти было и остается предметом дискуссии ученых. У богословов и материалистов, Макиавелли и Гроция, Гегеля и Энгельса, Бакунина и Вебера, Чичерина и Франка взгляды на корни власти и механизм ее осуществления различны, но всегда связаны с современными для авторов теориями функций государства. За исключением ряда теологических моделей власти, утверждающих одновременность возникновения общества и государства, эти концепции вне зависимости от идеалистических или материалистических оснований утверждают первичность общества по отношению к государству и формам правления в государстве [1, с. 18–24].

Различия выражаются в определении места государства по отношению к обществу: консервативный взгляд исходит из необходимости руководства и управления общества «органом планомерной общественной воли» (Франк) государственной властью, при котором индивидуальная свобода и гражданское общество допускаются, но должны быть сведены к минимуму; либеральный – лишь в решении государством задач сохранения порядка и безопасности во внутренней жизни общества и защиты от внешней угрозы, при котором общество выглядит суммой атомизированных индивидов, а не системным единством [2, с. 175–177]. Многообразие форм государственного правления может усиливать или ослаблять эти различия в позитивном и негативном взглядах на государство, однако это ничуть не умаляет универсальных целей государства, как и целей общества вообще.

Отечественная традиция связана с консервативными представлениями о роли государства, но на протяжении уже нескольких столетий искаженными идеями и практикой радикализма. Это не значит, что Запад (Европа, США) или Восток (вне России) не испытали радикальных тенденций. Но на Западе процесс модернизации носил

органический характер, и политический радикализм при осуществлении этого процесса приобретал преимущественно либеральный оттенок, что не исключало экстремистской рефлексии, связанной с темпами и содержанием перемен и внешнеполитическими обстоятельствами. На Востоке (Япония, государства Юго-Восточной Азии, Китай без Мао Цзедуна) модернизация имела «догоняющий» характер, но с учетом многовековых традиций, более действенных для менталитета населения, радикализм получил «технологический», а не социально-политический уклон.

Одним из первых примеров искажения формы российской государственной власти под воздействием радикализма стали реформы Петра I, получившие неоднозначную оценку как его современников, так и историков. Восприняв европейский военный, административный и технологический опыт и стиль жизни, царь усилил абсолютистские и крепостнические тенденции. Реформы Петра III, Екатерины II, Павла I несколько смягчили их, но существенные изменения во власти произошли лишь в ходе революции 1905–1907 гг. Этот радикализм, хотя и был вынужденным, находился в русле неизбежных и ожидавшихся конституционных перемен. Мировая война приблизила революционное свержение самодержавия, однако этим развитие экстремизма не завершилось: Октябрьский переворот 1917 г. стал вершиной большевистского радикализма и сопровождался становлением новых форм государственной власти [3, с. 302–305].

Во всемирной политической истории радикализм всегда был идеологическим основанием именно государственного переустройства, поскольку только обладая властью в государстве, господствующая прослойка общества получала возможность завершить рождавшиеся в недрах этого общества социальные процессы. Так было при смене рабовладельческого строя феодальным, феодального – капиталистическим. К. Маркс и его последователи полагали и полагают, что на смену капитализма придет коммунизм [4]. Особенностью взглядов этой радикальной группы можно считать признание преобладающей роли государства как выразителя интересов правящего класса, использующего этот механизм управления в первую очередь для подавления своих классовых оппонентов. Поэтому перспектива социального прогресса виделась в осуществлении идеи бесклассового общества и отмирания государства (правда, через

переходный период, которому соответствовала еще более жесткая форма государства диктатуры пролетариата). Маркс не предполагал ее жесткой, поскольку видел будущие перемены в условиях развитого капитализма с преобладанием пролетариата в составе населения, соответственно, – это могла быть диктатура большинства, к тому же без внешних угроз, так как революция виделась ему в рамках большинства развитых стран одновременно. Реальность революций XX в. не оправдала предположений Маркса.

Эти взгляды подвергались критике не только со стороны консерваторов, но и со стороны других радикальных течений – анархистов, требовавших полной отмены государства (М. Бакунин), реформистов, делавших ставку на радикальные перемены в рамках существующего республиканского политического строя (Э. Бернштейн, позднее партии социалистического интернационала), конституционалистов, удовлетворявшихся даже формальным сохранением монархии, но при коренном изменении содержания (европейские монархии, Япония). Только у марксистов и анархистов целью перемен становилась ликвидация государства, но коммунистическое самоуправление и анархистские федерации ассоциаций производителей, на наш взгляд, не могут отменить функции принуждения, необходимость которых возникает при нарушении каких-либо договорных обязательств, преступлений (даже если и по неосторожности), девиантного поведения вообще.

Современный радикализм отличается разнообразными проявлениями экстремистских идей и действий как традиционно правой и левой ориентации, так и возрожденными к жизни фундаменталистскими идеями общественного переустройства, в котором светская власть должна подчиняться религиозным правилам, стилю жизни и управления. Действия фанатиков по дестабилизации государственного устройства направляются из традиционных центров прежде всего исламского фундаментализма, приобрели финансируемый этими центрами террористический характер и распространились в глобальном масштабе.

Именно поэтому проблема укрепления государственной власти не только в России, но и в других государствах, стала острой, ее разрешение необходимо уже не столько в теоретическом, как в реальном виде конкретных ответов на радикальные вызовы. Ряд таких

необходимых действий предпринимается российским руководством. Они касаются укрепления вертикали власти, повышения оперативности действий регионального руководства, повышения боеготовности вооруженных сил и правоохранительных структур. Эти шаги неоднозначно восприняты в обществе, поскольку равновесие государства и гражданского общества нарушилось.

Список библиографических ссылок

1. Бялт В. С., Демидов А. В. Правовая культура общества: теоретико-правовая характеристика // Ленинградский юридический журнал. 2018. № 1 (51). С. 18–26.

2. Демидов А. В., Никишкин А. В. Религиозно-нравственные основания права // Актуальные направления научных исследований: перспективы развития: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 30 июля 2018 г.) / редкол.: О. Н. Широков [и др.]. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2018. С. 175–178.

3. Нижник Н. С. О неизбежности краха полицейского государства в 1917 году // Великая Российская революция 1917 года в истории и судьбах народов и регионов России, Беларуси, Европы и мира в контексте исторических реалий XX – начала XXI вв.: материалы междунар. науч. конф., Витебск – Псков, 27 февраля – 3 марта 2017 г. / гл. ред. А. В. Егоров. Витебск: Витебский гос. ун-т им. П. М. Машерова, 2017. С. 302–306.

4. Сырых В. М. Материалистическая философия публичного права. М.: Юрлитинформ, 2016. 574 с.

© Демидов А. В., Семенова О. В., 2019

* * *

ПРОБЛЕМА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МАЛОРАЗМЕРНЫХ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ

Сегодня малоразмерные беспилотные летательные аппараты (БПЛА) применяются в различных сферах деятельности человека. Наиболее распространенными из них являются квадрокоптеры, что объясняется их низкой стоимостью, удобством управления и достаточно высокой надежностью. Вполне естественно, что их возможности не могли быть проигнорированы организованной преступностью и террористическими организациями.

Еще четверть века назад сицилийская мафия организовала исследования по поиску способов доставки взрывных устройств по воздуху. Боссы «Коза Ностры» братья Гравьяно лично приказали Спатуцце заняться радиоуправляемыми моделями, пригодными для «адресной доставки» небольших количеств взрывчатки [1].

В июле 2015 г. в штате Коннектикут (США) 18-летний студент оборудовал квадрокоптер пистолетом. После публикации видео с «изобретением» на YouTube им заинтересовались в Федеральном управлении гражданской авиации США. Было начато расследование с привлечением правоохранительных органов на предмет имеющихся нарушений авиационных норм или норм уголовного права. Однако в полиции штата заявили, что в запечатленном на видео нет ничего противозаконного [2].

Квадрокоптеры не могли быть проигнорированы террористами и приравненными к ним. Так, еще в 2004 г. для проведения разведки над территорией Израиля ливанская «Хезболла» использовала самодельные квадрокоптеры. Гражданская же война в Сирии показала уже всему миру огромную силу дешевых и маленьких беспилотных летательных аппаратов.

Первоначально террористы использовали квадрокоптеры для изготовления эффектных фото- и видеоматериалов в пропагандистских целях. И лишь намного позднее БПЛА стали использоваться

для проведения разведки и организации управления на поле боя. Спутниковые снимки не позволяли определить количественный и качественный состав противника, а вот квадрокоптеры для этих целей подходили как нельзя лучше.

Применение квадрокоптеров для сбрасывания на головы противников гранат и бомб было лишь вопросом времени. И действительно, «Джунд аль-Акса» и тогда еще «Джабхат ан-Нусра» первыми заявили о применении квадрокоптеров в Сирии для сброса бомб. В 2016 г. «Исламское государство» (ИГ, запрещено в России) применило БПЛА, сбрасывающие гранаты, под Мосулом против курдского ополчения и французского спецназа. После этого террористы увеличили парк квадрокоптеров и стали систематически атаковать своих противников с их помощью [3].

В условиях современной войны с различными террористическими группировками, широко использующими малоразмерные БПЛА, особенно остро встал и вопрос защиты военной инфраструктуры. Например, боевики «Исламского государства» с помощью БПЛА, несущего на себе выстрел для подствольного гранатомета, атаковали склад боеприпасов сирийской армии в Дейр-эз-Зоре, расположенный на территории стадиона. В результате «авианалета» все хранящиеся на складе боеприпасы были уничтожены.

По данным Lenta.ru в Сирии от беспилотников ИГ страдают и российские войска. По словам российских военных, квадрокоптеры террористов появляются буквально из ниоткуда, доставляя немало хлопот. К счастью, боевикам не удалось убить с помощью БПЛА ни одного российского военнослужащего [3].

Квадрокоптеры могут использоваться террористами не только в боевых столкновениях. В 2015 г. германские спецслужбы выявили целую сеть исламских террористов, готовивших нападения на мирных жителей в Европе с использованием квадрокоптеров [1].

БПЛА может преодолеть любой забор, проникнуть на охраняемый объект и доставить взрывное устройство, никакие турникеты и контрольно-пропускные пункты его не остановят. Террористы могут сбросить взрывное устройство в момент проведения каких-либо массовых мероприятий на большое скопление людей, не рискуя своими жизнями. Причем, как отмечалось ранее, вероятность

обнаружить их будет достаточно низка, поэтому сегодня остро стоит вопрос противодействия новому виду угроз.

Список библиографических ссылок

1. Атака дронов. Беспилотные летательные аппараты – безопасность или угроза? URL: <http://www.arms-expo.ru> (дата обращения: 10.02.2019).
2. Дроны разные нужны: 10 примеров нетривиального использования квадрокоптеров. URL: <https://lenta.ru> (дата обращения: 13.02.2019).
3. Джихад с небес: На российскую армию в Сирии обрушили ливень смерти из бомб. URL: <https://lenta.ru> (дата обращения: 13.02.2019).

© Еськин Д. Л., 2019

* * *

*Л. А. Закаляпина,
Ставропольский филиал
Краснодарского университета МВД России*

АССОЦИАЦИЯ «БЕЗОПАСНОСТЬ ТУРИЗМА» КАК ВОСТРЕБОВАННЫЙ УЧАСТНИК ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ГОРОДАХ-КУРОРТАХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Статья 5 Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [1] содержит исчерпывающий перечень субъектов профилактики, к которым отнесены федеральные органы исполнительной власти, органы прокуратуры, следственные органы Следственного комитета, органы государственной власти субъектов России и органы местного

самоуправления. Общественные объединения и иные организации, оказывающие помощь (содействие) указанным субъектам профилактики, отнесены законом к категории лиц, участвующих в профилактике правонарушений. Такие лица задействованы в выявлении и устранении причин и условий, способствующих антиобщественному поведению и совершению правонарушений, в том числе на почве расовой, национальной, социальной и религиозной розни; в выявлении лиц, склонных к совершению правонарушений, лиц, пострадавших от правонарушений или подверженных риску стать таковыми, а равно лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации; в использовании установленных видов профилактики правонарушений и форм профилактического воздействия. Важную роль в профилактике административных правонарушений и уголовно наказуемых деяний в городах-курортах современной России [2] играет Ассоциация по безопасности объектов туристской индустрии «Безопасность туризма» (далее – Ассоциация).

Ассоциация является некоммерческой организацией, чья основная миссия состоит в создании эффективной и конкурентоспособной системы обеспечения комплексной безопасности туризма и оказания помощи туристам, охраны, антитеррористической и противокриминальной защищенности, пожарной безопасности и защиты от чрезвычайных ситуаций туристских дестинаций, туристско-рекреационных кластеров, городов-курортов, мест массового пребывания туристов, объектов транспортной и туристской инфраструктуры (рис. 1) [3].

Рис. 1. Организационная структура Ассоциации

Для достижения уставных целей Ассоциация реализует следующие основные задачи:

1) взаимодействует по вопросам безопасности туризма с международными и национальными профессиональными объединениями, организациями, ассоциациями и союзами, органами государственной власти и органами местного самоуправления, контрольно-надзорными и правоохранительными органами, дипломатическими представительствами и консульскими учреждениями, находящимися в месте временного пребывания туристов (экскурсантов), со специализированными службами в случаях террористических и/или иных событий, угрожающих безопасности жизни и здоровья туристов (экскурсантов) и/или возникновения опасности причинения вреда их имуществу;

2) содействует оказанию методической, правовой, экстренной и иной помощи и поддержки туристам (экскурсантам), туроператорам, турагентам и организациям, осуществляющим экскурсионное обслуживание, информированию их о вновь принятых нормативных правовых актах по безопасности туризма, рисках, угрозах и правилах

безопасного поведения и действиях туристов (экскурсантов), в том числе и в случаях возникновения чрезвычайных ситуаций, пожаров, транспортных происшествий и иных событий, угрожающих или причинивших вред жизни, здоровью и имуществу туристов (экскурсантов), об ограничениях на свободу передвижения по отдельным территориям;

3) проводит маркетинговые и иные исследования, а также мониторинг и независимую экспертизу мировых и национальных практик, проектов, целевых программ, решений и технологий в сфере безопасности туризма, содействует привлечению инвестиций в сферу туристской индустрии, внедрению и расширению государственно-частного партнерства в этой сфере;

4) содействует созданию условий для добросовестной конкуренции в сфере услуг по обеспечению безопасности туризма, в том числе в городах-курортах;

5) проводит оценку соответствия и аудит территорий и объектов туристской индустрии в части безопасности туризма, в том числе для маломобильных групп населения, осуществляет консалтинг и проводит оценку соответствия требованиям безопасности (сертификацию) объектов и услуг туристской индустрии, ведет регистрацию, выдачу и учет действующих, а также утративших силу и аннулированных сертификатов в сфере безопасности туризма;

6) на основе результатов социологических опросов, исследований и независимого аудита формирует и публикует реестр (рейтинг) самых безопасных и самых опасных для туристов (экскурсантов) стран, направлений, туристских маршрутов, территорий, пляжей, транспортных коммуникаций и перевозчиков, курортов, гостиниц и иных средств размещения, других объектов туристской индустрии;

7) участвует в декларировании безопасности объектов и услуг туристской индустрии, осуществляет в установленном порядке классификацию объектов туристской индустрии (гостиниц, горнолыжных трасс, пляжей);

8) осуществляет в установленном порядке деятельность в сфере антитеррористической защищенности объектов туристской индустрии, в оценке уязвимости, разработке паспортов безопасности и организационно-распорядительных документов, а также в оснащении

указанных объектов инженерно-техническими средствами охраны и безопасности;

9) осуществляет непосредственно или оказывает содействие в оценке и минимизации рисков и угроз причинения ущерба и иных негативных последствий, а также в расследовании причин и условий их возникновения, содействует внедрению и развитию страхования в сфере безопасности туризма и повышению его роли в мотивации собственников объектов туристской индустрии и реализации ими превентивных мер и мероприятий;

10) осуществляет общественный контроль в сфере безопасности туризма, за соблюдением прав и законных интересов гостей городов-курортов;

11) осуществляет меры по подготовке и проведению информационно-рекламных и просветительских кампаний в сфере безопасности туризма, по подготовке туристов (экскурсантов) к действиям в случае чрезвычайных ситуаций, дорожно-транспортных и иных происшествий на транспорте, иных обстоятельств, угрожающих их жизни, здоровью, имуществу;

12) содействует расширению делового и государственно-частного партнерства с участием членов Ассоциации в реализации инвестиционных и иных проектов в сфере туристской индустрии и безопасности туризма;

13) осуществляет образовательную деятельность в сфере антитеррористической защиты, безопасности на транспорте, гражданской обороны и защиты от чрезвычайных ситуаций, безопасного поведения на территориях и объектах пребывания туристов (экскурсантов);

14) разрабатывает и осуществляет меры по реализации программ подготовки и аттестации экспертов и аудиторов в сфере безопасности туризма, осуществляет их аккредитацию и контроль за их деятельностью;

15) участвует в международных и отраслевых выставках, тематических конференциях и форумах, а также учреждает профессиональные, национальные и международные конкурсы и премии в сфере безопасности туризма.

Таким образом, Ассоциация по безопасности объектов туристской индустрии «Безопасность туризма», не являясь официальным

субъектом профилактики преступлений, играет важную роль в деятельности по предупреждению преступности в городах-курортах современной России, активно участвуя в отраслевом правотворчестве и формировании правоприменительной практики, нацеленной на создание и поддержание состояния защищенности объектов туристской индустрии.

Список библиографических ссылок

1. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: федер. закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 26 (I). Ст. 3851.
2. Закаляпина Л. А. Предупреждение преступности в городах-курортах России: монография. Ставрополь, 2015. С. 127–130.
3. URL: <https://www.tourismsafety.ru> (дата обращения: 27.02.2019).

© Закаляпина Л. А., 2019

* * *

*О. Д. Коломенская,
Санкт-Петербургский университет МВД России*

ДЕСТРУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ: ИСТОКИ И ПРОЯВЛЕНИЯ (АГРЕССИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПОДРОСТКОВ)

Когда отсутствует давление
страха и дисциплины, дети
не проявляют агрессии.

Александр Нилл

В настоящее время одной из острых социальных проблем нашего общества является рост агрессивного поведения в подростковой

среде. Стоит отметить, что агрессивность просто так не возникает, на это есть свои причины и факторы. Особое внимание вызывают отчужденность, тревожность, внутренняя опустошенность детей и появление у них жестокости и агрессивности. Агрессия (от лат. «agressio») – индивидуальное или коллективное поведение или действие, направленное на нанесение физического или психического вреда либо даже на уничтожение другого человека или группы [1, с. 12].

Опишем современный портрет агрессивного ребенка:

- ребенок, нуждающийся в пристальном внимании и помощи со стороны взрослых. Проявление им агрессивности – это зеркальное отражение внутреннего дискомфорта, отсутствие способности правильно реагировать на происходящее вокруг;

- ребенок, чувствующий себя отверженным, ненужным. Им используется любая возможность «насолить» близким, педагогам, сверстникам. Для привлечения внимания к себе он способен совершать «неправильные» поступки, даже осознавая, что будет за это наказан. Порой это лишь отчаянная попытка найти свое «место во взрослой жизни»;

- ребенок подозрителен и насторожен, любит перекладывать вину на других. Своим неадекватным поведением он вселяет в окружающих страх и беспокойство. Ему кажется, что весь мир хочет обидеть именно его. Создается замкнутый круг: агрессивный ребенок боится и ненавидит окружающих, а окружающие боятся его.

Что служит причинами такого поведения:

- внутрисемейные конфликты (скандалы между родителями и в итоге развод; появление других детей в семье; завышенные требования к успехам в школе и в спортивных секциях и т. д.);

- социальное сиротство (алкоголизация членов семьи и в особенности женщин; аморальное поведение родителей и т. д.);

- повышенное внимание или полное безразличие со стороны родителей;

- проблемы, связанные с половым созреванием;

- взрослые не учитывают и не считаются с мнением подростка;

- социальные силы (доступность сцен насилия в средствах массовой информации; некомфортное «существование» в школе и т. д.)

Факторы, влияющие на неправильное поведение подростка:

- низкий уровень воспитания, заниженная самооценка, высокая импульсивность, злоупотребление запрещенными веществами, страсти к компьютерным играм, ограниченное чувство самосохранения и т. д. (персональный показатель);
- аморальное поведение: вандализм, бесцельное времяпровождение, прогулы занятий в школах и спортивных секциях, низкая успеваемость, ранние половые связи, доставление в полицию и т. д. (поведенческий показатель);
- пропаганда насилия в обществе, отрицательное влияние СМИ, асоциальное поведение родителей, низкий социально-экономический статус семьи, неполные семьи или семьи, где изменился родитель (появление мачехи отчима), применение различных форм насилия, знакомые с нарушенным поведением (социальный показатель).

Приемы помощи ребенку со сложным поведением:

- исключить в разговоре с подростком повышенный тон. В обратном случае мы получаем усиление агрессивных импульсов. Спокойная, плавная речь взрослого позволяет ребенку успокоиться и начать слушать взрослого;
- признать право подростка возмущаться и выбрасывать свою энергию разнообразными способами. Рассказать о доступных методах «выхода» эмоционального и физического напряжения;
- научить ребенка не слышать оскорбления, ему адресованные (концентрация внимания в момент отрицательного импульса на своих кистях и произвольное сжатие кулаков с максимальной силой);
- внимание к нуждам, потребностям несовершеннолетнего;
- регулярная отработка навыков общения с окружающими;
- контроль собственного негативного эмоционального состояния.

При разобщенности общества исчезают «переговорщики» в жизни ребенка. Это те люди, кому можно довериться, когда не получается договориться с родителями (бабушки, дедушки, крестные, классные родители, психологи). Такой человек способен беспристрастно и внимательно выслушать, поддержать, дать совет, снять напряжение, облегчить тревогу [2, с. 16–20].

Завершить статью хочется словами Конрада Лоренца: «Агрессия в отношении человека к человеку есть в большей мере врожденная, чем социально обусловленная характеристика, и она, следовательно,

едва ли может быть устранена. Она может быть лишь смягчена путем изменений в воспитании и социальной структуре».

Список библиографических ссылок

1. Словарь психолога-практика / под ред. С. Ю. Юрчук. Минск: Харвест, 2001.
2. Долгова В. И., Нуртдинова А. А., Белозерцева Н. А. Агрессивное поведение подростков // Концепт: науч.-метод. электрон. журнал. 2015. Т. 31.
3. URL: <https://time365/info> (дата обращения: 18.04.2019).

© Коломенская О. Д., 2019

* * *

*Г. К. Копылова,
Калининградский филиал
Санкт-Петербургского университета МВД России*

ПРОФИЛАКТИКА ДЕСТРУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Деструктивное поведение личности — это дезадаптивно-направленный процесс взаимодействия личности со средой, опосредованный индивидуальными особенностями субъекта, имеющих форму поступков или реакций.

Профилактика деструктивного поведения несовершеннолетних должна осуществляться на уровне социальной среды, социальной группы и личности.

Общеизвестно, что окружающая среда оказывает существенное влияние на поведение и деятельность человека, на формирование его индивидуально-психологических особенностей.

Организация социальной среды позволяет предотвращать нежелательное поведение личности. Отклонения от социальных норм поведения происходят оттого, что человек не знает либо недостаточно четко представляет правовые нормы, социальные ценности и интересы. С этой целью необходима организация такой формы психопрофилактической работы, как информирование. Знакомство несовершеннолетних с нормативными правовыми требованиями, предъявляемыми к человеку государством, обществом, социальной группой, позволит донести до подростков нужную информацию. При этом следует обратить внимание на средства массовой информации, которые иногда становятся пропагандистами человеческих пороков, с которыми общество должно бороться.

Эффективной, на наш взгляд, формой психопрофилактики деструктивного поведения является пропаганда здорового образа жизни. Формируя представления о личной ответственности за свое здоровье и гармонию с окружающим миром, мы закладываем основу гармоничной и высоконравственной личности, являющейся фундаментом общества и государства. Умение несовершеннолетнего успешно противостоять негативным факторам социальной среды должно стать основной целью профилактической деятельности. В этой работе могут принимать участие образовательные организации, поликлиники, социальные службы и иные субъекты профилактики правонарушений и преступлений.

Еще одной важной формой психопрофилактики деструктивного поведения личности является активное социально-психологическое обучение подростков самопознанию и саморазвитию.

Одним из важнейших элементов личности является развитие самосознания и самооценки. У молодых людей возникает интерес к себе, качествам своей личности, потребность сравнивать себя с другими, оценивать себя, разбираться в своих чувствах и переживаниях. Самооценка формируется под влиянием оценок других людей, сравнения себя с другими. Важнейшую роль в формировании самооценки играет успешная деятельность.

Процесс формирования и развития личности ребенка начинается с первой социальной и очень значимой для него группы, в которую он приходит после рождения, – это семья. Именно семья становится первичным институтом процесса социализации. Родители

осуществляют такие важные функции, как воспитание и социальный контроль. В процессе воспитания формируются твердые нравственные и идейные убеждения, социально значимые качества и свойства личности ребенка, критерии оценки поведения, действий и ответственность за свои поступки.

В семье закладываются основы поведения, уровень культуры, ценностные ориентации, интересы, отношение к профессиональной и общественной деятельности.

Конечно, каждая семья имеет свою культуру повседневной жизни, роль отца и матери велика и многогранна. Степень сплоченности семьи, психологический климат, распределение прав и обязанностей, взаимодействие и взаимопомощь формируют нравственную и гармоничную личность. Полноценная семья, в которой царит любовь, взаимоуважение, взаимопонимание, эмоциональная близость, закладывает положительные поведенческие паттерны ребенка. Социально одобряемое, нравственное или, напротив, безнравственное, деструктивное поведение родителей, личный пример отца и (или) матери оказывают значительное влияние на формирование внутреннего мира ребенка. Дети усваивают образец поведения родителей. Если же в семье наличествуют многочисленные социальные отклонения (алкоголизм, наркомания, проституция, правонарушения и преступления и пр.), то, соответственно, ребенок усваивает образец деструктивного поведения.

Любая форма неблагополучия в семье разрушает личность ребенка, порождает агрессию, жестокость и насилие. Именно семья закладывает фундамент зрелой высоконравственной личности. Поэтому одной из главных задач является объединение усилий правоохранительных органов, судов, социальных служб, кризисных центров, общественных правозащитных и образовательных организаций для многомерного, комплексного подхода к решению проблем семейного неблагополучия.

Вторым и весьма существенным уровнем, на котором проходит процесс социализации личности являются иные социальные группы. Эмоциональное благополучие личности зависит от того, какое место она занимает в референтной группе, каково отношение членов группы к ней и какова ее оценка товарищами.

Повышенная потребность подростков к общению со сверстниками приводит к процессу группирования, т. е. созданию социальных групп единомышленников. Желание подростков создавать такие группы без участия взрослых и в отсутствии их контроля естественно.

По мнению специалистов, около 85 % подростков и юношей проходят через стихийное групповое общение. Стихийная группа склонна к самоизоляции, крайнему обособлению от взрослых, прежде всего от родителей и школы. В таких группах возникает узкогрупповая мораль, которая в искаженном виде представляет «взрослые» нормы и ценности, столь желанные для несовершеннолетних.

Такие неформальные группы возникают стихийно. Чаще всего они создаются по территориальному признаку (недалеко от места жительства подростков). Основной вид деятельности таких групп – общение. Уровень сплоченности и организованности у этой категории групп низкий. Подростки бесцельно проводят свое свободное время, «бродят» по улицам, стремясь продемонстрировать свою независимость от взрослых. Такое поведение может способствовать совершению первых и незначительных правонарушений. Как правило, правонарушения могут совершаться отдельными членами группы. При наличии обоснованных опасений о возможности совершения членами таких групп правонарушений и для того, чтобы не допустить перерождения таких групп, сотрудники правоохранительных органов могут использовать методы, направленные на переориентацию группы посредством бесед, а также метода «временных уступок». Смысл его заключается в том, что групповые притязания подростков удовлетворяются на определенных условиях. Например, несовершеннолетним, проживающим в одном микрорайоне города Н., разрешили оборудовать площадку для паркура на территории заброшенного парка. Обязательным условием реализации притязаний являлось: а) соблюдение общественного порядка, б) соблюдение прав, свобод и законных интересов граждан. В данном случае подросткам была предоставлена свобода выбора увлечений, возможность реализовать свои желания и чувствовать себя «независимыми». А у сотрудников правоохранительных органов появилась возможность осуществлять наблюдение за данной группой, поведением ее отдельных членов. Далее в процессе профилактической работы

с такой группой можно включать ее в систему более широких общественных отношений.

Таким образом, для результативной и эффективной психопрофилактической работы все субъекты должны придерживаться определенных принципов, к основным из которых можно отнести:

- комплексность (воздействие должно осуществляться на всех уровнях);
- адресность (необходимо учитывать возраст, пол, индивидуальные характеристики и пр.);
- массовость (ориентация на групповые формы работы);
- позитивность информации;
- минимизация негативных последствий;
- заинтересованность и персональная ответственность участников;
- активность личности.

Библиографический список

1. Бандура, А. Подростковая агрессия / А. Бандура, Р. Уолтерс. – Москва : Владос, 2000.
2. Бэрн, Р. Агрессия / Р. Бэрн, Д. Ричардсон. – Санкт-Петербург : Питер, 2000.
3. Вачков, И. В. Я и мой внутренний мир / И. В. Вачков, М. Р. Битянова. Санкт-Петербург : Питер, 2009.
4. Ильин, Е. П. Мотивация и Мотивы / Е. П. Ильин. – Санкт-Петербург : Питер, 2000.
5. Куликов, В. Б. Деструктивное поведение: теоретико-методологический аспект / В. Б. Куликов, К. В. Злоказов // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2006. – № 3 (27). – С. 89–93.
6. Осложненное поведение подростков: причины, психолого-педагогическое сопровождение, коррекция : справ. материалы / авт.-сост. Т. А. Шишковец. – Москва : 5 за знания, 2006.
7. Терентьева, В. А. Детерминанты преступности несовершеннолетних: юридический и психологический подходы / В. А. Терентьева, Д. А. Гааг // Юридическая психология. – 2019. – № 1. – С. 13–17.

8. Шарафутдинова, Н. В. Социально-психологические детерминанты девиантного поведения несовершеннолетних / Н. В. Шарафутдинова, В. В. Простяков, И. Б. Марьясис, Е. М. Гончарова // Юридическая психология. – 2019. – № 1. – С. 8–13.

© Копылова Г. К., 2019

* * *

*Е. А. Кравченко,
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС*

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: НОВЫЕ УГРОЗЫ И ВЫЗОВЫ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ

В рамках новой эпохи развития человечества все большее значение приобретает такой ресурс, как информация. Обладание или борьба за обладание информацией сопряжена с рядом противоречий, которые порождают новые угрозы и вызовы в информационной сфере.

Анализируя вопросы, связанные с информационной безопасностью и возможными информационными угрозами, можно выделить два основных подхода к рассмотрению данных явлений: нормативный и научный.

Так, основным нормативным правовым актом, рассматривающим информационные вызовы и угрозы современной России, является Указ Президента РФ «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» от 5 декабря 2016 г. № 646 (далее – Указ). Данным Указом предусмотрены следующие возможные угрозы в сфере информации.

Во-первых, одним из наиболее серьезных вызовов является наращивание некоторыми зарубежными государствами информационно-технического воздействия на информационную инфраструктуру

в военных целях, в частности в целях нанесения ущерба суверенитету, территориальной целостности, политической и социальной стабильности Российской Федерации. При этом наблюдается расширение разведывательной деятельности, направленной на российские государственные органы, научные организации и предприятия оборонно-промышленного комплекса.

Во-вторых, в настоящее время происходит расширение масштабов использования службами отдельных стран средств оказания информационно-психологического воздействия (посредством религиозных, этнических и иных организаций), которое направлено на дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в различных регионах мира. В частности, в ряде зарубежных государств СМИ увеличивает количество материалов, которые содержат провокационную информацию, предвзятую оценку Российской Федерации, а российским СМИ за границей часто создаются препятствия для осуществления их профессиональной деятельности. Более того, иностранные СМИ стремятся оказывать информационное воздействие на население Российской Федерации, прежде всего на молодежь, в целях размывания традиционных духовно-нравственных ценностей и пропаганды западных взглядов.

В-третьих, информационные технологии могут использоваться террористическими и экстремистскими организациями для оказания воздействия на индивидуальное, групповое и общественное сознание в целях разжигания межнациональной, социальной, этнической и религиозной ненависти, пропаганды экстремистских взглядов, привлечения к террористической деятельности.

В-четвертых, с развитием информационных технологий увеличивается число преступлений, связанных с нарушением конституционных прав и свобод человека и гражданина, таких как неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны при обработке персональных данных с использованием информационных технологий.

В-пятых, в качестве вызова в информационной сфере можно выделить недостаточный уровень развития конкурентоспособных информационных технологий в Российской Федерации. Следовательно, отечественная промышленность в довольно сильно зависит от зарубежных информационных технологий, а именно в сфере закупок

электронной компонентной базы, программного обеспечения, вычислительной техники и средств связи, что обуславливает зависимость социально-экономического развития России от иностранных государств.

В-шестых, угроза «информационной безопасности в области науки, технологий и образования характеризуется недостаточной эффективностью научных исследований, направленных на создание перспективных информационных технологий, низким уровнем внедрения отечественных разработок и недостаточным кадровым обеспечением в области информационной безопасности, а также низкой осведомленностью граждан в вопросах обеспечения личной информационной безопасности» [1, гл. 3, п. 18].

В-седьмых, очень актуальной угрозой является стремление некоторых стран доминировать в информационном пространстве, используя при этом свое технологическое превосходство. Как отмечается в Указе, «в настоящее время распределение между странами ресурсов, необходимых для обеспечения безопасного и устойчивого функционирования сети Интернет, не позволяет реализовать совместное справедливое, основанное на принципах доверия управление ими» [1, гл. 3, п. 19].

В рамках научного подхода рассмотрения информационных угроз можно выделить концепцию, разделяющую фундаментальные угрозы в современном информационном пространстве на две группы: информационные войны и киберугрозы [2, с. 84].

В качестве основных характеристик информационных войн можно выделить навязывание моделей поведения, выводов, выгодных субъекту воздействия; использование информационных каналов (в частности, СМИ) для передачи информации, при этом информационное воздействие чаще всего базируется на искажении и необъективной интерпретации фактов (создание мифов, ложные заявления). «Отсюда и главный метод ведения подобных войн – дезинформация. Она влияет на оценку происходящего, а следовательно, и на принятие решений, а также действия объекта влияния» [3, с. 1051].

Такое явление, как информационные войны, носит глобальный, сетевой характер, поэтому в настоящее время одной из базовых площадок ведения информационных войн являются социальные сети.

Социальные сети представляют собой публичное пространство, в рамках которого осуществляются коммуникации между людьми. Такая масштабная информационная платформа все чаще используется для ведения информационного противостояния. Через социальные сети могут проводиться виртуальные митинги (которые могут трансформироваться в реальные), осуществляться передача искаженной информации, проводиться деятельность по навязыванию экстремистских взглядов и привлечение людей для участия в мероприятиях террористической направленности.

Под киберугрозами понимается вредоносное незаконное проникновение в информационное пространство в целях воздействия на политическую, социальную и иные ситуации. К киберугрозам можно отнести такие явления, как киберпреступность (интернет-мошенничество), кибервойны, кибертерроризм.

Одним из наиболее известных примеров кибервойн является кибернападение Соединенных Штатов Америки на ядерные объекты Ирана в 2010 г. Тогда «в результате проникновения шпионской программы Stuxnet, созданной по заданию Пентагона, были выведены из строя около тысячи центрифуг ядерного исследовательского центра в Натанзе, а побочным эффектом стал вывод из строя около 60 000 компьютеров на территории Ирана» [2, с. 86].

В настоящее время очень опасным явлением стал кибертерроризм. Такая террористическая активность в основном проявляется посредством сети Интернет и ее можно разделить на две группы: непосредственное совершение терактов и деятельность, способствующая терроризму.

Терактам через Интернет подвержены отдельные граждане, некоторые сферы жизни общества и государство в целом. Примерами могут быть дезинформация и психологическая атака, когда поступают ложные сообщения об угрозах террористических атак или фактические вмешательства в информационные системы, например «в электронные системы управления полетами воздушных судов, что может повлечь тяжкие последствия либо угрозу повреждений инфраструктуры аэропортов и самолетов в воздухе» [3, с. 726].

Примерами деятельности, способствующей терроризму, может быть вербовка в террористические организации через социальные сети, взаимодействие участников террористических организаций через мессенджеры и т. п.

Таким образом, можно отметить, что перечень вызовов и угроз информационной безопасности довольно широк. В современных условиях очень важно обеспечить национальную информационную безопасность, поскольку это будет способствовать, прежде всего, обеспечению защиты национальных интересов в сфере информации от внутренних и внешних информационных угроз, а также возрастанию доверия граждан к электронным услугам, предоставляемым органами власти, развитию применения информационных технологий в органах власти и др. Следовательно, для формирования и поддержания национальной информационной безопасности необходимо проводить эффективную государственную политику в соответствующей сфере.

Список библиографических ссылок

1. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Сиволов Д. Л. Новые угрозы национальному суверенитету России в сфере информационной безопасности // Социум и власть. 2015. № 6 (56). С. 82–88.
3. Будник Г. И. Кибертерроризм как угроза основам конституционного строя Российской Федерации: понятие, сущность и проблемы противодействия // Молодой ученый. 2016. № 8. С. 725–728.

© Кравченко Е. А., 2019

* * *

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ПассажиРОВ ПРИ АВИАПЕРЕЛЕТАХ

«Проблема обеспечения транспортной безопасности, учитывая современное положение России на политической и экономической аренах, является наиболее значимой и актуальной» [1]. Одним из основных элементов, характеризующих эффективность деятельности правоохранительных органов на воздушном транспорте является обеспечение безопасности в сфере транспортного комплекса во взаимодействии со службами гражданской авиации посредством принятия достаточных и результативных мер, направленных на предотвращение противоправных действий со стороны пассажиров.

По данным Росавиации, в 2018 г. в сравнении с 2017 г. произошел рост пассажирских авиаперевозок на 110,6 % [2]. Согласно статистическим данным Международной ассоциации воздушного транспорта (IATA) в период с 2006 по 2017 г. в мире зарегистрировано 58 000 правонарушений, совершенных пассажирами на борту воздушного судна [3]. На рейсах крупнейшего российского авиаперевозчика ПАО «Аэрофлот» за тот же период зарегистрировано 3 222 нарушения правил поведения на борту воздушного судна, из которых 36 составили грубые нарушения с применением насилия в отношении членов экипажа или причинением крупного материального ущерба, 6 148 пассажирам отказано в перевозке [4].

Основными правонарушениями, согласно данным мировой статистики, в 2017 г. стали несоблюдение правил безопасности (49 %), употребление алкоголя (27 %), курение на борту самолета (24 %) [5].

Противоправное поведение в 86 % случаев выражалось в оскорблении членов экипажа и других пассажиров, которое пресекалось психологическим воздействием бортпроводников на нарушителя.

Применение физической силы со стороны пассажиров, нарушающих правопорядок на борту воздушного судна, в отношении членов экипажа и иных лиц, словесные угрозы применения физической силы составили 12 % случаев. Попытка проникновения в кабину

пилотов или поведение, угрожающее жизни других пассажиров, безопасности воздушного судна в общей статистике занимают 1 %. В этих случаях применялось физическое воздействие на правонарушителя в целях ограничения двигательной активности. В 2017 г. количество попыток проникновения в кабину пилотов и поведения, угрожающего жизни пассажиров, возросло до 4 %.

Согласно исследованиям, проведенным Организацией безопасности полетов (FSF), причинами противоправного поведения на борту воздушного судна являются: алкогольное опьянение, употребление наркотических веществ (в том числе согласно с врачебным предписанием), психические заболевания, предполетный стресс, усталость, возникновение личных проблем, связанных с прохождением предполетного досмотра, задержка вылета, опоздание на стыковочный рейс, нахождение в местах большого скопления людей, стесненные условия при посадке, неисправность оборудования в салоне (например, не откидывается спинка кресла), раздражающие шумные пассажиры. Из всех перечисленных причин алкогольное опьянение является причиной 90 % случаев нарушения правопорядка на борту воздушного судна.

В связи с повышением количества противоправных деяний на борту воздушного судна в российское законодательство были внесены изменения.

Федеральным законом от 3 апреля 2017 г. № 60-ФЗ были внесены изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Часть 1 статьи 213 УК РФ «Хулиганство» дополнена пунктом «в» на железнодорожном, морском, внутреннем водном или воздушном транспорте, а также на любом ином транспорте общего пользования и статьей 267.1 УК РФ, предусматривающей наказание за совершение из хулиганских побуждений действий, угрожающих эксплуатации транспортных средств [6]. Кроме того, действия, направленные на нарушение прав и законных интересов пассажиров и членов экипажа, могут квалифицироваться по иным статьям Уголовного кодекса Российской Федерации: ст. 115 «Умышленное причинение легкого вреда здоровью», ст. 116 «Побои», ст. 207 «Заведомо ложное сообщение об акте терроризма» [7], либо по статьям Кодекса об административных правонарушениях: ст. 5.61 «Оскорбление», ч. 1 ст. 6.24

«Нарушение установленного Федеральным законом запрета курения табака на отдельных территориях, в помещениях и на объектах», ст. 11.3 «Действия, угрожающие безопасности полетов», ч. 6 ст. 11.17 «Невыполнение лицами, находящимися на борту воздушного судна, законных распоряжений командира воздушного судна», ст. 20.1 «Мелкое хулиганство», ст. 20.20 «Потребление (распитие) алкогольной продукции в запрещенных местах либо потребление наркотических средств или психотропных веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ в общественных местах», ст. 20.21 «Появление в общественных местах в состоянии опьянения» [8].

Поправки, внесенные в Гражданский кодекс Российской Федерации (ст. 786), вступившие в силу с июня 2018 г. [9], и Воздушный кодекс Российской Федерации (ст. 107.1), предоставляют право отказывать в заключении договора авиаперевозки пассажиру, внесенному в «черный список» [10]. Однако в настоящее время отсутствует практика запрета продажи билетов правонарушителям через авиакомпании, не осуществляется обмен «черными списками» между авиакомпаниями, отсутствует прямой запрет в статьях Кодекса об административных правонарушениях о запрете допуска лиц, попавших в «черный список», на борт воздушного судна.

Изменения в законодательстве Российской Федерации в целом отражают общемировую тенденцию повышения безопасности пассажиров и членов экипажа воздушного судна. Для усиления эффективности мер борьбы с правонарушениями на борту воздушного судна необходимо предусмотреть комплексную программу, включающую взаимодействие нескольких заинтересованных структур гражданской авиации.

Пассажир, совершивший правонарушение, может избежать ответственности по причине недостаточной доказательной базы, следовательно, особое внимание должно уделяться мерам профилактики и предупреждения деструктивного поведения на борту воздушного судна. Меры по выявлению и контролю за такими пассажирами должны происходить на всех этапах следования, начиная с момента входа лица на территорию аэропорта в пункте отправления [11].

На этапе регистрации сотрудники аэропорта должны сообщать органам внутренних дел сведения о пассажире, находящемся в состоянии алкогольного опьянения, либо поведение которого свидетельствует о повышенной тревожности (нервной возбудимости). В случае выявления отклонений от нормального поведения должна быть произведена оценка потенциальной угрозы от деструктивного поведения пассажира.

При прохождении предполетного досмотра необходимо сообщать обо всех случаях неподчинения требованиям сотрудников службы авиационной безопасности. В качестве примера положительного опыта можно привести исследования Канадского управления по безопасности воздушного транспорта, которым установлено, что количество инцидентов при проведении предполетного досмотра близко по значению к количеству проявлений деструктивного поведения на борту воздушного судна. Сотрудниками службы авиационной безопасности должна применяться политика «нулевой толерантности», на основании которой органы внутренних дел незамедлительно должны быть уведомлены обо всех случаях неподчинения законным требованиям.

При выходе на посадку также необходима идентификация состояния пассажира, поскольку повышение степени опьянения в результате принятого алкоголя за время задержки рейса либо при прохождении ранней регистрации за время ожидания в зоне посадки может привести к возникновению недисциплинированного поведения на борту.

При нахождении воздушного судна в полете, бортпроводники в соответствии с инструкциями должны обладать отработанными навыками распознавания различных форм отклонений в поведении пассажиров и принятию мер по предотвращению возможных негативных последствий.

Снижение количества случаев девиантного поведения возможно при обмене данными из списков таких пассажиров между авиакомпаниями и органами внутренних дел на транспорте; обмене данными авиакомпаний между собой; подготовке членов экипажа в соответствии с новейшими международными разработками в области психологии и практики взаимодействия с недисциплинированными пассажирами; распознавании и выявлении службой безопасности

аэропорта потенциально «опасных» пассажиров, своевременной передаче информации органам внутренних дел на транспорте; внесении в Уголовный и Административный кодексы изменений в части ужесточения наказаний за противоправные действия, совершенные на борту воздушного судна, ввиду большей опасности по сравнению с теми же действиями, совершенными на территории.

Список библиографических ссылок

1. Организация охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности: учебник: в 2 ч. / С. В. Байгажаков [и др.]. М.: Академия управления МВД России, 2017. Ч. 2. С. 67.
2. Перевозки пассажиров. Статистические данные // Официальный сайт Росавиация. URL: <https://www.favt.ru> (дата обращения: 10.02.2019).
3. Unruly passengers. Fact Sheet IATA. // IATA. Official website. URL: <https://www.iata.org> (дата обращения: 10.02.2019).
4. Майборода Н. В. «Аэрофлот» предлагает навести порядок в небе // Forbs Contributor: электрон. журнал. URL: <http://www.forbes.ru> (дата обращения: 10.02.2019).
5. Unruly passengers // FSF. Official website. URL: <https://www.skybrary.aero> (дата обращения: 10.02.2019).
6. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 03.04.2017 № 60-ФЗ // Российская газета. URL: <https://rg.ru> (дата обращения: 10.02.2019).
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс.
8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Пестов Н. Н. О проблемах выявления, документирования и реагирования сотрудниками органов внутренних дел на транспорте на административные правонарушения, предусмотренные частью 1 статьи 11.15.1 КоАП РФ «Неисполнение требований по обеспечению транспортной безопасности либо неисполнение требований по соблюдению транспортной безопасности, совершенные по неосторожности» // Актуальные вопросы совершенствования деятельности служб и подразделений полиции в области охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности: сб. матер. Всерос. науч.-практ. конф. М.: Академия управления МВД России, 2018. С. 352.

© Матюхин О. И., 2019

* * *

*Е. А. Мацефук,
Волгоградский государственный
социально-педагогический университет
П. В. Разбегаев,
Волгоградская академия МВД России*

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ФАКТОР ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Кризис социума в XXI в. приобрел системный характер и тенденций его разрешения в ближайшее время не наблюдается. Одним из проявлений данного кризиса является информационный кризис в обществе. Он проявляется в неконтролируемом нарастающем объеме информации. Проблема неконтролируемого роста информации стала восприниматься как проблема личностной, социальной, национальной и глобальной безопасности. Информационный поток не всегда имеет положительное влияние на человека. Зачастую можно говорить об определенной «информационной агрессии», проявляющейся

во вредоносном воздействии огромных объемов информации на личность и общество в целом; есть примеры дестабилизации социума под воздействием конкретной информации [1]. Таким образом, проблема информационной безопасности является ключевой, стратегически важной проблемой, как для России, так и для многих стран мира. От ее решения зависит будущее страны и мира в целом; не только «отдаленное, а самое ближайшее будущее» [1, с. 9].

Глубокий анализ данных проблем был произведен и изложен в докладе «Более безопасный мир: наша общая ответственность» на сессии ООН (2005 г.), а также в Послании Папы Римского Иоанна Павла II по случаю Всемирного дня мира. Общим посылом этих документов является заключение о том, что решение проблем безопасности должно иметь комплексный характер, при этом основное внимание в процессе выстраивания принципов обеспечения личностной, национальной и международной безопасности должно уделяться гуманитарным аспектам. Во-первых, потому, что человек – основа национального богатства любого государства и, следовательно, защита его потребностей, интересов и ценностей должна быть ключевой задачей системы государственной безопасности. Во-вторых, практически все проблемы и угрозы безопасности – результат деятельности самого человека [1, с. 11–12].

С этих позиций в статье предпринята попытка проанализировать корреляцию личностной, социальной и глобальной безопасности, информационной безопасности как основополагающего элемента безопасности, а также ответственности как системообразующего фактора безопасности (любого уровня).

В целях более глубокого понимания исследуемой проблемы обратимся к анализу основных дефиниций, используемых в работе.

Единого научного определения «информации» не существует. Данное понятие используется в философии, информатике, логике, биологии, физике, психологии и других науках, и в каждой из них оно характеризуется различными толкованиями, классификациями, характеристиками. Термин «информация» (от лат. *informatio*) обозначает сведения, ознакомление, истолкование, разъяснение. Наиболее используемыми являются следующие трактовки информации.

Информация – совокупность всех сведений об окружающем мире, протекающих в нем процессах, воспринимаемыми субъектами всех видов (живыми организмами, информационными системами, электронными приборами и др.).

Информация – «психический товар любого психофизического организма, производимый им при использовании какого-либо средства, называемого средством информации» [2].

Информация – значимые сведения о каком-либо явлении, при этом форма представления данных сведений сама является информацией, т. е. имеет форматирующую функцию [2].

Столь же неоднозначной является и проблема классификации информации. Ее можно классифицировать по способу восприятия, назначению, форме представления, значению, истинности. Основные классификации представлены в следующей схеме.

Виды информации

Отметим, что в русле данного подхода более актуальной является классификация по критерию смыслообразования. В соответствии с ней информация может быть первичной, т. е. объективной, отражать основные свойства материальных явлений, объектов и процессов, порождая многообразие их состояний и создавая информационное поле. «Информационное поле – это совокупность всей сосредоточенной в данном объеме пространства-времени информации, безотносительно к ее форме и состоянию, находящейся в отрыве как от объекта отражения, так и от субъекта восприятия. Информационное поле образуется объективной, генетической и идеализированной информацией. Движение информации в информационном поле осуществляется посредством физической связи между реципиентом и источником информации, материализованной в информационном потоке» [3, с. 77]. Информация может быть вторичной, т. е. субъектной, отражающей смысл объективной информации о материальном мире. Смыслы, сформированные сознанием человека с помощью смысловых образов, фиксируются на материальном носителе любого вида.

В аспекте исследуемой проблемы интересна также классификация информации по степени безопасности. В соответствии с ней информация может быть безопасной для личности и общества, представляя собой, например, развлекательный или образовательный контент; а может быть опасной, вредоносной, угрожающей психической или физической безопасности отдельной личности, группам лиц, государству, миру [4]. Информационное поле не является пассивной окружающей людей оболочкой, суммирующей поступающие сведения, оно, используя средства массовой информации, способно активно воздействовать на сознание человека, «размывая границы дозволенного, переплавляя уже существующие нормы и ценности. Сетевые ресурсы, например, принося осязаемую пользу многим, одновременно являются вредоносным медиаконтентом, значительной информационной угрозой» [5, с. 133], поэтому одной из приоритетных целей государства должно стать стремление организовать процесс получения адекватной, значимой, полной, а главное, безопасной информации, т. е. обеспечить информационную безопасность каждой личности.

Достижение высокого уровня информационной безопасности возможно лишь при условии сформированного у личности ценностного отношения к ответственности. Только при соблюдении данного условия личность сможет ориентироваться в непрерывных информационных потоках, отбирая актуальную информацию, применяя ее для решения вновь поставленных задач по мере необходимости. Фактически речь идет об ответственности личности при осуществлении ею деятельности в информационном поле.

Рассмотрим категорию «ответственность». Важно учитывать ее неоднозначность. В философии ответственность рассматривается через категории «смысл», «совесть», «смысл жизни», «этические принципы». В. Франкл акцентирует внимание на «совести» и «смысле», отмечая так называемую «бессознательную ответственность»; В. А. Канке рассматривает ее в этическом аспекте, определяя ответственность как смысл жизни и основной этический принцип [6].

В психологии ответственность понимается как психическое новообразование, синтез когнитивного, мотивационного и деятельностного элементов, определяющего развитие личности как субъекта социальных отношений (Д. И. Фельдштейн) [6].

Педагоги трактуют ответственность, прежде всего, через категории «дисциплина», «организованность», «коллективизм», «мораль» (С. Б. Елканов, К. Муздыбаев), «социальные нормы», «ролевые обязанности», «готовность отвечать за свои действия» (Л. М. Фридман) [6].

В целом «ответственность» понимается как качество личности, применительно к социуму – как социально значимое явление (Р. Гвардини, В. А. Канке, Н. С. Розов), основополагающий фактор существования цивилизации. Л. П. Разбегаева выделяет категорию ответственного субъекта – Человека Цивилизации [7; 8].

Таким образом, ответственность следует рассматривать как «социально значимую ценность, нравственный регулятив, приобретающий универсальный характер в современном социуме и позволяющий личности осуществлять общественно одобряемый выбор. Это позволяет трактовать ценностное отношение к ответственности как интегративное относительно устойчивое личностное образование, включающее в себя знание об ответственности как ценности, осознание ответственности как личностно и социально значимой

ценности, эмоционально-смысловое отношение к ней и реализующееся в деятельности» (в том числе образовательной) [6].

Обобщая вышеизложенное, подчеркнем, что ценностное отношение к ответственности становится ключевым фактором социальной адаптации личности, играет ведущую роль в обеспечении ее информационной безопасности. Ответственность, являясь нравственным регулятивом человека, выступает критерием отбора информации, обеспечивает способность личности ориентироваться в информационных потоках, применяя лишь безопасную информацию в решении конкретных задач, обеспечивая обучающемуся безопасную информационную среду.

Информация, получаемая, обрабатываемая и используемая человеком, может трансформироваться в безопасные для личности, общества, государства и мира в целом представления, знания, умения и навыки лишь при сформированном ценностном отношении к ответственности. Наличие сформированного ценностного отношения к ответственности является показателем зрелости современной личности.

Целесообразно утверждать, что ключ к обеспечению проблем личностной, национальной и глобальной безопасности следует искать в гуманитарной области социума, в процессе разрешения нравственных проблем. Основа информационной безопасности – в ценностном сознании людей, одним из ключевых факторов которого является сформированное ценностное отношение личности к ответственности.

Список библиографических ссылок

1. Системный кризис культуры: структура и содержание проблемы. Культура и безопасность. URL: <http://sec.chgik.ru> (дата обращения: 17.03.2019).
2. Информация. Словари и энциклопедии на Академике. URL: <https://investments.academic.ru> (дата обращения: 17.03.2019).
3. Цит. по: Манойло А. В. Государственная информационная политика в особых условиях: монография. URL: <http://www.evartist.narod.ru> (дата обращения: 17.03.2019).

4. Морозова А. А. Медиа-безопасность в эпоху информации. URL: <http://www.evartist.narod.ru> (дата обращения: 17.03.2019).
5. Мацефук Е. А., Разбегаев П. В. Познавательный интерес и информационная безопасность личности в современном обществе // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2016. № 3 (38). С. 132–135.
6. Мацефук Е. А. Формирование у старшеклассников отношения к ответственности как социально значимой ценности в обучении гуманитарным дисциплинам: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 2009. 24 с.
7. Разбегаева Л. П. Ценностные основания гуманитарного образования: монография. Волгоград: Перемена, 2001. 289 с.
8. Мацефук Е. А., Разбегаева Л. П. Ценностное отношение к ответственности: сущностные и процессуальные характеристики. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 159 с.

© Мацефук Е. А., Разбегаев П. В., 2019

* * *

*Д. В. Моисеева,
Волгоградский государственный технический университет;
Е. О. Беликова,
Волгоградский государственный университет*

ПОВЫШЕНИЕ ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ КАК НАПРАВЛЕНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Динамичное внедрение цифровых технологий в функционирование экономической сферы породило новую волну финансового мошенничества. Россияне оказались не готовы противостоять напору преступников, придумывающих все новые и новые схемы обмана населения. В рамках данной работы представлен авторский взгляд

на работу по повышению финансовой грамотности населения, проводимую в нашей стране на протяжении последних 10 лет, через призму возможности обеспечения национальной безопасности России.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683, национальная безопасность Российской Федерации трактуется максимально широко: «Состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации. Национальная безопасность включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и законодательством Российской Федерации, прежде всего государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность личности» [1]. Таким образом, работу по повышению финансовой грамотности населения, инициированную Президентом России в 2008 г. и активно поддерживаемую Правительством РФ, можно расценивать как направление обеспечения финансовой безопасности России.

Правоохранительные органы фиксируют постоянный рост преступлений, квалифицируемых как мошенничество. «Мошенничества стали в 2017 г. одними из самых распространенных видов преступлений: в среднем регистрировалось одно преступление данного вида каждые три минуты. ...Согласно данным Генпрокуратуры РФ за последние 5 лет (с 2013 по 2017 г.) доля мошенничеств в общей структуре преступности выросла с 7,5 до 10,7 %» [2]. По данным МВД число преступлений экономической направленности, квалифицируемых как мошенничество, за январь-ноябрь 2018 г. составило 25 735 (+4,7 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года) [3]. Среди различных видов мошенничества мошенничество экономической направленности составило 19,5 %. Важно отметить, что системного учета преступлений о финансовом мошенничестве в нашей стране не ведется [4, 5, 6]. Данных, которые бы позволили понять масштабы распространения этих видов преступлений,

отследить динамику и методично выявлять наиболее распространенные схемы, в свободном доступе нет. Примеры необходимого анализа чаще приводит Центробанк, а не правоохранительные органы: «В России, по информации Центробанка, за последние два года выявлено более 1,5 млн мошеннических сайтов в финансовой сфере. Ущерб для граждан и организаций от их действий превысил 50 млрд рублей» [7].

В 2018 г. Банк России разработал и представил концепцию борьбы с мошенничеством на финансовом рынке. Как отмечается в концепции: «Злоупотребления на финансовых рынках являются результатом недобросовестных действий как со стороны профессиональных участников, так и со стороны потребителей финансовых продуктов и услуг. Предпосылки возникновения таких негативных явлений носят долгосрочный комплексный и неоднозначный характер, обусловлены несбалансированным регулированием, отсутствием единообразной судебной практики и созданными средствами массовой информации отрицательными оценками деятельности финансовых организаций, особенно страховых организаций» [8, с. 7]. По мнению разработчиков концепции, заинтересованными сторонами в борьбе с недобросовестными действиями на финансовом рынке должны стать финансовые организации, саморегулируемые и иные некоммерческие организации, органы исполнительной, законодательной и судебной власти, СМИ и иные субъекты, взаимодействующие на финансовом рынке.

В Стратегии повышения финансовой грамотности населения на 2017–2023 гг. выделяется лишь один момент, связанный с обсуждаемой проблематикой, а именно: финансово грамотный гражданин должен быть способным распознавать признаки финансового мошенничества. Деятельность правоохранительных органов как бы вынесена за скобки работы по повышению финансовой грамотности населения. В Концепции противодействия недобросовестным действиям на финансовом рынке, наоборот, отводится важная роль работе по содействию деятельности правоохранительных органов по предупреждению, расследованию, пресечению преступлений на финансовом рынке [8, с. 26–27].

Нам представляется, что тесное взаимодействие правоохранительных органов с другими сторонами, заинтересованными в повышении финансовой грамотности, позволило бы:

1) отслеживать динамику финансовых преступлений, которая может стать источником информации:

а) для косвенной оценки эффективности программ повышения финансовой грамотности на уровне отдельных регионов. Отрицательную динамику числа таких зарегистрированных преступлений можно расценивать как положительный результат проведения мероприятий по повышению финансовой грамотности;

б) социодемографического анализа жертв преступлений и соотнесения преступных схем с результатами анализа для обеспечения адресности при разработке программ повышения финансовой грамотности и тем самым повлиять на их эффективность;

2) разрабатывать содержательные справочно-информационные материалы о сути и способах противодействия финансовым мошенникам;

3) разрабатывать программы финансового просвещения с участием сотрудников правоохранительных органов, особо актуально это будет при работе с подростками и пенсионерами.

Таким образом, работу по повышению финансовой грамотности населения необходимо рассматривать как направление обеспечения национальной безопасности в части обеспечения защиты прав и законных интересов добросовестных потребителей финансовых услуг, совершенствования инфраструктуры выявления сомнительных или мошеннических действий, обеспечения стабильности финансовой системы страны.

Список библиографических ссылок

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.02.2019).

2. Генпрокуратура назвала мошенничество одним из самых распространенных видов преступлений. URL: <https://tass.ru> (дата обращения: 03.02.2019).

3. Состояние преступности в России за январь-ноябрь 2018 года. URL: <https://media.mvd.ru> (дата обращения: 03.02.2019)
4. Замахина Т. Больше не обманут. URL: <https://yandex.ru> (дата обращения: 03.02.2019).
5. Финансовое мошенничество. URL: <https://fmc.hse.ru> (дата обращения: 03.02.2019).
6. Финансовая безопасность и мошенничество. URL: <https://sdo.fa.ru> (дата обращения: 03.02.2019).
7. Перемитин Г. ЦБ предложил ментальную защиту. URL: <https://www.rbc.ru> (дата обращения: 03.02.2019).
8. Концепция противодействия недобросовестным действиям на финансовом рынке. URL: <https://www.cbr.ru> (дата обращения: 03.02.2019).

© Мусеева Д. В., Беликова Е. О., 2019

* * *

*С. А. Панкратов,
Волгоградский государственный университет*

**НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ВЕДУЩИХ АКТОРОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА
ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПРОЯВЛЕНИЯМ
ЭКСТРЕМИСТСКИХ ФОРМ ПОВЕДЕНИЯ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Современное российское общество можно рассматривать как «общество риска», которому присущи проявления глобальных и региональных угроз, опасностей и усиление факторов дестабилизации жизнедеятельности отечественного социума и институтов государства. Одной из угроз выступает распространение практик экстремистского поведения среди представителей различных социальных

групп и возрастных когорт, особенно в молодежной среде. С другой стороны, нередко случаи навязывания «ярлыка» экстремиста группам и отдельным личностям, несогласным с теми или иными решениями властвующей элиты и открыто позиционирующих с данной точкой зрения. Таким образом, разделяя позицию о необходимости противодействия проявлениям экстремизма, ведущие акторы современного политического процесса на федеральном и региональном уровнях сталкиваются с отсутствием четких методологических индикаторов, инструментов характеристики тех или иных деяний как не просто противоправных, а именно экстремистского толка и направленности или отстаивания права на демонстрацию своей протестной позиции и активности по актуальным проблемам.

Законодательный и правоприменительный опыт регулирования в данной области взаимодействия индивида – общества – государства имеет не столь давнюю и однозначную историю. Дискуссия о понятии и сущности экстремизма в научной среде (политологической, социологической, юридической, исторической и др.) остра, и ее предварительные результаты не всегда способствуют ясности и оправданности действий в реальной социально-политической практике. Вместе с тем в своем выступлении Президент РФ В. В. Путин подчеркнул: «Перед нами стоят масштабные задачи. Мы идем к их решению системно и последовательно, выстраивая такую модель социального, экономического развития, которая позволит обеспечить наилучшие условия для самореализации человека, а значит, дать достойные ответы на вызовы стремительно меняющегося мира, сохранить Россию как цивилизацию, основанную на собственной идентичности, многовековых традициях, культуре наших народов, ценностях и наших традициях» [1].

Важно понимать, что существует целый ряд деяний, признанных, по сути, экстремистскими на международном уровне. К таковым, безусловно, относится террористическая деятельность. По данным Антитеррористического центра СНГ, более шести тысяч жителей СНГ подверглись вербовке в террористическую организацию ИГИЛ – ДАИШ непосредственно как боевики и около четырех тысяч членов их семей (детей, жен и т. д.). Средний возраст вербуемых составляет 23 года, нижний порог – 12–13 лет (школьники, учащиеся колледжей и вузов, негативно отзывающиеся о политике своих государств,

переживающие из-за неразделенной любви, испытывающие дискомфорт при общении с одноклассниками и сокурсниками и т. д.). Научно-методическая помощь в противодействии экстремизму и терроризму в данном случае связана с разработкой и внедрением приемов и техник, способных минимизировать негативное воздействие новых форм вовлечения граждан, в частности игровых, где онлайн-смерть условна, а жизнь может быть подвержена перезагрузке. При этом репрессивные методы со стороны государства, с нашей точки зрения, должны играть вспомогательную роль, дополняя информационное просветительство и психоэмоциональную диагностику представителей «группы риска».

В настоящее время происходит активная политизация института религии, этничности, сексуальности, сопровождаемая различными проявлениями ксенофобии. Нетерпимость к иному, противостояние «свой – чужой» присуще и предыдущим этапам человеческого развития. В связи с этим необходимо четкое разграничение явлений ксенофобии, основанных на воспроизводстве некоторых традиционных архетипов культуры отдельных народов, от идеологически обоснованных доктрин превосходства и ненависти к другим. Например, «в целом этноконфессиональную ситуацию в стране можно охарактеризовать как шаткое равновесие: снижение напряженности обусловлено „внешней угрозой“ и носит временный характер; негативные факторы, напротив, имеют тенденцию к укоренению», что отражено в докладе Центра изучения национальных конфликтов (ЦИНК) и федерального информагентства «Клуб регионов» [2]. Именно события на Украине, и особенно на востоке, внесли раскол в ряды русских националистов и увеличили уровень толерантности среди российских граждан. Соответственно, требуется индивидуализированный подход к анализу практик ксенофобии, с учетом всего комплекса факторов, открыто или опосредованно провоцирующих экстремизм как форму выражения своей позиции.

Сегодня стоит вопрос об усилении ответственности руководителей всех уровней власти по защите конфиденциальной информации. За последние несколько лет увеличилась численность скоординированных кибератак. По официальным данным, обнародованным в печати, в 2014 и 2015 гг. зафиксировано около 1 500 кибератак; в 2016 г. – 12 000; в 2017 г. – 12 500; в 2018 г. – 17 000 кибератак.

В выступлении на коллегии ФСБ в марте 2019 г. В. В. Путин заявил, что «по сути, это хорошо спланированные, масштабные операции, способные нанести серьезный урон национальным интересам нашей страны. Мы должны быть готовыми к тому, что такое кибернаступление против России будет продолжаться, а угрозы, связанные с ним, нарастать» [3]. Научно-методическое обеспечение в условиях становления цифрового общества требует от акторов политического процесса готовности погружения в иную реальность, вплоть до сопричастности с проблематикой институционализации правоотношений носителей и разработчиков искусственного интеллекта.

Имманентно присущей характеристикой современной социально-политической реальности выступает признание гражданского и политического права человека на проявление протестной активности, под которой понимается система действий, направленных на выражение позиции, отличной от иного субъекта взаимоотношений. При этом фактически формируется, особенно в молодежной среде, культура протеста, часто непонятная, а потому чуждая и признаваемая экстремистской представителями иных поколенческих когорт. Вместе с тем важно отметить, что в рамках относительно согласованных и признанных индикаторов экстремистского поведения данный вид молодежной активности чаще всего связан с неприятием политической системы, низким уровнем жизни, недостаточно эффективным противодействием организациям экстремистской направленности, привлекающих «новое поколение» в свою деятельность. И в этом случае встает вопрос об инновационных формах и методах формирования гражданской ответственности и политической культуры.

Таким образом, профессионализм и эффективность деятельности современных акторов политического процесса во многом определяются стратегией освоения научно-методического обеспечения по идентификации явных и скрытых форм экстремистского поведения, целенаправленной работой с научным и экспертным сообществами.

Список библиографических ссылок

1. Путин В. В. Нацпроект – сильная, комфортная Россия: послание Президента РФ Федеральному Собранию России // Рос. газ. 2019. 21 февраля.
2. Выжutowич В. Толерантность к чужим // Рос. газ. 2019. 1 марта.
3. Егоров И. Без утечек. Чиновники будут лично отвечать за кибербезопасность // Рос. газ. 2019. 29 марта.

© Панкратов С. А., 2019

* * *

*О. В. Парилов,
Нижегородская академия МВД России*

УТВЕРЖДЕНИЕ ПОСТМОДЕРНИСТКОЙ ИГРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ КАК УГРОЗА БУДУЩЕМУ РОССИИ

Постмодернистский концепт деконструкции означает не что иное, как беспрецедентный процесс окончательного исчезновения бытия-реальности. В каких формах это происходит? Первый сюжет – добровольный отказ человека от реального мира в пользу виртуальности. Ключевые установки, сопровождающие новое миропонимание, – иррационализм, ризома, отсутствие какой-либо логики, структурности, системности, центра и периферии – новая виртуальная реальность размыта, бессмысленна и ее наполняет дьявольская ирония, напоминающая глумление над бытием. Второй сюжет – дискредитация эклектичным постмодерном абсолютных критериев: нормального и извращенного, прекрасного и безобразного, здорового и больного, нравственного и безнравственного. Утрачивая цельность, современная цивилизация неизбежно утрачивает общие смыслы,

некогда скреплявшие бытие. Сама постановка вопроса о смыслах в обществе постмодерна скандализуется. Как следствие, жизнь выхолащивается, ее место замещает симуляция жизни. Наиболее аутентичное воплощение симулятивных процессов – это игра как тотальный симулякр, эрзац реальной жизни. Игра, вытесняющая все иные витальные проявления в современном социуме, представляет собой третий сюжет окончательной дискредитации реальности, превращения ее в симулякр, в игру знаков.

В авангарде постмодернистского движения идут современные Западная Европа и США, однако и Россия, русская цивилизация втягиваются в пространство бессмысленных игрищ [1]. Игра постепенно вытесняет все иные витальные проявления. Мы живем от игры до игры (Олимпиада, затем ЧМ по футболу); лучшие люди, т. е. в центре всеобщего внимания, с баснословными гонорарами – люди игры (спортсмены, шоумены). Многие сферы государственной, общественной жизни становятся игровыми.

Политическая практика. В эпоху постмодерна происходит деконструкция идеологий, их превращение в игровой симулякр. Игровыми симулякрами, обычными электоральными машинами становятся политические партии. Они «прикрепляют» интересы масс к своим многочисленным, часто абсолютно формальным программам. Они не реализуют идеологии и программные установки, а схватывают и реализуют идеи, которые актуальны в повестке дня.

Современные выборы – это игра, на кону которой – собирание голосов разнообразных меньшинств путем пустых обещаний и лозунгов, зачастую противоречащих друг другу. Парадоксально, что в СССР явка на выборы составляла более 99 %, хотя выбор был очевиден. Но и власть, и народ понимали их важность. Сейчас, при соблюдении всех демократических процедур, имея возможность выбора, человек предпочитает не тратить на выборы своего времени. Они потеряли свою значимость в глазах общества.

Яркий признак игровой симуляции государственной жизни в России – наводнение Государственной Думы РФ людьми игры. Законодательная политика самой большой в мире страны отдана на откуп шоуменам, спортсменам, актерам.

Церковная жизнь. Церкви как наиболее аутентичному проявлению Традиции изначально присуща иерархичность. Постмодерн,

образуя пространство хаоса, эклектики, стремится разрушить эту упорядоченность. В последние годы внутри церкви возникают всевозможные «православные» активистские движения (неомонархисты, казаческие общности и пр.) – откровенно игровые персонажи, пугающие обывателей своим экзотическим внешним видом, действующие самостийно, вне благословения священноначалия.

Постмодерн все активнее стремится прописать церковь в виртуальном пространстве. Создана «церковь онлайн», предлагающая молящимся монитору сетевым жителям духовные услуги: поучаствовать в виртуальной службе, поставить виртуальную свечу, заказать по сети молебен. Транслируется ли благодать по сети? Воспроизведенная на экране икона – не есть ли типичный симулякр? Церковь, мигрировавшая в онлайн, живет по законам постмодернистского виртуального пространства. Интернет-войны с использованием троллинга, множества ников, отслеживания IP-адресов проникли даже в Русскую древлеправославную церковь, которая всегда была оплотом традиционализма [2].

Примером вовлечения церкви в постмодернистское игровое поле могут служить многочисленные «православные форумы», организуемые продвинутыми активистами, предлагающие на своих инновационных тематических площадках: презентацию компьютерной игры «Не пусти Pussy Riot в церковь», новые иконы (на одной из них Спаситель изображен с футбольным мячом), православную моду, питьевые фонтанчики со святой водой, но главное, – ответ на вопрос – почему православным быть выгодно [3]. Некоторые одиозные личности сознательно растворяют церковь в игровом пространстве. Полагаю, не случайно организаторы постмодернистских бесовских телеспектаклей назойливо подчеркивают свою православность (Андрей Малахов). В связи с этим интересна фигура провокатора, священника – актера Ивана Охлобыстина (одна из ключевых его ролей – в фильме «Generation П» по роману постмодернистского писателя Виктора Пелевина). После роли бесноватого в фильме «Царь» Охлобыстин был отстранен от церковной службы, но взамен стал известным телепроповедником, представшим перед телезрителями в его политическом проекте «Коалиция Небо», образце типичного постмодернистского ТВ-балагана, демонстрирующего образ «священника-симулякра», представителя «православия-лайт».

Он надевает на себя маску юродствующего, но вряд ли это юродство во Христе: «Я не гипнотизер, я – шут гороховый предложил вам эстетическую концепцию, и вы... допустили возможность этой концепции. Это было на самых глубоких уровнях ваших чувственных реакций наравне с сексуальным, т. е. в самой бездне» [4].

Правоохранительная сфера, силовые структуры. Данные институты с неизбежностью втягиваются в постмодернистское игровое пространство, обслуживают его. Массовые флешмобы и исторические реконструкции (имитация, игровой симулякр героических баталий); олимпиада, чемпионат мира по футболу неизбежно рекрутируют сотни тысяч силовиков и правоохранителей, при этом оголяются те участки социального бытия, которые требуют защиты, зачастую оперативной. Даже разгул терроризма в современном мире и в России следует рассматривать как сюжет постмодернистских игр, игр жестоких, игр со смертью. Обесмысливание жизни неизбежно влечет желание балансировать на грани, что демонстрируют не жалеющие, не ценящие ни себя, ни других стритрейсеры, зацеперы и пр. Современный терроризм, помимо социокультурных, религиозных интенций, еще и – «крайняя... оргастическая, вакхическая форма игры в жизнь и смерть» [5, с. 93]. СМИ и виртуальное пространство являются питательной средой для терроризма, они – его соучастники. Здесь очевидна взаимная связь: как это ни цинично, для телевидения и хозяев интернет-сетей терроризм желанен как сенсация – единственное условие их существования; для террористов интернет-среда есть поле самопрезентации. Поэтому рост терроризма напрямую связан с развитием Интернета. Теракт в глазах его инициаторов приобретает огромную значимость, если он сопровождается срежиссированным в духе Голливуда видеорядом. Яркий пример – выложенные в Интернете видеоролики изуверских акций ИГИЛ. Двое российских подростков, расстреливавших полицейский автобус из окна своего дома и выкладывавших это в сеть, перед тем, как лишиться себя жизни, были озабочены одним – недостаточным, по их мнению, количеством on-line зрителей.

Игровое образование. Целенаправленно втягивается в игровую среду и образовательная сфера России, в которой все больше утверждаются игровые формы обучения. Стратегические проекты образования будущего (форсайт «Образование–2030») пророчествуют

массовую миграцию в виртуальность, где произойдет абсолютное слияние жизни, образования и игры. Заместитель начальника Управления оценки качества образования Рособрнадзор Е. Е. Семченко стремится вписать систему образования в гипертрофированную индустрию развлечений; развлекательное образование видит в качестве ответа на вызовы и угрозы современному общественному развитию: «Новые системы образования строятся на... том, что жить и творить – большое и радостное развлечение» [6]. Язык не обманывает, он чутко отражает суть происходящих событий. Глаголы «влечься», «увлечься» означают стремиться к чему-, кому-либо. Приставка «раз» означает «разрывание», «разложение». Таким образом, «развлекающийся» – разрываемый, разлагающийся на части. Развлекательное образование неизбежно приведет к разложению личности, что вполне коррелирует с эклектичным постмодернистским хаосмосом.

Мир традиции, в частности, православной, в противовес шизофренической расколотости постмодерна, утверждает человека целостного, цельного, в котором душевные, духовные силы собраны воедино. Об этом еще в первой половине XIX в. писали православные мыслители – славянофилы [7]. Итак, в настоящее время быть причастным к подлинному бытию – это означает пребывать в Традиции, а если говорить о Русской цивилизации, то – в Традиции православной. Это единственный способ не втянуться в пространство прикольных бесовских постмодернистских игрищ, являющих собой прямой путь в пустоту, небытие.

Список библиографических ссылок

1. Парилов О. В. О русской национальной идее, национализме и русофобии // Русский универсум в условиях глобализации. Арзамасский филиал ННГУ; Фонд «Русский мир». 2016.
2. Зеньковский С. А. Русское старообрядчество: духовные движения семнадцатого века. М.: Церковь, 1995.
3. Православный корпус. URL: <https://vk.com> (дата обращения: 05.03.2019).
4. Щипков А. Про Ивана Охлобыстина. Расчетливое полубезумие. URL: <http://www.pravoslavie.ru> (дата обращения: 05.03.2019).

5. Баранов Г. С., Баранова Е. Г. Терроризм как постмодернистская игра // Вестник АГТА. 2007. № 1 (т. 1).

6. Семченко Е. Е., Алимова Н. К. Вызовы и угрозы современному общественному развитию и развлекательное образование // Интернет-журнал «Науковедение». 2012. № 1.

7. Парилов О. В. Роль самобытников в развитии русского самосознания: монография. Н. Новгород: Нижегород. правовая академия, 2001.

© Парилов О. В., 2019

* * *

*Р. Ю. Рунаев,
Волгоградская академия МВД России*

СОВРЕМЕННЫЙ ТЕРРОРИЗМ КАК ГЛОБАЛЬНАЯ УГРОЗА ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Сегодня серьезной угрозой жизненно важным интересам личности, общества и государства является террористическая деятельность отдельных лиц и даже целых сообществ, объединенных для осуществления этой деятельности. Терроризм как тактика борьбы используется движениями самого различного толка, при этом сами боевики предпочитают себя именовать партизанами, борцами сопротивления, борцами за веру. Заложниками осуществляемых последними бесчеловечных действий становятся ни в чем не повинные люди – их уничтожают во имя чьих-то убеждений, т. е. непонятно во имя чего.

Страстное влечение к кровавому насилию, присущее террористам, отличает их от других опасных преступников. Целью и содержанием террора является устрашение (внушение ужаса), стремление к тому, чтобы таким путем парализовать противника. Террорист,

в отличие от наемного убийцы, разбойника или сексуального убийцы-маньяка, может решать не только свои сугубо личные проблемы, но и общественные, связанные с интересами его нации, религии, социальной группы. Поэтому некоторые террористы в известном смысле часто бескорыстны, это как бы преступники-«идеалисты», искренне убежденные в том, что они, даже совершая бесчеловечные поступки, действуют только ради высших и благородных целей, ради достижения некоего идеала [1].

Таковыми «идеалистами», избравшими террор как основное средство политической борьбы, вошли в историю русские революционеры-«народники» и «эсеры», радикальные националисты в Ирландии, Македонии, Сербии, анархисты Франции, Италии и Испании в конце XIX – начале XX вв. Однако в последующее время идея революционного насилия, попав на благоприятную почву нищеты и озлобленности, воплотилась в наиболее жестокие и безнравственные формы, привела к народжению «нового типа революционера». Произошло «освобождение революционной психики от всяких нравственных сдержек» [2]. На смену «разборчивым убийцам» пришли люди, стреляющие без особых раздумий – и не обязательно в министров и карателей, а в тех, кто подвернулся под руку и не вовремя [3].

Если раньше идеологами терроризма использовались стандартные методы ведения террористической борьбы, не носившие столь бесчеловечного характера ввиду «адресного» выбора мишеней для исполнения террористических атак, то теперь для них все чаще торжествует принцип «Цель оправдывает средства!». А цель у террористов вполне определенная – посеять панику и неуверенность в обществе, создать атмосферу страха и недоверия. При каждой своей вылазке современные террористы стремятся привлечь значительный общественный резонанс посредством кратного увеличения вредоносных последствий своей разрушительной деятельности, в том числе и возрастающего количества жертв среди гражданского населения.

Наглядно проследить эволюцию взглядов носителей террористических идей можно, взглянув на приведенную ниже таблицу [4]:

Этапы развития терроризма в мире

От античности до 40-х гг. XIX в.	От 40-х гг. XIX в. до 20-х гг. XX в.	С начала 90-х гг. XX в. до н. в.
Заложены основы терроризма, возникли первые организованные сообщества, использующие террористические методы борьбы	Выработаны основные формы и методы террористической деятельности, под терроризм подведена теоретическая база, сформировались образцы стратегии и тактики террористов	Трансформация терроризма из глобального фактора международной политики в глобальную проблему современности
Начало 20-х – конец 50-х гг. XX в.	Начало 60-х – конец 80-х гг. XX в.	
Терроризм становится фактором политической жизни. Постепенный переход от индивидуального к преимущественно массовым видам терроризма. Появляются новые методы террористической деятельности	Возникновение крупных террористических группировок, их интернационализация, рост изощренности и жестокости. Превращение терроризма в глобальный фактор международной политики	

Отсюда очевидно, что в течение последних десятилетий терроризм превратился не только в дестабилизирующий фактор местно-локального или регионального характера, но и в реальную угрозу безопасности всему мировому сообществу. Признак «глобализма», который постарались придать своему движению апологеты террористических группировок, и прежде всего исламского толка, не оставляет шансов думать иначе. Если изначально терроризм представлял собой рациональную стратегию, выбранную террори-

стическими группами для ведения борьбы с более сильным противником, то в последнее время это криминогенное явление все больше напоминает войну «всех против всех».

Именно поэтому современный терроризм можно определить как многогранное социально негативное явление, которое активно угрожает безопасности человечества. Очевидно, что в XXI в. противодействие терроризму становится одной из основных задач обеспечения национальной безопасности для любой страны вне зависимости от географического положения, размеров территории, численности населения, экономического состояния. В особенности если речь идет о противостоянии таким международным террористическим организациям, как «Аль-Каида» и «Исламское государство» (далее – ИГ), и их правопреемникам на современном этапе.

В связи с этим актуальность проблемы эффективного противодействия современному терроризму как фактора, угрожающего стабильности и будущности России, не поддается сомнению, что обуславливает приоритетную цель настоящей работы, а именно поиск возможностей для системного противодействия современному терроризму.

Представляется совершенно очевидным, что в современном мире наиболее распространены террористические организации исламских фундаменталистов. Совершенные последними кровавые преступления позволяют относить исламистов к опаснейшим преступникам. Исламский терроризм в мусульманских странах в первую очередь направлен против представителей господствующих светских режимов: чиновников, полицейских, военных, журналистов, политиков. Вместе с тем зачастую нападениям подвергаются национальные и религиозные меньшинства, а также абсолютно все граждане, относимые исламистами к категории «кяфиров» (неверных).

Сущность сознания исламского фундаменталиста, пронизанного экстремистской идеологией, заключена в формировании такого типа мышления, при котором происходит сужение восприятия окружающего мира только до одного ракурса (т. н. «эффект туннельного зрения»). Данный «ракурс» способствует направлению верующего на разрушительную деятельность по отношению к иноверцам и видимому миру с целью переустроить его по меркам собственных призрачных религиозных идеалов. Достижением своей главной

цели террорист видит в уничтожении условного «врага», при этом полностью игнорируя все нравственные и правовые нормы [5].

Олицетворяя себя в роли «строителя» будущего мира и ощущая себя по сути по ту сторону от понятий добра и зла, подготовленный террорист не испытывает чувства вины за творимые им злодеяния. Когда террорист готовится к акту «самопожертвования», а тем более совершает, его психика находится в ином, качественно отличном от обычного измерения, в результате чего происходит обесценивание и своей, и чужой жизни: цель оправдывает средства, необходимо разрушить мир во имя его спасения. Будущего террориста самым мощным образом притягивает смерть, и ему совершенно безразлично, кто будет жертвой его преступления – солдат или ребенок.

Осознавая, что имеет дело с «абсолютным злом» современности, Российская Федерация ведет активную борьбу с терроризмом как внутри страны, посредством уничтожения незаконных вооруженных формирований на Северном Кавказе, так и за ее пределами, в Сирийской Арабской Республике. На проведенном 30 сентября 2015 г. совещании с членами Правительства РФ Президент России В. В. Путин подчеркнул: «Единственно верный путь борьбы с международным терроризмом, а в Сирии и на территории соседних стран с ней бесчинствуют именно банды международных террористов, – это действовать на упреждение, бороться и уничтожать боевиков и террористов уже на захваченных ими территориях, не ждать, когда они придут в наш дом» [6].

Так, летом 2017 г. сирийская армия при поддержке российской авиации развернула широкомасштабное наступление в центральной части Сирии. Освобождение от боевиков таких сирийских городов, как Абу-Кемаль, Дэйр-эз-Зор, Эр-Ракка, предопределило окончательный разгром ИГ. 6 декабря 2017 г. Президент России В. В. Путин после доклада Министра обороны Российской Федерации С. К. Шойгу о завершении операции на восточном и западном берегах реки Евфрат в Сирии по окончательному разгрому террористов констатировал: «(Операция) закончена полной, повторяю, победой и разгромом террористов» [7].

Вполне очевидно, что деятельность РФ по противодействию террористическим угрозам явно противоречит целям международ-

ного терроризма, постоянные авиаудары по позициям боевиков ИГ и их последователей наносят террористическим структурам существенный урон в людской силе и технике. Все это, так или иначе, ставит национальную безопасность Российской Федерации в целом, а также жизнь и законные интересы ее граждан под угрозу, поскольку международные террористы будут стремиться перенести свои разрушительные акции на территорию преуспевающего в противостоянии с ними противника.

Подтверждением данного обстоятельства выступает совершение террористического акта в метро Санкт-Петербурга (3 апреля 2017 г.), нападение на двух сотрудников ГИБДД в Астрахани (4 апреля 2017 г.), нападение на воинскую часть Росгвардии в Чечне (24 марта 2017 г.), нападение на прихожан Храма Святого Георгия Победоносца в Кизляре (18 февраля 2018 г.), а также ряд террористических атак, совершенных 20 августа 2018 г. приверженцами ИГ на территории Чеченской Республики. Стоит упомянуть и о терактах, которые были совершены в 2013 г. в Волгограде, когда были взорваны рейсовый автобус, троллейбус и здание железнодорожного вокзала.

Несмотря на то что ИГ потерпело сокрушительное поражение на всех фронтах, специалисты по военным конфликтам уверены, что все эти глобальные мировые события не могут не внушать определенного оптимизма, однако давайте попытаемся честно ответить на вопрос: «Завершится ли борьба с международным терроризмом, как только от религиозных радикалов будет освобождена вся территория бывшего ИГ?» 11 декабря 2017 г. принимая парад российского воинского контингента на авиабазе Хмеймим в Сирии, В. В. Путин, помимо прочего, отметил: «Да, угроза террористических проявлений во всем мире еще очень высока...» [8].

Следует объективно признать, что свершившийся крах исламистского квазигосударства не означает, что терактов станет меньше. Европол тоже предупреждает, что «атаки в Европе, совершенные одиночками или группами, продолжатся» [9]. Дело в том, что даже уничтожив «террористическое государство» в Сирии, окончательно искоренить саму террористическую идеологию из сознания ее приверженцев крайне сложная задача, поэтому противостояние террору, вероятно, продолжится уже «без фронтов». Тем более что десятки тысяч бойцов ИГ уже покинули регион. Вслед за ними последуют

другие, которые осядут в родных странах, в том числе постараются вернуться и в Российскую Федерацию.

Здесь роль самого государства, препятствующего распространению пассионарных идей в головах своих граждан, представляется крайне важной, и одним из основных элементов принципиальной стратегии борьбы с терроризмом должно стать разубеждение недовольных групп населения использовать терроризм в качестве тактического средства для достижения своих целей. Крайне важно убедить всех, кто может подвергнуться искушению поддержать терроризм, в том, что это – неприемлемый и неэффективный путь отстаивания своих интересов. Все, кто обладает моральным и политическим авторитетом, должны четко заявить, что терроризм неприемлем ни при каких обстоятельствах, ни в какой культуре.

Не только политические лидеры, но и видные представители гражданского общества и религиозные лидеры должны четко осудить террористическую тактику как преступную и не имеющую оправдания. Гражданское общество уже провело грандиозные кампании против наземных мин, против вербовки детей в незаконные вооруженные формирования и против того, чтобы военные преступления могли оставаться безнаказанными. Хотелось бы стать свидетелями такой же мощной глобальной кампании по борьбе с терроризмом.

Если рассмотреть глобальный аспект противодействия современному терроризму, следует особо отметить, что США со своими сателлитами продолжают осуществлять совершенно беспринципную политику искусственного «вскармливания» террористических организаций на Ближнем Востоке, которые в последующем, как это случилось с ИГ, неизбежно ставят под угрозу безопасность всего мирового сообщества.

С учетом очевидных антиасадовских тенденций в сирийской политике США и их союзников, создающих предпосылки к сохранению прежнего террористического потенциала экстремистов в Сирии и за ее пределами, можно выделить следующие действенные меры глобального характера, которые может предпринять Российская Федерация по предупреждению риска осуществления террористических атак на своей территории:

– совместно с представителем Китайской Народной Республики как постоянного члена Совбеза Организации Объединенных Наций (далее – ООН) и рядом других стран, стремящихся к многополярному вектору разрешения международных проблем, максимально открыто и гласно освещать злонамеренную деятельность США в отправляемой последними политике свержения законных глав и правительств в странах, ведущих независимую от США внешнюю политику;

– совместно с войсками Сирийской Арабской Республики и других союзников в регионе (вооруженные силы Исламской Республики Иран, отряды «Хезболлы», христианско-алавитское ополчение и т. д.) активно содействовать прямому уничтожению террористических группировок на занимаемых территориях;

– в рамках заседаний Совета коллективной безопасности стран-членов Организации договора о коллективной безопасности наладить эффективное взаимодействие с такими странами-партнерами, как Армения, Таджикистан, Казахстан и Киргизия, в целях укрепления антитеррористических «заслонов» на южных рубежах Российской Федерации;

– обеспечить полноправное участие России в глобальных и региональных экономических и политических структурах, приоритетной целью которых является всестороннее содействие урегулированию конфликтов, включая миротворческую деятельность под эгидой ООН и других международных организаций;

– обеспечить полноправное участие России в международном контроле за выполнением данных конфликтующими сторонами обязательств в области сокращения и ликвидации оружия массового уничтожения, обычных вооружений, и в целом – осуществлением мер по укреплению доверия и стабильности;

– содействовать укреплению роли и расширению функциональных полномочий сотрудников Национального антитеррористического комитета (НАК), как на территории Российской Федерации, так и за ее пределами;

– содействовать усилению роли СМИ в однозначном и бескомпромиссном осуждении террористических проявлений в целях объединения всего общества против идеологии терроризма и фор-

мирования у населения мотивации личной сопричастности к анти-террористической борьбе.

Список библиографических ссылок

1. Кокорин С. А., Болдырев Ю. Ф. Мировое сообщество и борьба с терроризмом: история и современность: монография. Волгоград: Панорама, 2007. 500 с.
2. Струве П. Б. Patriotica. Политика, культура, религия, социализм: сб. ст. за пять лет (1905–1910 гг.). СПб., 1911. 625 с.
3. Камю А. Бунтующий человек. М.: Политиздат, 1990. 329 с.
4. Петренко О. А., Горбачев А. М. СМИ и журналисты в условиях терактов: учеб. пособие. М.: Наука, 2010.
5. Каменева М. Е. Психологические особенности выявления потенциально-опасных лиц сотрудниками службы авиационной безопасности: дис. ... канд. психол. наук. М., 2014. 255 с.
6. Россия вступила в войну с ИГИЛ // Новые известия. URL: <https://newizv.ru> (дата обращения: 28.02.2019).
7. Путин заявил о полном разгроме ИГ по оба берега Евфрата в Сирии // Политика сегодня. URL: <https://polit.info> (дата обращения: 28.02.2019).
8. Путин прилетел на авиабазу Хмеймим в Сирии // Интернет-журнал «Слава славянам». URL: <https://vk.com> (дата обращения: 28.02.2019).
9. ИГИЛ-2017: Как изменилось и что сейчас представляет собой государство террористов // Интернет-журнал «Секрет фирмы». URL: <https://secretmag.ru> (дата обращения: 28.02.2019).

© Рунаев Р. Ю., 2019

* * *

ПРОПАГАНДА ТЕРРОРИЗМА КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

В современных условиях международный терроризм и его информационно-идеологическое обеспечение стали главными угрозами территориальной целостности, суверенитету и безопасности государств, их прогрессивному политическому, экономическому, социальному и духовному развитию.

В целом ряде стран радикальные, экстремистские силы, одурманенные идеологией сепаратизма, национализма и религиозного экстремизма, пытаются использовать террор в качестве основного средства достижения корыстных целей, инструмента давления на законную власть, сотрудников правоохранительных органов и население. С помощью подрывной пропаганды террористические группы пытаются дестабилизировать обстановку в регионах, оказать выгодное для себя давление на органы государственной власти, стремятся дезориентировать и дезорганизовать контртеррористическую деятельность правоохранительных органов, посеять страх среди местного населения.

«Сила» международного терроризма во многом определяется прочностью его информационно-идеологических основ, финансовыми, техническими, кадровыми возможностями террористических организаций вести пропаганду экстремизма, скрытно насаждать в массовом сознании идеологию правнигилизма псевдомократизма, лжегуманизма, национализма, сепаратизма, насилия, бездуховности и религиозного фанатизма.

Наиболее опасной формой антиобщественной информационной деятельности террористических организаций является пропаганда терроризма, представляющая собой деятельность террористических организаций, их пособников и других субъектов антиобщественной направленности по распространению ложных, дезориентирующих, крайних взглядов, идей, мнений, провокационных сведений,

сообщений, лозунгов, призывов, слухов, мифов, псевдорелигиозных учений и другой деструктивной информации.

Ее главная цель: дестабилизация обстановки в конкретных регионах, дискредитация международных и национальных антитеррористических сил, подрыв реализации интересов личности, общества, государства, расширение и укрепление позиций и влияния международных террористических организаций в экономике, политике и духовной жизни.

Организаторы пропаганды терроризма стремятся искусственно возбудить у населения интерес к ложным антигосударственным сообщениям, провокационным слухам, посеять среди них сомнение и недоверие к органам государственной власти и правоохранительным органам, довести определенную часть жителей до чрезмерных эмоционально-агрессивных реакций и неадекватных действий. Таким способом террористы пытаются достичь дезорганизации деятельности антитеррористических сил, вселить в них нерешительность и сомнение в правильности принимаемых ими контртеррористических мер.

В современных условиях пропаганда терроризма приобрела международный характер, представляя угрозу всему мировому сообществу. Террористические акции планируются и осуществляются с учетом их пропагандистского сопровождения не только на местном, региональном, государственном, но и на международном уровне. С помощью враждебной пропаганды террористы стремятся вызвать выгодную для себя реакцию со стороны средств массовой информации и мировой общественности, дезориентировать индивидуальное, массовое сознание и поведение определенных социальных групп населения, спровоцировать неадекватные ответные действия со стороны органов государственной власти и правоохранительных органов.

Международные террористические организации активно внедряют новые информационные технологии в свою подрывную пропагандистскую деятельность, широко используя глобальную информационную среду для распространения экстремистской идеологии по всему миру. Планируя и осуществляя свои подрывные акции, террористы часто делают ставку на поддержку своих действий со стороны морально и психологически неустойчивой части отдельных

представителей местного населения, сотрудников правоохранительных органов, общественности и других лиц, стараются втянуть их в террористическую и иную преступную деятельность, обучить способам уклонения от ответственности за участие в террористической деятельности и пособничестве ей, убедить в якобы «справедливом» характере террористических акций.

Прикрываясь благозвучными словами, международные террористические организации и их идеологи всеми способами стремятся оправдать свою деятельность, продемонстрировать населению «боевое, моральное и психологическое превосходство террористов» над представителями органов государственной власти, сотрудниками правоохранительных органов, спекулируют их ошибками и просчетами. При подготовке и проведении пропагандистских мероприятий идеологи международного терроризма учитывают благоприятные и неблагоприятные условия, влияющие на эффективность деструктивного информационного воздействия. Кроме того, способы и приемы пропаганды терроризма часто носят скрытый, изощренный, противоправный характер.

Сегодня региональные и национальные террористические организации стараются объединиться в мощную единую международную сеть, создавая угрозу для всего мирового сообщества. Борьба с терроризмом в отдельной стране существенно затрудняется тем, что террористы получают средства совершения террористических акций, финансовую, политическую, техническую, информационно-идеологическую, кадровую, юридическую и другую поддержку со стороны международных экстремистских организаций. Поэтому одна из главных задач борьбы с международным терроризмом состоит в надежном перекрытии источников и каналов его финансового, политического, технического, боевого, информационного и другого обеспечения.

Очевидно, что в этих условиях ни одно государство не в состоянии защитить себя и своих граждан от действий террористов, надеясь только на собственные силы, используя при этом лишь военнотехнические средства. Россия занимает последовательную и твердую позицию в борьбе с международным терроризмом, расширяет международное сотрудничество в контртеррористической деятельности, поддерживает и оказывает помощь международному сообществу

в борьбе с этим злом, пресекает деятельность международных террористических организаций на своей территории.

Защита интересов личности, общества, государства, обеспечение информационной безопасности страны все больше становятся международной проблемой, решаемой с помощью принятия скоординированных коллективных политических, дипломатических, военных, разведывательных, контрразведывательных, правовых, экономических, организационных, информационных, общественных, гуманитарных и других мер. И успешно решить проблему удастся только при их оптимальном сочетании и комплексном применении.

© Салахова Ж. В., 2019

* * *

В. В. Степаненко,

*Центр подготовки сотрудников органов внутренних дел
для участия в миротворческих миссиях ВППК МВД России*

ДЕСТРУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ФУТБОЛЬНЫХ БОЛЕЛЬЩИКОВ: ИСТОКИ, ПРОЯВЛЕНИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

Истоки деструктивного поведения футбольных болельщиков анализируются в отечественной и зарубежной науке весьма широко с различных позиций. Даже краткий анализ научной разработанности этой проблемы позволяет отметить большое число последователей различных теорий и моделей их агрессивного поведения. Еще больше авторов описывая это сложное социальное явление, базируются на комплексных теоретических конструкциях.

Большинство исследователей истоков и проявлений деструктивного поведения футбольных болельщиков видят в этом феномене эффективное средство психологической защиты. С помощью агрессии по большей части молодежь стремится оградить себя от многих

неприятностей в школе/институте, на работе или в семье, а также реализовать свои потребности, выплеснуть эмоции, «показать себя в деле», «каплей слиться с массами», найти (пусть мнимую) цель своего существования.

Естественно, что на практике с проявлениями этого деструктивного поведения и криминализации субкультур футбольных болельщиков приходится бороться правоохранительным органам и службам, обеспечивающим порядок на стадионах. Отсюда особый интерес к данной проблеме проявляется учеными и управленцами этой сферы.

Однако, как остроумно заметил один из самых известных и противоречивых исследователей движения футбольных фанатов Дуги Бримсон, «футбольные хулиганы всегда опережают действия властей. Так и должно быть, иначе проблема давно бы разрешилась. Чем больше законов будет принято, чем больше усилий примет полиция, тем изощреннее станут действия хулиганов. Тем больше лазеек они найдут. Так они поступали всегда, и многих из них это только подстегивает» [1].

Анализируемая в научных кругах проблема истоков проявления деструктивных действий футбольных фанатов и попытки описать условия профилактики такого поведения сконцентрированы на стремлении не допустить выброс негативных эмоций или нейтрализовать их в значительной степени действиями со стороны правоохранительных органов. Что лишний раз подчеркивает правоту вышеприведенного высказывания Д. Бримсона.

По нашему мнению, для нового взгляда на проблему наиболее интересны поиски возможностей перенаправить энергию эмоций футбольных болельщиков на конструктивные или нейтральные действия, вписывающиеся в рамки закона. В связи с этим целесообразно рассмотреть вопрос о соотношении спорта и реализации творческих потребностей человека. Для этого кратко остановимся на взглядах Пьера Бурдьё [2] и Торстейна Веблена [3].

Современный спорт – это сложный социокультурный комплекс, который глубоко проникает в экономическую и духовную сферы общества.

Спорт в дискурсе экономической социологии, исходя из теоретических построений П. Бурдьё и Т. Веблена, зависит от материальных условий производства в исторически определенной общественной системе.

Если следовать логике Т. Веблена, согласно которой экономические процессы базируются на социальной психологии и антропологии, то в основе мотивов поведения потребителей спорта (как досуга, так и как зрелища) лежат основные инстинкты и склонности людей. Одним из ведущих в ряду этих инстинктов и склонностей, по мнению американского экономиста, является инстинкт мастерства.

Спорт, по Т. Веблену, помогает переключиться с рационального производства на демонстративное потребление, в котором существенным моментом является показ некоего «преуспевания», свободы выбора, творчества и мастерства.

В связи с этим спорт и поддержка любимой команды рассматриваются как формы демонстрации превосходства не только в физической, но и интеллектуальной, эмоциональной, творческой активности.

В творчестве, по К. Марксу, реализуется «свободная игра духовных и физических сил человека», такая деятельность приносит человеку удовольствие и наслаждение, в ней человек получает свое развитие [4, с. 225–291].

Что касается духовной сферы общества, в которую глубоко проникает современный спорт, то, по мнению Е. В. Улыбиной, «в современной культуре спорт во всех его проявлениях является одним из наиболее распространенных механизмов укрепления групповой идентичности» [5].

Печально и опасно, что такое стремление к укреплению собственной групповой идентичности часто принимает экстремистскую направленность. Это объясняется тем, что субкультура спортивных фанатов изначально строится как ксенофобская, обладающая высокой агрессивностью по отношению к любым «чужим». Таким образом, стартовым условием фанатского движения является автоматическое восприятие другой команды и ее фанатов как более или менее враждебной силы [6].

Таким образом, профилактические действия по отношению к футбольным фанатам, на наш взгляд, следует основывать на рекреационной природе спорта, которая непосредственно ассоциируется с демонстративным потреблением, досугом.

Этимология слова «досуг» адресует нас к понятию «достижения» и глаголам «досягать», «достигать». Промежуточное значение – «способности достигнуть чего-либо» (в диалектах *человек с досугом* – «человек с умением», а *досужий* – «преуспевающий»); окончательное значение «время, не занятое работой» [7], связанное со свободой выбора, самопознанием, приобретением опыта, поиском своей идентичности, а также с погружением в состояние творчества и созерцания [8, с. 84].

Из вышеприведенного следует, что важным атрибутом продуктивного подхода к предупреждению деструктивного поведения футбольных болельщиков является задача перенаправления их энергии в русло креативности.

Одним из рычагов такого влияния на развитие спорта и поведение связанных с ним фанатских движений являются СМИ. К сожалению, на современном этапе многие из них в погоне за рейтингом часто тиражируют скандальную информацию, что, как правило, провоцирует футбольных фанатов на новые деструктивные действия [9, 30–31].

Неслучайно на заседании Европейского парламента в 2003 г. было уделено особое внимание вопросам влияния СМИ на поведение футбольных болельщиков. В докладе Европарламента «Отчет о футбольном хулиганстве» [10] прессе было настоятельно рекомендовано избегать погони за сенсациями и не забывать о спортивных ценностях и принципах честной игры.

С другой стороны, публичное освещение конструктивных действий футбольных фанатов может принести и положительные результаты. Благотворный эффект от стремления к публичности был получен, например, благодаря широкому и позитивному освещению деятельности и методов поддержки своего клуба новых мирных, законопослушных групп, таких как шотландские „Tartan Army“ и датские «Рулиганы», «Трио в кокошниках» на чемпионате мира 2018 г. в Москве. Информационная поддержка этих «карнавальных» фан-групп, пропагандирующих «боление» без насилия стала серьезным

подспорьем СМИ в их «победе» над «плохим поведением» агрессивных групп фанатов. В результате в арсенал профилактических мер по предотвращению футбольных беспорядков добавились эмоционально-положительные и яркие примеры, показывающие, что поддерживать свою команду можно и без драк и насилия.

Этот феномен еще требует детального и комплексного анализа, но уже сейчас он может расцениваться как победа законопослушного поведения над буйством футбольных вандалов, и помогает сохранять и укреплять в будущем конструктивную модель поведения болельщиков.

Таким образом, анализ истоков и проявлений деструктивного поведения футбольных болельщиков показывает, что для проведения эффективной профилактики такого поведения спортивных фанатов следует обеспечить со стороны СМИ продвижение ненасильственных методов поддержки команды, «карнавальных» групп и подавлять публичное освещение бесчинств «хулиганских» объединений.

Список библиографических ссылок

1. Бримсон Д. Бешеная армия: облик футбольного насилия / пер. с англ. А. Степанова. СПб., 2006. URL: <https://itexts.net> (дата обращения: 27.02.2019).
2. Бурдые П. Как можно быть спортивным болельщиком // Логос. 2009. № 6. С. 99–113.
3. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: ЛИБРОКОМ, 2011.
4. Маркс К. Социология: сб. / пер. с нем. вступ. ст. Ю. Н. Давыдова. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000.
5. Улыбина Е. В. Неизменность как характеристика идентичности футбольных фанатов. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 14.03.2019).
6. Тарасов А. Н. Субкультура футбольных фанатов в России и правый радикализм // Русский национализм между властью и оппозицией: сб. ст. / под ред. В. Прибыловского. М.: Панорама, 2010. С. 18–50.
7. URL: <https://lexicography.online> (дата обращения: 14.03.2019).

8. Понукалина О. В. Досуг в теоретическом дискурсе социологии: подходы к исследованию // Вестник Поволжского института управления. 2017. Т. 17. № 6. С. 83–89.

9. Степаненко В. В. Психологическая подготовка сотрудников органов внутренних дел к действиям по профилактике противоправного поведения футбольных болельщиков: учеб.-практ. пособие. М.: ВИПК МВД России, 2017. 120 с.

10. Prevention of violence in sport / Sport Department of the Council of Europe // Congress of Local and Regional Authorities of the Council of Europe. 88 p. URL: <http://www.coe.int> (дата обращения: 14.03.2019).

© Степаненко В. В., 2019

* * *

*И. А. Треушников,
Нижегородская академия МВД России*

ФИЛОСОФСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ РОССИИ

На современном этапе наша страна в очередной раз оказалась в условиях серьезного давления со стороны внешних сил, что актуализировало все аспекты проблемы обеспечения безопасности России. В центре общественной системы стоит человек с его интересами, способностями и всем духовно-культурным укладом. Так или иначе, проблема обеспечения безопасности должна замыкаться на человеческой личности. Хотя следует признать то, что большинство исследователей обращают первостепенное внимание на институционализированные пролонгации человеческого бытия, выражающиеся, прежде всего, в социальных и политических системах. Одним из наиболее значимых элементов этих систем, конечно, выступает государственность, которая чаще всего представляется исследователями в качестве наиболее заметной манифестации на-

ционального интереса. Заметим, что осознание данного факта приводит к стремлению осмыслить проблему обеспечения национальной безопасности в рамках высшего образования, подтверждением чему является, например, введение в образовательные программы вузов системы МВД России дисциплины «Основы теории национальной безопасности». Было предпринято уже несколько попыток создать для этой дисциплины необходимое учебно-методическое обеспечение [1].

Полагаем, что обеспечение национальной безопасности как залога устойчивого развития страны невозможно без формирования продуктивных мировоззренческих установок. Российское общество, пережив негативные последствия духовно-нравственного кризиса рубежа XX–XXI вв., по-прежнему сталкивается с рецидивами острых социальных конфликтов. Межэтническая и межконфессиональная напряженность является основанием для формирования экстремистских настроений и утверждения экстремистской идеологии. Ситуация в области противостояния данной идеологии к настоящему моменту далека от желаемой. Обозначенная проблема для нашей страны далеко не нова, но, к сожалению, актуальна и на современном этапе развития российского общества. Представляется очевидным то, что идейное противостояние попыткам спекулировать на социальной напряженности выступает необходимым условием борьбы с экстремизмом и терроризмом. Следует понимать – стремление утверждать идею межэтнического и межконфессионального мира, обеспечивающего национальную целостность России, часто сталкивается с серьезными трудностями. Историческая и в целом социальная реальность такова, что позволяет находить основания даже для противоположных интерпретаций и оценок.

Утверждение цивилизационной идентичности для России в современном глобализирующемся мире требует философского обоснования. Понять духовную культуру того или иного народа невозможно без обращения к его философской традиции. Это тем более актуально в том случае, если таковая традиция проявила себя в яркой выраженной форме, оставив заметный след в истории мировой культуры. В связи с этим возникает необходимость выбора наиболее продуктивной философской традиции, позволяющей обосновывать национальную целостность России, ориентируясь на отечественные

духовные традиции, и одновременно утверждать приоритет универсальных гуманистических ценностей [2]. Русская философия дает нам прекрасный пример рефлексии именно над темой культурной идентификации России и русского народа в контексте мировой духовной традиции. Сложившись по преимуществу вокруг проблем философско-исторических, русская философская мысль включила в поле своего творческого исследования многие вопросы. Меж тем центральной и во многом системообразующей темой, на наш взгляд, является осмысление особенностей отечественной духовной культуры. Эта проблематика потребовала глубокого философского обоснования и привела к формированию целого ряда полномасштабных философских систем, ознаменовавших расцвет русской философской мысли последней трети XIX – начала XX вв. Пожалуй, последняя концептуальная попытка построить модель самобытного исторического развития нашей страны предпринята в рамках евразийства.

Полагаем, что именно евразийская концепция позволяет обнаружить неплохой ресурс для поддержания идеи межнационального и межконфессионального мира. У истоков евразийства стояли Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий, П. П. Сувчинский, Г. В. Флоровский. Последний достаточно быстро покинул ряды приверженцев движения и стал суровым критиком его доктрины. В разработке евразийской идеологии принимали творческое участие Н. Н. Алексеев, Г. В. Вернадский и др. В качестве идеолога на определенное время к движению был близок крупный философ, принадлежащий к философской школе всеединства, – Л. П. Карсавин. Оценки факта евразийского увлечения Л. П. Карсавина часто весьма негативны (особенно это касается его сближения с левым крылом движения). Полагаем, что присоединение Л. П. Карсавина к евразийскому движению, конечно, не было обусловлено исключительно случайными обстоятельствами. Особенности личности мыслителя теснейшим образом связаны с его философией и его судьбой. Следует заметить, что Л. П. Карсавин первоначально был в числе скептически настроенных по отношению к евразийской концепции авторов.

Нам историософия евразийства особенно интересна в той ее собственно философской части, которая и была сформулирована Л. П. Карсавиным – представителем значимого направления в ис-

тории русской философии, называемого философией всеединства. Поскольку история мыслится Л. П. Карсавиным как развитие всеединого субъекта, постольку все его проявления обладают ценностью. В современной ситуации особое значение приобретает философский фундамент, на котором должно выстраиваться обоснование идеи межнационального и межконфессионального мира, что позволит противостоять идеологии экстремизма и терроризма в общественном сознании. Концептуальные установки философии всеединства достаточно продуктивны для решения обозначенной задачи. Особенно они актуальны для такого многоединства как Евразия. Народы России-Евразии оказываются не просто суммативной системой, объединенными лишь общей исторической судьбой, но и взаимосвязанными и даже взаимообусловленными частями целого. При этом связи между элементами многоединства опосредованы центром и потому ценность каждого равнозначна.

Несмотря на то, что с евразийством как политическим течением Л. П. Карсавина связывали сложные отношений «притяжения – отталкивания», в философской области он выступает идеологом этого течения, несмотря на довольно короткое время увлечения данным направлением. Именно благодаря вкладу Л. П. Карсавина мы можем говорить о глубокой философской проработке базовых идеологий евразийского учения. В евразийский период своего творчества (примерно с 1926 по 1929 г.) мыслитель продолжил развивать основные уже высказанные им идеи. Фундаментом евразийской доктрины становится его учение о симфонической личности, приобретающее всеохватывающее значение [3]. Россия-Евразия как особая цивилизация выступает личностным проявлением всеединства, обладающим «соборно-единым мирозерцанием» [1, с. 137], включает в себя народы и социальные группы и индивидов. В этом гармоничном единстве соборного субъекта существуют личные формы, в которых и через которые реализуется бытие «народного и многонародного единства». Этими формами выступают церковь и государство [2, с. 13]. В модели Л. П. Карсавина тем самым содержится философское обоснование особой культурно-цивилизационной идентичности России, сформировавшейся на основе единой государственности и православной церковности, взаимодействующих (в идеале) в симфоническом единстве.

Россия в евразийской модели предстала в качестве культурно-этнического единства, обладающего особыми самобытными качествами. Открыто проявилась тенденция к интеграции с восточными народами при сохранении достаточно четкой демаркации и неприязни по отношению к западной культуре. Следует обратить внимание на то, что евразийская философия истории позволяет включить в контекст единой российской культурно-цивилизационной общности и нехристианские «восточные» элементы, присутствующие в отечественной истории и культуре. Примат целого над частями, вообще характерный для философии всеединства, не приводит к нивелированию различий между культурами-личностями. Современному российскому общественному сознанию необходимо философское обоснование интегрированной идентификации для многоконфессионального и многонационального сообщества. Внимание евразийцев к проблемам государственности естественным образом вытекает из политизированности самого евразийства. Это усиливает цивилизационный аспект нашей проблемы, позволяет включить разнородные элементы, отличающиеся по конфессиональной принадлежности в единое гармоничное целое, сформировав тем самым самобытную культурно-цивилизационную общность со своей собственной конкретной самоидентификацией. Историософия евразийцев представляется в настоящее время наиболее продуктивной философско-исторической доктриной, позволяющей без существенных противоречий обосновывать культурно-цивилизационную самобытность России в современном глобализирующемся мире.

Актуальность рассмотренной философской концепции иллюстрирует обращение к ней в последнее десятилетие со стороны значительного числа мыслителей и общественных деятелей. Решая собственные, прежде всего, политические задачи, они не представляют собой сколько-нибудь согласованного движения и часто, как справедливо отмечают современные исследователи, не столько развивают, сколько отрицают многие идеи классиков евразийства, вместе с тем сохраняя с ними определенную духовную преемственность. Это обстоятельство определяет задачу более глубокого осмысления философского и философско-политического наследия евразийского движения, избегающего произвольных упрощений и ориентированного на формирование продуктивной философии истории, которая

позволит последовательно обосновывать национальную целостность России.

Список библиографических ссылок

1. Основы теории национальной безопасности: учебник / ред. Е. А. Матвиенко, Н. И. Грачев. 2-е изд., испр. и доп. Волгоград: ВА МВД России, 2017.
2. Париллов О. В. Роль самобытников в развитии русского самосознания: монография. Н. Новгород: Нижегород. правовая академия, 2001.

© Треушников И. А., 2019

* * *

Ш. Т.-О. Шукюров,
Академия полиции МВД Азербайджанской Республики

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОНЯТИЯ БЕЗОПАСНОСТИ, ИНСТИТУТА БЕЗОПАСНОСТИ И ЕГО СОСТАВНЫХ ЧАСТЕЙ

Институт безопасности является одним из актуальных и необходимо важных областей для рассмотрения и исследования со стороны политиков, юристов, философов, практических работников и ученых. Институт безопасности представляет собою разветвленное, многогранное, многоструктурное целое, которое состоит из многочисленных и взаимосвязанных между собой элементов и частей, где каждый элемент нуждается в отдельной корректировке и углубленной на современный этап трактовке, так как входит в главный институт государственности, тем самым обосновывая и утверждая свою актуальность и преемственность.

Безопасность – это институт предпосылок для обеспечения, существования и развития индивидуумов.

Безопасность – **важнейшее условие существования любого объекта**. Каждый живой организм (насекомое, животное, человек) и организм социальный (общество, государство) нуждаются в обеспечении безопасности [1, с. 35].

В области подходов к понятию безопасности существует ряд взглядов, теорий, концепций, в которых рассматривается эта область как спокойствие, потребность, восприятие, явление, процесс и другие немаловажные обоснованные аспекты.

Согласно философской концепции Б. Спинозы безопасность рассматривалась как **состояние спокойствия, появляющееся в результате реальной физической или моральной опасности** [2, с. 14].

В научной статье изначально хотелось бы уделить внимание понятию безопасности с точки зрения исторической хронологии, его возникновения и развития. Испокон веков безопасность становилась целью человеческого общества, нынешнего гражданского общества и основой формирования дальнейшей жизнедеятельности.

Формирование мировоззренческих взглядов на безопасность, восприятие ее человеком и обеспечение безопасности как сознательный процесс деятельности людей складывались постепенно. Потребность обеспечения безопасности – это вообще один из основных мотивов деятельности человеческих сообществ. Стремление к безопасности обусловило объединение наших первобытных предков, формирование в дальнейшем силовых структур различного рода, образование ряда международных союзов и организаций и, в конечном счете, привело к созданию ООН [3, с. 5].

Безопасность формировалась как необходимость, неотъемлемая и неотделимая часть сосуществования отношений между людьми, группами, коллективами людей, общинами, государствами и дружинами формированиями.

Безопасность относится к основным потребностям человека, наряду с потребностью в воздухе, еде, жилье и т. п. Удовлетворение этой потребности зависит от исторической эпохи и связано как с **объективными, так и с субъективными факторами**. Объективные – это уровень общего развития государства, его экономический и культурный потенциал, а субъективные – это

восприятие самим человеком, соотносимо с особенностями его характера и окружающей действительности, среды собственного обитания.

С давних времен людям приходилось сталкиваться с явлениями, процессами, событиями, создающими угрозу для их жизни, имущества, иных ценностей, при этом в разные исторические периоды отношение к данным угрозам было различно [4, с. 5].

Понятие «безопасность» возникло одновременно с появлением человеческого общества... Впервые термин «безопасность» был употреблен в 1190 г. в словаре английского ученого-философа Роббера как *«спокойное состояние духа человека, считающего себя защищенным от любой опасности»*, но в этом значении он не вошел в лексику народов Западной Европы и использовался до XVII в. крайне редко [2, с. 13].

Английский ученый-философ Роббер представляет термин безопасности с философской точки зрения одного индивидуума в целях его защиты и обороны. Есть и другая точка зрения, которая включает уже элементы не только *собственной безопасности*, но и *коллективной безопасности от различных факторов*.

Понятие безопасности взаимосвязано с ее профилактикой, которая наблюдалась еще в древние времена.

В первобытную эпоху опасность подстерегала человека везде. И в это время еще не существовало того понятия «безопасность», которое связано с самым примитивным его осознанием – *огражденность от опасности*. Сознание человека было направлено на «внешний мир», т. е. природные катаклизмы, вторжения врагов и т. п. «Объяснительные схемы, вырабатываемые древними людьми для оценки состояния собственной безопасности, безопасности своих близких, рода, племени, страны, имели среди прочего также функцию предвидения и предупреждения» [4, с. 7].

В основном отношения строились на противоречиях между индивидуумами, которые наблюдались в противовес безопасности.

Безопасность нарушается во время столкновений интересов отдельных субъектов и членов общества, но, как видно из истории, в основном безопасность нарушается в результате войн, вооруженных столкновений.

На Западе принято считать, что термин «безопасность» начал применяться там с начала XI в. Он означал изначально *спокойное состояние духа человека, считавшего себя защищенным от любой опасности*. В XVI в. представление о безопасности и ее обеспечении все более связывалось со стремлением отдельных государств к расширению территорий, захвату природных и человеческих ресурсов ради укрепления своей мощи и силы, повышения роли и статуса в системе межгосударственных отношений [4, с. 8].

Постепенно с развитием и формированием государственности изменились подходы к понятию института безопасности, к его составным частям и элементам.

В XVII–XVIII вв. практически во всех странах утвердилась точка зрения, что государство имеет своей главной целью *общее благосостояние и безопасность*. Поэтому термин «безопасность» получил в это время новую трактовку: состояние, ситуация спокойствия, появляющаяся в результате отсутствия реальной опасности (как физической, так и моральной), а также материальные, экономические, политические условия, соответствующие органы и организации, способствующие созданию данной ситуации [4, с. 9].

Со временем усовершенствования правовых основ, принятия демократических источников права наблюдался процесс приравнивания и в некоторых случаях возвеличивания института безопасности по сравнению с другими правовыми институтами и категориями.

Безопасность стала не меньшей ценностью в политике, чем демократия или права человека. Впервые это было закреплено в английском Билле о правах 1689 г., американской Декларации независимости 1776 г. и, в особенности, во французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г. В Билле безопасность была поставлена в один ряд с единением, миром, спокойствием народа и благосостоянием государства. В американской Декларации создание гарантий своей безопасности объявлялось правом и обязанностью народа, а задачей власти – обеспечение людям безопасности и счастья. В Декларации прав человека и гражданина провозглашалось, что *безопасность наряду со свободой, собственностью и сопротивлением угнетению входит в число неотъемлемых естественных прав человека* [4, с. 8].

Институт безопасности постепенно входил в юрисдикцию защиты и охраны в целях его обеспечения с точки зрения закрепления и отражения в правовых актах.

В Российской империи понятие «безопасность» стало употребляться только с 80-х гг. XIX в. и имело весьма специфическую направленность. В основном упор делался на «охранение общественной опасности» как деятельности, направленной на борьбу с государственными преступлениями. В Положении о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия от 14 августа 1881 г. употреблен термин *«государственная безопасность» как однопорядковый с термином «общественная безопасность»* [5, с. 3].

С изменением экономической, социальной ситуацией наблюдалось возникновение и развитие разновидностей понятия безопасности.

Таким образом, в XIX в. понятие безопасности отражало состояние защищенности интересов государства, общества и личности в различных сферах жизнедеятельности (внешняя безопасность, безопасность промыслов, безопасность на воде, имущественная безопасность, общественная безопасность и т. д.), которые и являлись составными частями безопасности государства [2, с. 16].

Постепенно институт безопасности начал входить в предмет права.

В дореволюционной отечественной государственно-правовой мысли понятие «безопасность» встречается достаточно редко, так как обеспечение безопасности граждан было предметом науки полицейского права, т. е. данный термин относился к предупреждению опасности от внутренних угроз. Отсутствие безопасности, по мнению А. Градовского, вызывает гибель государства. М. Сперанский отмечал, что общим предметом для всего правового регулирования является учреждение общей безопасности лиц и имущества. *«Безопасность лица и имущества – первое и неотъемлемое достояние всякого человека, входящего в общество»* [6, с. 6].

Определение термина «безопасность» сложилось в начале XX в. и обозначало *спокойное состояние духа человека, считавшего себя защищенным от любой опасности*. В результате двух мировых войн общественное сознание все больше и больше признавало иной вариант понимания безопасности, *где сохранение жизни ка-*

ждого конкретного человека напрямую зависело от построения и укрепления системы коллективной и международной безопасности. И в 1980–1990 гг. начинает утверждаться концепция общей безопасности (common security) [4, с. 9].

С изменением формаций и подходы института безопасности к формациям, но не столь глубоко изменялось его правовое содержание, в основном учреждались новые социалистические подходы по отношению к сущности безопасности.

В советских общих энциклопедических изданиях понятие безопасности относилось исключительно к противодействию внешним угрозам. В Большой советской энциклопедии представлено только понятие «безопасность международная». В Военном энциклопедическом словаре и Советской военной энциклопедии 1970–1980 гг. приводится трактовка прикладных видов безопасности: «безопасность полетов», «безопасность плавания», «безопасный временной интервал». В современных словарях существуют многообразные толкования понятия «безопасность», которые объясняются тем, что оно употребляется применительно ко многим объектам, процессам, явлениям человеческой жизни посредством анализа конкретных признаков [2, с. 24].

В советский период понятие «безопасность» относилось *к состоянию защищенности социалистического государства от планов буржуазного империализма.* В период начала радикальных либеральных реформ в постперестроечной России в начале 1990-х гг. появились работы, посвященные сущности безопасности личности, общества и государства [6, с. 6].

А. В. Шободоева писала: «Теоретические наработки по проблемам безопасности за многовековую историю человечества свидетельствуют о том, что безопасность представляет собой предельно широкое явление. В современных условиях в зарубежной и отечественной науке безопасность характеризуется как:

- отсутствие опасностей, угрожающих индивиду, обществу и государству;
- наличие условий для достойной жизни людей, удовлетворения и реализации их потребностей и интересов;
- стабильное состояние общества, его качественная определенность;

- устойчивое и прогрессивное развитие в системе международных отношений;
- свойство социума сохранять свои целостность, относительную самостоятельность и устойчивость, способность к развитию;
- вид деятельности, система мер, направленных на предотвращение опасности» [3, с. 13–14].

В статье 1 ранее действовавшего Закона РФ «О безопасности» 1992 г. была представлена формулировка «безопасность» как *«состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз»* [2, с. 25].

Этимология понятия «безопасность» непосредственно связана с понятием «опасность», поэтому при формулировании первых определений безопасности принималось во внимание, что безопасность – это пребывание в защищенности, в состоянии, при котором не угрожает опасность.

В большинстве определений «безопасность» трактуется с точки зрения охранительной парадигмы как состояние защищенности от опасностей.

В реальной жизни всегда существовали и существуют опасности самого различного характера. Категория «безопасность» не абсолютна, а только относительна и смысловое значение приобретает в связи с конкретными объектами или сферой человеческой деятельности и окружающего мира [2, с. 25].

С позиций формальной логики безопасность – это отсутствие опасности. Однако, безусловно, в условиях реальной действительности невозможно достигнуть состояния полной безопасности, поскольку та или иная угроза присутствует всегда, а значит – такое положение принципиально недостижимо. В связи с этим В. И. Ярочкин отмечает, что «безопасность – это скорее не отсутствие опасности, а защита от нее» [1, с. 37].

Как указала И. Б. Кардашова, «безопасность – это сложное многомерное социальное явление. Большинство из существующих концепций безопасности разработаны, как правило, в рамках парадигмы „безопасность есть защита от опасности“» [2].

Раскрытие понятия «безопасность» через термины «защита», «защищенность», «защитить» суживает ее смысл. «Защитить» – значит, оборонять от чего-либо; это вещь, предмет, явление, скрывающее, охраняющее от чего-либо. При этом уменьшаются свойства и функции безопасности – снижать, ослаблять, предупреждать опасности и угрозы. Функциональная характеристика безопасности не может быть сведена лишь к защищенности определенных ценностей. Поэтому, когда говорят о безопасности того или иного элемента, имеется в виду не только его защищенность, но и предупреждение и устранение опасности для него, а также поддержание такого уровня его защищенности, который является достаточным для его нормального функционирования и развития.

Таким образом, основными концептуальными подходами к безопасности, по мнению И. Б. Кардашовой, являются:

1) сложный, широкий и дифференцированный смысл общего явления безопасности;

2) множественность определений категории «безопасность»: «защищенность или состояние защищенности», «отсутствие опасности», «свойство (атрибут) системы», «состояние объекта в системе его связей с точки зрения способности к развитию» и др. [2, с. 28].

Часто возникает вопрос, какие элементы включает в себя институт безопасности.

Безопасность включает в себя *физическую* и *психическую защищенность человека*, ограждение его от воздействия всех видов насилия в результате внешней или внутренней угрозы. При отсутствии внешней угрозы (войны, конфликты, катастрофы и т. п.) на передний план выходит угроза внутренняя (преступления, правонарушения и др.), утрачиваются гарантии безопасности и рождается чувство незащищенности [7, с. 20].

Институт безопасности, его структурные части и элементы в основном существуют во взаимосвязи, на стыке взаимоотношений с другими правовыми институтами, на внутригосударственном и международном уровнях.

С точки зрения А. М. Гасанова, «безопасность», «национальная безопасность», «государственная безопасность» и другие аналогичные понятия носят как субъективный, в силу сложного характера данного социально-политического феномена, так и конкретно-

исторический характер. В системе «природа – человек – общество – внешний мир» такое понимание опирается на способность каждой страны создавать отношения с внешним миром, оказывать на него влияние и иметь собственный подход в рамках норм международного права и своих национальных интересов. Так как основной целью политики национального развития и безопасности каждого государства является защита и обеспечение на высоком уровне жизненно важных интересов страны при взаимодействии с внешним миром [определяются на основе субъективного подхода. – А. Г.], то национальные интересы, национальная безопасность и международный авторитет каждой страны, с одной стороны, принимаются во всем мире и охраняются со стороны международных организаций в качестве субъекта международного права» [8, с. 11].

Институт безопасности на современном этапе рассматривается не как предмет и не только в пределах внутригосударственного права.

Безопасность как феномен международной политики представляет собой защиту государством собственной территории от различного рода посягательств извне [9].

Теоретические основы по своему назначению и содержанию находят свое отражение и в правовых актах о безопасности.

Безопасность сегодня выступает с позиций защиты интересов, где государство и ряд других субъектов выступают в защиту этих интересов.

В Законе Российской Федерации «О безопасности» 1992 г., а также во всех последующих документах заложено широкое толкование понятия «безопасность», принятое во многих других странах мира. Безопасность в них определена как ***состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства...*** Объектами обеспечения безопасности закон определяет личность, общество и государство. При этом государство является еще и субъектом обеспечения безопасности. Личности должна быть обеспечена защита ее прав и свобод, обществу – защита его материальных и духовных ценностей [10, с. 18].

Напомним, что в Законе Российской Федерации «О безопасности» 1992 г. понятия «безопасность» и «объекты безопасности» определяются так: «Безопасность – состояние защищенности жизненно

важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Жизненно важные интересы – совокупность потребностей, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможности прогрессивного развития личности, общества и государства. К основным объектам безопасности относятся: личность – ее права и свободы; общество – его материальные и духовные ценности; государство – его конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность» [10, с. 57].

В заключение статьи хотелось еще раз подчеркнуть актуальность данной темы, ее важность и необходимость для всех сфер человеческой жизнедеятельности, гражданского общества, государственных интересов и международного сообщества.

Список библиографических ссылок

1. Ирошников Д. В. Государственная безопасность как правовая категория // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». 2013. № 3. С. 35–42.
2. Кардашова И. Б. Основы теории национальной безопасности: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2018. 303 с.
3. Шободоева А. В. Теория национальной безопасности Российской Федерации: учебник: в 2 ч. Иркутск: Изд-во БГУ, 2017. 176 с.
4. Шободоева А. В. Основы теории национальной безопасности: курс лекций. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2015. 228 с.
5. Семичева А. С. Становление и сущность общей теории национальной безопасности Российской Федерации // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Сер. 2 «Юридические науки». 2015. № 1 (6). С. 3–7.
6. Овчинников А. И., Мамычев А. Ю., Кравченко А. Г. Основы теории национальной безопасности: учеб. пособие. М.: РИОР, 2011. 252 с. URL: <https://abc.vvsu.ru> (дата обращения: 07.01.2019).
7. Чернышев Б. В., Лобанов А. В., Шаповалов А. А., Плешаков А. П. Основы теории национальной безопасности: учеб. пособие для студ. спец. «Правовое обеспечение национальной безопасности». Саратов: Саратов. соц.-экон. ин-т, 2015. 80 с.

8. Гасанов А. М. Политика национального развития и безопасности Азербайджанской Республики. Баку: Zərdabi LTD MMC, 2014. 672 с.

9. Тонких В. А., Лытнева Н. А. Национальная безопасность России в условиях современных вызовов и угроз // Молодой ученый. 2017. № 11. С. 404–408. URL: <https://moluch.ru> (дата обращения: 07.01.2019).

10. КОРТУНОВ С. В. Концептуальные основы национальной и международной безопасности: учеб.-метод. пособие. М., 2007. 298 с.

© Шукюров Ш. Т.-О., 2019

* * *

СЕКЦИЯ 3

Право, нравственность, религия и традиция как регуляторы социальной жизни

О. В. Зуева,

Академия управления МВД России

ПРОБЛЕМА ДИСФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ ИНСТИТУТА ПОЛИЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Развитие человеческого общества не может происходить хаотически. Согласно этому подходу история есть процесс упорядочения, закрепления общественно значимых типов социальных отношений. Социальные отношения, превратившиеся в упорядоченную систему социальных связей, норм и ролей, которая объединяет значимые общественные ценности и процедуры, удовлетворяющие основным потребностям общества, называются социальными институтами. Социальные институты представляют собой своеобразный хребет общественной жизни, благодаря которому обеспечиваются социальный порядок в обществе, его стабильность и интеграция.

Изучение социальных институтов имеет долгую историю. Основоположник социологии О. Конт в своих трудах не использует понятие «социальный институт», но при этом рассматривает жизнь общества сквозь призму особых форм социальной организации, которые вскоре стали называть социальными институтами. Родоначальники социологии основное предназначение социальных институтов видели в регулировании процессов функционирования социальных общностей и поддержании общественного равновесия.

Современный польский социолог Ян Щепаньский социальные институты определил как «системы учреждений, в которых определенные люди, избранные членами групп, получают полномочия для выполнения определенных и безличных функций ради удовлетворения существующих индивидуальных и общественных потребностей и ради регулирования поведения других членов групп» [1, с. 96–97].

Актуальность изучения социальных институтов в современном обществе обусловлена, прежде всего, тем, что функциональная значимость некоторых из них падает. Институт перестает удовлетворять потребности общества, ради которых он был создан. В социологии, когда институт вместо того, чтобы приносить пользу, приносит вред, говорят о дисфункции социального института. Одним из таких институтов, в работе которого наблюдается данная проблема, является полиция. Дисфункциональность полиции обусловлена «снижением имиджа сотрудника ОВД» [2, с. 138], неопределенностью функций института, размытостью целей.

В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» «полиция предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности» [3]. Таким образом, полиция как социальный институт, являясь особым специфическим интегрированным комплексом образов, норм, ценностей, ролей и статусов, следуя институционально заданным нормам и правилам, должна выполнять законодательно закрепленные за ней правоохранные функции.

Оценка эффективности выполнения закрепленных за полицией функций осуществляется в соответствии с приказом МВД России от 31 декабря 2013 г. № 1040 «Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации» [4], в котором определены ведомственные и вневедомственные показатели оценки деятельности органов внутренних дел. К ведомственным показателям относятся: количество граждан, погибших от противоправных посягательств, количество предварительно расследованных тяжких и особо тяжких преступлений общеуголовной направленности, количество тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных на бытовой почве, количество смертельных ДТП и т. д. Оценку своей деятельности на основе разработанной методики территориальные органы осуществляют самостоятельно, но все показатели так или иначе образуют общую статистическую базу, ориентируясь на которую, мы можем делать выводы по изучаемой проблеме.

В период с января по ноябрь 2018 г. на территории Российской Федерации зарегистрировано 1 841 284 преступления, что на 4,1 % меньше, чем за аналогичный период 2017 г. Сократилось на 1,1 % количество тяжких преступлений [5]. Позитивная динамика наблюдается и в статистике ДТП, опубликованной ГИБДД РФ, согласно которой в 2018 г. количество ДТП уменьшилось, по сравнению с 2017 г. на 0,8 %. Уменьшилось и количество погибших на дорогах страны на 4,6 % [6]. Конечно, эти показатели не носят значительного характера и далеки от европейских, но при этом они демонстрируют, что принимаемые государством меры положительно действуют на безопасность участников дорожного движения.

К сожалению, далеко не все ведомственные показатели имеют положительную динамику. Так, среди преступлений экономической направленности, число которых увеличилось на 4,7 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, наблюдается отрицательная динамика. Кроме того, количество преступлений коррупционной направленности также увеличилось на 2,3 %. Основные проблемы полиции были упомянуты Президентом РФ на расширенном заседании коллегии МВД России, среди которых были выделены: низкая раскрываемость преступлений, сложная ситуация на дорогах, слабая система профилактики правонарушений среди несовершеннолетних и т. д. [7].

Вневедомственные показатели тоже не дают однозначную оценку деятельности полиции. К таким показателям относятся: уверенность граждан в защищенности своих личных и имущественных интересов; оценка эффективности деятельности ОВД как государственного института по защите личных и общественных интересов граждан; готовность граждан оказать поддержку полиции; уровень доверия к полиции и т. д. [4]. Регулярное социологическое измерение выделенных в данном приказе индикаторов позволяет давать оценку деятельности органов внутренних дел и получать информацию о том, насколько эффективно институт полиции справляется со своими функциональными обязанностями по удовлетворению потребностей населения в безопасности.

Президент РФ В. В. Путин, выступая на коллегии, отметил, что «социологические опросы показывают, что в последние годы растет доля граждан, которые считают, что полиция оказывает существенную

помощь в решении их проблем. Это самый главный критерий, самая важная оценка» [7]. Действительно, уровень доверия населения полиции сегодня выше, чем предыдущие периоды и составляет 57 %. Такая оценка деятельности стала, на наш взгляд, возможной благодаря слаженной работе полицейских во время проведения мундиаля. «Знающие о работе полиции во время мундиаля считают, что полицейские вели себя дружелюбно по отношению к российским (52 %) и иностранным (70 %) болельщикам...» [8]. Однако не все вневедомственные показатели выглядят так оптимистично. Среди них есть и те, которые демонстрируют наличие проблемы дисфункциональности института полиции. Среди которых: рост уровня виктимности населения, отсутствие уверенности граждан в защищенности своих личных и имущественных интересов.

При изучении степени обеспокоенности граждан преступными посягательствами в волгоградском регионе были получены следующие данные: «сильно обеспокоены состоянием преступности в районе проживания» – 36,1 %, «в той или иной мере обеспокоены» – 72,0 % опрошенных. Не испытывают беспокойство по поводу преступности в районе проживания 17,8 % респондентов. В 2017 г. таких респондентов было 27,2 %. Кроме того, жертвами преступных посягательств стали 21,2 % респондентов. Результаты исследования показывают, что уровень виктимности населения г. Волгограда остается на достаточно высоком уровне [9].

Таким образом, анализ ведомственных и вневедомственных индикаторов оценки деятельности органов внутренних дел говорит о наличии проблемы дисфункциональности института полиции, которая выражается в падении его общественного авторитета, низком уровне раскрываемости и других показателях. Такая ситуация порождает неудовлетворенную общественную потребность, вызывающую к жизни стихийное появление нормативно не регулированных видов деятельности, стремящихся за счет нарушения существующих норм и правил восполнить дисфункцию института. Исправление дисфункции может быть достигнуто изменением самого института полиции. Необходимость в такого рода изменениях назрела уже давно и стала реализовываться в реформах, проводимых в ОВД. Нельзя отрицать того факта, что реформы дали результат, выраженный, прежде всего, в положительной динамике отдельных показателей

по оценке деятельности полиции, о которых мы говорили выше. Однако полагаем, для нормального функционирования социального института полиции, удовлетворяющего потребности общества, в первую очередь в безопасности, принятых мер недостаточно. Имеется достаточный задел в оптимизации деятельности полиции, но реформирование системы ОВД необходимо продолжить.

Список библиографических ссылок

1. Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. М., 1969.
2. Зуева О. В., Караулов С. В., Пашарина Е. С. Влияние общественного мнения на формирование имиджа сотрудников полиции // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. № 4 (43). С. 138–142.
3. О полиции: федер. закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 31.12.2013 № 1040. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Состояние преступности в России. URL: <https://genproc.gov.ru> (дата обращения: 01.03.2019).
6. Показатели состояния безопасности дорожного движения. URL: <http://stat.gibdd.ru> (дата обращения: 01.03.2019).
7. Расширенное заседание коллегии МВД России. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 01.03.2019).
8. Работа полиции: доверие и оценка. URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 01.03.2019).
9. Ежегодное социологическое исследование на тему «Изучение общественного мнения о деятельности полиции», проведенное социологической группой ВА МВД России в г. Волгограде в июне 2018 г. Выборочная совокупность 400 человек.

© Зуева О. В., 2019

* * *

С. М. Иванов,
Волгоградская епархия;
М. С. Маслов,
Волгоградский государственный аграрный университет

СОЗДАНИЕ ПОДЗЕМНОГО КОМПЛЕКСА ЦАРИЦЫНСКОГО СВЯТО-ДУХОВСКОГО МОНАСТЫРЯ КАК ПРИМЕР ИНТЕГРАЦИИ РЕЛИГИОЗНОЙ ГРУППЫ

Тема царицынских катакомб является очень актуальной из-за уникальности подобного сооружения для нашего региона. Как справедливо подчеркивает историк, специалист по культовым подземельям Ю. В. Полева, «традиция подземных кладбищ (некрополей) на Среднем Дону на данный момент неизвестна. ... Неизвестно о них на Нижнем Дону и в Саратовском Поволжье. Единственное известное нам подземное сооружение такого назначения... катакомбы Святодухова монастыря г. Царицына» [1, с. 69]. Она считает, что Илиодор создавал их по образцу всемирно известных римских катакомб, отмечая «обетный характер пещерокопания как вида покаяния» [1, с. 69].

В начале XX в. имя иеромонаха Илиодора (С. М. Труфанова) узнала вся Россия. В народе ходили слухи, что Илиодор – незаконнорожденный сын императора Александра III и, таким образом, сводный брат Николая II. Бывший глава Саратовской губернии П. П. Стремоухов отмечал, что после победы иеромонаха над Столыпиным в 1911 г. народная молва выставляла его «незаконным братом Государя, от отца, чисто русской крови» [2, с. 39].

Осенью 1911 г. Илиодор в проповедях перед многотысячными толпами стал нагнетать эсхатологические настроения. 24 сентября 1911 г. в монастыре иеромонах заявил, что «приближается, уже почти приблизился, конец света» [3, с. 4]. Он стал пугать людей, что кончина мира и пришествие Антихриста произойдут через два-три года, максимум через пять лет, и призвал их приходить рыть пещеры.

Возведение грандиозного монастырского комплекса, вызвавшее массовый энтузиазм среди местной бедноты, уже закончилось. Вероятно, тогда Труфанов понял, что одними проповедями он уже

не сможет удержать людей вокруг себя, и ему потребуется найти для них какое-либо новое приложение сил. Копание пещер здесь призвано было обеспечить сплоченность и «солидарность» этой группы общества за счет постоянной добровольной трудовой повинности и выполнения ритуалов, в которых утверждалась и поддерживалась ценность группы. Это связывало отдельных людей в единое целое, диктуя каждому коллективные представления и соответствующий образ действий.

Непосредственным поводом для начала строительства стал отказ Царицынской городской Думы выделить Илиодору площадь у монастыря для устройства различных благотворительных учреждений. В конце сентября 1911 г. он заявил прихожанам: «Не дали нам гласные своей площади, так мы выроем себе нужное помещение под их площадью, и сами они не будут знать, где наши помещения будут находиться. Землю из-под земли мы будем ссыпать в овраги, и пусть наши враги на нее любят. ...Найдутся люди, которые захотят узнать, где будут наши катакомбы, и другой нечестивец, взяв лопату, притворится, что будто бы для помощи нам роет землю, а сам захочет узнать наши планы, но я сам буду следить за работами и таких нечестивцев стану гнать лопатой по шее» [4, Л. 239–239 об.].

Вообще Илиодор очень активно использовал в своих выступлениях перед последователями тему «врагов», причем не только духовных (как Антихрист), но и политических. Этим он также запугивал массы и заставлял их спланиваться вокруг своей фигуры. Труфанов отмечал в одной из своих проповедей: «Катакомбы у нас будут огромны, обширны, в три этажа из края в край огромной площади земли, и никто там, кроме самых близких людей, не будет знать в них ни входа, ни выхода, что я делаю еще и потому, что, может быть, я даже в этом уверен, нам скоро придется спасаться в них не только от Антихриста, а от тех самых светских врагов наших, которые нас преследовали и теперь продолжают преследовать только более скрытно. Поэтому старайтесь все как можно скорее рыть и устроить это наше самое надежное и последнее убежище. Работы по прорытию его будет очень много. Рыть придется всю зиму, и закончим мы его разве только к будущему лету» [4, Л. 251].

В рапорте полицмейстера от 4 октября 1911 г. говорится: «...работы по рытью пещер на монастырском подворье продолжаются, причем рвы роются в разном направлении, длиною от 2 до 7 аршин, шириною в один аршин и глубиною до 6 аршин. Один из рвов, направляющийся под монастырский храм, имеет вид входа в подземелье, ширина его около 3 аршин и длина аршин 8. Этот роется под личным наблюдением иеромонаха Илиодора. Работают преимущественно женщины и дети, но есть и мужчины. Все работают бесплатно. Грунт монастырского двора в некоторых местах настолько рыхлый, что даже осыпаются края рвов, в других же местах грунт очень твердый. Как объяснил иеромонах Илиодор своим поклонникам, все пещеры будут расположены под храмом крестомобразно в три яруса. Работы проводятся под наблюдением архитектора» [4, Л. 254 об.].

В своей проповеди от 15 октября 1911 г. иеромонах предупреждал верующих: «Теперь вы входите на подворье и выходите осторожно, не собирайтесь все в одну кучу, так как подворье, сами знаете, все изрыто, а становитесь осторожно и врассыпную. Каждый береги себя сам. Кто провалится, я за того не отвечаю» [4, Л. 283].

В другой проповеди 23 октября 1911 г. он подчеркнул, что «видя вас здесь такое множество таких старательных и усердных работников, я уверен, что вы не только выроете катакомбы под монастырем, храмом и зданиями, но можете подрывать весь Царицын, а уж о городской управе и говорить нечего. ...Мы теперь закончили предварительные наружные работы сверху земли. Такие работы можно было производить только в хорошую, сухую погоду... Теперь мы перенесем свои работы под землю. Эти работы много тяжелее и сопряжены с опасностью: могут быть обвалы земли. Ко мне недавно приезжал из Саратова ученый архитектор. Он осматривал произведенные уже работы и составил план дальнейших подземных работ, так что наши работы будут производиться по всем правилам архитектурной науки» [4, Л. 298 об.].

Труфанов тщательно контролировал весь ход создания подземного комплекса, ведя в специальной книге строгий учет работавших и жертвующих, выдавая каждому свидетельство за индивидуальным номером, куда записывались продукты и своеобразные предтечи колхозных трудодней. В итоге сразу становилось видно, будет

ли богомолец удостоен будущего погребения в катакомбах. Раздача этих временных свидетельств на право быть похороненным в катакомбах началась 29 октября 1911 г. На них было напечатано следующее: «Народная усыпальница обители Св. Духа в городе Царицыне». Каждый получивший его должен был запомнить номер свидетельства. Еще там писались имя, отчество и фамилия получившего и стояла подпись Илиодора. Все работавшие и жертвователи разделялись на 6 партий по числу рабочих дней в неделе, причем работы не прекращались и ночью. В каждой партии, по словам Труфанова, – по 160 человек [4, Л. 305–305 об.].

Процесс создания катакомб шел довольно быстро. Так уже 25 ноября 1911 г. (т. е. через два месяца с момента начала работ), судя по рапортам полиции, в обители заговорили, что «Илиодор ходил по галереям катакомб, простудил ноги и заболел» [4, Л. 493].

После ссоры Илиодора с Распутиным 17 января 1912 г. вышло постановление Синода об удалении монаха во Флорищеву пустынь Владимирской губернии. Царицынские жандармы рапортовали в Саратов, что «предполагается в случае побега Илиодора и прибытия в Царицын постановка постов у входов в монастырь, ...подземного выхода из монастыря. ...Независимо от всего необходимо детальное обследование всех подземных ходов монастыря» [5, Л. 109 об.].

19 января 1912 г., как писали газеты, «близкие приверженцы Илиодора сегодня тайно осматривали монастырские подземелья и заделали снаружи дверь, ведущую в них» [6, с. 2]. Это косвенно доказывает, что кроме основных, известных всем, входов в катакомбы наличествовали и множество других, тайных.

13 декабря 1912 г. катакомбы осмотрели инженер Клементьев и епархиальный архитектор Петропавловский, которые дали заключение, что «подземелья найдены угрожающими катастрофой в случае стечения народа. Поэтому монастырь закрыт. Братия переведена в другие монастыри» [7, с. 5].

Журналист «Царицынского вестника» отметил в своей статье от 16 июля 1914 г.: «Вход в катакомбы напоминает вход в подвальное помещение. Небольшая дверь, далее спускающиеся ступеньки, почти заваленныя глиной... Веет сыростью и холодом. ... Из трех ярусов подземного помещения – два нижних уже засыпаны. Идешь

и часто спотыкаешься по неразровненной насыпи... А вдали, на другом конце как-то особенно многозначительно пробивается свет – там выход из катакомб» [8, с. 2].

В основном ходы Свято-Духова монастыря имели фортификационное и коммуникационное значение, связывая значимые для Труфанова объекты. Отметим, что эти антропогенные пещеры можно отнести к подземным архитектурным сооружениям (ПАС) или терратектурным сооружениям, созданным в искусственной геологической среде и имеющим полифункциональный характер (культовые, коммуникационные, погребальные, фортификационные, хозяйственно-бытовые и жилые функции). Их выработка велась как открытым, так и закрытым способом с наклонными галереями. По форме объемов объект в горизонтальном плане имеет линейно-протяженные и камерные черты с присутствием крестовидных (аркосольных) и ветвящихся линейных объемов. В нем также присутствуют шахтообразные или вертикальные линейные полости. Не исключено, что после их вскрытия мы увидим еще более сложную систему, представляющую большой интерес для спелестологической науки.

Список библиографических ссылок

1. Полева Ю. В. Исторические формы христианских подземных культовых сооружений в Нижнем Поволжье и Подонья: монография. Волгоград: ВГАФК, 2010.
2. Стремоухов П. П. Моя борьба с епископом Гермогеном и Илиодором // Архив русской революции. М.: Политиздат; «Терра», 1993. Т. XVI. С. 5–48.
3. В монастыре // Царицынская мысль. 27 сентября 1911 г. № 212.
4. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 273.
5. ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 304.
6. В Саратове и Царицыне // Русское слово (Москва). 20 января 1912 г. № 16.
7. В катакомбах Илиодора // Русское слово (Москва). 14 февраля 1912 г. № 36.

8. Стародум. В Свято-Духовском монастыре. Впечатления // Царицынский вестник. 16 июля 1914 г. № 4640.

© *Иванов С. М., Маслов М. С., 2019*

* * *

*Н. В. Котельников,
Волгоградская академия МВД России*

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРАНСГРАНИЧНОГО УСЫНОВЛЕНИЯ

Трансграничное усыновление является серьезной проблемой для современной юриспруденции, поскольку коллизийные проблемы, возникшие при усыновлении ребенка в детстве, могут оказывать негативное влияние на всю его последующую жизнь, проявляясь не только в семейных, но и наследственных отношениях, отношениях по социальному обеспечению, приобретению гражданства или права на проживание на территории страны пребывания.

Кроме того, трансграничное усыновление всегда является очень деликатным вопросом для любого государства.

В большинстве случаев последствием усыновления детей иностранными гражданами становится переезд ребенка на постоянное место жительства в другое государство, а также, возможно, смена гражданства (национальное законодательство большинства государств предусматривает упрощенный порядок предоставления гражданства детям, усыновленным подданными этих государств).

С одной стороны, устройство ребенка в семью всегда рассматривается как приоритетная форма устройства детей, оставшихся без попечения родителей. Поэтому законодательство большинства государств не содержит абсолютного запрета на усыновление отечественных граждан иностранными усыновителями в тех случаях, когда

не удастся устроить ребенка в семью, проживающую на территории своей страны.

С другой стороны, государству безразлична дальнейшая судьба своих несовершеннолетних граждан. Но осуществлять контроль надлежащего исполнения усыновителями своих обязанностей по содержанию и воспитанию усыновленных детей, проживающих за рубежом, затруднительно, поскольку государственные органы не могут осуществлять свои властные полномочия за пределами территории своей страны. А «принимающее» государство не всегда уделяет должное внимание судьбе детей-иностранцев.

Ситуацией, в которой родное государство усыновляемого ребенка не может контролировать дальнейшие действия усыновителей, а принимающее государство не хочет обременять себя заботой о детях-иностранцах, нередко пользуются злоумышленники и недобросовестные усыновители.

Исходя из вышеизложенного, защитить права детей при международном усыновлении каждое государство, опираясь только на свои возможности, не сможет. Международное сотрудничество в этой сфере проявляется в многосторонних и двусторонних договорах. Наиболее значимыми из числа многосторонних международных соглашений в сфере усыновления, в которых участвует Российская Федерация, являются Конвенции ООН «О правах ребенка» [1] и Конвенция о защите детей и сотрудничестве в области межгосударственного усыновления [2].

Усыновление российских детей иностранными гражданами, лицами без гражданства, а также гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими за пределами территории Российской Федерации, производится на основе принципа национального режима с некоторыми законодательно установленными отступлениями, направленными на обеспечение прав ребенка.

Во-первых, п. 4 ст. 124 СК РФ устанавливает два условия для усыновления российских детей иностранными гражданами, лицами без гражданства или гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими за рубежом. Первое условие – это отсутствие возможности передать усыновляемого ребенка на воспитание в семьи граждан Российской Федерации, постоянно проживающих на территории Российской Федерации. Второе – истечение 12 месяцев

со дня поступления сведений о таком ребенке в федеральный банк данных о детях, оставшихся без попечения родителей. Соблюдение данных условий обязательно в случае усыновления ребенка его родственниками.

При вынесении судебного решения об усыновлении, в соответствии со ст. 272 ГПК РФ, суд должен проверить соблюдение указанных условий и проверить, предпринимались ли попытки устроить ребенка в семьи граждан Российской Федерации или в семьи родственников ребенка, проживающих за рубежом, а также установить факт истечения срока со дня постановки ребенка на учет в федеральном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей.

Установленные российским законодательством предварительные условия для усыновления российских сирот иностранными гражданами соответствуют международным обязательствам Российской Федерации, установленным Конвенцией ООН «О правах ребенка». Согласно ст. 21 данной Конвенции «усыновление в другой стране может рассматриваться в качестве альтернативного способа ухода за ребенком, если ребенок не может быть передан на воспитание или помещен в семью, которая могла бы обеспечить его воспитание или усыновление, и если обеспечение какого-либо подходящего ухода в стране происхождения ребенка является невозможным».

Во-вторых, ст. 4 Федерального закона «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» [3] установлен прямой запрет передачи детей, являющихся гражданами России, на усыновление (удочерение) гражданам Соединенных Штатов Америки. Одной из причин появления такого ограничения в российском законодательстве послужила серия фактов ненадлежащего исполнения американскими усыновителями своих обязанностей в 2009–2011 гг., повлекших смерть усыновленных детей.

Коллизионное регулирование усыновления осуществляется нормами ст. 165 СК РФ. В соответствии с ними как усыновление, так и отмена усыновления на территории Российской Федерации иностранными гражданами или лицами без гражданства ребенка, являющегося гражданином Российской Федерации, производится в соответствии с правом страны, гражданином которого является

усыновитель (при усыновлении ребенка лицом без гражданства – согласно законодательству государства, в котором это лицо имеет постоянное место жительства) на момент подачи заявления об усыновлении или об отмене усыновления.

Применение коллизионных норм ст. 165 СК РФ сопровождается условием об обязательном соблюдении некоторых требований российского законодательства, ст. 124–126, 127 (за исключением подп. 7 п. 1), ст. 128 и 129, ст. 130 (за исключением абзаца пятого), ст. 131–133 СК РФ. Таким образом, основные требования российского законодательства (за некоторыми исключениями), касающиеся порядка, оснований и условий усыновления, а также требования, предъявляемые к личности усыновителей, должны быть соблюдены, независимо от применимого к усыновлению права.

Специфика процедуры усыновления, осложненного иностранным элементом, на территории Российской Федерации проявляется в правилах родовой подсудности данной категории дел. Заявления граждан Российской Федерации, постоянно проживающих за пределами территории Российской Федерации, иностранных граждан или лиц без гражданства, желающих усыновить ребенка, являющегося гражданином Российской Федерации, подаются в верховный суд республики, краевой, областной суд, суд города федерального значения, суд автономной области и суд автономного округа по месту жительства или месту нахождения усыновляемого ребенка (дела об усыновлении российских детей отечественными гражданами, проживающими в России рассматривают районы суды) (ст. 269 ГПК РФ).

Еще одной особенностью процедуры усыновления иностранными гражданами российских детей является наделение иностранных усыновителей правом обращаться к услугам посредников – органов и организаций иностранных государств, получивших специальную аккредитацию в Российской Федерации (российским усыновителям прибегать к посредничеству в вопросах усыновления запрещено ст. 126.1 СК РФ). Правительством Российской Федерации утверждено Положение о деятельности органов и организаций иностранных государств по усыновлению (удочерению) детей на территории Российской Федерации и контроле за ее осуществлением [4], которое

определяется порядок получения аккредитации и дальнейшей работы этих органов и организаций.

Завершая характеристику процедуры усыновления иностранными гражданами российский детей необходимо заметить, что с целью установить хотя бы минимальный контроль за условиями жизни усыновленных российских граждан, проживающих за рубежом, на консульские учреждения Российской Федерации возложена функция учета детей, являющихся гражданами Российской Федерации и усыновленных иностранными гражданами или лицами без гражданства [5]. Однако, как уже отмечалось выше, возможности российских консульских учреждений крайне ограничены на территории иностранного государства. Консульские учреждения лишь ведут учет российских детей, проживающих на территории иностранного государства, а в случае выявления нарушения прав детей со стороны усыновителей консульские учреждения обращаются в компетентные органы иностранного государства в соответствии с законодательством этой страны.

Российские суды могут произвести отмену усыновления при наличии доказательств, свидетельствующих о нарушении прав и интересов усыновленного российского ребенка за рубежом, однако дальнейшее исполнение такого судебного решения и возврат ребенка на родину зависят от возможности признания решения российского суда на территории государства, где находится ребенок.

Усыновление детей, имеющих иностранное гражданство, гражданами Российской Федерации определяется законом суда (т. е. применяется право государства, на территории которого производится усыновление). Для такого усыновления необходимо получить согласие законного представителя ребенка и компетентного органа государства, гражданином которого является ребенок, а также, если это требуется в соответствии с законодательством указанного государства, согласие ребенка на усыновление (абз. 4 п. 1 ст. 165 СК РФ).

Список библиографических ссылок

1. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Конвенция о защите детей и сотрудничестве в области межгосударственного усыновления (Гаага, 29 мая 1993 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (подписана на основании распоряжения Президента РФ от 26.06.2000 № 241-рп, но до сих пор не ратифицирована Российской Федерацией).

3. О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации: федер. закон от 28.12.2012 № 272-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. О деятельности органов и организаций иностранных государств по усыновлению (удочерению) детей на территории Российской Федерации и контроле за ее осуществлением: постановление Правительства РФ от 04.11.2006 № 654. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Об утверждении правил передачи детей на усыновление (удочерение) и осуществления контроля за условиями их жизни и воспитания в семьях усыновителей на территории Российской Федерации и Правил постановки на учет консульскими учреждениями Российской Федерации детей, являющихся гражданами Российской Федерации и усыновленных иностранными гражданами или лицами без гражданства: постановление Правительства РФ от 29.03.2000 № 275. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Котельников Н. В., 2019

* * *

ЮРИДИЧЕСКАЯ КЛИНИКА КАК ПРАКТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Получение образования представляет собой единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенного объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов [1].

Обучение как часть образовательного процесса состоит в овладении знаниями, умениями, навыками и компетенцией, приобретении опыта деятельности, развитии способностей, приобретении опыта применения знаний в повседневной жизни и формировании у обучающихся мотивации к получению образования в течение всей жизни [1].

В соответствии с законодательно установленным определением обучение выступает в качестве основы подготовки индивида к профессиональной деятельности с передачей, усвоением знаний и умений, получением результата их реализации на практике. Обучение нацелено на развитие профессионального потенциала индивида, достижения баланса теоретической и практической подготовки.

В становлении индивида как профессионала значительную роль играет практическая составляющая процесса обучения, при помощи которой, можно применить все полученные знания и умения. Таким образом, умножая основу теоретических знаний и информации, полученной в ходе самостоятельной подготовки, на практическую составляющую, образуется базис, позволяющий реализовать профессиональный потенциал. В этом множестве при низком уровне

практического показателя возникает существенная проблема – неспособность к самостоятельной практической деятельности.

Одним из путей решения проблемы является возможность развития института юридических клиник как практической составляющей образовательного процесса.

В соответствии со ст. 23 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» образовательные организации высшего образования могут создавать юридические клиники в целях развития негосударственной системы бесплатной юридической помощи, правового просвещения населения и формирования у обучающихся по юридической специальности навыков оказания юридической помощи. Федеральным законом установлена возможность оказания юридическими клиниками бесплатной юридической помощи в виде правового консультирования в устной и письменной форме, составления заявлений, жалоб, ходатайств и других документов правового характера. Развитие института юридических клиник происходит в направлении получения обучающимися практического опыта, который сопровождается прямым контактом с гражданами.

В настоящее время готовится проект приказа Минобрнауки России «О внесении изменений в приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 28 ноября 2012 г. № 994 „Об утверждении Порядка создания образовательными учреждениями высшего профессионального образования юридических клиник и порядка их деятельности в рамках негосударственной системы оказания бесплатной юридической помощи“», в соответствии с которым к целям осуществления юридической клиникой своей деятельности добавится приобретение обучающимися знаний, умений, навыков и формирование компетенций, позволяющих вести профессиональную деятельность в сфере юриспруденции. Кроме того, будет расширен перечень способов оказания бесплатной юридической помощи до иных, не запрещенных законодательством Российской Федерации видов.

Подход к определению термина «юридическая клиника» в научной литературе неоднороден, даже при законодательно определенном порядке функционирования. Кроме того, под юридической клиникой понимают и учебную дисциплину, и практическую составляющую

образовательного процесса, и комплекс методик обучения, и подразделение образовательной организации.

И. Н. Лукьянова юридическую клинику обозначает как структурное подразделение вуза, в котором студенты обучаются базовым навыкам юридической профессии и, как правило, закрепляют их, оказывая юридическую помощь малоимущим или уязвимым слоям населения [2].

В. Ю. Кулакова, Т. Ю. Маркова, М. В. Самсонова под юридической клиникой понимают структурное подразделение образовательной организации высшего образования (самостоятельное юридическое лицо), деятельность которой направлена на обучение студентов (закрепление и углубление уже имеющихся знаний и умений, полученных при изучении основных дисциплин, а также получение студентами новых знаний, формирование новых умений и выработку навыков, необходимых им для дальнейшей профессиональной деятельности) посредством использования различных интерактивных методик, и прежде всего самостоятельной практической деятельности студентов (под руководством преподавателей-кураторов) по оказанию бесплатной юридической помощи социально незащищенным слоям населения [3].

М. Ю. Осипов предлагает выделить два подхода к определению понятия «юридическая клиника»:

- социально-правовой институт, целью которого является оказание бесплатной юридической помощи и в рамках которого осуществляется обучение практическим навыкам работы юриста на базе знаний, полученных в юридическом вузе;

- структурное подразделение организации или самостоятельное юридическое лицо, оказывающее бесплатную юридическую помощь в виде правового консультирования в устной и письменной форме, составления заявлений, жалоб, ходатайств и других документов правового характера [4].

При различных подходах к определению термина «юридическая клиника» имеется действительно схожая черта – исключительно практическая направленность.

Относительно перспектив развития юридических клиник в образовательных организациях системы МВД России определяемая цель состоит в получении обучающимися необходимого практического

опыта в сферах административного, гражданского, гражданско-процессуального, земельного, экологического, предпринимательского, трудового, семейного права.

Привлечение обучающихся к работе в юридической клинике происходит на добровольных началах, по личной инициативе. Учитывается уровень общекультурных и профессиональных компетенций, сформированных в процессе обучения. Практическая составляющая процесса обучения, заключающаяся в функционировании юридических клиник, позволяет дополнительно развивать навыки общения с гражданами, самостоятельного поиска информации и разрешения ситуаций, возникающих в гражданских правоотношениях.

В ходе работы юридических клиник обучающиеся рассматривают заданные вопросы, проводят самостоятельный анализ возникшей ситуации, осуществляют поиск необходимых нормативных правовых актов, судебных решений по аналогичным делам. Стимуляция познавательной активности обуславливает еще и ответственность за выбранный путь решения конкретной практической ситуации. В результате такого рода познавательной деятельности вырабатываются: понимание и анализ сути проблемы, умение среди множества источников подобрать актуальную информацию, адаптировать ее под рассматриваемую практическую ситуацию, выявить основные и альтернативные пути решения, выбрать оптимальный вариант и обосновать такой выбор. Кроме того, приобретаются навыки самоорганизации, оценивания собственных результатов работы, определения сферы своих интересов. Обучающиеся развивают те качества личности, которые необходимы для осуществления будущей профессиональной деятельности, создавая фундамент целостного саморазвития.

Учитывая непрерывный процесс совершенствования порядка оказания бесплатной юридической помощи, юридическая клиника как практическая составляющая образовательного процесса представляет собой возможность для обучающихся повышать уровень практического показателя обучения, что формирует профессиональные компетенции и приспособливает к самостоятельной практической деятельности.

Список библиографических ссылок

1. Об образовании в Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Лукьянова И. Н. Современное юридическое клиническое образование в России: достижения и перспективы // Юридическое образование и наука. 2015. № 2. С. 9–11.
3. Кулакова В. Ю., Маркова Т. Ю., Самсонова М. В. Юридические клиники в России: состояние и перспективы развития // Юридическое образование и наука. 2014. № 2.
4. Осипов М. Ю. К вопросу о создании научных юридических клиник в России // Журнал российского права. 2016. № 10. С. 144–150.

© Кузнецова В. А., 2019

* * *

В. А. Маслов,
Уральский юридический институт МВД России

ЭМИЛЬ ДЮРКГЕЙМ – ПРЕСТУПЛЕНИЕ КАК НОРМА ПОВЕДЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕ

Криминология — наука, справедливо опирающаяся на социологическую методологию. Данный факт предопределяет достаточное количество ученых-социологов, освящающих в той или иной степени вопросы преступности, одним из которых является французский исследователь Эмиль Дюркгейм, который имел собственный, не лишенный оригинальности, взгляд на преступность как социальное явление, отмечая среди прочего то, что данный феномен выступает фактом *нормальной социологии*.

Ввиду переосмысления в настоящее время феноменов отклоняющегося поведения, преступности и наказуемости, считаем актуальным рассмотреть некоторые, как нам показалось, наиболее интересные высказывания Э. Дюркгейма, опубликованные автором в труде «Социология. Ее предмет, метод, предназначение». Поскольку данный труд находится в открытом доступе без указания страниц, мы позволим себе для удобства восприятия обозначать цитаты кавычками и курсивом.

Начать, пожалуй, стоит со слов исследователя о том, что *«если преступление нормально, то лишь при условии, что оно возбуждает ненависть»*. В данном случае автор отмечает такую особенность преступного поведения, как способность возбуждать ненависть в обществе. Речь идет о том, что преступным может считаться лишь то поведение, которое вызывает однозначную негативную реакцию у общества, когда данные деяния признаются людьми ненормальными. В том же случае, когда деяния, юридически признаваемые преступными, в действительности обществом признаются нормой поведения, – следует говорить о несоответствии законодательства общественным потребностям и, как следствие, о необходимости исключения данных деяний из уголовно наказуемых.

Следующее высказывание автора, в соответствии с которым, *«вред, приносимый им [преступлением. – прим. автора] обществу, уничтожается наказанием, если последнее правильно функционирует»*. Значимость данного высказывания в том, что лишь создание адекватных и целесообразных мер уголовной ответственности на законодательном уровне и в последующем их корректное применение судом позволят говорить о нивелировании последствий преступления.

В контексте вышесказанного можно привести точку зрения О. Н. Родионовой, которая отмечает, что «в логике Дюркгейма юридическая ответственность делится на два вида (репрессивная и реститутивная), имеющие разные функции: 1. Поддержание состояния коллективного сознания; 2. Гармонизация сотрудничества отдельных элементов общества».

Э. Дюркгейм отмечал что ученые, *«определяющие преступление через наказание, почти неизбежно подвергают себя обвинению в желании вывести преступление из наказания, ...а не в искупаемом дей-*

ствии». Это, на наш взгляд, достаточно актуальное высказывание, в сути которого императив недопустимости определения преступления через санкции (через наказуемость). Позволим себе предположить, что автор говорил о том, что преступность в целом должна определяться не наказуемостью как таковой, а объективной возможностью негативного воздействия на общественные отношения.

Снова отметим высказанный чуть выше тезис, суть которого в том, что не все деяния, предполагающие за их совершение применение к лицу мер уголовной репрессии, объективно являются преступлениями. Сам факт определения их таковыми законодателем не свидетельствует, что они приобретают черты, характерные для данных общественно опасных деяний.

Далее приведем две цитаты исследователя: *«Преступление есть факт, патологический характер которого считается неоспоримым»*, а также: *«Если бы с переходом обществ от низших к более высоким типам процент преступности снижался, то можно было бы думать, что, не переставая быть нормальным явлением, преступление все-таки стремится утратить этот характер. Но у нас нет никакого основания верить в существование подобного регресса»*. Именно из данного утверждения автора можно вывести одно из обоснований его точки зрения относительно «нормальности» преступности в обществе. Данное объяснение достаточно прозаично: поскольку нет и не было обществ, лишенных преступных деяний, можно утверждать, что преступность – норма любого общества. Таким образом, необходимо понимать, что под нормальностью автор имел в виду как раз не норму преступного поведения для общества (ни в коей мере не оправдание отдельно взятого преступного поведения), а своеобразное неотъемлемое общественное явление.

Продолжая разговор о нормальности преступного поведения, можно отметить и следующее высказывание французского исследователя: *«Существование преступности само по себе нормально, но лишь тогда, когда оно достигает, а не превосходит определенного для каждого социального типа уровня»*. Чрезвычайно важное уточнение, возводящее определенные границы «нормальности» преступности, обозначающее существование «рамки», определяющих возможность утраты преступностью свойства нормальности.

Не менее интересно высказывание автора о том, что *«преступление, стало быть, необходимо, оно связано с основными условиями всякой социальной жизни и уже потому полезно, так как условия, с которыми оно связано, в свою очередь необходимы для нормальной эволюции морали и права»*. В качестве наглядного примера автор упоминает, правда, не раскрывая, историю Сократа, в свое время осужденного за совершение деяний, признаваемых в Афинах преступными.

Данный тезис считаем справедливым причислить к еще одному обоснованию нормальности преступности в социуме, которое сводится к тому, что преступность может служить некоторым сигналом для государства. Согласно Э. Дюркгейму, осуждение Сократа свидетельствовало об изжитии общественного строя Афин. Созданные уголовно-правовые препятствия на пути свободы слова, каковыми пренебрег Сократ – и есть та не просто нормальность, а в некоторой степени, и необходимость (!) преступности.

Далее стоит отметить еще одно высказывание автора, в соответствии с которым *«не только не нужно радоваться, когда она [преступность. – прим. автора] опускается ниже обыкновенного уровня, но можно быть уверенным, что этот кажущийся прогресс связан с каким-нибудь социальным расстройством»*. Чрезвычайно своевременный, с учетом современных реалий, тезис, на первый взгляд кажущийся если не абсурдным, то спорным. Однако же мы видим в нем существенный потенциал.

Как нам представляется, применительно к преступности не лишним было бы задаваться вопросом о *причинах* снижения ее уровня. Ведь при отсутствии социально-экономических изменений (отсутствие того же роста реальных доходов населения, снижения безработицы, бедности и т. д.) логичным является вопрос: «За счет чего сократилась преступность? Не за счет ли деятельности не слишком компетентных должностных лиц?» Возможно дело в том, что преступность приобрела иные формы, стала более латентной, как возможно и то, что законодатель декриминализировал какие-то деяния, что, с одной стороны, безусловно, повлечет снижение количества *преступлений* в будущем, а с другой – меньше таких *деяний* не будет.

Ввиду ограниченности объема публикации позволим себе привести еще одно высказывание французского ученого: *«Одному и тому*

же следствию всегда соответствует одна и та же причина». Кажется бы, в целом бесспорный тезис применительно к криминологической науке означает примерно следующее: лишено существенного научного потенциала, равно как и практической значимости, выявление причин преступности в целом, поскольку, как считает автор, для каждого вида преступности свойственен свой набор причин. Данное обстоятельство предполагает выбор наиболее оптимального направления усилий исследователей на анализ конкретных видов преступности в целях выработки в дальнейшем наиболее эффективных мер борьбы с *конкретными* преступными проявлениями (а равно и их профилактики).

Таким образом, тезисно сформулируем некоторые выводы:

Во-первых, преступность определяется не наказуемостью деяния, а тем, что подобные деяния должны вызывать ненависть в обществе, неприязнь членов общества к подобному поведению. В отсутствие таковой, но при наличии в законодательстве ответственности за деяние следует говорить о необоснованности наказуемости деяния. Особо отметим, что наказуемость деяния отнюдь не означает наличия общественной опасности деяний и как таковых объективных предпосылок для криминализации деяний.

Во-вторых, особое внимание следует уделять вопросам изменения показателей преступности, в том числе вопросам *объективных* предпосылок к данным изменениям.

В-третьих, усилия ученых должны быть направлены на исследование *конкретных* видов преступлений, что более предпочтительно, чем обобщение сведений и выяснение каких-то общих черт и свойств преступности *в целом*.

В-четвертых, лишь надлежащее наказание может служить залогом достижения целей, стоящих перед уголовной ответственностью, ввиду чего крайне актуальны вопросы деятельности как правотворческих, так и правоприменительных органов.

Библиографический список

1. Division du travail social. P. 395–396.
2. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. – Москва : Канон, 1995.

3. Родионова, О. Н. Функции юридической ответственности в логике Э. Дюркгейма // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия : Юридические науки. – 2012. – № 4. – С. 43–44.

© Маслов В. А., 2019

* * *

*Е. А. Матвиенко,
Волгоградская академия МВД России*

ФИЛОСОФСКИЕ ИСТОКИ ЮРИДИЧЕСКОГО ПОЗИТИВИЗМА

В первые десятилетия XIX в. вследствие кризиса естественно-правового подхода право как созидательное начало общественной жизни, по меткому выражению П. И. Новгородцева, лишается того ореола всеисцеляющего средства, который оно имело в глазах поколения, воспитанного на преданиях Великой французской революции. Это способствовало распространению нескольких новых течений: либо только что сформировавшихся, либо существовавших ранее в тени естественно-правовой доктрины.

Одним из таких течений был юридический позитивизм, имеющий глубокие исторические корни. Впервые его основные положения были последовательно изложены еще в IV–III вв. до н. э. китайскими легистами. Коснемся узловых моментов их доктрины. Легисты (кит. фа цзя – букв. «законники») основной целью деятельности правителя считают достижение социального порядка. Он может быть установлен, только если правление осуществляется с помощью закона – «фа». Заметим, что термин «фа» выступает также и в значениях «метод», «модель», «образец». Необходимость утверждения закона как раз и означает, что поведение людей должно соответствовать единому стандарту, что оно не может быть поставлено в зависимость от их субъективных предпочтений. Как самый лучший плотник все же не в состоянии изготовить колесо без помощи циркуля

и угольника, так и самый добродетельный из людей не может всегда поступать правильно, если отсутствует объективная «мерка» надлежащего поведения.

У легистов мы сталкиваемся с (типичным для позитивистов) настоящим культом закона. В наиболее известном из легистских трактатов (приписываемых Шан Яну), указывается, что «тот, кто стремится управлять страной, презрев законы и предписания, подобен человеку, который пытается избавиться от холода и голода, отказываясь при этом от пищи и одежды... стремится идти на восток, двигаясь при этом на Запад» [1, с. 237, 238]. Предлагается даже построить своего рода «храм закона» – здание, где хранится в опечатанном виде и под надежной охраной «контрольный экземпляр» законов государства. Закон дается людям правителем, выражает его волю. Правда, в случае легистов (в отличие, например, от Дж. Остина) закон при этом еще и укореняется в религиозной традиции. Исследователи указывают, что «официальная религиозная традиция древнего и императорского Китая... концентрировалась преимущественно вокруг культов не божественных персонажей, а правителя, который до определенного времени исчерпывал собою официальную идеологическую систему древнекитайского общества» [2, с. 139, 140]. Считалось, что от действий правителя напрямую зависит, например, плодородие почв и вообще материальное благополучие страны. Император отнюдь не метафорически именуется «Сыном неба». Закон, таким образом, обретает религиозную санкцию, поскольку неразрывно связан с сакральной фигурой императора. При этом закон мыслится легистами как регулятор сугубо внешний. Это принципиально отличает его от конфуцианских правил поведения – ли – следование которым есть внутренняя потребность человека.

На Западе позитивистски окрашенное понимание права разрабатывал, например, средневековый английский мыслитель Иоанн Дунс Скот, усматривавший единственный источник права в воле Бога. Она в любой момент может дать людям новые законы, в том числе и совершенно противоположного содержания. Однако они по-прежнему будут справедливы (и должны приниматься людьми в качестве таковых) в силу своего происхождения. Таким образом, человеческие законы не несут в себе какой-либо метафизической идеи, но есть чисто условное (хотя и божественное) установление. Такой

подход противоречил официальной доктрине церкви – томизму – и не получил широкого распространения. Еще более ранними предтечами позитивизма можно считать греческих софистов, непосредственными предшественниками – так называемую «практическую школу» германских юристов XVII в.

Однако подлинный расцвет юридического позитивизма приходится на XIX в. В Англии его зарождение связано с именем основателя философии утилитаризма И.Бентама. На той же философской базе развивались взгляды Дж. Остина (ему принадлежит сам термин) и Дж. Ст. Милля. В Германии возникают теории А. Меркеля, А. Ленинга, К. Бергбома, несколько позже – Г.Кельзена. Отдал дань позитивизму и знаменитый философ и теоретик права Р.Иеринг. Философская основа их построений была самой разнообразной – от философского позитивизма О.Конта до неокантианства. Но все они приходили к одному выводу, сжато выраженному Дж. Остином. Он считал необходимым выделить юриспруденцию как собственно науку о праве, которая имеет дело с законами или правом в собственном смысле этого слова, без рассмотрения того, плохи они или хороши. Это и есть позитивное право, то есть закон, установленный политически высшими для политически низших.

Согласно позитивистской доктрине право понимается как совокупность норм, принятых с соблюдением всех формальных требований и охраняемых силой государственного принуждения. Какая-либо оценка права с точки зрения общественной пользы справедливости или нравственности полностью исключается, в связи с чем естественно-правовые бредни (выражение К. Бергбома) подвергаются язвительной критике. Заметим, что цели, преследовавшиеся основателями позитивизма, были достаточно благородными. Бентам был современником Великой французской революции и считал, что именно расплывчатость естественно-правовой теории и сделала возможным самый жестокий террор. Чтобы исключить возможность подобных эксцессов, Бентам и другие основатели позитивизма стремились заключить право в жесткие рамки.

В XX столетии наиболее известными представителями позитивистской доктрины стали Ганс Кельзен в Германии и Герберт Харт в США. Так, Кельзен попытался выработать «чистую теорию права», объяснить правовое бытие исключительно из него самого, не при-

влекая для его обоснования никакие внешние по отношению к праву феномены. Чтобы быть признанной в качестве таковой, правовая норма должна обладать двумя признаками: действенностью и действительностью. Действенность означает, что реальные отношения субъектов права должны строиться в соответствии с нормой, проще говоря, норма должна соблюдаться. При этом в случае конкуренции нескольких нормативных порядков действенным является тот из них, предписания которого выполняются чаще. Если, к примеру, некая территория в течение длительного времени контролируется антигосударственными силами, то вводимые ими правила (а не государственные законы) как раз и обладают действенностью.

Действительность же нормы определяется ее соответствием норме, обладающей более высокой юридической силой (которая, в свою очередь, должна опираться на следующую в иерархической системе норму и т. д.). Выстраиваемая иерархия норм увенчивается основной, или базовой нормой (*Grundnorm*). Последняя берется как данность, как нечто, не нуждающееся в обосновании. В отношении базовой нормы нельзя ставить вопросы о ее происхождении и содержании, поскольку ответы на них уведут нас далеко за пределы собственно права, теория которого теряет таким образом свою «чистоту». Единственное требование к базовой норме состоит в том, чтобы она могла послужить основой для построения относительно эффективного правопорядка. Его содержательные характеристики Кельзена (как и любого позитивиста) не интересуют.

В то же время следует обратить внимание на тот факт, что юридический позитивизм не смог (несмотря на все попытки) полностью элиминировать право от влияния со стороны общества. Делая акцент на формальном моменте в праве, позитивисты тем самым утверждают наличие в социуме неких правил и процедур, которые не могут быть отброшены. Эти формальные правила и процедуры, независимо от наполняющего их содержания, в значительной степени независимы от законодательствующей воли, так как жестко связаны предшествующей юридико-технической традицией. Последняя же – особенно в англосаксонских странах – глубоко уходит своими корнями в обычное право, и тем самым – в спонтанно складывающийся порядок общественных отношений. Для правовой культуры государств, входящих в семью обычного права, вообще характерно на-

личие в общественном сознании неразрывной связи между правилами поведения, с одной стороны, и правовыми нормами – с другой. На практике это приводит к высокой степени соответствия результатов правотворческой деятельности ожиданиям общества и серьезно облегчает правореализацию.

Список библиографических ссылок

1. Книга правителя области Шан. М., 1992.
2. Кравцова М. Е. История культуры Китая. СПб., 1999.

© Матвиенко Е. А., 2019

* * *

*А. И. Мелихов, Г. А. Никитина,
Волгоградская академия МВД России*

НЕОБХОДИМОСТЬ ГУМАНИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ЦЕЛЯХ СТАБИЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА КАК ФАКТОРА ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В условиях сокращения личного состава органов внутренних дел, в целях приближения рабочей нагрузки сотрудников органов дознания и предварительного следствия к нормативно установленной и переноса усилия на расследование более сложных и опасных для общества преступлений, целесообразно декриминализировать составы малозначительных (по сути, административных) преступлений небольшой тяжести, предусматривающих в качестве наказания, как правило, созвучные административным меры наказания, предусмотренные пп. «а»–«к» ст. 44 УК РФ (штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательные работы, исправительные работы,

ограничение по военной службе, ограничение свободы, принудительные работы, арест) и не повлекшие серьезных неблагоприятных последствий в виде причинения вреда здоровью и жизни человека.

В качестве второго варианта декриминализации части уголовных преступлений можно выделить часть преступлений небольшой тяжести в отдельную главу нового КоАП РФ, и в случае повторного совершения данных правонарушений привлекать к уголовной ответственности по аналогии с ныне действующей практикой привлечения к уголовной ответственности лиц, нарушавших правила дорожного движения, лицом, ранее подвергнутым административному наказанию (ст. 264.1, 116.1 УК РФ).

Декриминализированными, на наш взгляд, должны быть составы преступлений, включенных в подследственность следователей и дознавателей органов внутренних дел, при условии совершения их впервые, предусмотренные следующими статьями УК РФ:

1. Подведомственность дознания органов внутренних дел:

- ч. 1 ст. 115 (умышленное причинение легкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности);

- ч. 1 ст. 121 (заражение другого лица венерической болезнью лицом, знавшим о наличии у него этой болезни);

- ч. 1 ст. 123 (проведение искусственного прерывания беременности лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля);

- ст. 125 (заведомое оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни или здоровья состоянии и лишенного возможности принять меры к самосохранению по малолетству, старости, болезни или вследствие своей беспомощности, в случаях, если виновный имел возможность оказать помощь этому лицу и был обязан иметь о нем заботу либо сам поставил его в опасное для жизни или здоровья состояние);

- ч. 1 ст. 128 (незаконная госпитализация лица в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях);

- ст. 153 (подмена ребенка, совершенная из корыстных или иных низменных побуждений);

– ст. 154 (незаконные действия по усыновлению (удочерению) детей, передаче их под опеку (попечительство), на воспитание в приемные семьи, совершенные неоднократно или из корыстных побуждений);

– ст. 156 (неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего родителем или иным лицом, на которое возложены эти обязанности, а равно педагогическим работником или другим работником образовательной организации, медицинской организации, организации, оказывающей социальные услуги, либо иной организации, обязанного осуществлять надзор за несовершеннолетним, если это деяние соединено с жестоким обращением с несовершеннолетним);

– ст. 157 (неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей);

– ч. 1 ст. 159.1 (мошенничество в сфере кредитования, т. е. хищение денежных средств заемщиком путем представления банку или иному кредитору заведомо ложных и (или) недостоверных сведений);

– ч. 1 ст. 159.2 (мошенничество при получении выплат, т. е. хищение денежных средств или иного имущества при получении пособий, компенсаций, субсидий и иных социальных выплат, установленных законами и иными нормативными правовыми актами, путем представления заведомо ложных и (или) недостоверных сведений, а равно путем умолчания о фактах, влекущих прекращение указанных выплат);

– ч. 1 ст. 159.5 (мошенничество в сфере страхования, т. е. хищение чужого имущества путем обмана относительно наступления страхового случая, а равно размера страхового возмещения, подлежащего выплате в соответствии с законом либо договором страхователю или иному лицу);

– ч. 1 ст. 159.6 (мошенничество в сфере компьютерной информации, т. е. хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей);

– ч. 1 ст. 165 (причинение имущественного ущерба собственнику или иному владельцу имущества путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения, совершенное в крупном размере);

– ст. 168 (уничтожение или повреждение чужого имущества в крупном размере, совершенные путем неосторожного обращения с огнем или иными источниками повышенной опасности);

– ст. 170 (регистрация заведомо незаконных сделок с недвижимым имуществом, умышленное искажение сведений государственного кадастра недвижимости и (или) Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним, а равно занижение кадастровой стоимости объектов недвижимости, если эти деяния совершены из корыстной или иной личной заинтересованности должностным лицом с использованием своего служебного положения);

– ст. 170.2 (внесение заведомо ложных сведений в межевой план, технический план, акт обследования, проект межевания земельного участка или земельных участков либо карту-план территории);

– ч. 1 ст. 171 (осуществление предпринимательской деятельности без регистрации или без лицензии в случаях, когда такая лицензия обязательна, если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо сопряжено с извлечением дохода в крупном размере, за исключением случаев, предусмотренных ст. 171.3 УК РФ);

– чч. 1, 3, 5 ст. 171.1 (производство, приобретение, хранение, перевозка в целях сбыта или сбыт товаров и продукции без маркировки и (или) нанесения информации, предусмотренной законодательством Российской Федерации);

– ст. 171.4 (незаконная розничная продажа алкогольной и спирто-содержащей пищевой продукции);

– чч. 1, 2, ст. 175 (приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем);

– ст. 177 (злостное уклонение руководителя организации или гражданина от погашения кредиторской задолженности);

– чч. 1, 2 ст. 180 (незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг));

– ч. 1 ст. 200.3 (привлечение денежных средств граждан для строительства в нарушение требований законодательства Российской Федерации об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости в крупном размере);

– ст. 203 (превышение полномочий частным детективом или работником частной охранной организации, имеющим удостоверение частного охранника, при выполнении ими своих должностных обязанностей);

– ст. 204.2 (мелкий коммерческий подкуп);

– ст. 214 (вандализм);

– чч. 1, 4 ст. 223 (незаконное изготовление оружия (в отношении огнестрельного охотничьего, газового и травматического оружия и боеприпасов к ним);

– ч. 1 ст. 232 (организация либо содержание притонов или систематическое предоставление помещений для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов);

– ст. 233 (незаконная выдача либо подделка рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ);

– ч. 4 ст. 234 (нарушение правил производства, приобретения, хранения, учета, отпуска, перевозки или пересылки сильнодействующих или ядовитых веществ, если это повлекло по неосторожности их хищение либо причинение иного существенного вреда);

– ч. 1 ст. 250 (загрязнение, засорение, истощение поверхностных или подземных вод, источников питьевого водоснабжения либо иное изменение их природных свойств, если эти деяния повлекли причинение существенного вреда животному или растительному миру, рыбным запасам, лесному или сельскому хозяйству);

– ч. 1 ст. 251 (нарушение правил выброса в атмосферу загрязняющих веществ или нарушение эксплуатации установок, сооружений и иных объектов, если эти деяния повлекли загрязнение или иное изменение природных свойств воздуха);

– ч. 1 ст. 252 (загрязнение морской среды из находящихся на суше источников либо вследствие нарушения правил захоронения или сброса с транспортных средств или возведенных в море искусственных островов, установок или сооружений веществ и материалов,

вредных для здоровья человека и водных биологических ресурсов либо препятствующих правомерному использованию морской среды);

- ч. 1 ст. 254 (отравление, загрязнение или иная порча земли вредными продуктами хозяйственной или иной деятельности вследствие нарушения правил обращения с удобрениями, стимуляторами роста растений, ядохимикатами и иными опасными химическими или биологическими веществами при их хранении, использовании и транспортировке, повлекшие причинение вреда здоровью человека или окружающей среды);

- ч. 1 ст. 261 (уничтожение или повреждение лесных насаждений и иных насаждений в результате неосторожного обращения с огнем или иными источниками повышенной опасности);

- ст. 262 (нарушение режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов);

- ст. 291.2 (мелкое взяточничество);

- ч. 1 ст. 294 (вмешательство в какой бы то ни было форме в деятельность суда в целях воспрепятствования осуществлению правосудия);

- ч. 1 ст. 297 (неуважение к суду, выразившееся в оскорблении участников судебного разбирательства);

- ст. 322.2 (фиктивная регистрация гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации и фиктивная регистрация иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации);

- ст. 322.3 (фиктивная постановка на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в Российской Федерации);

- ст. 324 (приобретение или сбыт официальных документов и государственных наград);

- ч. 1 ст. 325 (похищение, уничтожение, повреждение или сокрытие официальных документов, штампов или печатей, совершенные из корыстной или иной личной заинтересованности);

- ч. 1 ст. 326 (в части сбыта транспортного средства с заведомо поддельным идентификационным номером, номером кузова, шасси, двигателя или с заведомо поддельным государственным регистра-

ционным знаком либо сбыт кузова, шасси, двигателя с заведомо поддельным номером);

– ч. 1 ст. 330 (самоуправство, т. е. самовольное, вопреки установленному законом или иным нормативным правовым актом порядку совершение каких-либо действий, правомерность которых оспаривается организацией или гражданином, если такими действиями причинен существенный вред).

2. Подведомственность органов предварительного следствия внутренних дел:

– ст. 176 (незаконное получение кредита);

– ст. 235 (осуществление медицинской деятельности или фармацевтической деятельности лицом, не имеющим лицензии на данный вид деятельности, при условии, что такая лицензия обязательна, если это повлекло по неосторожности причинение вреда здоровью человека (в части причинения легкого вреда здоровью));

– ч. 1 ст. 272 (неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, если это деяние повлекло уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование компьютерной информации);

– ч. 1, ст. 273 (в части распространение или использование компьютерных программ либо иной компьютерной информации, заведомо предназначенных для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств защиты компьютерной информации);

– ст. 304 (провокация взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд).

Перечисленные для декриминализации статьи в основном затрагивают не маргинальную, а уменьшающуюся с каждым годом интеллигентную и социально активную часть российского общества – мелких предпринимателей, врачей, педагогов и других работников умственного труда, что создает напряженность в обществе, поскольку привлечение к уголовной ответственности приводит, как правило, к краху профессиональной карьеры указанных лиц. Часть перечисленных статей также была принята лоббистами крупных финансовых групп для защиты их строительной, страховой и банковской деятельности уголовно-правовыми средствами, что грубо нарушает

принцип соразмерности наказания и социальной справедливости на фоне грабительских процентов за предоставление кредитов, непомерных обязательных страховых взносов и недоступных для большинства населения цен на жилье. Помимо этого в настоящее время большинство этих статей не применяются в следственной и судебной практике из-за сложности доказывания вины, затруднения доступа следователей и дознавателей к административному ресурсу (повседневность следователей и дознавателей в основном проходит в общении с субъектами уголовно-процессуальной деятельности, а с административными органами власти, как правило, работают другие службы ОВД – участковые уполномоченные полиции, сотрудники ГИБДД и др.). Однако если указанные преступления с формальными составами станут рассматриваться в рамках административного расследования, в котором основной упор делается на доказывании объективной стороны, то они будут активно использоваться административными правоприменителями, что будет способствовать повышению уровня правопорядка и общественной безопасности.

© Мелихов А. И., Никитина Г. А., 2019

* * *

*А. А. Морозов,
Омская академия МВД России*

РЕЛИГИОЗНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ И КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

В последние десятилетия произошло серьезное изменение в отношении к религии как в российском обществе, так и в глобальном мире. Секуляризация как процесс вытеснения религии из жизни общества и человека, которая воспринималась в качестве существенной характеристики процесса модернизации, сменилась обратным процессом. В настоящее время современное общество называют

постсекулярным, подразумевая как возвращение религии в общественное пространство, так и обращение к религии как форме индивидуальной религиозности современного человека.

В мировом масштабе П. Бергер указывает на два мощных религиозных всплеска: возрождающийся ислам и динамичный протестантизм евангелического толка. В то же время он отмечает, что этим оживление религии не ограничивается, указывая на возрождение Римско-католической и Русской православной церквей, иудаизма, индуизма, буддизма, причем не только в традиционных ареалах распространения, но и на новых территориях [1, с. 10]. В таком контексте европейский секуляризм выглядит скорее исключением, чем правилом. Однако это не должно нас обмануть. Время традиционной религиозности средневекового образца ушло вместе со средневековьем, и попытки ее возрождения в эпоху современности выглядят неуместным стремлением к архаизации глубоко модернизированной культурной и социальной жизни.

В России после ухода в прошлое советской эпохи сотни тысяч людей не просто заинтересовались религией, но и совершили акт обращения. Как правило, люди обращаются именно к той религии, приверженцем которой были их предки. Четко заявляя о своей религиозной принадлежности, человек одновременно утверждает свою культурную идентичность. В значительной степени это положение реализуется в современной школьной учебной дисциплине «Основы религиозных культур и светской этики», выбираемыми модулями которой являются «Основы православной культуры», «Основы мусульманской культуры» и т. д.

Крещение в православную веру или заявленное возвращение в церковь (тех, кто в советское время был крещен в младенчестве) приобрело массовый характер. При этом через таинство человек входит в церковь, принимая перед Богом, общиной и самим собой обязательство следовать за Христом по пути, проложенному церковью. Принятие ислама представляет собой речевой акт, отражающий внутреннее преобразование человека. После произнесения шахады человек становится мусульманином. Но эта «формула единобожия (Я свидетельствую, что нет Бога, кроме Единственного Господа, и свидетельствую, Мухаммад – раб Его и Посланник) должна проговариваться человеком осознанно и иметь подтверждение в его повседневной жизни» [2, с. 81]. Искреннее произнесение этой фор-

мулы означает реальное обещание следовать всем предписаниям Корана. Это акт принятия обязательства, который ведет человека к признанию мусульманских ценностей и норм богопочитания, поведения и образа жизни. Человек, принявший ислам, становится членом уммы.

Однако заявление о религиозной принадлежности в современных условиях имеет разные последствия.

В первом варианте человек следует принятым обязательствам, соблюдая религиозные предписания и реально становясь членом религиозной общины. В этом случае он изменяет образ жизни, включающий в новом варианте значительный религиозный компонент. В постсоветский период, несомненно, произошел рост активных верующих, последовательно реализующих свою конфессиональную принадлежность. В этот период состоялся почти пятикратный рост количества религиозных организаций, построено значительное число культовых сооружений, ощутимо присутствие религии в информационном пространстве.

В другом варианте происходит объявление своей религиозной принадлежности без обретения идентичности, которая может быть зафиксирована на ценностном уровне сознания и в практических действиях человека. Исследования ценностных предпочтений россиян, соотнесенных с их мировоззренческим выбором позволяет сделать вывод о сохранении мировоззренческой неопределенности [3, с. 47]. Религиозная самоидентификация не приводит к утверждению религиозных ценностей в качестве первостепенных. А в большинстве случаев они просто отсутствуют.

Брайан Тернер отмечает: «Вера сохраняется лишь тогда, когда она воплощена в практике. Здесь очень уместно понятие Бурдье о габитусе. Можно понять значимость религии в повседневной жизни, увидев, насколько глубоко следование религиозным предписаниям связано с габитусом социальной группы» [4, с. 37]. В свою очередь мы рассматриваем религию как особый вид человеческой деятельности, направленный на достижение совершенства, реализующий стремление к Абсолюту и представляющий опыт священного. В процессе осуществления такой деятельности формируются соответствующее мировоззрение, поведение, система верований и обрядов, образ жизни [5, с. 75]. Однако же в большинстве случаев религиозная самоидентификация не имеет практического воплоще-

ния, если не считать в качестве такового забор освященной воды и освящение куличей в период празднования Пасхи. В этом случае мы можем говорить о недействительной религиозной принадлежности в силу того, «нормативность убеждений должна толковаться с точки зрения „ролевых возможностей“... Каждая роль сопровождается критериями совершенства, а они в свою очередь подразумевают обязательства...» [6]. Роль верующего предполагает следование тому, что он признает (или должен был бы признавать) истинным и необходимым. В случае же бессодержательного самоименования в любом его варианте роль остается не реализованной.

Все это делает проблематичным взаимную обусловленность религиозной принадлежности и культурной идентичности. В силу несостоявшейся принадлежности апелляция к религии как основы культурной идентичности выглядит очень часто неубедительно. Многие авторы сегодня говорят о возможностях использования духовно-нравственного и культурного потенциала конфессий в процессе формирования и воспитания гражданина и патриота [7, с. 144]. Однако мы должны понимать, что такое влияние сегодня в значительной степени ограничено. Даже у тех людей, чей религиозный выбор вполне реален, сильны индивидуалистические начала, которые ослабляют любой внешний авторитет. П. Бергер весьма убедительно и обосновано отмечает: «Современность не обязательно секуляризирует; но она обязательно порождает плюрализм. Эпоха модерна характеризуется растущей множественностью, в рамках одного общества, разных убеждений, ценностей и мировоззрений. И эта множественность, безусловно, бросает вызов всем религиозным традициям...» [1, с. 9]. В последние два десятилетия государство в конструктивистском духе обращается к религии, ориентируясь на удовлетворение потребности организовать, упорядочить, мобилизовать и объединить свое население с целью эффективного управления. Однако в настоящее время ограниченность такого ресурса в современных российских условиях вполне очевидна. Это, конечно, не ведет к отказу от него. Его потенциал востребован, но активно дополняется другими ресурсами (история, спорт, культура). Одной из важнейших современных тенденций становится разрывание связи между этничностью, культурной идентичностью и религиозной принадлежностью.

Список библиографических ссылок

1. Бергер П. Фальсифицированная секуляризация // Государство. Религия. Церковь. 2012. № 2 (30). С. 8–20.
2. Аляутдинов Ш. От темы к теме. М., 2005. 491 с.
3. Морозов А. А. Религия как мировоззренческая альтернатива для молодежи // Научный вестник Омской академии МВД России. 2011. № 3. С. 44–48.
4. Тернер Б. Религия в постсекулярном обществе // Государство. Религия. Церковь. 2012. № 2 (30). С. 21–51.
5. Морозов А. А. Праксеологические основания религии // Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. № 4. С. 71–75.
6. Glüer K., Wikforss A. The Normativity of Meaning and Content. URL: <https://plato.stanford.edu> (дата обращения: 04.04.2019).
7. Кобылкин Р. А., Доронин Ю. П., Сухоруков В. А. Патриотическое воспитание сотрудников ОВД в контексте отечественной истории // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. № 4 (43). С. 143–148.

© Морозов А. А., 2019

* * *

Т. П. Назарова,
Волгоградский государственный аграрный университет;
Л. М. Шапцева,
МОУ СШ № 134 «Дарование» г. Волгограда

ПРОБЛЕМЫ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Важным компонентом системы воспитания современного человека является формирование потребности любви к России, причастности к ее судьбе, знаний об ее истории. Настоящий патриот стремится к сохранению родного языка, заботится о малой Родине,

уважает историческое и культурное наследие страны, чувствует ответственность за судьбу Отечества. Патриотизм является неотделимой частью национальной идеи, скрепляющим элементом для развития культуры и науки. Любовь к Родине не заложена в генах, поскольку это не наследственное, а социальное качество человека. Основной целью патриотического воспитания должно быть привитие маленьким россиянам любви к Родине, гордости за свою страну, формирование стремления защищать родное государство. Патриотизм необходимо воспитывать с детства, чтобы постепенно развиваясь и обогащаясь, он становился активной и осознанной гражданской позицией взрослого человека, личности. Патриотические взгляды и убеждения должны быть не только усвоены молодежью, но и наполнены личностным отношением и смыслом, эмоциональными переживаниями и постепенно сформировались в базовые принципы деятельности и поведения. Поступки и действия гражданина, таким образом, будут осуществляться на благо Родины, во имя ее процветания.

В любой исторический период патриотизм играл особую роль во всех сферах жизни нашего государства. Он является фундаментом страны, благодаря которому эффективно функционируют социальные и государственные институты. Патриотизм всегда был неотделим от таких понятий, как «Отчизна», «любовь к Родине». Николай Михайлович Карамзин выделял три элемента, составляющие патриотизм: физическая любовь к Родине, т. е. к месту, где человек родился и вырос; любовь гражданская (социальная связь человека с обществом комплексом прав, свобод и обязанностей); любовь политическая (человек реализует в своей деятельности политические идеалы Родины) [1, с. 25]. В современном обществе патриотизмом называется нравственный и политический принцип, любовь к Отечеству, готовность подчинить собственные интересы интересам государства. Патриоты испытывают гордость за победы своей Родины, желание сохранить ее культурные достижения, стремление защищать интересы родного государства и народа. К сожалению, на данный момент, достаточно часто можно столкнуться с проявлениями «антипатриотизма» или «лжепатриотизма» [2, с. 298]. Россию захватил процесс глобализации, который приводит к усилению влияния Запада на все сферы жизни российского общества. К сожалению,

обесславливается и история нашей страны, ставятся под сомнение героические подвиги и примеры самопожертвования людей в годы Великой Отечественной войны, замалчивается тяжелый труд миллионов советских людей. Появляются фильмы, в которых сознательно понижается решающая роль СССР в достижении победы над фашистской Германией и ее союзниками во Второй мировой войне. Можно с уверенностью сказать, что именно некомпетентность в вопросах истории своей Родины в значительной мере содействует развитию антипатриотизма в России. Отсутствие исторической памяти в сочетании с потаканием потребительскому образу жизни таит опасность вырастить поколение эгоистов и покупателей, перейти на тупиковую ветвь эволюции российского общества [3, с. 340].

Старшему поколению россиян необходимо остановить перечисленные разрушительные для нашего общества процессы. Начинать следует уже с подросткового возраста, так как в этот период жизни формируются моральные и нравственные качества и ценности личности. Качественно сформированная система идей, взглядов и принципов подрастающего поколения влияет на будущее России. Именно в руках молодежи модернизация общества [4, с. 756].

Особенностью современного патриотического воспитания является увеличение значения связи человека с его малой Родиной. Молодежь можно заинтересовать историей своего учебного заведения, района, города, края или области. История превратится из отвлеченного и теоретического понятия в живое и насыщенное событиями и судьбами людей переплетение жизни большого государства с малой Родиной. Школьников и студентов необходимо привлекать к открытию новых музеев и выставок, к организации и расширению различных видов краеведческой деятельности, к поисковым работам, туристско-краеведческим программам, героико-патриотическим акциям, проведению мини-экскурсий [5, с. 39]. Подобные мероприятия как формы патриотического воспитания не смогут оставить молодежь бесчувственной к неимоверно трудным испытаниям, которые выпали на долю старших поколений, к будущему Отечества.

Краеведение – это важный элемент патриотического воспитания. Изучение прошлого и настоящего своей малой Родины позволит школьнику в будущем принять участие в преобразовании родного края или области. На примерах краеведения учащийся получает

нравственное, эстетическое, интеллектуальное, трудовое и личностное развитие. Понятие «Родина» включает в себя не только политическое значение «государство», в котором родился, живешь и действуешь. Оно представляет собой еще и многообразие социальных и природных факторов, таких, как «семья», «коллектив», «класс», «школа», «деревня», «город», «народ». Любовь к Родине у ребенка начинается с любви к маме и папе, родным и близким, с дружбы и уважения к сверстникам и взрослым, с бережного отношения к деревьям и цветам. Постепенно, с возрастом, человек осознает себя гражданином и патриотом России. Но, как невозможно вызвать любовь к родителям одними призывами, также невозможно и воспитать гражданина, опираясь только на теоретические знания. Краеведческая деятельность осуществляет выработку навыков патриотического поведения. Знания о военно-исторической, поисковой работе, не закрепленные конкретными патриотическими делами, оторваны от жизни. Школьники должны сами прикоснуться к истории, прочувствовать собственным сердцем, чтобы ощутить свою причастность к родному краю. Этому способствуют разнообразные внеклассные краеведческие мероприятия: от теоретического обучения (семинары, уроки, кружки, лекции, публикации в печати, олимпиады, викторины, конференции, внеклассное чтение, работа в архивах) до практических занятий (прогулки, конкурсы, посещение выставок, музеев, организация походов, поездок, экскурсий, проведение развивающих игр, соревнований, организация работы объединений по интересам). Применение полученных знаний на практике сформируют у ребят систему ценностей, культурную и историческую картину родного края, ведь они должны стать фундаментом нашего нравственного здоровья и силы.

Современное общество понимает ценность изучения истории России, актуальность патриотического воспитания подрастающего поколения, в связи с чем, идет поиск новых идей, средств, образцов и целей воспитания, базирующихся на традиционных для россиянина нравственных ценностях. Немаловажна, в данном случае, и значимость изобразительного искусства в патриотическом воспитании подрастающего поколения. Занятия изобразительной деятельностью, дающие школьнику запас сведений о культуре, истории, образах природы малой Родины, способствуют приобретению ребенком

устойчивого интереса в обучении, труде и творчестве, всесторонне реализовать себя, найти свою профессию и место в жизни.

Художественно-изобразительная деятельность в рамках патриотического воспитания молодежи учитывает характер психологического воздействия искусства, увеличивает творческий резерв развивающейся личности с помощью размышлений, чувств и эмоций, переживаний людей, которые проявляются в художественных образах творений русских художников, становятся достоянием многих поколений. Система патриотического воспитания средствами изобразительного искусства может включать в себя: изучение патриотических тем, организацию выставок, конкурсов на патриотическую тематику, посещение музеев, выставок, экскурсии по историческим местам родного края, проведение бесед и викторин об истории и достижениях культуры России.

Современные и своевременные подходы к процессу патриотического воспитания молодых россиян позволяют совершенно по-иному взглянуть на свою страну, ощутить личную сопричастность к истории и культуре России, осознать собственную роль в развитии общества и государства.

Список библиографических ссылок

1. Карамзин Н. М. Избранные сочинения: в 2 т. М.; Л.: Художественная литература, 1964. Т. 2. 592 с.
2. Антонова А. Д., Сафронова Е. С., Лучникова М. Д. Патриотизм в современной России: вопросы и проблемы // Молодой ученый. 2017. № 48. С. 296–299.
3. Лапина И. Ю., Каргапольцев С. Ю. Военная история и патриотизм в системе социально-экономических и политических связей в прошлом и настоящем (постановка проблемы) // Вестник гражданских инженеров. 2015. № 5 (52). С. 330–342.
4. Белоусов Н. А., Белоусова Т. Н. Патриотическое воспитание студентов как проблема педагогического образования // Патриотическое воспитание: история и современность: сб. науч. ст. М., 2004. С. 38–41.

5. Абдурахманов Н. С. Трансформация «национальной идеи» патриотизма: сравнение советской и российской идеи патриотического воспитания // Молодой ученый. 2016. № 13. С. 755–760.

© Назарова Т. П., Шапцева Л. М., 2019

* * *

*И. А. Нифталиева,
Волгоградская академия МВД России*

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Принцип справедливости представляет собой основанную на презумпции защиты личности, общества и государства основополагающую ценность, фундаментальную идею, нравственную установку, определяющую содержание и направленность права в целом и составляющих его систему отдельных институтов.

В современном уголовном законодательстве принцип справедливости регламентирован в ст. 6 Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. (далее – УК РФ), данная норма не только закрепляет этот принцип, но и раскрывает его содержание.

Вместе с тем, как показывает история российского законодательства, принцип справедливости получал свое воплощение на всех стадиях социальной эволюции уголовного права. «Принципы уголовного права, – обращает внимание В. В. Мальцев, – будучи элементом его достаточно высокой культуры, на этапах становления уголовного права могут непосредственно и не восприниматься законодателем. В таких ситуациях они влияют на законодателя как идеи, коренящиеся в общественном правосознании, которые он использует применительно к конкретным видам общественно опасного поведения» [1, с. 87].

Законодательное выражение принципа справедливости достаточно отчетливо прослеживается в российском уголовном праве дореволюционного периода.

Так, в нормах самого раннего памятника права Древней Руси – Русской Правды (Краткой редакции) [2, с. 47–49] проявляется закономерность, связанная с соблюдением соответствия меры наказания тяжести содеянного. К примеру, за убийство (ст. 1) устанавливалась «вира» в 40 гривен, за оскорбление действием (ст. 3, 4, 8) – в 12 гривен, за нанесение побоев (ст. 10) – в 3 гривны, за кражу сена и дров (ст. 39) – в 9 кун [2, с. 47–49].

В Пространной Правде [2, с. 64–73] за убийство «в сваде» или «в пиру» предусматривалось наказание в виде выплаты «виры» с участием членов общины, а за убийство «в разбое» – «поток и разграбление» (ст. 6, 7) [2, с. 64].

В Московских Судебниках 1497 и 1550 гг. идея справедливости также нашла воплощение. Наиболее опасные преступления влекли высшую меру наказания. К примеру, в Судебнике 1497 г. наказание за кражу зависело от того, была она простой или квалифицированной. За совершение любого вида квалифицированной кражи (церковной, головной (ст. 9, 10), повторной (ст. 11), совершенной «ведомым лихим человеком» (ст. 13) [3, с. 55–56]) назначалась смертная казнь.

В Соборном Уложении 1649 г. принцип справедливости получил свое дальнейшее развитие в уголовно-правовых нормах, определявших преступность и наказуемость деяний. В нем была достаточно четко сформирована иерархия тех ценностей, посягательства на которые признавались особо опасными и наиболее сурово наказуемыми. На первое место в системе светского законодательства были поставлены составы преступлений против религии (гл. I) [4, с. 85–86] – идеологического фундамента Русского феодального государства.

Обращает на себя внимание то, что в Соборном Уложении наказание различалось не только в зависимости от тяжести деяния, но также от места и обстановки его совершения, вины и цели.

К примеру, виновные в совершении преступления на территории двора государя подвергались более строгой мере наказания, чем за подобные преступления, совершенные в другом месте (гл. III) [4, с. 89–91].

Измена, совершенная в военной обстановке, признавалась тяжчайшим преступлением и влекла смертную казнь через повешение на виду у неприятельских полков (ст. 20 гл. VII) [4, с. 95].

В Соборном Уложении наказание также определялось с учетом вины. Так, к примеру, за «убийство, учиненное своим умышлением» полагалась смертная казнь (ст. 22 гл. XXII), за совершенное «без умышления» наказание смягчалось (ст. 20 гл. XXII), а случай, когда «...убийство учинится от кого без умышления, потому что лошадь от чего испужався, и узду изорвав рознесет», и вовсе наказание не предусматривал (ст. 18 гл. XXII) [4, с. 250].

Тяжесть наказания за некоторые преступления зависела от цели их совершения. За самовольный выезд без грамоты, направленный на измену, к примеру, полагалась смертная казнь, а за торговую цель поездки – торговая казнь (ст. 3–4 гл. VI) [4, с. 92].

Важнейшую роль в развитии российского уголовного законодательства эпохи становления абсолютизма сыграл Артикул Воинский 1715 г., значительно более четко определивший многие институты уголовного права, в частности, институты соучастия, необходимой обороны и крайней необходимости (см., например: статьи 123, 156, 157, 180) [5, с. 349, 356, 361].

Артикул выделял квалифицированные виды убийств, влекущие, соответственно, более строгие меры наказания: убийство в корыстных целях (статья 161), убийство, совершенное особо мучительным способом (статья 162), убийство отца, матери, малолетнего ребенка или офицера (статья 163) [5, с. 358]. Повышенное наказание устанавливалось для рецидивистов (статьи 189, 191) [5, с. 362].

В Артикуле Воинском впервые при краже и присвоении чужого имущества размер причиненного ущерба влиял на степень ответственности и меру наказания. За совершение кражи менее чем на 20 руб. в первый и второй раз виновный наказывался шпицрутенами, а в третий – его подвергали телесным наказаниям и ссылали на каторгу (статья 189). Кража, совершенная на сумму свыше 20 руб., каралась смертной казнью (статья 191) [5, с. 362].

Особое внимание Артикул 1715 г. уделял также учету степени вины лица. Проводилось различие между деяниями умышленными, неосторожными и случайными (статьи 158, 159) [5, с. 357]. Так, наказание за срывание или порчу правительственных указов и рас-

поряжений зависело от того, было преступление совершено умышленно или по небрежности. В первом случае полагались каторга и телесное наказание или смертная казнь, во втором – денежный штраф, тюрьма или шпицрутены (артикул 203) [5, с. 364].

При определении наказания учитывались состояние крайнего возбуждения (артикул 152) [5, с. 354–355], невменяемость и малолетство (артикул 195) [5, с. 363].

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. уголовно наказуемые деяния разграничивались на преступление и проступок (ст. 1, 2) [6, с. 174], а наказание определялось в зависимости от формы вины, стадии совершения преступления, вида соучастия, различных обстоятельств, смягчающих и отягчающих вину (ст. 110) [6, с. 195].

Итогом развития российского дореволюционного уголовного законодательства стало принятие Уголовного Уложения 1903 г. Согласно документу преступления подразделялись на три категории: тяжкие преступления, преступления и проступки. Уложение, помимо этого, сформулировало определение невменяемости (ст. 39), установило возраст уголовной ответственности (ст. 40–41) [7, с. 284], регламентировало снижение и замену наказания (ст. 53–59) [7, с. 287–289], а также обстоятельства, усиливающие и устраняющие наказуемость (ст. 60–67, 68–72) [7, с. 290–292, 292–293].

Несмотря на то, что Уголовное Уложение 1903 г. полностью не было введено в действие, по мнению ученых, его положения оказали «большое влияние на создание и развитие советского уголовного законодательства» [8, с. 126], «не потеряли своей актуальности поныне и вполне могут быть использованы при дальнейшем совершенствовании УК РФ 1996 г.» [9, с. 21].

Таким образом, проведенный исторический анализ доказывает, что принцип справедливости получал свое непосредственное выражение в дореволюционном российском уголовном праве, что, безусловно, оказало значительное влияние на его дальнейшее развитие в уголовном законодательстве путем закрепления в самостоятельной норме УК РФ.

Список библиографических ссылок

1. Мальцев В. В. Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. 694 с.
2. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1984. Т. 1. 432 с.
3. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1985. Т. 2. 520 с.
4. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1985. Т. 3. 512 с.
5. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1986. Т. 4. 512 с.
6. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1988. Т. 6. 432 с.
7. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1994. Т. 9. 352 с.
8. Наумов А. В. Российское уголовное право: курс лекций: в 3 т. Т. 1. Общая часть. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2007. 736 с.
9. Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении: учебник для вузов / под ред. Н. Ф. Кузнецовой и И. М. Тяжковой. М.: ЗЕРЦАЛО, 1999. 592 с.

© Нифталиева И. А., 2019

* * *

ОСОБЫЕ СУБЪЕКТЫ ПРАВООТНОШЕНИЙ И ИХ МЕСТО В ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ

Процессы глобализации, происходящие в современном мире, выступают фактором, разрушающим суверенную национальную государственность и существенным образом трансформирующим классические формы государства. Возрастающая неспособность современных государств к регулированию проникающих внутрь них глобальных процессов и, как следствие, ослабление их суверенитета носят объективный характер (хотя есть и иная точка зрения, говорящая о субъективном характере этого явления). Это ведет к всеобщей и латентной открытой трансформации государственности в современном мире, видимым признаком которой является возникновение нового вида суверенитета (ограниченного). В связи с этим обозначились две противоречивые тенденции: 1) расширение исключительных правомочий верховной власти по отношению к территориальным подразделениям, что хорошо видно на примере увеличения объема компетенции власти в целом ряде государств; 2) региональная децентрализация и автономизация, федерализация и конфедерализация современных государств, которые идут параллельно с передачей их суверенных прав на более высокий уровень – различным международным организациям и союзам или сопровождаются их добровольным ограничением в пользу более могущественных в экономическом и политическом отношении держав и союзов конфедеративного типа, эволюционирующих в сторону федеративных империй [1].

Мнение носителя суверенитета и единственного источника власти в демократическом правовом государстве на практике никого из «принимающих решение» не интересует, или эти «принимающие решение» опираются в своих аргументах на маргинализированную

часть общества, созданную специально, исключительно для придания таким решениям некой «легитимности»¹.

Между тем... «Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле, утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие, сохраняя исторически сложившееся государственное единство, исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов, чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, возрождая суверенную государственность России и утверждая незыблемость ее демократической основы, стремясь обеспечить благополучие и процветание России, исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями, сознавая себя частью мирового сообщества, принимаем Конституцию Российской Федерации» [2].

Подобные преамбулы и отдельные положения конституций характерны для всех государств, появившихся в результате демократических преобразований или демократических революций.

Для отечественного конституционного права положение о правосубъектности народа следует признать вполне устоявшимся и традиционным. Исходя из анализа статей Конституции РФ, можно сделать вывод, что в ней термин «народ» употребляется в двух основных значениях. Во-первых, народ понимается как единый субъект народовластия и правотворчества (в этом случае «народ» употребляется в единственном числе и с прилагательным «многонациональный»). При этом никаких критериев или ограничений при отнесении тех или иных субъектов к народу Конституция РФ не дает, упоминая только, что именно ему принадлежит вся полнота власти в РФ. Иной взгляд, народ – это совокупность людей, обладающих равными правами с другими народами (преамбула и ч. 3 ст. 5), определенной территорией и расположенными на ней природными ресурсами (ст. 9) и общим языком (ст. 68). На наш взгляд, это второе значение практически совпадает со значениями терминов «нация» и «этнос». В теории конституционного права единых критериев понятия «народ» как субъекта народовластия также не существует.

¹ События на территории Украины в период от 02.2014 по н. в.

Анализ юридической литературы позволяет нам выделить три точки зрения на эту дефиницию.

Одна группа ученых утверждает, что понятия «народ» и «нация» по своему юридическому значению идентичны. В частности, М. В. Баглай констатирует, что «в конституционной теории развитых стран понятия «нация» и «народ» фактически отождествляются» [3]. Другие идут еще дальше. Например, В. А. Прокошин, С. Ю. Кузнецов и А. Л. Пашин считают, что народ – это совокупность физических лиц одной и той же национальности, проживающих на территории исторической родины [4]. Представляется, что не стоит путать нацию и национальность (этнос), особенно в многонациональном государстве.

Иная группа, напротив, считает, что «народ» в конституционном праве определяется гражданством: народ – это совокупность граждан, в то время как нация – абстрактное юридическое лицо, чье существование не зависит от составляющих его индивидов [5]. Более определенно высказался по этому поводу О. Е. Кутафин, полагающий, что с юридической точки зрения слово «народ» отождествляется с понятием «граждане» и определяется как принадлежность данной ассоциированной в рамках единого государства совокупности людей к соответствующему государству [6].

Представляется, что в государственно-правовых отношениях простая сумма чисел хороша только в избирательном праве. Особенно с признаками феодальных отношений (принадлежность людей кому-либо или чему-либо).

Третья группа ученых полагает, что народ должен определяться по территории проживания. Так, по мнению В. И. Савина, народ – это «все население данного государства, образующее единую общность» независимо от деления его на группы, классы, объединения, партии, церкви, секты, производственные коллективы [7].

Поскольку слово «народ» в русском языке изначально многообразно и многоуровнево и даже в Конституции РФ оно принимает разные значения, представляется, что универсального толкования данного термина не существует [8]. В связи с этим подробно критиковать ту или иную позицию в понимании данной категории, вероятнее всего, будет не совсем правильно, так как каждая из приведенных точек зрения имеет свою подоплеку и тем или иным образом

реализуется в нормотворческой и правоприменительной практике (путаницы в текущем законодательстве хватает).

Опираясь на вышеизложенное, рассмотрим представленные позиции в соответствии с требованиями ст. 3 Конституции РФ, определяющей принцип народного суверенитета. В части 1 ст. 3 зафиксировано, что «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ». Отсюда следует, что в пределах данной статьи «народ» и «нация» не идентичны. Кроме того, отождествление народа и нации при определении народного суверенитета в состоянии повлечь за собой такие нежелательные правовые последствия, как нейтрализация разницы между народным и национальным суверенитетом и, как следствие, отрицание права наций, населяющих РФ, на самоопределение.

И в то же время в других статьях Конституции РФ понятия «народ» и «нация» фактически отождествляются (например, при закреплении в ч. 3 ст. 5 права народов РФ на самоопределение и т. д.). То есть мы можем говорить, что термины «народ» и «нация» не идентичны лишь в конкретной правовой норме, в частности в рамках ст. 3 Конституции РФ. Поэтому мы не можем согласиться, например, с позицией П. А. Астафичева, категорично критикующего отождествление народа и нации [9].

Понимание народа как совокупности всех жителей государства в рамках ст. 3 Конституции РФ неприемлемо по следующим причинам. В частях 2 и 3 ст. 3 Конституции РФ определено: «Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы».

Между тем только гражданам в России предоставляются права, позволяющие осуществлять народовластие в полном объеме: право мирных собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирования (ст. 31 Конституции РФ), право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей (ч. 1 ст. 32 Конституции РФ) [10], право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного

самоуправления, а также участвовать в референдуме (ч. 2 ст. 32) и другие права.

Вместе с тем не все жители РФ имеют российское гражданство. Гражданство приобретается и прекращается в особом, установленном законом, порядке, что представляет собой достаточно сложную процедуру [11]. Есть мнение, что многие иностранные граждане (например, граждане стран бывшего СССР) и лица без гражданства, желающие приобрести российское гражданство, но не имеющие его, осознают свою принадлежность к российскому народу и в принципе не должны бы исключаться из этого сообщества (особенно в случае их длительного проживания на территории России). Но, согласно действующей Конституции РФ, права на участие в управлении государством эта категория жителей РФ не имеет и, следовательно, быть признанной субъектом народовластия не может.

Так и рождается мнение, что поскольку согласно Конституции РФ все права, позволяющие осуществлять народовластие в Российской Федерации принадлежат лишь ее гражданам, то в рамках ст. 3 представляется более правильным понимать под народом совокупность граждан РФ. Давно подмечено, что это мнение также подвергается критике. Например, П. А. Астафичев выделяет следующие ее недостатки [9]. По его мнению, не все граждане РФ в отличие от политической правоспособности обладают политической дееспособностью. В частности, он приводит следующие примеры. Закон ограничивает право на участие в референдуме и выборах требованием достижения восемнадцатилетнего возраста (ст. 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации») [12]. В этих действиях не могут участвовать лица, признанные недееспособными решением суда и содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда (ч. 3 ст. 32 Конституции РФ). Применительно к муниципальным выборам и местным референдумам имеется ограничение в отношении военнослужащих срочной службы и курсантов высших учебных заведений (п. 5 ст. 17 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»). Единство юридических ограничений пассивного избирательного права и права на участие в референдуме граждан России позволяет выделить

отдельную категорию граждан, обладающих политической дееспособностью, которую с известной долей условности можно именовать избирательным корпусом. Кроме этого, по замечанию П. А. Астафичева, не все политически дееспособные граждане реально участвуют в политической жизни, а те из них, кто принимает участие в политически значимых действиях, не всегда позитивно высказываются в пользу того или иного властного решения, той или иной кандидатуры на выборах. Подобную критику высказывают и другие авторы. В частности, ряд авторов даже предлагают понимать термин «народ» в рамках института народовластия в узком смысле, отождествляя его с избирательным корпусом [13].

Есть мнение, что такое сужение смысла исследуемой категории неправомерно. Сводя понятие народного суверенитета исключительно к дееспособности граждан, населяющих страну, приходишь к выводу, что суверенитет народа – это не его качественный признак, а лишь определенный объем прав. Суверенитет народа как верховенство власти неделим, является характерной чертой самой этой власти, а посему он не может быть сведен к простой сумме прав и обязанностей отдельных представителей этого народа. Власть народа в демократическом государстве, где провозглашен ее суверенитет, всегда является полной, в то время как объем прав отдельных граждан может варьироваться в зависимости от различных факторов, определяющих их дееспособность (возраст, здоровье, наличие судимости и др.).

В условиях таких противоречивых, а порой и взаимоисключающих мнений, представляется, что уместнее всего попытаться сделать компилятивное обобщение. Тем более что отчасти применительно к России на этот вопрос законодатель ответил еще 22 года назад (см.: Преамбула Конституции России).

Народ – это являющаяся источником и носителем наивысшей политической власти культурно-историческая общность граждан конкретного государства.

В системе местного самоуправления РФ население выступает основным субъектом местного самоуправления [14]. Это вытекает из смысла ст. 130 Конституции РФ, согласно которой местное самоуправление в Российской Федерации обеспечивает самостоятельное

решение населением вопросов местного значения. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 131-ФЗ) усилил статус населения, определив его и основным субъектом ответственности за осуществление местного самоуправления. Согласно ч. 2 ст. 1 Федерального закона № 131-ФЗ местное самоуправление в Российской Федерации – это форма осуществления народом своей власти, обеспечивающая самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения исходя из интересов населения с учетом исторических и иных местных традиций [15].

Несмотря на ведущую роль населения как субъекта местного самоуправления, до сих пор юридически четко не определен его конституционно-правовой статус. Между тем ясность в определении конституционно-правовой статуса населения – ключевой вопрос понимания сущности местного самоуправления как института публичной власти.

И не только местного самоуправления. «Государственная власть на территории Волгоградской области осуществляется на основе сочетания и уважения интересов населения Волгоградской области, интересов всего многонационального народа Российской Федерации и общегосударственных интересов» (ч. 3 ст. 6 Устава Волгоградской области) [16]. Следовательно, категория «население» выступает и как обозначение особого субъекта конституционно-правовых отношений. Поскольку население краев, областей, городов федерального значения, российских автономий выступает политической основой существования и деятельности этих видов субъектов Российской Федерации. Но ни национальным, ни тем более народным суверенитетом население обладать не может по определению. Это всего лишь часть народа. И не более того.

Вместе с тем население отдельных территорий государства, в условиях паралича центральной государственной власти или нежелания этой государственной власти защитить население от произвола отдельных политических или бандитских групп, перед лицом угрозы этнокультурного и физического геноцида вправе объявить

себя народом (например, Новороссии) и выступить новым субъектом не только правоотношений, но и в целом самостоятельным субъектом исторического процесса.

Список библиографических ссылок

1. Грачев Н. И. Государственное устройство и суверенитет в современном мире: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 44 с.
2. Конституция Российской Федерации. М.: ЮАИТ. 2012. Преамбула.
3. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. М., 2001. С. 105.
4. Прокошин В. А., Кузнецов С. Ю., Пашин А. Л. Право и реальность власти народа: демократизация региональных отношений. Москва–Тула, 1999. С. 31–32.
5. Конституционное право / отв. ред. В. В. Лазарев. М., 1999. С. 228.
6. Козловой Е. И., Кутафина О. Е. Конституционное право России: учебник. 3-е изд., перераб. и допол. М.: Юристъ, 2004. С. 122. (включен в информационный банк согласно публикации).
7. Савин В. И. Проблема становления и развития публичной власти в Российской Федерации и ее основные методологические аспекты // Теоретические и практические вопросы становления и развития публичной власти: сб. / под общ. ред. В. И. Савина. Орел, 2001. С. 14.
8. Понятие категории народ. URL: <http://enc-dic.com> (дата обращения: 20.02.2019).
9. Астафичев П. А. Народный суверенитет: понятие, содержание, конституционные формы выражения // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 4. С. 4.
10. Конституция РФ (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) // РГ. 1993. № 237.
11. О гражданстве Российской Федерации: федер. закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ (ред. от 18.07.2006) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1). Ст. 3420.

12. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: федер. закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (в ред. от 30.01.2007) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 6. Ст. 681.

13. Дубовицкий В. Н. Понятие и система органов исполнительной власти в законодательстве Республики Беларусь // Журнал российского права. 2007. № 2. С. 138.

14. Фроленков Ю. О. Конституционно-правовой статус населения как субъекта местного самоуправления: понятие и основное содержание. URL: <http://bfveteran.ru> (дата обращения: 21.02.2019).

15. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 25 июля 2011) // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

16. Устав Волгоградской области от 24 февраля 2012 г. № 1 ОД. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Попов М. Ю., 2019

* * *

*О. Д. Руссу, А. В. Денисова,
Волжский филиал
Международного юридического института*

НРАВСТВЕННЫЙ КОНФЛИКТ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИСТА

Вопрос о нравственной составляющей профессиональной деятельности юриста сегодня представляется достаточно актуальным. Современное общество предъявляет к работникам юридической сферы определенные требования. Речь идет не только о профессиональных, но и о нравственных качествах юриста, поскольку деятельность судей, нотариусов, следователей, прокуроров затрагивает интересы, права и в определенном смысле судьбы других людей.

Соответственно, осуществлять свою профессиональную деятельность юридические кадры должны только на основе развитой нравственной культуры. Нравственная культура представляет собой сложный феномен, оказывающий влияние на все стороны юридической деятельности. Профессиональный долг юриста заключается не только в защите личности, ее прав, но и в обеспечении законности и правопорядка в стране в целом. Выполнение поставленных обществом и государством задач возможно только в том случае, если они воспринимаются человеком как личные интересы. Так, в Кодексе судейской этики можно встретить следующее положение: «Соблюдение Кодекса судейской этики должно быть внутренним убеждением судьи, правилом его жизни» [1].

Деятельность работника юридической сферы регулируется законом и должна осуществляться строго в рамках закона, что отражается на нравственном содержании деятельности. Нарушение закона безнравственно по сути своей. Можно сказать, что деятельность юриста основана на взаимосвязи норм нравственного и правового сознания.

Принцип подчинения закону, независимость судей, прокурора, следователя прописаны в Конституции РФ. Одновременно они несут моральную ответственность не только перед обществом, но и перед собой.

Деятельность юриста подчас разворачивается в системе межличностных и социальных конфликтов. Например, судебная власть призвана на основании закона и справедливости разрешать различного рода конфликтные ситуации, регулируемые законом. Вместе с тем, выполняя свой профессиональный долг, исследуя правовую проблему, юрист ориентируется не только на закон, но и на свои внутренние убеждения, сформированные под влиянием социальных, ценностных ориентиров, гражданской позиции. И здесь мы имеем дело с нравственным конфликтом.

Под нравственным конфликтом мы будем понимать противоречие в сфере нравственных отношений и морального сознания, выражающее столкновения моральных принципов, интересов, убеждений, мотивов. В научной литературе данное понятие рассматривается диалектически, через понятия «противоположности», «противоречия».

В конфликтной ситуации можно наблюдать столкновение отличных друг от друга целей, мнений, позиций [2].

Нередко в состоянии нравственного конфликта оказываются сотрудники правоохранительных органов. «Такие конфликты образуются при существовании контрастной целенаправленности мотивов, поэтому субъекту необходимо мысленно «взвешивать» социальную потребность, которая выражается в требованиях долга, и личные планы, которые рационально используют осознанные мотивы и выраженные желания» [3, с. 304].

Отличительной чертой нравственного конфликта можно считать то, что при выборе одной моральной нормы идет нарушение другой.

Представим ситуацию, когда сотрудник правоохранительных органов при обыске или выемки на квартире подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, находящегося при смерти, становится перед выбором: 1. Произвести осмотр постели больного, вне зависимости от нравственного аспекта. 2. Руководствоваться гуманными соображениями и отказаться от этого. Как известно, обыск производится на основании постановления следователя, после чего составляется протокол, в котором указывается, в каком месте и при каких обстоятельствах были найдены те или иные предметы. Из этого следует, что сотрудники правоохранительных органов должны руководствоваться нормой закона, а не нормой морали.

Или же, например, государственный защитник, у которого нет возможности отказать в защите подозреваемому в изнасиловании и убийстве несовершеннолетнего и который должен выполнять все обязанности обычного адвоката, вопреки своим внутренним убеждениям.

Юристы, находясь в ситуации нравственного конфликта, как мы уже отмечали, должны ориентироваться на требования закона. Данные требования прописаны в целом ряде нормативных правовых актов, в том числе и в кодексах профессиональной этики адвоката, нотариуса, судьи. В этих условиях юрист отдает предпочтение профессиональному долгу, профессиональной целесообразности: «Исполняй свой долг надлежащим образом... ограничивайся законом» [4]. Или «в своей профессиональной деятельности и вне службы судья обязан соблюдать Конституцию Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы,

руководствоваться Законом Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации», нормами процессуального законодательства, другими нормативными правовыми актами...» [1].

В научной литературе можно встретить попытки выработать рекомендации, направленные на преодоление и разрешение нравственных конфликтов. В качестве общего принципа при этом выдвигается положение об иерархии нравственных ценностей, системе предпочтений (общественный долг, например, рассматривается как более высокий по сравнению с частным). Как правило, при возникновении нравственных конфликтов в профессиональной деятельности юриста общественные интересы выдвигаются на первый план.

Давайте посмотрим на нравственный конфликт в профессиональной деятельности адвоката. Адвокат за свою деятельность многократно сталкивается со сложными моральными коллизиями, и для того чтобы их решить, ему необходимо выстраивать свое поведение, основываясь не только на нормах права, но и на нормах морали.

Адвокат при осуществлении своей деятельности обязан оказывать помощь своему клиенту, руководствуясь его интересами. Однако, оплачивая работу адвоката, клиент может потребовать от него исполнения неэтических и даже незаконных действий (взятка должностному лицу, фальсификация доказательств, предоставление лжесвидетелей и т. д.). То есть адвокат должен отказать клиенту, основываясь на требованиях закона.

Или, например, клиент может потребовать во время судебного заседания умышленно, но тонко унижать ответчика или его защитника. Законом не запрещается диалектика, наоборот, умение вести беседу, спор приветствуется в адвокатской деятельности. Но адвокат одновременно должен опираться на принципы профессиональной этики, а именно: принцип уважения к коллегам, принцип уважения к суду и принцип гуманности и уважения личности.

Другой конфликт может возникнуть тогда, когда клиент скрывает по каким-либо причинам достоверную информацию от адвоката. В данном случае адвокату приходится использовать специальные приемы при общении с клиентом, чтобы получить у клиента необходимую информацию. Однако даже такие приемы не могут помочь адвокату, и тогда нужно открыто выразить своему клиенту недоверие

и объяснить, что при сотрудничестве клиент должен доверять адвокату.

Еще один конфликт, с которым может встретиться адвокат, как правило, зависит от сохранения своей независимости и объективности. Часто общественное мнение или власти отождествляют адвоката с клиентом и его делом. В таких случаях, когда у адвоката дела непопулярны и вызывают агрессию, возникают проблемы, касающиеся безопасности не только адвоката, но и близких ему людей, а именно членов его семьи. Нередко общественное мнение переносит отрицательную характеристику с клиента и его дела на адвоката. Из-за того что адвокат защищал и представлял интересы клиента, могут возникать моральные санкции, прямые угрозы применения силы по отношению к нему. На адвоката также могут оказывать давление со стороны власти. Поэтому в Федеральном законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» обозначено, что адвокат и его семья находятся под защитой государства, а в этических принципах содержится требование действовать «свободно, честно и бесстрашно» [5].

У адвоката, как и любого другого человека, могут быть свои личные конфликты, направленные на достижение богатства, известности, большой частной практики и т. п. Нормы профессиональной этики требуют от адвоката, чтобы он, защищая клиента, не поддавался влиянию собственных интересов и желаний [6].

Осуществляя свою профессиональную деятельность, каждый юрист должен ориентироваться в системе нравственных ценностей, определяющих моральный выбор, оценку собственного поведения, поскольку для данной профессии недопустимо не только нарушение норм права, но и отступление от принципов и норм морали.

Список библиографических ссылок

1. Кодекс судейской этики (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012) (ред. от 08.12.2016). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 09.04.2019).

2. Палагина А. В. Конструктивный конфликт. Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2010. 91 с. URL: <http://www.iprbookshop.ru> (дата обращения: 03.03.2019).

3. Жалинский А. Э. Правовое мышление и профессиональная деятельность юриста. Научно-исследовательские проблемы правоведения // Избр. тр.: в 4 т. М.: Высш. школа экономики, 2016. Т. 4. 585 с.

4. Кодекс профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации (утв. Минюстом России 19.01.2016). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 09.04.2019).

5. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: федер. закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 09.04.2019).

6. Кодекс профессиональной этики адвоката: (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) (ред. от 20.04.2017). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 09.04.2019).

© Руссу О. Д., Денисова А. В., 2019

* * *

*А. Н. Садков,
Волгоградский государственный университет*

ОКАЗАНИЕ ПУБЛИЧНЫХ УСЛУГ КАК ЭЛЕМЕНТ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЧАСТНОГО ПРАВА

Рассматривая правовое регулирование как процесс целенаправленного воздействия на общественные отношения, мы солидарны с мнением тех ученых, которые утверждают, что в качестве объекта правового регулирования выступает социальная сфера, одним из важнейших элементов которой является поведение людей [1].

Фактически все общественные отношения между людьми складываются: либо по поводу управления (другими людьми, теми или иными коллективами, имуществом, правами); либо по поводу владения, пользования и распоряжения каким-либо имуществом; либо по вопросам возникновения и осуществления интеллектуальных прав; либо по поводу выполнения работ или оказания услуг.

Рассматривая услуги как целенаправленную деятельность людей, направленную на достижение определенного результата, вполне уместно говорить об услугах как об особом секторе правового регулирования. В последнее время учеными среди огромного массива услуг все чаще и чаще стали выделяться так называемые «публичные услуги». Несомненно, что термин «публичные услуги» является производным от общефилософской категории «услуга», под которой принято понимать какое-либо действие, приносящее пользу либо помощь другому [2, с. 839].

Традиционно более детальное исследование феномена «услуга» проводилось учеными-цивиристами. Оказание услуг в нормах ст. 128 ГК РФ обозначается законодателем как один из объектов гражданских прав, однако нередко услуги имеют большую значимость и важность не только для отдельного индивида, но и для всего общества в целом, что является отражением набирающей в последнее время тенденции социализации частного права.

Правовая социализация неотъемлема от правовой культуры общества. В качестве составляющих механизма правовой социализации чаще всего рассматривают эталоны-ориентиры правового поведения, доминирующие в обществе, существующую иерархическую систему социально-правовых статусов, правовое воспитание и обучение [3, с. 68–80]. Мы солидарны с Г. Г. Шиханиовым, утверждающим, что жизнь человека в обществе подчиняется множеству законов, а усвоение этих законов, определяющих пределы возможного и должного поведения, и составляет суть правовой социализации личности [4, с. 138–145].

Феномен социализации изучается различными науками, при этом специалисты обращают внимание на многоаспектность этого явления. И это вполне обосновано, так как социализация – это сложный процесс, обусловленный комплексным воздействием на личность окружающей социальной среды. Воздействие права на поведение человека осуществляется посредством закрепления и санкционирования государством определенных правил поведения, нарушение которых влечет для правонарушителя негативные последствия как в личном, так и в имущественном плане.

Однако не только право влияет на личность, но и люди определяют общее направление развития правового регулирования общественных отношений исходя из тех представлений, которые преобладают в том или ином обществе. Несомненно, что основными творцами права являются именно люди-индивиды.

Мы полагаем, что тенденция усиления внимания к вопросам оказания публичных услуг населению является отражением сути феномена социализации права, когда одной из основополагающих идей, лежащих в основании построения современного социального демократического правового государства, провозглашается поиск решений, направленных на согласование публичных интересов всего общества и частных интересов отдельного индивида.

Анализ современной правовой доктрины России (в том числе и исследования категории «услуга») показывает, что отдельными исследователями предпринимаются попытки применить к новым общественным отношениям старые административно-правовые инструменты, которые не отражают сути явления [5, с. 5]. На наш взгляд, такая методика несостоятельна. Что же касается феномена «услуга», то наиболее перспективной следует считать позицию тех ученых, которые соотносят глубинную сущность услуги (как правовой категории) с такими понятиями, как «потребность» и «благо».

Употребляя термин «потребность», мы понимаем в качестве его содержания надобность, нужду в чем-либо, требующую удовлетворения, тогда как под термином «благо» следует рассматривать то, что позволяет удовлетворять потребность. С учетом такого подхода уместно определять услугу как вид деятельности, направленной на удовлетворение потребностей посредством производства определенных и корреспондирующих с этой потребностью материальных или нематериальных благ.

Подходя к категории «услуга» с позиции экономического блага, носящего характер деятельности, мы понимаем ее как последовательность определенных действий, совершаемых в целях повышения потребительской стоимости объектов услуги, которые могут носить как материальный, так и нематериальный характер [6]. При этом одним из важных специфических моментов категории «услуга» следует считать неразрывность процесса производства услуги и ее потребления.

В нормах ст. 780 Гражданского кодекса РФ современный российский законодатель зафиксировал личностный характер деятельности исполнителя услуги. Услугу нельзя получить впрок, накопить на «черный день» и складировать как неприкосновенный запас.

В общероссийском классификаторе продукции по видам экономической деятельности ОК 034-2014 (КПЕС 2008), утвержденном приказом Росстандарта от 31 января 2014 г. № 14-ст., термин «услуга» употребляется более 6 000 раз. Причем среди общего сегмента услуг выделяются не только услуги, носящие бесспорно коммерческо-возмездный характер, но и специфические услуги, обладающие повышенным социально-общественным значением, такие как: услуги органов законодательной и исполнительной государственной власти, включающие услуги в исполнительной и законодательной областях деятельности, предоставляемые органами центрального, регионального и местного уровней (84.11.11); услуги государственные, предоставляемые федеральными органами исполнительной власти, по вопросам общего характера (84.11.11.110); услуги, предоставляемые исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации, по вопросам общего характера (84.11.11.130); услуги органов местного самоуправления городских поселений (84.11.11.144); и пр.

По нашему мнению, это следует рассматривать как проявление позитивного (организационно-предоставляющего) государственного управления, в рамках которого достижение публичных целей осуществляется посредством использования частноправовых форм [7, с. 345].

Тенденция социализации частного права, наиболее наглядно проявляющаяся на примере формирования сегмента публичных услуг, обусловлена новыми подходами к осмыслению места государства в социальной и экономической жизни современного общества [8, с. 383]. Сегодня уместно утверждать, что степень концентрации частных интересов в публичном праве усиливается, что вызывает необходимость формулирования новых подходов к пониманию природы и функций публичной власти. Гражданское общество, «привязывая» власть к себе, заставляет ее выполнять все больший объем общих дел, которые помимо общественных интересов удовлетворяют и интересы отдельных индивидов и организаций.

Расширяется перечень таких услуг, которые оказываются либо государством в целом, либо его органами, органами местного самоуправления и иными структурами [9].

Сегодня существует целый ряд услуг, предоставление которых обуславливается необходимостью реализации прав граждан, закрепленных в Конституции РФ (например, право на охрану здоровья и медицинскую помощь). Недопустимость для государства отказаться от предоставления таких услуг, по мнению А. Н. Костюкова, и обуславливает отнесение их к категории публичных услуг [10, с. 2].

В связи с изложенным сегодня уместно говорить о формировании рынка публичных услуг [11, с. 30], базой которого является концепция социального содействия гражданам со стороны публичных органов власти по реализации гарантированных населению прав и свобод.

Список библиографических ссылок

1. Протасов В. Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства. Вопросы и ответы. М., 1999. URL: <http://www.bibliotekar.ru> (дата обращения: 20.07.2019).
2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 1999.
3. Гуляихин В. Н. Механизм правовой социализации российских граждан // Право и образование. 2011. № 2.
4. Шиханиов Г. Г. Юридическая психология: учебник для вузов. 2-е изд. М., 2006.
5. Нестеров А. В. Сервис и услуги: комплексный подход. М., 2007.
6. Миронова Н. В. Дифференцированный подход к маркетингу услуг. URL: <http://www.marketologi.ru> (дата обращения: 15.07.2019).
7. Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Стариков Ю. Н. Административное право: учебник. 3-е изд., испр. и доп. М., 2008.
8. Публичные услуги и право: науч.-практ. пособие / под ред. Ю. А. Тихомирова. М., 2007.
9. Тихомиров Ю. А. Публичные услуги: спрос общества и реализующие его институты // Модернизация экономики и выращивание институтов: доклад на VI междунар. науч. конф. Секция 4: Эволюция

правовых институтов (Модернизация государства и права). URL: <http://www/hse.ru> (дата обращения: 20.07.2019).

10. Костюков А. Н. Проблемы правового регулирования публичных услуг в России // Публичные услуги: правовое регулирование (российский и зарубежный опыт): сб. / под общ. ред. Е. В. Гриценко, Н. А. Шевелевой. М., 2007.

11. Садков А. Н. Правовые механизмы оказания публичных услуг : моногр. Волгоград, 2016.

© Садков А. Н., 2019

* * *

*В. А. Садков,
Волгоградская академия МВД России*

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ ПРИНЦИПОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

В настоящее время гражданское право занимает одно из главенствующих мест в российской правовой системе. Данной отраслью права регулируются отношения, которые возникают в гражданском обществе. Нужно помнить о том, что гражданское право призвано отвечать потребностям в рациональном сочетании интересов участников социальных и экономических отношений и способствовать эффективному разрешению конфликтов, вызванных столкновением данных интересов. При этом государство не вправе произвольно вмешиваться в сферу частной жизни и деятельности участников гражданского оборота.

Осуществление четкого правового регулирования невозможно без обозначения основополагающих идей, которые устанавливают общую направленность и смысл законодательства. По действующим принципам можно устанавливать вид права, его разновидность: феодальное, рабовладельческое, буржуазное или социалистическое.

Основой, на которой стоят все нормы и институты гражданского права, являются его принципы, поэтому само изучение гражданского права невозможно без детального рассмотрения данной правовой категории. Нельзя думать, что уяснение сущности принципов гражданского права – это лишь чистая теория. Принципы как системообразующие идеи той или иной отрасли права находят прямое применение в процессе практической деятельности правоприменительных органов, в частности в случае применения аналогии права. Если же в ходе правоприменительной практики допускается нарушение какого-либо принципа, из этого следует, что была допущена судебная ошибка, и это может привести к отмене того или иного решения. Сегодня правоприменительные органы с большой частотой в своих решениях вставляют отсылки на нормы, которые в своем содержании имеют законодательное выражение принципов права.

Правовыми принципами являются основные начала, общие положения права, обладающие в связи с законодательным закреплением общеобязательным характером. Данные начала свойственны как праву в целом (правовой системе), так и отдельным правовым отраслям, подотраслям, а также институтам и субинститутам. Как указывает О. А. Потапова, основой, которая является фундаментом для всех его норм и институтов гражданского права, являются его принципы [1].

Значение правовых, в том числе отраслевых, принципов двойственно. С одной стороны, они отражают сущность содержания, социальную направленность и основные отраслевые свойства правового регулирования. С их помощью лучше понимается его смысл, он правильно истолковывается и позволяет использовать конкретные правовые нормы. С иной стороны, принципы права обязаны учитываться в случае выявления пробелов в законодательстве, а также применения правовых норм по аналогии. Данное обстоятельство имеет очень большую роль для гражданского права, так как оно чаще других отраслей права сталкивается с похожими ситуациями. Проблема не только в том, что действующие гражданско-правовые нормативные акты включают общие правила, в которых практически нельзя предусмотреть все элементы и детали весьма разнообразных и сложных имущественных, а также неимущественных отношений. Особенностью гражданско-правового регулирования

является характер дозвоительности. Это значит, что участники правоотношений самостоятельно проявляют инициативу, заранее предполагая возможность возникновения правоотношений, не предусмотренных в какой-либо правовой норме, однако соответствующие тем общим началам гражданского законодательства. Об этом прямо говорится в п. 1 ст. 8 и п. 2 ст. 6 ГК РФ. Оценивать правомерность таких отношений и разрешать конфликты, возникающие между участниками таких нетипичных гражданско-правовых отношений невозможно без опоры на отраслевые гражданско-правовые принципы.

Изучение такого понятия, как «принципы гражданско-правового регулирования», нельзя проводить в рамках одной узкопредметной специализации. Данное понятие следует относить к числу фундаментальных, с трудом охватываемых какой-либо одной общей дефиницией.

Принцип – от лат. *principium* – начало, основа. С исторической точки зрения сформировавшегося общего употребления термина выступает основное, исходное положение чего-либо: мировоззрения науки, теории; механизма, ключевые характеристики устройства какого-либо прибора либо изделия; устанавливающее внутреннюю точку зрения кого-либо, то, как он относит к окружающей его реальной действительности [2].

В правовой доктрине в качестве правовых принципов рассматривают: «руководящие идеи, характеризующие содержание права, его сущность и назначение в обществе» [3], «...наиболее общие руководящие положения права» [4]. Под правовым принципом понимают общее положение либо руководящую идею, являющуюся результатом определенного обобщения, сознательным продуктом творчества ученых и законодателя, их воззрения на сформировавшиеся явления общественной жизни.

В связи с этим необходимо подметить, что в философской и гражданско-правовой литературе порой определяют понятие «принцип» посредством категории «закон» или рассматривают их как явления однопорядковые.

Известный советский ученый С. Н. Братусь писал, что принцип – это «движущая сила» или закон, который относится к группе однородных социальных явлений». Он одним из первых в гражданско-

правовой науке попытался сформулировать определение понятия «принцип» [5].

Другой известный ученый-цивилист В. П. Грибанов в своих работах, касающихся принципов гражданского права, рассматривал их как «руководящие положения права, его основные начала, выражающие объективные закономерности, тенденции и потребности общества, устанавливающие сущность всей системы, отрасли или института права и имеющие в силу их правового закрепления общеобязательное значение» [6]. Приведенное определение имеет ярко выраженный правовой характер.

В языковедческом варианте понятия «принципы» и «начала» не разграничиваются достаточно точно. По словарю В. Даля, «принцип – это «научное или нравственное начало, основание, правило, основа, от которой не отступают». «Начало» в этом же словаре раскрывается «как зачин, источник, основа» [7]. С. И. Ожегов пишет, что начало – это «первоисточник, основа, принципы, основные положения» [8]. То есть у данных понятий можно отыскать много общего. Это дает основания для вывода о том, что понятия «начало» и «принцип» являются ценностями одного идеологического ряда.

Ряд авторов характеризуют принципы как своего рода «идеи» [9]. Обоснование данной позиции относится к тому, что право – это надстроечное явление, которое принадлежит сфере идеологических отношений. Принципы права являют собой то главное, основное, на что должно быть устремлено его развитие, на что оно должно ориентироваться [10].

Иные авторы говорят о том, что понятие «принцип» лишь взаимодействует с категорией «идея», не отождествляя понятие «принцип» и категорию «идея», допуская вероятность проявления «принципа» как «идеи» с точки зрения философии и не рассматривая их как явления однопорядковые [11].

И, наконец, третья группа авторов полагает, что принципы являются не идеями, а компонентами специфического преломления идей, их выражения, нормы, включающие наиболее общие положения [12].

Признавая значимость всех выше обозначенных позиций, тем не менее, мне больше импонирует позиция тех авторов, которые полагают, что невозможно существование отраслевых принципов

вне права – иначе они будут идеями, теориями, взглядами, принципами других, внеправовых социальных явлений или принципами правосознания, но никак не принципами права [13].

Проведенный анализ разрешает говорить, что в качестве сути категории «принципы гражданского права» следует рассматривать фиксированные или выраженные в гражданско-правовых нормах и отражающие объективные закономерности развития имущественных, связанных и не связанных с ними личных неимущественных и базирующихся на началах координации организационных отношений, устойчивые нормативно-руководящие положения, на которых базируется нормативная база гражданско-правового регулирования, направленная на регламентацию поведения субъектов гражданского права и соответствующее правоприменение.

Список библиографических ссылок

1. Потапова О. А. Принципы гражданского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2002. С. 1.
2. Скворцов Л. И. Словарь иностранных слов. М., 2017. С. 336.
3. Общая теория государства и права: учебник / под ред. С. Ю. Наумова, А. С. Мордовца, Т. В. Касаевой. Саратов, 2018. С. 71.
4. Вронская М. В. Гражданское право: учебник. М., 2018. С. 16.
5. Братусь С. Н. Предмет и система гражданского права. М., 1963. С. 135.
6. Гражданское право: учебник / отв. ред. В. П. Грибанов, С. М. Корнеев. М., 1979. Т. 1. С. 24.
7. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1989. С. 431, 494.
8. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1977. С. 640.
9. Теория государства и права: курс лекций / Н. И. Матузов, А. А. Воротников, В. Л. Кулапов; под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2018. С. 176.
10. Бабаев В. К. Теория современного советского права. Н. Новгород, 1991. С. 24.
11. Явич Л. С. Право развитого общества. Сущность и принципы. М., 1978. С. 8–9.

12. Васильев А. М. О правовых идеях-принципах // Советское государство и право. 1975. № 3. С. 11.

13. Принципы гражданского права и их реализация: монография / под. ред. Т. П. Подшивалова, Г. С. Демичевой. М., 2017. С. 10.

© Садков В. А., 2019

* * *

Е. В. Сальников,
*Орловский юридический институт МВД России
имени В. В. Лукьянова*

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ДОКТОРАТ НАУЧНЫЙ ИЛИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ?

Современный этап развития российского общества наряду с другими значимыми аспектами характеризуется фундаментальными преобразованиями в системе подготовки и аттестации научных кадров. Речь идет, во-первых, об изменении нормативно-правовых основ системы образования в Российской Федерации и включении аспирантуры в систему высшего образования. Во-вторых, положено начало трансформации порядка аттестации научных кадров путем признания за определенной категорией научных и образовательных организаций права самостоятельно присуждать ученые степени. В-третьих, усиливающейся рассогласованностью между количеством лиц, получивших высшее образование, обучающихся или обучавшихся в аспирантурах и адъюнктурах, подготовивших и представивших диссертационные исследования на соискание ученых степеней, и реальным вкладом, который российская наука вносит в общечеловеческий процесс постижения окружающего мира. Актуальность последнего аспекта особо отметил на заседании Государственного совета по науке и образованию 27 ноября 2018 г.

Президент Российской Федерации В. В. Путин. О недостаточном уровне научной значимости и практической применимости научных исследований говорится и в констатирующей части Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г.

Еще более актуально проблема формирования собственно науки стоит для современных отраслей гуманитарного знания и во многом юриспруденции. Об этом много и правильно говорили, в том числе и такие авторитетные авторы, как, например, член Экспертного совета ВАК А. Ю. Шумилов, охарактеризовавший ситуацию в юридической науке как «дисбаланс между растущим числом диссертаций и их вкладом в науку, размельчение проблематики» [1, с. 69].

Эта ситуация порождает необходимость переосмысления вопроса о научности всего гуманитарного знания в целом и природе научности юриспруденции в частности. Проблема научности юриспруденции – вопрос, имеющий длительную историю и сводимый к антитезе юриспруденции как дисциплины или науки. Если первая позиция доминировала на протяжении тысячелетий истории, то последняя сформировалась достаточно поздно, в начале XX в., с опорой на становление статуса всего блока гуманитарных наук. При этом признание научности юриспруденции в плане науки как исследовательской области далеко не повсеместно.

Так, в целом ряде юридических сообществ юристу-ученому отказано в признании за ним статуса ученого-исследователя. В большинстве стран с одноуровневой системой аттестации научных кадров степень PhD не присуждается юристам. Им присваивается аналог – степень доктор права, которая, однако, рассматривается не как указание на включенность человека в научный, академический, т. е. собственно исследовательский докторат, но является частью системы профессионального доктората. Последний предполагает, что носитель степени занимается практической деятельностью, а не наукой, но овладел ею на высоком уровне и может претендовать на право осуществлять преподавание в университетах, т. е. участвовать в системе передачи знания и подготовки новых кадров. Степень здесь выступает показателем авторитета ее носителя в данной отрасли, соответственно, в нашем случае речь идет о праве. При этом получение степени доктора права не требует выполнения самостоятельного научного исследования, поэтому профессиональный докторат

ученой степенью в точном смысле слова в данных странах не считается.

Аналогичным образом и в России в дореволюционную эпоху вопрос о степени по праву не был собственно вопросом научного исследования. Вообще вопрос о праве как науке в царской России решался путем утверждения в университетах триады: философия права, теория права и энциклопедия права, свойственной российскому и части зарубежного правоведения в XIX в. Здесь и речи не было об исследовательском корпусе юридической науки. Как приводит А. Ю. Андреев по Положению «О производстве в ученые степени», которое было подписано 20 января 1819 г. Александром I, для получения степени доктора необходимо было продемонстрировать «основательное и глубокое сведение о науках, по коим сия степень ему присваивается, таким образом, чтобы он знал не какую-либо известную систему науки, но самую науку в существенных ее основаниях, в ее развитии и направлении к общей и частным целям, и мог не только благоразумно следовать какой-либо известной методе или системе, но и глубоко судить о ней, деятельностью собственного ума открывать и исправлять в ней слабые места, дополнять недостатки, отсекал неважные для цели подробности, усовершенствовать связь и порядок, очищать и укреплять основания» [2, с. 86]. Таким образом, речь здесь идет о демонстрации уровня знаний, способности к теоретическому осмыслению, систематизированию, методологической грамотности, но не о научном исследовании.

Сравним приведенный критерий с нормами действующего Положения о порядке присуждения ученых степеней, согласно которому «диссертация на соискание ученой степени доктора наук должна быть научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение, либо решена научная проблема, имеющая важное политическое, социально-экономическое, культурное или хозяйственное значение, либо изложены новые научно обоснованные технические, технологические или иные решения, внедрение которых вносит значительный вклад в развитие страны. Диссертация на соискание ученой степени кандидата наук должна быть научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной

задачи, имеющей значение для развития соответствующей отрасли знаний, либо изложены новые научно обоснованные технические, технологические или иные решения и разработки, имеющие существенное значение для развития страны» [3]. Обязательным требованием к данным работам выступает наличие в них новых научных результатов и положений, выдвигаемых для публичной защиты, что свидетельствует о личном вкладе автора диссертации в науку.

Таким образом, действующее положение видит юриста-исследователя, решающего проблему и порождающего новое знание. Подобное требование в юриспруденции порождает серьезную проблему осознания того, что значит провести исследование и получить новые результаты. Если в естественных науках мы исследуем объективный мир и открываем его законы, то в отраслевых юридических науках мы исследуем существующие законы и механизмы правовой (законодательной) регуляции человеческих отношений и не открываем их законы, а формулируем предложения по оптимизации имеющихся уже правовых механизмов и институтов или введению новых. В этом отношении, хотя объектом юридической науки и выступают общественные отношения, ее непосредственным предметом является законодательное (нормативное правовое) их оформление, их данность в законах. Отсюда открытием нового в юриспруденции становится предложение по совершенствованию законодательства, породить которое считает для себя необходимым каждый из соискателей ученых степеней и широкую палитру которых мы наблюдаем в научно-квалификационных работах по юриспруденции. Проблема научной юриспруденции состоит не в отсутствии предложений по совершенствованию законодательства, а в том, что данные предложения свидетельствуют не только и не столько о действительном усовершенствовании действующего права, сколько о соответствии работы некоей канонической техники, неким внутренним принципам научного текста, определенным самим научным сообществом.

Обратим внимание на то обстоятельство, что в юриспруденции помимо канала совершенствования права путем научного рассмотрения существует канал совершенствования правового регулирования путем оспаривания правовой нормы самим юридическим сообществом. Существующая система апелляций, кассаций, обращения

в суды более высокой инстанции вплоть до Конституционного, Верховного судов и Европейского суда по правам человека выступает достаточно действенным механизмом оптимизации права. Не будем забывать о том, что право выступает механизмом регулирования общественных отношений, снятия социального и личного конфликта, и потому выявляемая неэффективность нормы вполне может найти свое разрешение в рамках исключительно правового же механизма.

Сложившаяся ситуация порождает необходимость продумывания предельных оснований двух взаимосвязанных вопросов о сути юриспруденции как науки и ученой степени в области права. Вопросы эти должны быть поставлены и разрешены именно сегодня, когда идет реформирование системы присуждения научных степеней. Следует задуматься о том, нужна ли государству и обществу ученая степень в области права или же степень профессиональная. Ведь по своей сути сегодня ученая степень в области юриспруденции призвана выполнять роль преимущественно институализирующую. Она утверждает юриста как преподавателя. Степень кандидата и доктора юридических наук важна в рамках системы ретрансляции юридических знаний, в преподавательской работе и в значительно меньшей степени во всех остальных аспектах деятельности юриста.

Вследствие этого российскому обществу в большей мере нужны оказываются не узконаправленные исследователи, а юристы-профессионалы, признанные юридическим сообществом и этим же юридическим сообществом допущенные для сохранения и передачи юридических знаний. Последнее не означает окончательное разрешение вопроса о ненаучности юриспруденции и полного ее изгнания из сонма науки. Но пересмотр юридического доктората с научного на профессиональный ни в коей мере не будет означать упразднения науки юриспруденции, но лишь упорядочивание ситуации, при которой делом подготовки юристов будут заниматься юристы-профессионалы. Юристы-исследователи в этой ситуации вполне могут найти себя в прежних формах научной коммуникации – научных журналах и научно-представительских мероприятиях и способствовать оптимизации права.

Отметим также еще один немаловажный дополнительный фактор. Признав докторат в юриспруденции как докторат профессиональный, мы получим дополнительный фактор, позволяющий отграничить

юриспруденцию от притязаний лиц, которые видят в ученой степени разновидность награды, украшения визитной карточки. Традиция особого отношения к ученым степеням в российском обществе сложилась еще в XVIII–XIX вв., когда получение докторской степени автоматически означало приобретение 8 чина в Табели о рангах, а значит, и потомственного дворянства. В этом смысле А. Ю. Андреев абсолютно оправданно указывает на то, что «соединение ученого звания с правами на чин российской государственной службы притягивало в ряды соискателей многочисленное количество людей, видевших в получении ученой степени средство достичь успеха по службе или занять более высокое положение в обществе» [2, с. 87]. Традиция пиетета перед учеными степенями сохранилась и в советское время, однако в современную эпоху основания для сохранения данной негативной тенденции и для связи ученой, а тем более профессиональной степени с социальными благами нет. Потому и сама степень, как ученая, так и профессиональная должна, служить исключительно нуждам научного или профессионального сообщества.

Подводя общий итог, постулируем, что современное состояние гуманитарного знания вообще и юридической науки в частности характеризуется крайне высокой необходимостью переосмысления фундаментального вопроса о научности юриспруденции и характере степеней отличия в среде юристов-профессионалов.

Список библиографических ссылок

1. Интервью с А. Ю. Шумиловым // Научный вестник Омской академии МВД России. 2011. № 1. С. 68–70.
2. Андреев А. Ю. Возникновение системы российских ученых степеней в начале XIX века // Вестник ПСТГУ. Серия 2. История. 2015. № 1. С. 86.
3. О порядке присуждения ученых степеней: постановление Правительства РФ от 24.09.2013 № 842. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Сальников Е. В., 2019

* * *

ВЫЯВЛЕНИЕ ПРИЧИН ПРЕСТУПЛЕНИЯ НА ОСНОВЕ ПСИХОАНАЛИЗА

На современном этапе развития общества и государства существует проблема профилактики совершения правонарушений и расследования преступлений. Многие исследователи данного вопроса придерживаются мнения, что, анализируя личность каждого преступника или правонарушителя на основе совершенных им поступков, можно выявить факты, провоцирующие человека на девиантное поведение, определить причины преступности.

Исследование этой проблемы началось еще в XVIII в., однако представители классической школы криминологии, такие как А. Фейербах, И. Бентам, Ф. Лист, рассматривали девиантное поведение как сознательный поведенческий акт. Согласно их точке зрения, единственным методом профилактики преступности является воспитание и просвещение широких слоев населения. Затем в XIX в. возникают концепции, представляющие явление преступления с двух различных сторон. Представитель антропологической криминологии – тюремный врач Ч. Ломброзо – разрабатывает теорию врожденного преступника, утверждая, что все причины преступлений следует искать в генетической предрасположенности личности: в анатомических, психологических, физиологических свойствах, заложенных природой. Однако эта концепция критикуется и признается многими антропологами ненаучной. Другую точку зрения представляет основатель социологической криминологии – Л. Кетле, говоря о социальных факторах как об основных причинах и условиях возникновения преступлений. Но и эта теория имеет многие недостатки, одним из которых является растворение подлинных причин девиантности в ряде мельчайших факторов, которые, по сути, рассматривают поведение любого изолированного от общества индивида.

В настоящее время вопрос о криминогенных факторах вызывает ожесточенные споры. Но существует метод, определяющий в качестве причины отклонения поведения индивида как социальные

условия, так и изначальную предрасположенность личности. Этим методом является психоанализ, основателем которого в самом общем виде является австрийский психиатр Зигмунд Фрейд. Его концепция предполагает такое строение психики человека, которое включает в себя как сознательное, так и бессознательное. Данная концепция отражается в исследованиях профессора Колумбийского университета Дэвида Абрахамсена. «Если человек совершает преступление, то при этом, – пишет Абрахамсен, – всегда имеет место повреждение «Сверх-я». Он выводит формулу преступления, согласно которой преступление является отношением суммы предрасположенности личности к совершению общественно опасных деяний и ситуационных обстоятельств к контролирующей способности «Сверх-Я».

Таким образом, мнение исследователей сходится на том, что акт преступного поведения индивида – это не что иное, как яркое проявление неконтролируемого «Оно». Но что же именно в бессознательном, кроме присущих абсолютно всем людям инстинктам жизни и смерти, может спровоцировать влечение человека к грабежу, убийству или насилию? Чтобы ответить на этот вопрос обратимся вновь к исследованиям Зигмунда Фрейда. Психиатр утверждал, что в бессознательном содержится психотравмирующая информация, которую вытеснило сознание. Человек может не помнить каких-либо моментов своей жизни, которые вызвали сильные негативные эмоции, однако их влияние отражается в его поступках. Доказательством тому являются дела с участием известных серийных убийц СССР и России, а точнее обстоятельства, ставшие причиной совершения таких страшных преступлений.

Начнем с Анатолия Оноприенко, совершившего 52 убийства на территории Украины. Маньяк убивал с целью грабежей, при чем в его преступлениях не было ни капли жалости: он не щадил ни взрослых, ни детей. Объектами его действий были припаркованные на обочине автомобили, дома, он расстреливал людей из обрезка, после чего забирал материальные ценности. Из биографии «полесского упыря», как впоследствии прозвали А. Оноприенко, известно, что он рано остался без матери, а отец сразу же дал понять сыну, что тот сам должен себя содержать. В итоге Анатолий воспитывался в детском доме. Обида на отца и недостаток материнской любви

и тепла стали тем самым неосознаваемым мотивом совершения преступлений, тем более что убивал Оноприенко в основном целые семьи. Другим примером является Сергей Головкин, подмосковный убийца, ставший известным как Удав или Фишер. Первоначально маньяк нападал на улице, в лесу, возле детских лагерей, но затем для своих преступных целей он оборудовал гараж в Одинцовском районе. Из протоколов следственных действий взято описание этого помещения: яркое освещение, увешанные крюками стены, разбросанные на полу пилы, топоры и ножи. Картина предстает жуткая, будто вырванная из фильма ужасов. Следствием было доказано 11 убийств, совершенных Головкиным, причем жертвами были исключительно мальчики. Говоря о детстве и юношестве убийцы, заметим, что он рос забитым и болезненным ребенком (родители использовали обливание ледяной водой в качестве «лекарства» от энуреза). В 15 лет Сергей был избит сверстниками, что спровоцировало возникновение ненависти к подросткам. Этот случай стал основным провоцирующим преступное поведение фактором: Головкин совершал насилие над мальчиками и после убивал их.

Ярко прослеживается причинно-следственная связь между травмирующими психику обстоятельствами и последующим преступным поведением в деле Андрея Чикатило. Серийный убийца, орудовавший на территории Ростовской области, совершил несколько десятков жестоких убийств, сопряженных с фактами каннибализма. Предполагается, что их было около 70, следствием было доказано 53 убийства, сам Чикатило сознался в 56, однако Верховный Суд РФ признал только 43 убийства, имевших неопровержимые доказательства. Имеются сведения, что Андрей Чикатило родился с признаками гидроцефалии (повышенным скоплением цереброспинальной жидкости в ликворной системе головного мозга). До 12 лет он страдал энурезом, за что мать его постоянно била. Существует версия, что в 1946 г., когда в СССР начался голод, Чикатило не выходил из дома, так как якобы боялся участи своего старшего брата Степана, которого, по рассказам матери, похитили и съели на улице. Некоторые придерживаются истории о том, что брата Андрея съели сами родители, свидетелем чего стал будущий убийца. Другой мифической историей, бытующей вокруг детства Чикатило, является расстрел некоторых жителей родного села серийного маньяка

немцами во время Великой Отечественной войны. Односельчане рассказывают, что местные мальчишки из любопытства побежали за немцами, которые, завершив свое дело, открыли огонь по детям. Чикатило, которому на тот момент было шесть лет, вместе со всеми спасался бегством, но упал и разбил голову. Немцы, нашедшие его позже, решили, что он мертв, и сбросили его в яму к расстрелянным. Очнувшись, маленький Андрей побоялся вылезать из ямы и провел практически всю ночь с трупами, вернувшись домой только на рассвете. Следует заметить, что ни один из вариантов психотравмирующей ситуации не был доказан. Однако каждый из них претендует на роль подсознательного мотива совершения столь жестоких убийств. Профессор А. О. Бухановский, которому было поручено составление психологического портрета серийного убийцы, отмечал, что А. Чикатило был психически здоровым человеком. Совершенные им деяния характеризовали его как некросадиста (некрофильного садиста), он получал удовольствие от самого процесса убийства. Однако причины, по которым в преступлениях прослеживаются акты каннибализма: преступник съедал часть плоти своей жертвы, следовало бы искать именно в детстве преступника, достоверных фактов о котором не имеется.

В заключение отметим, что причина преступности – это многогранный феномен, который не может быть порожден каким-либо одним явлением, потому до сих пор никому не удавалось найти полноценного, учитывающего все факторы и мотивы объяснения причин возникновения преступления.

© Семиколенова А. Ю., 2019

* * *

*А. П. Стоцкий,
Санкт-Петербургский университет МВД России;
С. С. Щепкин,
Ленинградский государственный университет
имени А. С. Пушкина*

ЭВОЛЮЦИЯ ОТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И ЦЕРКВИ КАК ИНСТИТУТОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ОБЩЕСТВА

В последние годы можно встретить множество публикаций на тему взаимоотношений государства и церкви [1, с. 5–25; 2, с. 111–113; 3, с. 147–150; 4, с. 245–246; 5, с. 435–437; 6, с. 52–63]. Однако большинство авторов, как правило, не касались проблем взаимоотношений государства и церкви как субъектов политической системы общества.

Прежде всего, надо отметить, что в истории человечества взаимоотношения государства и церкви претерпевали множество преобразований. Их отношения были от максимально сближенных, когда церковь управляла государством или наоборот, и до максимального удаления друг от друга, когда оба института политической системы общества практически не имели точек соприкосновения [7, с. 13–20].

На всем протяжении своей истории человечество сопровождает вера в сверхъестественное. В процессе эволюции общества верования трансформировались в религиозные течения и стали неотъемлемой частью его жизни. Первые правила поведения, появившиеся у первобытных людей, носили характер мононорм, т. е. в начале своего развития человек не видел различий между моралью, правом и религией. Религиозные нормы на этом этапе истории не имели самостоятельности, они были частью повседневной жизни и имели форму обычаев, табу и ритуалов. Одновременно в первобытном коллективе появились и те его представители, которые сохраняли эти традиции, проводили особые ритуалы, призванные принести, например, удачу на охоте.

По мере усложнения общественных отношений, роста народонаселения, появления частной собственности, первых разделений труда

формируется особая социальная группа жрецов, которые проводили ритуалы жертвоприношений, погребений и др. При возникновении первых государств власть светская и духовная не разделялись. В древних Вавилоне, Египте, Китае верховный правитель, как правило, обожествляется, а его власть распространялась на светскую и духовную жизнь людей.

С нашей точки зрения, любая власть, в том числе и государственная, должна иметь свою опору или источник. В республике власть производна от имени народа, поэтому она имеет выборный характер. Монархическая власть производна от власти Бога, поэтому, как правило, отсутствует политическая борьба за престол, но присутствует конкуренция на вторые посты в аппарате государства. Монархия как форма правления имела весьма широкое распространение в истории государственности, особенно на древнем этапе и в период Средневековья. Божественное происхождение отличало фараона в Древнем Египте, царя в Древнем Риме. Такой же характер имел до 1946 г. император в Японии, который до настоящего времени остается верховным жрецом господствующей в Японии религии – синтоизма. Порядок коронации европейских монархов римским папой, установившийся в XIII в., также подтверждает божественный характер власти монарха [5, с. 435–437].

После появления мировых религий – иудаизма, христианства, ислама, буддизма – религиозная власть воплощается в церкви. Церковь – общественная организация, живой организм, имеющий сложный, разветвленный характер.

Взаимоотношения государства и церкви на всем протяжении их исторического развития носят сложный, многообразный характер. В частности, такие отношения складываются между светской и религиозной властью в христианских государствах [3, с. 147–150].

Главное отличие католической церковной организации в ее жестко централизованной системе, которая охватывает многие государства. Власть папы римского не знает государственных границ. Обладая большим влиянием, католическая церковь стремилась подчинить себе государственную власть. Но в ходе Реформации светская власть освободилась от власти пап. Например, в Англии сформировалась самостоятельная англиканская церковь, которая подчинилась

государству. Законодательные акты Генерального Синода церкви Англии вступают в силу после одобрения парламентом.

Сложностью отличались отношения между государством и православной церковью. Многие авторы называют его союзом духовной и светской власти [1, с. 5–25]. Выбор князем Владимиром в X в. православия (восточной христианской церкви), возможно, был обусловлен тем, что православная церковь, обладая самостоятельностью, никогда не ставила себя выше государства в его вопросах. При этом в делах церкви глава государства рассматривался как первый из мирян. Ему позволялось входить в алтарь в отличие от мирянина (прихожанина храма), в то время как в церковной иерархии он находился на последней ступени. Попытку возвысить церковную власть над государственной предпринял патриарх Никон, однако его усилия не привели к положительному для него результату [7, с. 13–20].

Полное подчинение церкви государству осуществил Петр I. Учрежденный Святейший синод заменил власть патриарха, которая была восстановлена только в 1917 г.

За последние сто лет в истории России произошло не менее четырех переворотов в государственном устройстве, в механизме смены власти и в том числе в идеалах общества и государства. С середины 80-х гг. XX в. в истории России наступает период не только смены власти, но и смены идеологии, а вместе в ней и ценностей [8, с. 39–44]. О положительных традициях, которые сформировались столетиями, практически забыли, что отразилось на жителях страны. В этой обстановке церковь как социальный институт предложила свои идеалы для заполнения пробелов и нормализации межличностных отношений. Религиозные конфессии 90-х гг. получили свободу как фискальную, так и юридическую для создания или восстановления своей деятельности на территории государства. Многие из них активно развивали не только материальную сторону своей организации, но и миссионерскую. И надо отметить, что во многом преуспели. Особенно это касается традиционных для России религий, таких как христианство, ислам, иудаизм и буддизм. Последние 20 лет показали, что конфессии после укрепления материальной основы их деятельности проявили интерес к вопросам культуры, образования, здравоохранения, СМИ, т. е. к сферам, где в XX в.

доминирующее положение занимало государство. Вместе с этим все чаще ведется спор на тему: где есть оптимальный предел вмешательства государства и церкви в их дела и как разграничить государственные и церковные интересы? [9, с. 42–53; 6, с. 23–30; 10, с. 36–44; 11, с. 214–217].

Очевидным является тот факт, что природа государства и церкви различна. В связи с этим существуют государственные сферы (например, политические выборы), и наоборот, церковные вопросы (например, вопросы совести, духовности, веры и др.), где государственное вмешательство противоестественно. Если рассматривать государство как светский институт власти, то для него будут характерными аппарат принуждения, монополия на создание механизма институтов управления территорией государства, контроль и надзор за реализацией права и др. Поэтому такие области, как образование, культура, воспитание, СМИ, выпадают из сферы сугубо государственного интереса. Вполне логичен вопрос о передаче этих сфер институтам общества, которые специализируются в них и более профессиональны. Одним из таких институтов общества, получившим широкое признание в социальной среде, является церковь. Социологические опросы, проводимые в последние годы, показывают падение уровня доверия к государству как аппарату политической власти и его институтам и представителям, при этом наблюдается рост доверия к церкви, несмотря на отдельно взятые случаи, получившие широкий резонанс в обществе.

Невозможно не учитывать влияния и потенциала церкви в обществе, а значит, следующий логичный шаг со стороны государства – это законодательное признание церкви не как инструмента (средства) [11, с. 417–419], а в качестве неотделимой и органично вписанной организации, выполняющей значимые функции для всей страны. В связи с этим возникает потребность в юридическом оформлении совместных дел церкви и государства, а также сфер, где их вмешательство будет ограничено. При этом такой правовой акт следует тщательно и публично обсудить с привлечением различных дискуссионных площадок.

С точки зрения современной теоретико-правовой науки сегодня по-прежнему наблюдается борьба между светской и духовной властью за верховенство (даже в условиях установления Конституцией РФ

принципа светского государства). Во всяком случае тесный союз между РПЦ и российским государством и их взаимная поддержка в современных сложных социальных условиях носят достаточно очевидный характер.

Список библиографических ссылок

1. Васильев А. А. Церковь и государство в консервативной парадигме России: поиск симфонии // Актуальные проблемы государства и права. 2017. Т. 1. № 3–4. С. 5–25.
2. Зенков А. Р. К вопросу о факторах гармонизации отношений между Русской Православной Церковью и государством // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2013. № 5. С. 111–113.
3. Мигунова Т. Л., Романовская Л. Р. «Симфония властей» как принцип взаимоотношений между церковью и государством // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 3–2. С. 147–150.
4. Nizhnik N. S. Police and civil society institutions: search for a vector of interaction in the field of combating crime // International Scientific Conference «Archibald Reiss Days» (2017; Beograd): Thematic Conference Proceedings of International Significance. Vol. 2. Beograd: Kriminalističko-policijska akademija, 2017. 461 str. P. 241–251.
5. Яковлева Д. А. Государство и церковь: формы взаимоотношений // Научно-образовательный потенциал молодежи в решении актуальных проблем XXI века. 2018. № 10. С. 435–437.
6. Нижник Н. С. Полиция и гражданское общество: поиск вектора взаимодействия // Полицейская деятельность. 2018. № 5. С. 52–66.
7. Гусев О. Ю. Церковь, государство и право в их историческом взаимодействии (к вопросу о теоретико-правовых основаниях трактовки) // Юридическая мысль. 2018. № 2 (106). С. 13–20.
8. Бондаренко Ю. В. Государство, общество, церковь в пореформенной России (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. 2018. Т. 10. № 2. С. 39–44.

9. Нижник Н. С., Меньшикова Н. С. Полиция и гражданское общество в России: взаимодействие и сотрудничество. СПб.: Изд-во СПб. ун-та МВД России, 2016. 202 с.

10. Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Полиция и гражданское общество: проблемы формирования партнерских отношений. Обзор всероссийской конференции // Гражданское общество в России и за рубежом. 2017. № 3. С. 36–44.

11. Стоцкий А. П. Борьба с экстремистской религиозной литературой как средство обеспечения национальной безопасности // Актуальные проблемы юридической науки, практики и высшего образования: сборник ежегодных научных чтений, посвященных памяти Почетного президента СПб. юрид. академии проф. С. Ф. Зыбина: в 2 т. Т. 1. СПб.: СПб. юрид. академия. 2015. С. 214–217.

12. Шуралев А. В. Современные методы разрешения коллизий между государством и церковью, наукой и религией в Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2018. № 1 (116). С. 417–419.

© Стоцкий А. П., Щепкин С. С., 2019

* * *

В. А. Сухоруков,
Волгоградская академия МВД России

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Создание современного облика полиции, укрепление доверия граждан к деятельности сотрудников органов внутренних дел – важнейшая задача Министерства внутренних дел Российской Федерации, решению которой всегда уделялось и уделяется огромное внимание.

Общество доверяет тем сотрудникам правоохранительных органов, которые безупречны в нравственном отношении, и справедливо ожидает от них проявления высокого уровня профессионализма.

К сотруднику органов внутренних дел в настоящее время предъявляются повышенные требования: не только знать и уметь применять нормы права, иметь специальное юридическое образование, но и быть квалифицированным специалистом, обладающим глубоким правосознанием и высоким уровнем правовой культуры, которое необходимо рассматривать как важнейшее условие эффективности профессиональной деятельности.

Формирование правовой культуры будущего сотрудника правоохранительных органов первоначально происходит внутри определенной социально-демографической группы (семья, государство, профессиональная группа). Здесь закладываются основы общей культуры человека.

Приобщаясь к профессии, сотрудник подвергается правовой социализации, основу которой составляет правовая информированность, обеспечиваемая правовым обучением и правовым воспитанием.

Цель правового обучения – формирование теоретической основы правовой культуры, систематизация знаний о праве, развитие правовых интересов, правового мышления, формирование научного правового мировоззрения.

Цель правового воспитания – перевод предписаний правовых норм в личные убеждения, формирование и упрочение навыков правомерного поведения.

Правовое обучение и воспитание являются важными направлениями целенаправленного воспитательного воздействия на личность сотрудника. С точки зрения теории задачами правового обучения и воспитания являются:

- формирование знаний о системе действующего права, а также правильного понимания и уяснения смысла правовых предписаний;
- формирование глубокого внутреннего уважения к праву;
- развитие умения самостоятельно применять правовые знания на практике;

– формирование установки на правомерное поведение и отрицательного отношения к совершению любых нарушений правовых норм;

– формирование привычки поведения в точном соответствии с законом.

В результате правового обучения и воспитания формируется правовая культура личности, включающая в себя правовые знания, установки и убеждения, правомерные действия, которая является необходимым условием сознательного выполнения сотрудником своего долга перед обществом и государством. Правовое обучение и воспитание неразрывно связаны между собой и определяют и процесс формирования и уровень правовой культуры.

К сожалению, необходимо констатировать тот факт, что знания сотрудниками органов внутренних дел норм права не всегда способствуют правомерному поведению. Правомерное поведение определяется не только знанием закона, но и осознанием собственных поступков, сознательностью поведения, повышенным чувством справедливости и законности. Оно связано с оценкой права, которая определяет правомерность поведения сотрудников.

Даже поверхностный анализ (из средств массовой информации и интернета) практики правового обучения и воспитания сотрудников органов внутренних дел свидетельствует об активном использовании некоторых его форм.

В ходе занятий по правовой и морально-психологической подготовке, проведения лекций и бесед до сотрудников доводятся изменения в действующем законодательстве, новые нормативные акты, разъясняются сущность служебной дисциплины и законности в органах внутренних дел, ответственности за их нарушения.

Позитивное влияние на личный состав оказывает рассылка в органы и подразделения внутренних дел обзоров состояния служебной дисциплины и законности, приказов, в которых объявляются вступившие в законную силу приговоры судов по фактам нарушений законности сотрудниками, с последующим их разбором на служебных совещаниях личного состава.

В ряде органов внутренних дел функционируют лектории по правовой тематике. К участию в их работе привлекаются ученые-юристы, представители прокуратуры, суда, наиболее подготовленные сотрудники.

Повышению уровня правовой культуры сотрудников способствуют обзоры юридической литературы, организация уголков правовых знаний, непосредственное участие личного состава в правовой пропаганде среди населения.

В ходе проводимых научно-практических конференций участвующие в них руководители органов и подразделений внутренних дел, ученые из образовательных и научных учреждений, работники прокуратуры и суда, ветераны органов внутренних дел обсуждают проблемы укрепления служебной дисциплины и законности, профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел.

Вместе с тем отметим, что подавляющее большинство всех проводимых мероприятий направлено на формирование только одной составляющей правовой культуры сотрудников – на приобретение правовых знаний.

Однако знание закона, как известно, совершенно не означает того, что он будет соблюдаться или не будет нарушаться.

Результатом воспитательных воздействий должно быть не только приобретение знаний, но и формирование необходимых нравственных и профессиональных качеств, ценностных ориентаций, убеждений и чувств, привычек и мотивов, лежащих в основе мировоззрения и поведения личности.

Говоря о содержательной и методической стороне процесса правового воспитания сотрудников, отметим, что наряду с мероприятиями по разъяснению действующего законодательства, требований нормативных актов, большое внимание в органах и подразделениях внутренних дел должно уделяться использованию разнообразных методов, форм и средств воспитания в комплексе с другими организационными и воспитательными мероприятиями. Среди них можно выделить:

- усиление борьбы с антиподами правовой культуры;
- целенаправленная работа по предупреждению и пресечению правонарушений;
- более активное применение в воспитании методов убеждения и примера;
- привитие навыков использования правовых средств для активизации служебной и образовательной деятельности;

– воспитание чувства непримиримости к различного рода правонарушениям и др.

Таким образом, формирование личности сотрудника органов внутренних дел – это сложная педагогическая задача, для решения которой должна использоваться целая система воспитательных и организационных мер по формированию нравственных качеств и психологических свойств, проявление которых будет способствовать не только успешному выполнению оперативно-служебных задач в любых условиях обстановки, но и укреплению общественного доверия и поддержки граждан.

© Сухоруков В. А., 2019

* * *

*Н. К. Тарасов,
Санкт-Петербургский университет МВД России*

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ
КАК СРЕДСТВО СОЦИАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ:
СУЩНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
В ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.**

Современное правовое государство предполагает наибольшую степень свободы для человека и гражданина [1, с. 97–99]. Вместе с тем Конституция Российской Федерации допускает возможность ее ограничения в той мере, в какой это необходимо для обеспечения прав и свобод других лиц, интересов общества и государства [2]. Указанное положение Конституции дает правовые основания для применения государством принуждения.

В научной литературе сложилось многообразие подходов к изучению феномена «государственного принуждения». При различных теоретико-методологических подходах проблемы государственного

принуждения тракуются по-разному [3, с. 62–66]. Это приводит к неопределенности в оценке принудительного характера правового воздействия на общественные отношения и влечет за собой сложности в выработке управленческих решений в сфере управления государством в целом и его правовой политики в частности.

В советских и постсоветских исследованиях предметно не рассматриваются характеристики государственного принуждения, представленные в трудах российских юристов конца XIX – начала XX в., в контексте построения правового государства и развития гражданского общества современной России. Вместе с тем данные характеристики могут быть сегодня востребованы при решении вопросов, связанных использованием легального принуждения в управлении государством.

Серьезный вклад в осмысление данных проблем и поиск перспектив развития российского государства в конце XIX – начале XX в. внесли ученые-полицисты: И. Е. Андреевский, П. Шеймин, А. А. Трифонов, Н. Н. Белявский, В. Ф. Дерюжинский, В. В. Ивановский, В. М. Гессен, И. Т. Тарасов, Э. Н. Берендтс, А. В. Горбунов, А. И. Елистратов.

Главную функцию государства, под которую выстраивается вся его политика, правоведы видели в обеспечении безопасности и благоустройстве граждан. При этом пристально рассматриваются вопросы о нарушении прав и свобод человека и роли принуждения.

Так, принуждение, по мнению И. Тарасова, представляет собой деятельность администрации, посредством которой устраняется сопротивление, встречаемое администрацией в процессе исполнения последней предусмотренных законом задач [4, с. 67]. Принуждение, подчеркивает И. Т. Тарасов, должно рассматриваться как крайняя мера, так как именно принуждением наиболее легко и часто могут быть нарушены права граждан [4, с. 67]. Граница принуждения определяется не значимостью цели деятельности, а родом и степенью сопротивления. В соответствии с данным положением принуждение применяется с момента возникновения сопротивления и прекращается с момента прекращения сопротивления [5, с. 92].

По мнению В. В. Ивановского, «государство при помощи всех находящихся в его обладании средств и способов приходит на помощь частным лицам в деле достижения ими возможно высшей

ступени благосостояния» [6, с. 65]. При этом достичь благосостояния возможно лишь в условиях безопасности. Возможность удовлетворения потребности в безопасности В. В. Ивановский связывал с полицией – принудительной деятельностью государства в области внутреннего управления [7, с. 79]. Принуждение, обращал внимание В. В. Ивановский, применяется там, где имеет место сопротивление законному требованию; применение принуждения должно быть прямо пропорционально возрастанию сопротивления и должно соответствовать степени и силе сопротивления. В. В. Ивановский акцентировал внимание на необходимости обязательного законодательного закрепления всех форм принуждения в целях недопущения произвола и широкого личного усмотрения государственных органов [7, с. 80].

Исходя из предпосылки, что государство решает задачи благоустройства и безопасности в виде содействия каждому в достижении его разумных целей [4, с. 1], ученые-полицисты выявили специфику государства полицейского типа, определили формы положительной (без использования мер государственного принуждения) и отрицательной (с использованием мер государственного принуждения) деятельности полиции, выявили специфику властеотношений в полицейском государстве и перспективы перехода к правоотношениям, положенным в основу государственно-правовой системы правового государства [8, с. 302–306; 9, с. 228–235; 10, с. 3–21].

Таким образом, в юридической мысли конца XIX – начала XX в. государственное принуждение рассматривается как исключительное, крайнее средство социального воздействия, формы и способы применения которого должны быть соизмеримы социальной опасности тех субъектов, от которых она исходит, при этом каждая форма принуждения должна быть законодательно закреплена, а порядок его применения четко регламентирован.

Список библиографических ссылок

1. Михеева Т. Н. Значение и пределы государственного принуждения в условиях развития правового государства // Законы России: опыт, анализ, практика. № 10. 2013. С. 97–99.

2. Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с поправками от 30.12.2008, 05.02.2014, 21.07.2014) // Собрание законодательства РФ. 2009. № 1. Ст. 1; 2014. № 6. Ст. 548; № 30. Ч. 1. Ст. 4202.

3. Тарасов И. Т. Лекции по полицейскому (административному) праву. Т. 2. Общая часть. М., 1910. 266 с.

4. Тарасов И. Т. Личное задержание как полицейская мера безопасности. Ч. 1. Киев: Университетская типография, 1875. 229 с.

5. Аврутин Ю. Е. Истоки формирования института полиции и полицейского права // Полицейское право. 2005. № 1. С. 88–95.

6. Ивановский В. В. Учебник административного права (полицейское право; право внутреннего управления). Казань, 1908. 516 с.

7. Нижник Н. С., Дергилева С. Ю. Государство и право в теоретико-правовых воззрениях А. И. Елистратова. М.: Юрлитинформ, 2017. 376 с.

8. Нижник Н. С. О неизбежности краха полицейского государства в 1917 году // Великая Российская революция 1917 года в истории и судьбах народов и регионов России, Беларуси, Европы и мира в контексте исторических реалий XX – начала XXI вв.: матер. междунар. науч. конф., Витебск – Псков, 27 февраля – 3 марта 2017 г. / гл. ред. А. В. Егоров. Витебск: Витебский гос. ун-т им. П. М. Машерова, 2017. С. 302–306.

9. Нижник Н. С. Полицейско-правовая теория: основные этапы становления в России // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции): матер. междунар. науч.-теорет. конф. Санкт-Петербург, 28 апреля 2016 г. / под ред. Н. С. Нижник. В 2 т. Т. II. СПб.: Изд-во СПб. ун-та МВД России, 2016. С. 228–235.

10. Нижник Н. С. Российская полицистика – наука и искусство управления государством // Вопросы государства и права: сб. науч. ст. / под общ. ред. Л. В. Карнаушенко. Краснодар, 2015. С. 3–21.

© Тарасов Н. К., 2019

* * *

**РЕТРОСПЕКТИВА УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА,
СВЯЗАННОГО С ПРОИЗВОДСТВОМ
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ
В ОТНОШЕНИИ СЛЕДОВАТЕЛЯ И АДВОКАТА**

Уголовно-процессуальное законодательство в целях создания эффективной системы дополнительных гарантий деятельности отдельных категорий лиц, в том числе следователя и адвоката, предусматривает в отношении последних специальные правила осуществления производства по уголовным делам. Порядок производства по уголовным делам в отношении рассматриваемой нами категории лиц указан в главе 52 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [1]. В соответствии с пп. 7, 8 ч. 1 ст. 447 УПК РФ следователь и адвокат являются специальными субъектами. Таким образом, законодатель при установлении особой процедуры производства по уголовным делам придает последним особое значение. Созданию данного порядка предшествовала целая история. Можно отметить, что в период образования Древнерусского государства выделялись элементы производства особого порядка по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц.

При анализе норм сборника «Русской правды» можно заметить, что в них не имеется содержания о неприкосновенности лиц с особым правовым статусом. Можно предположить, что в XI в. нормы, касающиеся процессуальных действий в отношении адвоката и следователя, не были закреплены на законодательном уровне [2].

Псковская судная грамота XIII–XV вв. содержала упоминание о процессуальных иммунитетах. Отметим, что это было первым нормативным закреплением [3].

В эпоху правления Петра I (XVII–XVIII вв.) развиваются дополнительные гарантии неприкосновенности, в отношении которых предусмотрена особая процедура привлечения к уголовной ответственности [4].

В разделе 3 Устава уголовного судопроизводства от 1864 г., имеющем название «Преступление по должности», были указаны субъекты и процедура осуществления в отношении них производства по делам [5].

В XIX в. можно отметить, что было реформировано экономическое и политическое устройство нашей страны. Кроме того, в данный период велась работа по внедрению новых законов с содержанием дополнительных гарантий отдельных категорий лиц, в том числе следователя и адвоката. В нормах же УПК РСФСР не было системного изложения особого порядка производства по уголовным делам в отношении лиц с особым правовым статусом.

В XX в. во времена правления императора Николая II были реформированы государственные учреждения и внесены законодательные изменения относительно иммунитетов должностных лиц.

С появлением в 2001 г. в УПК РФ данной главы многие стали выражать свое одобрение в связи с тем, что появился законный способ выхода из ситуаций, где производство по делу осуществлялось в отношении отдельных категорий лиц [6]. Нормы в отношении лиц с особым правовым положением были выделены в самостоятельный институт. Однако, что являлось препятствием на пути у законодателя в создании специальных правил в более ранний период?

В современных условиях, казалось бы, в нормах УПК РФ имеется отдельная глава, посвященная привлечению к уголовной ответственности отдельных категорий лиц, а также производству процессуальных и иных следственных действий с их участием, однако в этой главе имеются недоработки и трудности, с которыми можно столкнуться на практике. Нормы уголовно-процессуального законодательства, связанные с исследуемой нами категорией лиц, в настоящий период не доработаны.

На основании вышеизложенного приходим к выводу, что начиная с периода образования Древнерусского государства, включая советский период, производство по уголовным делам в отношении адвоката и следователя были вопросами, которые являлись не такими исследованными, как неприкосновенность в отношении депутатов, судей. Однако в связи с тем, что в настоящее время в УПК РФ имеются нормы, касающиеся процедуры привлечения специальных

субъектов к уголовной ответственности, хотелось бы, чтобы они были приведены в соответствие.

Список библиографических ссылок

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.01.2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Алехин Д. В. Исторические этапы развития законодательства об уголовно-процессуальном иммунитете отдельных категорий лиц (IV – начало XX в.) // История государства и права. 2014. № 23. С. 51–54.
3. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси / отв. ред. В. Л. Янин. М., 1984. С. 341.
4. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А. Г. Маньков. М., 1986. С. 199.
5. Устав уголовного судопроизводства 20 ноября 1864 г. URL: <http://constitution.garant.ru> (дата обращения: 08.02.2019).
6. Белоносов О. В. О целях особого производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц // Вестник СамГУ. 2014. № 11/2 (122). С.148–153.

© Тафинцева И. С., 2019

* * *

ПОЛИЦИЯ, ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: ОСНОВАНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Сотрудничество полиции с представителями органов государственной власти и местного самоуправления понимается как совместная согласованная деятельность, осуществляемая в соответствии с действующим законодательством и направленная на реализацию поставленных задач и достижение общих целей. Главная цель взаимодействия – обеспечение единства действий, организация взаимопомощи и объединения усилий [1, с. 15–17; 2, с. 261–262; 3, с. 241–245; 4, с. 294–295; 5, с. 52–58; 6, с. 123–125].

Федеральный закон «О полиции» в ст. 10 указывает на то, что при выполнении функций, возложенных на полицию, она осуществляет взаимодействие с органами государственной власти и местного самоуправления, а также использует возможности указанных субъектов. При этом в пределах своей компетенции полиция оказывает содействие органам государственной власти и местного самоуправления [7].

Эффективность осуществления деятельности полиции в сфере охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности обеспечивается четко налаженной, урегулированной сферой взаимодействия полиции и органов государственной власти и местного самоуправления [8, с. 5–6]. Качественность организации деятельности обеспечивается, в первую очередь, высокой скоординированностью усилий всех субъектов взаимодействия.

Механизм сотрудничества складывается, прежде всего, из следующих элементов: организации взаимодействия; реализации взаимодействия; последующее управление и регулирование процесса взаимодействия [9, с. 4].

Взаимодействие с представителями органов государственной власти и местного самоуправления с полицией в России осуществляется по следующим вопросам: во-первых, обеспечению конституционных

прав граждан; во-вторых, социально-экономическому развитию Российской Федерации; в-третьих, реализации органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации в соответствии с соглашениями части полномочий федеральных органов исполнительной власти или реализации федеральными органами исполнительной власти части полномочий органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а также иные вопросы, которые требуют учета мнения федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации [3, с. 241–245; 5, с. 52–58; 6, с. 123–125; 10, с. 117].

Рассматривая формы взаимодействия полиции с органами государственной власти и местного самоуправления, можно выделить следующие группы взаимодействия: организационную и функциональную [11, с. 55].

Организационная форма взаимодействия подразумевает под собой:

- создание правовой основы взаимодействия;
- формирование совместных органов, деятельность которых направлена на выполнение координирующих функций (советы, комиссии и комитеты);
- разработка программ и планов, скоординированных на борьбу с преступностью и организацию совместных мероприятий, в том числе затрагивающих деятельность в особых условиях;
- планирование мероприятий, необходимых для совместной деятельности;
- согласование принимаемых решений.

Функциональная форма взаимодействия включает в себя:

- организацию и проведение совместных мероприятий и операций;
- поддержка подчиненных органов, в том числе и обучение кадров;
- постоянный обмен необходимой информацией;
- обмен опытом работы;
- совместная подготовка информации и передача в вышестоящие органы [12, с. 82].

Неоднократно Министр внутренних дел Российской Федерации В. А. Колокольцев подчеркивал, что согласованная скоординированная деятельность полиции и органов государственной власти и местного самоуправления выступает как объективная потребность для государственно-правового развития Российской Федерации,

которая способствует непосредственному укреплению правопорядка на территории России и эффективному обеспечению конституционных прав и свобод граждан [13]. В настоящее время наблюдается ориентирование органов внутренних дел на то, чтобы волонтерским организациям оказывалась помощь и поддержка, что, в свою очередь, приведет к консолидации усилий в борьбе с преступностью, а также будет способствовать повышению уровня доверия граждан к правоохранительным органам нашего государства в целом [14, с. 118; 8, с. 195–196].

Список библиографических ссылок

1. Нижник Н. С. Самоорганизация общества в социально-политическом дискурсе российского государства // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе: матер. междунар. науч.-практ. конф., 25–26 сентября 2014 г. / под общ. ред. В. А. Сосова. Краснодар: Издат. дом «Юг», 2014. С. 15–25.

2. Lavrinovich K. I. The specifics of the implementation of the law enforcement function of the modern state based on the rule of law (on the example of the Russian Federation) // International Scientific Conference «Archibald Reiss Days» (2017; Beograd): Thematic Conference Proceedings of International Significance. Vol. 2. Beograd: Kriminalističko-policijska akademija, 2017. P. 261–267.

3. Nizhnik N. S. Police and civil society institutions: search for a vector of interaction in the field of combating crime // International Scientific Conference «Archibald Reiss Days» (2017; Beograd): Thematic Conference Proceedings of International Significance. Vol. 2. Beograd: Kriminalističko-policijska akademija, 2017. P. 241–251.

4. Чукаев Т. О. «Общественное право», «государственное право», «полицейское право»: соотношение понятий в теоретико-правовом учении В. Н. Лешкова // Российская полиция: три века служения Отечеству: матер. юбилейной междунар. науч. конф., посвящ. 300-летию рос. полиции. Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 г. / под ред. Н. С. Нижник. Электронные дан. (19,6 Мб). СПб.: СПб. ун-т МВД России, 2018. С. 294–299.

5. Нижник Н. С. Полиция и гражданское общество: поиск вектора взаимодействия // *Полицейская деятельность*. 2018. № 5. С. 52–66.

6. Нижник Н. С. Полицейское государство – социоюридический феномен: характеристика сущностных черт в отечественной полицейско-правовой теории // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2018. № 6. С. 123–130.

7. О полиции: федер. закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 05.12.2017) // *СЗ РФ*. 2011. № 7. Ст. 900; № 27. Ст. 3880, 3881; № 49. Ст. 7018, 7020, 7067; № 50. Ст. 7352; 2012. № 26. Ст. 3441; № 50. Ст. 6967; 2013. № 14. Ст. 1645; № 26. Ст. 3207; № 27. Ст. 3477; № 52. Ст. 6953; 2014. № 6. Ст. 559, 566; № 42. Ст. 5615; 2015. № 7. Ст. 1022; № 10. Ст. 1393; № 29. Ст. 4374; 2016. № 27. Ст. 4160, 4238; 2017. № 22. Ст. 3071; № 31. Ст. 4821.

8. Нижник Н. С., Меньшикова Н. С. Полиция и гражданское общество в России: взаимодействие и сотрудничество. СПб.: Изд-во СПб. ун-та МВД России, 2016. 202 с.

9. Мушкет И. И. Полиция в механизме Российского государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2008. 24 с.

10. Безруков А. В. Взаимодействие органов внутренних дел с другими органами публичной власти в сфере обеспечения правопорядка // *Проблемы правоохранительной деятельности*. 2016. № 4. С. 117–122.

11. Зуев В. И. Правоохранительная деятельность как функция правового государства // *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2012. № 3 (139). С. 53–57.

12. Харламов С. О., Зеленкова О. П. Вопросы теории и практики взаимодействия органов местного самоуправления и органов внутренних дел российской федерации // *Вестник Московского университета МВД России*. 2015. № 8. С. 81–85.

13. «Первый канал»: офиц. сайт. URL: <https://www.1tv.ru/news> (дата обращения: 04.04.2019).

14. Прудников А. С., Хазов Е. Н., Грудцына Л. Ю., Белоновский В. Н. Муниципальное право России: учебник для студ. вузов, обуч. по спец. «Юриспруденция». М., 2013. 424 с.

© Чукаев Т. О., 2019

* * *

СЕКЦИЯ 4
Патриотизм, духовность, образование:
на перекрестке мнений

Е. В. Баева,
Всероссийский институт повышения квалификации
МВД России

К ВОПРОСУ
О ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЙ
РИТОРИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ
СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Высокие требования, которые сегодня предъявляются к сотрудникам органов внутренних дел, – это прежде всего компетенции, сформированные у них в процессе получения высшего профессионального образования, профессиональной переподготовки или дополнительного профессионального образования.

Присоединение России к Болонскому процессу актуализировало компетентностный подход, что в свою очередь заставляет пересмотреть подход к высшему профессиональному образованию (переход к федеральным образовательным стандартам высшего профессионального образования третьего поколения).

Сущностью компетентностного подхода является переоценка результата образования с понятий «подготовленность», «образованность», «общая культура», «воспитанность» на понятия «компетенция/компетентность» обучающихся. Результат обучения на языке «компетенций» рассматривается как путь к профессиональному признанию и мобильности. Компетентностный подход в России объединяет образовательный, профессионально-квалификационный и ценностно-культурный компоненты.

В отличие от традиционных знаний, умений и навыков в понятии «компетентность» подчеркиваются такие качества, как: творческий подход, практико-ориентированная направленность обучения, соотнесенность с личностными характеристиками, формирование мотивации саморазвития и самосовершенствования [1].

Компетентностный подход не отрицает значение знаний, а лишь акцентирует внимание на их использовании. Таким образом, *компетентность* – это обобщенная интегративная характеристика личности, ее способности наиболее универсально использовать и применять полученные знания и навыки. Профессиональная компетентность сотрудника органов внутренних дел включает его способности ориентироваться в разнообразии сложных и непредсказуемых служебных ситуаций, иметь представления о последствиях своей деятельности, а также нести за них ответственность.

Таким образом, сотрудник органов внутренних дел, обладающий профессиональной компетентностью, характеризуется и как человек, и как специалист. Согласно ФГОС по специальности 40.05.02 «Правоохранительная деятельность» в результате освоения программы специалитета у выпускника формируется профессиональная компетентность, включающая общекультурные, общепрофессиональные, профессиональные и профессионально-специализированные компетенции.

Анализ компетенций указанного выше ФГОС свидетельствует о том, что в нем достаточно много внимания уделяется именно риторическим компетенциям, что дает нам право говорить о профессионально ориентированной риторической компетентности [2].

Профессиональный стандарт («Следователь-криминалист») среди множества профессиональных навыков, какими должен обладать следователь-криминалист, также выделяет множество именно риторических навыков:

«без искажений воспринимать и передавать информацию:

- правильно и полно отражать результаты профессиональной деятельности в процессуальной и служебной документации;
- публично представлять результаты исследований, вести полемику и дискуссии;
- формулировать обвинение по уголовным делам;
- квалифицированно толковать нормативные правовые акты;
- творчески анализировать информацию, делать практически значимые обоснованные выводы, ясно излагать их и аргументированно отстаивать точку зрения;
- навыки убеждения» и др. [3].

Таким образом, риторическая компетентность сотрудника органов внутренних дел выступает необходимой составляющей его профессиональной компетентности, включающая риторических знания,

профессионально значимые риторические умения и навыки, а также готовность и способность сотрудников органов внутренних дел осуществлять профессионально-риторическую деятельность.

Стоит отметить, что профессионально ориентированная риторическая компетентность, обеспечивающая результативность профессионально-риторической деятельности, является одной из базовых составляющих профессиональной компетентности сотрудников органов внутренних дел и может быть результатом их риторической подготовки.

Профессионально ориентированная риторическая компетентность сотрудников органов внутренних дел – это многокомпонентное понятие (рис. 1).

Рис. 1. Структура профессионально ориентированной риторической компетентности сотрудников органов внутренних дел, включающая мотивационную, теоретическую (когнитивный компонент) и практическую (операционный компонент) составляющие

Для возникновения установки личности в ее достижении необходима потребность обучающегося и ситуация ее удовлетворения. Учебные языковые ситуации, речевые упражнения и риторические задания в процессе занятий по риторике способствуют возникновению установки к саморазвитию, осознанию своей риторической компетентности, соотнесению ее с профессионально-служебной деятельностью.

Теоретическая составляющая (когнитивный компонент) представляет собой специальные научные знания (риторические, психологические, лингвистические и др.) о специфике процесса профессионального общения (в рамках служебной деятельности). Практическая составляющая (операционный компонент) состоит из риторических умений и навыков [1].

Иным словами, сущностной характеристикой профессионально ориентированной риторической подготовки сотрудника органов внутренних дел является развитие и совершенствование необходимых ему риторических качеств, умений и навыков с учетом особенностей его профессиональной деятельности. Главным ее результатом является профессионально ориентированная риторическая компетентность сотрудника органов внутренних дел, базирующаяся на его духовно-нравственных принципах и формирующаяся на базе системы знаний, умений, навыков, а также личностных качеств и способностей.

Обобщая выше изложенное, можно определить профессионально ориентированную риторическую компетентность сотрудников органов внутренних дел как часть профессиональной компетентности, включающую компетенции системных риторических знаний, профессионально значимые риторические умения и навыки, а также готовность и способность сотрудников органов внутренних дел осуществлять профессиональную риторическую деятельность. Иными словами, профессионально ориентированная риторическая компетентность сотрудников ОВД – это совокупность сформированных качеств личности сотрудника органов внутренних дел, которые определяют ее способность к наиболее успешному и рациональному применению полученных риторических знаний и навыков; совокупность риторических умений решать языковыми средствами задачи общения в конкретных профессионально-служебных ситуа-

циях, умения создавать, произносить и осмысливать текст в соответствии с целью и ситуацией профессионального общения; а также владение нормами этикета и рефлексия.

Список библиографических ссылок

1. Баева Е. В. Развитие профессионально ориентированной риторической компетентности сотрудников органов внутренних дел в процессе повышения квалификации: дис. ... канд. пед. наук. Н. Новгород, 2017. 197 с.

2. Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по специальности 40.05.02 «Правоохранительная деятельность»: приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 16 ноября 2016 г. № 1424. URL: <http://www.consultant.ru>.

3. Об утверждении профессионального стандарта «Следователь криминалист»: приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 23 марта 2015 г. № 183н. URL: <http://www.consultant.ru>.

© Баева Е. В., 2019

* * *

*А. Е. Бацкий,
Рязанский филиал
Московского университета МВД России
имени В. Я. Кикотя*

ФОРМИРОВАНИЕ ПАТРИОТИЗМА У КУРСАНТОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Согласно государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 гг.» формирование патриотического воспитания молодежи является одним из приоритетных направлений государственной политики. Развитие у молодежи гражданской идентичности, гражданской позиции и гражданской зрелости – одна из задач высших учебных заведений, в том числе вузов МВД.

Целью дисциплины «Иностранный язык» является формирование иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся. Лингво-социокультурный метод обучения иностранным языкам подразумевает, что «в основе языковых структур лежат структуры социокультурные» [1, с. 204], поэтому овладение иностранным языком немислимо без изучения культуры и традиций страны изучаемого языка. Но как, прививая терпимость к другой культуре и ее нравственным ценностям, не поставить под сомнения социально-культурную идентичность собственной страны? Межкультурная коммуникация позволяет не только узнать больше информации о другой культуре, но и транслировать ценности своей. Кроме того, знание истории и культуры своей страны позволяет понять культуру страны изучаемого языка. Практические занятия по иностранному языку с их коммуникативной направленностью позволяют заложить основы диалога культур.

Развитию патриотизма у курсантов на занятиях по иностранному языку будет способствовать тщательно подобранный страноведческий материал. Межкультурная коммуникация подразумевает обмен информацией, поэтому способность рассказать иностранцу о своей стране закладывает у обучающегося гордость за ценности той культуры, в которой он вырос.

При отборе материала для занятий особое внимание следует обратить на такие критерии, как учет возрастных особенностей и познавательной возможности обучающихся. Но мы остановимся на тематической соотносительности. Привить гордость за свой край, свою родину можно при работе над следующими темами:

- 1) география, достопримечательности, города;
- 2) биографии выдающихся личностей;
- 3) праздники, традиции;
- 4) образование, наука;
- 5) литература;
- 6) культура;
- 7) история и т. д.

В своем выборе преподавателю не стоит ограничиваться приведенными темами, так как существует множество методов, с помощью которых можно работать над формированием патриотизма с материалом любой тематической направленности. В данном случае ключевым аспектом отбора материала будет служить привязанность к программной теме.

Профессиональная направленность дисциплины определяет специфичный характер тем на занятиях по иностранному языку с курсантами. Тематическими планами предусмотрены экономические и юридические темы, с помощью которых также можно способствовать развитию гражданско-патриотических и мировоззренческих качеств. Например, изучать правовые темы на примере родной страны. На данных занятиях четко прослеживается междисциплинарная связь, курсантам легче понять новую тему на уже изученном на другой дисциплине материале.

Необязательно уделять все время на занятии исключительно патриотическому воспитанию, на некоторых занятиях вполне достаточно одного-двух приемов на нескольких этапах практического занятия. Так, при изучении федеративного устройства США преподаватель может проводить параллели с федеративным устройством России.

Сформировать положительное отношение курсантов к своей малой Родине поможет правильно подобранный краеведческий материал. Изучение истории собственного края, достопримечательностей, выдающихся земляков вызывает больший интерес у курсантов, чем изучение, например, географического положения Великобритании.

В условиях диалога культур у обучающихся не будет возможности рассказать англичанину о Лондоне, ведь иностранец уже все знает о своей родине, следовательно, задачей преподавателя иностранного языка является научить обучающегося описать свою страну, ее достопримечательности, литературу, искусство и др. Нередко курсанты могут рассказать о достопримечательностях Северной Ирландии подробнее, чем о своем родном городе. Обучающиеся сталкиваются с проблемой недостатка языковых средств при подготовке докладов и выполнении заданий для самоподготовки. В своей методической копилке преподавателю необходимо иметь дидактические материалы, призванные обеспечить обучающихся краеведческим материалом на иностранном языке. Можно составить методические рекомендации для обучающихся по поиску и обработке информации на английском языке.

Формирование патриотизма представляет собой целенаправленный процесс включения обучающихся в различные виды познавательной деятельности, именно поэтому не только правильно подобранный этнокультурный материал будет способствовать воспитанию патриотизма у курсантов, но и формы, методы и приемы, с помощью которых будет осуществляться учебная деятельность.

Сравнительный анализ – прием, которым пользуются преподаватели при изучении таких тем, как «Образование», «Политическое устройство», «Искусство» и др. В нем имеет место культурологический аспект обучения, сравнение национальных культур разных народов.

Одним из методов, который формирует сознание активного гражданина, обладающего критическим мышлением, способностью самостоятельно находить информацию и делать выводы является проектное обучение. Е. Карпов дает определение метода проектов как образовательной технологии, нацеленной «на приобретение учащимися новых знаний в связи с реальной жизненной практикой» [2, с. 51]. Выбор темы проекта является первостепенной задачей, именно тема доклада способствует формированию любви к родному краю, к своей Родине и стране.

Так как целью обучения иностранному языку является развитие коммуникативной компетенции, то необходимо строить занятия с обязательным этапом речевой практики, включая реально коммуникативные задания. Именно поэтому формулировки инструкций

к упражнениям должны решать практические коммуникативные задачи [3, с. 12–13]. Например, «расскажите иностранцу о столице России», «проведите экскурсию для иностранца по своему городу», «прослушайте информацию о музеях Шотландии и скажите, какие музеи есть в вашем городе», «назовите общие черты судебных систем России и США» и т. д. Подобная формулировка заданий отражает принцип сознательности.

Формирование патриотизма может проходить не только в рамках занятий, но и во время внеурочной деятельности по дисциплине. Проведение деловых игр, факультативов, конкурсов и олимпиад по иностранному языку.

Молодое поколение является одним из уязвимых слоев населения. В век информационных технологий социальные сети и интернет-ресурсы имеют огромное влияние на молодежь, стирают границы между культурами, нередко пропагандируют псевдоценности. Следовательно, перед вузами стоит задача не только подготовить компетентного специалиста, но и воспитать патриота своей страны, имеющего соответствующее правосознание и уважительное отношение к традициям, истории, культуре и нравам родной страны. Практические занятия по иностранному языку со своей коммуникативной направленности позволяют заложить патриотические установки у курсантов, помочь им осознать свой гражданский долг и полюбить свой родной край.

Список библиографических ссылок

1. Холодилова М. В. К вопросу выбора методов обучения английскому языку на неязыковых факультетах // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева. 2006. № 1. С. 202–205.
2. Барменкова О. И. Роль метода проектов в формировании личностных и метапредметных результатов средствами иностранного языка // Эксперимент и инновации в школе. 2011. № 6. С. 50–52.
3. Колкер Я. М., Устинова Е. С., Еналиева Т. М. Практическая методика обучения иностранному языку. М.: Академия, 2000. 264 с.

© Бацкий А. Е., 2019

* * *

УРОВНИ КОРРУПЦИИ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ РОССИИ: АДМИНИСТРАТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Коррупционная тема всегда интересна и актуальна для российского общества. Сегодня это одно из важнейших направлений государственной политики. Зачастую губернаторы, министры, чиновники оказываются под следствием в делах о взятках, воровстве и превышении должностных полномочий. Многие из них создают ОПГ для получения более высокого дохода от преступной деятельности. При этом имена высокопоставленных коррупционеров из системы образования не звучат в СМИ и такие дела практически не известны в стране.

В России нет отдельной статистики по коррупционным преступлениям в сфере высшего образования в открытом доступе. Но, по данным многолетних опросов ВЦИОМ (от 9 % до 15 %) [1] и других социологических опросов (в вузах до 19 %, а на уровне общеобразовательной системы до 29 %!) [2] население России сталкивается с коррупцией в системе образования. Миллионы людей видят коррупцию, с ней сталкиваются в вузах и она не снижается.

Проблемы развития современного образования, в т. ч. и высшего, связаны с поиском и обоснованием результативных и эффективных практик взаимодействия с рынком, обществом и государством. Борьба с коррупцией сложная и важная институциональная задача для правоохранительной системы страны и всего общества. Для повышения ее результативности надо разобраться с ее уровнями и особенностями функционирования.

Методологическими основами данного исследования стали:

- институциональные экономические теории (О. Уильямсон, Т. Эггертсон и др.);
- теория структурно-функционального анализа (Т. Парсонс, Р. Мертон);

– поведенческие характеристики индивидов в экономике изучались при помощи подходов Г. Беккера, Л. Мизеса, Г. Клейнера и др. [3];

– направления и рекомендации по регулированию антикоррупционной, экономической политики предложены на основе идей: В. Ойкена, Янг Гую, Сонгфенга Ли (Yong Guo, Songfeng Li) и Шиникиро Танаки (Shinichiro Tanaka).

Эмпирическая база исследования опирается на статистические данные, контент-анализ информационных материалов российских региональных вузов, находящихся в сети Интернет, проведен в 2018 г.; экспертный опрос участников высшего образования; публичные материалы социологических служб страны и открытые данные из системы МВД и Прокуратуры РФ.

Высшее образование России имеет долгую историю развития. В процессе эволюции были сформированы основные структурные уровни администрирования и взаимодействия с контрагентами. Отраслевые и территориальные особенности высшего образования нашли здесь свое полное отражение [4]. Традиционно структурно-функциональное административное деление любого вуза страны на три уровня управления: кафедральный, факультетский и ректорат. На первом уровне идет активное взаимодействие с обучающимися. Строится основная учебная и научная работа, направленная на достижение результатов. Этот уровень взаимодействует с домашними хозяйствами непосредственно и определяет отношение к институтам высшего образования в обществе. На втором уровне идет активная работа с документами по обеспечению образовательной деятельности, оформление справок, первичной документации по учету полученных результатов от кафедр и низовых звеньев управления вузами. Третий уровень, как правило, занимается выработкой стратегий, долгосрочных планов развития вузов и взаимодействует с вышестоящими звеньями отраслевого и территориального управления. На этом уровне формируются правила контроля, мониторинга за результативностью факультетской и кафедральной деятельностью.

На основе структурно-функционального анализа администрирования в высшем образовании России определены три уровня коррупции, разные по своей этимологии (происхождению), они взаимозависимы, друг друга дополняют. Иллюстративно логическая модель данных уровней коррупции представлена на рис. 1. Она имеет абстрактный характер.

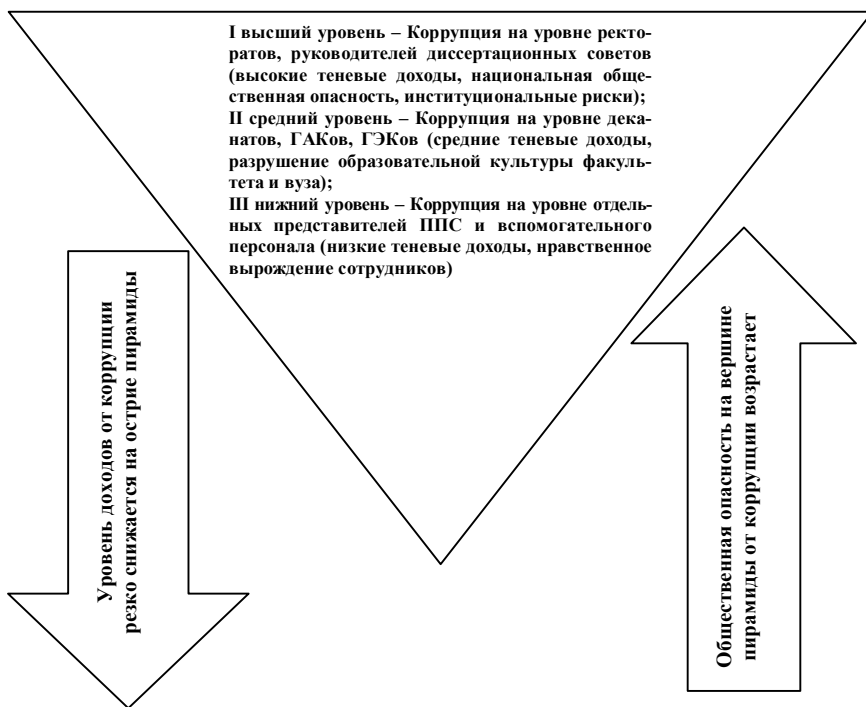

Рис. 1. Перевернутая пирамида коррупции в высшем образовании России, построенная на основании административно-функционального подхода

Общественная опасность коррупции возрастает прямо пропорционально статусу и доходу, который получается в результате преступной деятельности. Чем выше уровень управления вузом, тем сильнее связи и многолетние коррупционные практики взаимодействия, основанные на структурно-функциональной зависимости.

В России, традиционно, правоохранительные органы борются только с одним видом коррупции на нижнем уровне профессорско-

преподавательского состава. Студенты и обучающиеся являются самой массовой, мобильной социальной группой в сфере высшего образования. Их отличают повышенная общительность и открытость в социальных сетях [5]. Этот нижний уровень коррупции, в рамках приведенной классификации, является самым слабым звеном в созданной институционально-экономическими факторами пирамиды коррупции высшего образования. Традиционно система противодействия построена на их поимке и наказании. Однако настоящие организаторы коррупционной системы находятся на втором и третьем уровнях представленной пирамиды, структурно и функционально они объединены в организованную группу, которая преступно обогащается всеми доступными средствами. Это проблема многих вузов России, но не всех. Для пояснения позиции приведем несколько примеров видов коррупции и дадим их характеристику в системе высшего образования России на основе экспертного опроса региональных участников рынка.

Наиболее распространенные виды сделок на низовом уровне: взятки за сдачу экзаменов или зачетов; продажа учебных и методических материалов. Сумма сделок редко превышает несколько тысяч рублей. На среднем уровне доход коррупционеров значительно выше. Здесь используется служебное положение, совершаются подлоги (замена экзаменационных ведомостей; переоформление зачетов; незаконное продление сессии для нерадивых студентов или даже комплексное обслуживание при сдаче экзаменов и зачетов в период сессии и многое другое). Объем отдельных коррупционных сделок насчитывает десятки тысяч рублей и опирается на сговор (или попустительство) группы служебных лиц. Самый высший уровень коррупции в образовании характеризует получение миллионов коррупционных доходов, связанных с созданием «черной» кассы вуза (автостоянки, гаражное хозяйство, теневой оборот столовых и буфетов, аренда мест в общежитиях и мн. др.); в условиях оптимизации и сокращений появилось требования взяток за предоставление рабочего места, продление контракта; значительный доход приносит заключение контрактов со своими фирмами на поставки товаров и услуг для нужд вуза. Например, сплит-систему в новом корпусе вешать нельзя, но если фирма рекомендована проректором

по АХЧ, то можно, но это приводит к росту стоимости работ и оборудования на 40–60 %! Такие ситуации необходимо срочно исправлять.

Требуется использование институциональных, экономических и функциональных механизмов антикоррупционной деятельности. В государственной политике под механизмом понимается автоматическая работа норм и правил институтов, не требующих вмешательства субъективных факторов: человека, ручного управления высшего лица или других форм координации.

В числе данных мер: замена экзаменов/зачетов накоплением текущих баллов у обучающихся на портале образовательных госуслуг; снижение требований по публикационной активности в международных базах цитирования (высокая стоимость публикаций приводит к поиску коррупционных источников финансирования); переход на электронный документооборот в деканатах (работники деканата и студенты не должны общаться лично, все решает программа); максимальное снижение контрольных функций деканатов и ректората (зачастую контроль обменивается на требование коррупционной ренты); внедрение в общероссийскую практику конкурсов и рейтингов по развитию малых предприятий вузов по организации стоянок, работы столовых, гаражей и т. д. (снижение доходности таких вузовских предприятий ниже отраслевых по стране, верный признак коррупции ректората в сфере создания «черной кассы») [6]. Формирование системы открытости и доступности данных о деятельности российских вузов, факультетов и кафедр – лучший рецепт преодоления коррупционных явлений.

Список библиографических ссылок

1. Коррупция в России: мониторинг. URL: <https://wciom.ru> (дата обращения: 28.01.2019).
2. Социологическое исследование коррупции. URL: <http://rus-politology.ru> (дата обращения: 24.01.2019).
3. Колбасина Е. Е., Заблоцкая А. Г., Алексеев А. П. Латентная преступность: понятие, причины, способы измерения и противодействия. Волгоград, 2008. 88 с.

4. Евстратов А. В., Днепровская И. В. Теория отраслевых рынков. Волгоград, 2016. 72 с.

5. Морозов И. Л. Сетевая цензура versus сетевая свобода – в поисках баланса интересов государства и гражданского общества // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия: Политология и социология. 2017. № 2. С. 32–37.

6. Бельских И. Е., Пескова О. С., Бородина Е. А., Коваженков М. А., Юрова О. В. Маркетинговый и предпринимательский потенциал российских университетов как «локомотивы» регионального экономического роста // Экономика и предпринимательство. 2018. № 7 (96). С. 752–754.

© Бельских И. Е., 2019

* * *

*Г. И. Боинчану,
Калининградский филиал
Санкт-Петербургского университета МВД России*

**ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
ВЕДОМСТВЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ:
ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ**

Воспитание как «вечное понятие», неразрывно связанное с другими краеугольными категориями педагогики как науки: с обучением, образованием, развитием и формированием, – образует, как представляется, некий педагогический квадрат, в центре которого располагается воспитуемый или целый коллектив. Если продолжить метафору, то у каждого преподавателя этот идеальный четырехугольник, чьи стороны должны быть равны и непротиворечиво образовывать прямые углы, трансформируется в процессе педагогической деятельности в силу многих объективных и субъективных

причин во весьма изобретательные фигуры: у кого выходит трапеция, у кого – ромб, некоторые, особенно начинающие педагогическую деятельность рефлексирющие натуры оказываются с равносторонним, но треугольником. И даже в такой незамысловатой фигуре найдется сторона – воспитание.

Как бы не строилась траектория развития профессиональной деятельности самого педагога, в какие бы тяжкие эксперименты не погружали нас профильные министерства, какие бы дискуссии не разворачивались в СМИ, научных и интернет-сообществах, уйти в образовании от воспитания не представляется возможным. Да и нужно ли?

Особое место в воспитательной работе в ведомственной образовательной организации, как нам видится, принадлежит патриотическому воспитанию. Патриотизм не воспитывается только лишь увещеваниями и лозунгами. Именно на этом направлении аккумулируются весь опыт педагога как воспитателя по созданию доверительных, личностных отношений с обучающимися курсантами. Данное психолого-педагогическое условие мы считаем эффективным для достижения гармоничного и стойкого результата при воспитании сотрудника гражданином-патриотом.

Такие методы стимулирования поведения и деятельности как беседа и диалог приобретают с данной точки зрения черты поиска героя, примера для подражания. Поэтому такое большое внимание мы уделяем содержанию образования: в качестве примеров в подготавливаемых нами учебниках, учебных и учебно-методических пособиях, а также при проведении семинаров и практических занятий используем примеры, способные вызвать восхищение гражданской позицией, мужеством, выполнением патриотического долга. Даже привычные формы контроля могут стать отличной формой воспитательной работы. Так, при проведении зачета по учебной дисциплине «Риторика» курсантам предлагаются такие темы для устного монологического высказывания, как «Важно ли быть патриотом?», «Этот день Победы!», «Олимпиада и паралимпиада: нам есть кем гордиться!», «Первая мировая война...: надо ли помнить?», «Малая моя Родина», «Есть ли место подвигу в современной жизни?», «В чем наш долг?» и т. д. В теме «Удивительный характер» за последние пять лет проведения зачета в форме устного высказывания

курсанты представили образы достойных граждан России: сотрудника полиции М. Нурбагандова, спортсмена Ш. В. Карапетяна, маршала Б. М. Шапошникова, педиатра Л. М. Рошаля, профессора Ю. И. Сучкова, стоявшего у истоков создания Калининградской школы милиции и работающий по сей день в стенах нашей образовательной организации, и многих других, признанных самими курсантами патриотами, достойными подражания.

Некоторые речи, разработанные для зачета по «Риторике», получали свое развитие, но уже как научные доклады, например, на II и III Ежегодной Всероссийской патриотической конференции «Герои нашего времени» (2016, 2017), региональной межвузовской научно-практической конференции «Героические страницы российской истории» (2018), проводившихся в г. Калининграде. Участие в таких научно-представительских мероприятиях позволяет курсантам увидеть всю палитру патриотических чувств, которых не стоит стыдиться, как это бывает в обыкновении у подростков и молодых людей. Подобные мероприятия позволяют также устанавливать связь между средней и высшей ступенью образования, поскольку к участию в них привлекаются и школьники. И тут курсанты становятся сами воспитателями отношения к Родине. А преподаватели? «Преподаватели же становятся в большей степени консультантами, наставниками и посредниками, чья задача – помочь обучающимся... осознать свою личную ответственность...» [1. с. 96].

Поиск инновационных путей в воспитании позволил нам методом опроса и тестирования определить наиболее интересную для курсантов форму воспитательной работы. Ею стало создание видеофильмов патриотической направленности. Первый фильм «Дорога длиною в жизнь» был посвящен ветерану Великой Отечественной войны, ветерану филиала, поэту, чье имя занесено в книгу «Лучшие люди России» Нине Петровне Демешевой. Коллектив курсантов, сложившийся при работе над проектом, осваивал не только необычные для себя роли сценаристов, режиссеров, звукорежиссеров, интервьюеров, но учился доступными для ровесников словами донести без ложного пафоса мысль о героизме и любви к Родине. Фильм стал лишь отправной точкой: далее последовала работа над фильмом, посвященным 65-летию филиала, и фильмом, ставшим испытанием сначала для творческого коллектива, а потом и для

зрителей. «Хроника одного задания» – фильм, в котором рассказывается об одной миротворческой миссии на границе Армении и Азербайджана, которая стала миссией по спасению человеческих жизней при ликвидации последствий катастрофического землетрясения. И эту миссию выполняли курсанты и офицеры нашего учебного заведения, на тот момент Калининградской школы милиции. Интервью непосредственных участников, отрывки художественных фильмов, представление архивных документов – фильм стал событием, не оставившим никого равнодушными. Не это ли задача патриотического воспитания в ведомственной образовательной организации? Молодежь рассказывает молодежи о подвиге их ровесников, пусть и отдаленных от сегодняшнего дня на 30 лет.

Используя в своей педагогической деятельности многочисленные разнообразные формы воспитательной работы, мы не можем не отметить, что всегда воспитываем сотрудника-патриота и гражданина, как человека, относящегося к охране родного языка как к вопросу национальной безопасности.

«Вопрос сохранения русского языка как национального индикатора, поддержание уважения к нему, развития интереса к его изучению и создание необходимости его использования не может не затрагиваться в образовательном процессе...», отметим, и в воспитательном тоже [2. с. 61]. «В эпоху глобализации с ее чуть ли не главной тенденцией в лингвосфере – планетарным засильем английского языка – в мировой политике уделяется пристальное внимание укреплению позиций своего государственного языка как одному из важнейших рычагов противодействия глобальной унификации культур, как главному инструменту сохранения культурной множественности и каналу обеспечения национальной идентичности и единения народа» [3. с. 108].

Патриотическое воспитание – органическое вплетение в образовательное пространство ведомственной образовательной организации и его глубина – вопрос компетентности научно-педагогических работников.

Список библиографических ссылок

1. Боинчану Г. И. Преемственность в формировании ключевых компетенций в ведомственных учебных заведениях // III Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: материалы междунар. науч.-практ. конф. Калининград, 2015. С. 95–97.

2. Боинчану Г. И., Герасимова А. О. О решении проблемы защиты русского языка как предмета национальной безопасности в ходе подготовке, переподготовки и повышения квалификации кадров правоохранительных структур // Проблемы профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов: материалы Всерос. круг. стола. Орел, 2018. С. 61–66.

3. Боинчану Г. И. О путях развития и укрепления позиций русского языка в мире // IV Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: материалы междунар. науч.-практ. конф. Калининград, 2016. С. 108–110.

© Боинчану Г. И., 2019

* * *

*Е. В. Василенко, Т. В. Рябко,
Ставропольский филиал
Краснодарского университета МВД России*

ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ С СОТРУДНИКАМИ, НУЖДАЮЩИМИСЯ В ПОВЫШЕННОМ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ВНИМАНИИ

На современном этапе развития системы ОВД проблема профилактики формирования девиантного поведения ее сотрудников входит в число приоритетных направлений психолого-социальной и воспитательной работы. Важность работы руководителей подраз-

делений с сотрудниками, склонными к различного рода девиациям и нуждающимися в повышенном психолого-педагогическом внимании, очевидна и актуальна [1].

Сотрудники, нуждающиеся в повышенном психолого-педагогическом внимании, – это лица, которые имеют высокую вероятность проявления деструктивного поведения и дезадаптации, оказывающие влияние на результативность служебной деятельности.

Индивидуально-воспитательная работа с этой категорией сотрудников должна реализовываться последовательно и планомерно. Для повышения образовательного уровня руководителей в 2015 г. по данному направлению были созданы методические рекомендации по организации работы с сотрудниками органов внутренних дел, нуждающимися в повышенном психолого-педагогическом внимании [2]. Однако до сих пор воспитательная работа с сотрудниками данной категории носит формальный характер. Само понятие «сотрудники, нуждающиеся в повышенном психолого-педагогическом внимании» (далее – ПППВ) зачастую интерпретируется руководителями и сотрудниками, как некое «клеймо», с которым сотрудник оказывается в социальной изоляции. Тем самым у сотрудника еще выше становится уровень нервно-психического напряжения, тревоги и как результат – это приводит к увеличению дисциплинарных нарушений и целому ряду негативных социально-психологических факторов.

Многие руководители подразделений считают индивидуально-воспитательную работу с сотрудниками второстепенной. Здесь можно долго спорить о важности результатов служебной деятельности и воспитательной работы. В связи с этим особое значение приобретает психологическое обеспечение сотрудников, которое способно улучшить многие показатели служебной деятельности.

Понятие ПППВ было введено в связи с необходимостью своевременного выявления сотрудников, склонных к делинквентному и отклоняющему поведению, для предупреждения появления неадекватных состояний и реакций [3]. Внешне эти реакции могут проявляться в агрессивном (также аутоагрессивном) реагировании или аддиктивном поведении.

Изначально практически любого сотрудника полиции можно отнести к категории сотрудников, нуждающихся в ПППВ, ведь требо-

вания, предъявляемые к нему условиями деятельности, намного жестче и ответственнее, чем у большинства профессий. Конечно, данное утверждение может вызвать много критики, упреков со стороны самих сотрудников и их руководителей. В большинстве случаев сотрудники, по инициативе руководителей подразделений, попадали в данную категорию за совершение дисциплинарных нарушений, после чего сотрудник брался на «учет» и, если он не менял своего поведения, то следовало увольнение из ОВД. При появлении психологов в подразделениях работа принципиально изменилась и в качестве признаков категории сотрудников, нуждающихся в ПППВ, добавился широкий спектр психологических характеристик. Вследствие чего количество сотрудников полиции, которые попадают по своим индивидуальным качествам в данную категорию, должен был увеличиваться.

Роль психологической службы заключается в профилактике и коррекции личностных свойств сотрудника полиции для повышения эффективности его профессиональной деятельности. Значит, основная цель психологов подразделений заключается в выявлении психологических особенностей, которые мешают жизнедеятельности сотрудника, разработке рекомендаций и коррекционных занятий, которые в свою очередь могут продлевать стаж службы сотрудника полиции.

Страх быть «не таким, как все» может объясняться недоверием психологу или некорректному моральному отношению к сотруднику со стороны руководителя подразделения. В настоящее время наблюдается положительная тенденция у сотрудников ОВД, связанная с желанием обратиться за профессиональной помощью к психологам. При этом анонимность данных психологической помощи является важным фактором. Поэтому здесь стоит поговорить об этическом кодексе психологов ОВД, согласно которому психолог при оказании помощи обязан соблюдать конфиденциальность полученных данных [4]. В то же время руководители подразделений, получая информацию (списки сотрудников, нуждающихся в ПППВ) и рекомендации психологов, обязаны достаточно корректно, не разглашая для всего служебного коллектива, проводить индивидуально-воспитательную работу с сотрудниками.

Отдельно остановимся на понятии «сотрудники, склонные к деструктивному поведению». Выше говорилось о том, что практически каждый сотрудник может быть отнесен в категорию сотрудников, нуждающихся в ПППВ, но, к сожалению, психологическая служба еще не достаточно развита для того, чтобы оказывать ежедневную помощь всем сотрудникам. Из общего числа сотрудников выбираются сотрудники, которые имеют значительно большее количество негативных личностных свойств или эмоциональных характеристик. Эти люди, в основном, попадают в списки сотрудников, склонных к деструктивному поведению и требуют постоянного психологического наблюдения.

Организация работы с сотрудниками, нуждающимися в ПППВ, имеет четкую структуру и реализуется поэтапно [1].

Первый этап – выявление из общего количества сотрудников, имеющих различные негативные биологические, психосоциальные и характерологические факторы.

Второй этап – разделение по направлениям психологического сопровождения профессиональной деятельности сотрудников ОВД, нуждающихся в ПППВ:

1. Сотрудники, имеющие по результатам профессионально-психологического отбора третью категорию профессиональной психологической пригодности.

2. Сотрудники с низкими адаптационными способностями к условиям оперативно-служебной деятельности, признаками нервно-психической неустойчивости.

3. Сотрудники, имеющие низкий социометрический статус, находящиеся в неудовлетворительном морально-психологическом состоянии, в том числе обусловленном применением оружия, получением ранения, травмы, увечья, острой конфликтной ситуацией, гибелью родственников или близких лиц.

4. Сотрудники, склонные к аддиктивному поведению.

5. Сотрудники, допустившие грубые нарушения служебной дисциплины или неоднократные нарушения служебной дисциплины при наличии у них дисциплинарного взыскания, наложенного в письменной форме.

Третий этап – профилактический. Его действия направлены на выявление ранних стадий развития отдельных негативных факторов и их коррекции.

Принадлежность сотрудника к категории нуждающихся в ПППВ не должна являться наказанием или препятствием для полноценного прохождения им службы в ОВД [2].

Основная работа с сотрудниками, склонными к деструктивному поведению и внесенными в список лиц, нуждающихся в ПППВ, на данном этапе возлагается, конечно, на психологов. Но в то же время необходимо отметить, что очень важную роль в работе с сотрудниками данной категории играют непосредственные начальники или руководители. Они могут быстро и своевременно оказывать положительное воздействие на данных сотрудников с целью улучшения морально-психологического состояния.

Именно поэтому к уже имеющимся методам по работе с сотрудниками, склонными к деструктивному поведению (индивидуальные беседы, посещение сотрудников и членов семей на дому и др.) можно добавить методы, которые помогут руководителям подразделений оказывать первоначальную психологическую помощь данной категории сотрудников, а также для личной психопрофилактики. К таким методам можно отнести естественные методы, связанные с разумным планированием режима труда и отдыха (спорт, хобби, общение с близкими и т. п.) и психологические – методы психической регуляции, разработанные в практической психологии (дыхательные упражнения, визуализация, релаксация, арт-терапия и другие психотехники).

Естественно, что набор методик по выявлению и работе с лицами деструктивного поведения не ограничивается выше перечисленными способами. Для каждой личности нужны разные способы определения и снятия напряжения. Главное состоит в том, что нужно стремиться к тому, чтобы человек научился управлять своими переживаниями и находить именно свои собственные средства психодиагностики и саморегуляции.

Список библиографических ссылок

1. Работа с сотрудниками ОВД, нуждающимися в повышенном психолого-педагогическом внимании (профилактика аддиктивного/ девиантного поведения): метод. пособие / сост. Д. Р. Динниулов, Ф. Н. Сафиуллин, Е. М. Гарифулина [и др.]. Казань: УРЛС МВД по РТ, 2016. 58 с.
2. Методические рекомендации по организации работы с сотрудниками, нуждающимися в повышенном психолого-педагогическом внимании: письмо ДГСК МВД России от 30.09.2015 № 21/7/10458.
3. Солдатова И. Ф. Организация психологического сопровождения сотрудников органов внутренних дел, нуждающихся в повышенном психолого-педагогическом внимании: метод. пособие. М.: ДКО МВД России, 2010. С. 126.
4. Этический кодекс психолога. URL: <http://www.psyurus.ru> (дата обращения: 29.03.2019).

© *Василенко Е. В., Рябко Т. В., 2019*

* * *

*Е. В. Гришина,
Рязанский филиал
Московского университета МВД России
имени В. Я. Кикотя*

К ВОПРОСУ О ВЫБОРЕ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА: ТРАДИЦИЯ ИЛИ ИННОВАЦИЯ

В современном мире технологический прогресс затронул все стороны общественной жизни, преподавание и изучение иностранного языка тоже не является исключением.

В настоящее время методика преподавания иностранного языка в образовательных организациях высшего образования динамично

развивается и, как правило, носит профессионально ориентированный характер. Это могут быть как испытанные временем, давшие свои результаты и давно зарекомендовавшие себя классические методики, так и набирающий популярность метод «Communicative Language Teaching». Параллельно совершенствуются и способы подачи информации на практических занятиях по иностранному языку. Они находят свое отражение в многочисленных методических пособиях, использовании современной техники, специальных программ, информации из сети Интернет. Основная обязанность педагога, на наш взгляд, состоит в тщательном отборе тех методов и способов подачи информации, которые являются наиболее подходящими, а именно, соответствуют ситуации, характеру обучающихся, целям занятия. Выбранные методы должны мотивировать обучающихся к получению новых знаний. Считаем, что, рассматривая вопрос о плюсах и минусах классических и инновационных методов в образовании необходимо рассмотреть полюсы и минусы традиционной и инновационной системы обучения. Одновременно важно объяснить, как эти методы могут быть использованы на практических занятиях и как они работают.

Одной из ключевых задач обучения иностранному языку является формирование коммуникативной компетенции. Понимая всю важность использования новых технологий, хотелось бы знать, стоит ли отказываться от классической, традиционной методики преподавания иностранного языка? Методика «Grammar-Translation Method» применялась еще в XVI в. для изучения латыни и греческого языков, основывается на чтении текстов, изучении грамматических правил и расширении лексического запаса.

Мы не вправе утверждать, что какой-то метод лучше или хуже, как говорил американский профессор Кеннет Т. Хэнсон: «Невозможно определить является ли метод лучшим или худшим, каждый метод должен служить какой-то цели, например, пониманию, переводу... не существует одной универсальной методики для всего» [1, с. 4]. Основными критериями в выборе эффективной методики должны быть потребности и характер обучающихся.

Как мы уже говорили, традиционный подход в обучении иностранному языку предусматривает концентрацию на правилах английского языка, знании грамматики и словаря и основан на подборе

грамматических правил и конструкций и их использовании при определенных обстоятельствах. В своей книге «Teaching English as a Foreign Language» Дж. Бротон приходит к выводу, что в каждом языке идет постоянный процесс появления новых лексических единиц, соответственно, любой язык постоянно меняется. Единственный путь идти в ногу со временем – это заучивание определенных грамматических моделей и правил, которые помогут в изучении языка. [2, с. 10]. Таким образом, опираясь на уже знакомые конструкции, возможным станет быстрое построение новых предложений, соответствующих определенной жизненной ситуации.

Нельзя упускать из виду, что изучение грамматики, в свою очередь, подразумевает наличие определенного лексического запаса. В процессе обучения по традиционной методике словарь подается изолированными блоками и комбинируется по правилам. Это может быть работа над техникой чтения и заучивание диалогов, составление вопросов и ответы на них, различные формы практики говорения и письма. Многолетняя практика показала состоятельность этой системы, так как обучающийся, попадая в иноязычную среду, автоматически вспоминает заученные модели и может ими успешно оперировать.

Обратимся к преимуществам данной модели, которые, на наш взгляд, перевешивают недостатки. Первое преимущество – использование в аудитории в качестве речи учителя родного языка обучающихся. С точки зрения эффективности использования времени, затраченного на объяснение материала, и гарантии его понимания – это, безусловно, результативный подход. Лингвист Хуахин Сю считает, что использование родного языка позволяет экономить время на практическом занятии, кроме того, в процессе прямого и обратного перевода преподаватель может понять, действительно ли материал был правильно понят обучающимся [3, с. 21]. Традиционный метод формирует привычку сразу правильно составлять грамматически верные конструкции. Заучивание речевых клише и контроль русскоязычного преподавателя минимизирует количество ошибок как в устной, так и в письменной речи.

Еще одно преимущество традиционной системы обучения – системность, которая не должна быть нарушена. Обучающиеся знают примерную последовательность выполнения заданий. В начале за-

нятия коллективно, индивидуально или в форме теста происходит повторение информации предыдущего занятия, второй этап – обозначение вопросов нового занятия, выполнение соответствующих упражнений. Заключительный этап – повторение и домашнее задание. Как правило, обучающиеся более спокойны и уверены в себе, когда знают ход урока.

Говоря о недостатках традиционной методики преподавания иностранного языка, часто упоминают ее ориентированность на письменную речь, перегруженность правилами и исключениями, недостаток устной практики. Но мы не можем отрицать тот факт, что обучающиеся, как правило, могут сказать то, что они могут написать, и очень редко они могут правильно написать то, что они сказали [4]. Обратим внимание, что у обучающихся в ООВО языкового профиля количество часов согласно тематическому плану ограничено, что не позволяет выучить большое количество лексических единиц. Как нам кажется, при определенных условиях лучше пожертвовать частью словарного запаса в пользу умения и навыков строить грамматические конструкции, при этом незнакомое слово всегда можно посмотреть в словаре.

В ответ на упрек об отдаленности традиционного образования от жизненных реалий многие обучающиеся утверждают, что достаточно буквально нескольких дней, чтобы «пассивный» словарь в условиях англоговорящей среды трансформировался в «активный». Опыт говорения, как правило, приходит на практике. Вот почему «Grammar-Translation Method», даже несмотря на его недостатки, широко применяется во многих странах мира и является основным методом в процессе преподавания иностранного языка.

Рассмотрим преимущества современного коммуникативного метода «Communicative Language Teaching», подразумевающего направленность практической деятельности и применение инновационных технологий, основная задача которого – научить общаться на иностранном языке. Одни учат язык, чтобы иметь возможность общаться с иностранцами, а другие – увидеть мир под другим углом, открыть для себя новые жизненные возможности или приблизиться к иностранной культуре. Коммуникативный метод позволяет решить множество реальных коммуникативных задач, например, составить

запрос, дать совет, сделать предложение партнеру, обозначить свои потребности [4].

Метод «Communicative Language Teaching» включает в себя многообразие форм работы с различными материалами, которые должны тщательно подбираться педагогом. Это могут быть тематические дискуссии, разговорные деловые игры, театрализации практически ориентированных ситуаций. Еще одним преимуществом метода является быстрое преодоление языкового барьера за счет постоянного живого общения и большого количества коммуникативных упражнений. В отличие от традиционного, коммуникативный метод допускает ошибки и эксперименты с языком, дает возможность самостоятельного творческого познания. Кроме того, разнообразие заданий и упражнений, используемых при коммуникативном подходе, мотивирует к изучению языка и делает процесс обучения интересным и увлекательным.

В заключении хотелось бы отметить, что современные педагоги стремятся как можно чаще использовать практическую направленность коммуникативного метода, в то время как популярность «Grammar-Translation Method» снижается. В свою очередь, реализация коммуникативной компетенции на практике не возможна без освоения грамматического компонента языка и теория довольно быстро применяется на практике, когда человек полностью погружается в англоговорящую среду. Поэтому, решая задачу подготовки высококвалифицированных специалистов, педагогу высшей школы необходимо умело сочетать классические, проверенные временем эффективные методики и инновационные технологии.

Список библиографических ссылок

1. Henson Kenneth T. Teaching Methods: History and Status. Teaching methods: Designs for learning. Vol. 1, pp. 2–5, of Theory into Practice. Vol. 19. 1980. Jstor. 2008. 5 Mar.
2. Geoffrey Broughton, et al. Teaching English as a Foreign Language. London : Routledge, 1994.
3. Xu Huaxin “My Personal Philosophy in Teaching English as a Second Language: Some Methods I Used in Teaching English to Chinese

Freshmen in Xi' a Foreign Language University". 1993. Eric. 2008. 23 March.

4. Richards Jack C. Communicative Language Teaching. 2008. 5 April.

5. Гальскова Н. Д. Современная методика обучения иностранным языкам: пособие для учителей. 2-е изд., перераб. и доп. М.: АРКТИ, 2013. 192 с.

6. Традиции и инновации в методике обучения иностранным языкам: учеб. пособие для студентов и учителей / М. К. Колкова; под ред. М. К. Колковой. СПб.: КАРО, 2014. 288 с.

7. Штурба Я. Ю. Преподавание иностранного языка посредством новых информационных технологий // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 2 ч. Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (18). Ч. II. С. 222–225.

© Гришина Е. В., 2019

* * *

*Р. А. Данакари,
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС;*

*Е. А. Козловцев,
Комитет по делам национальностей и казачества
Волгоградской области*

ПАТРИОТИЗМ И ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ КАК ЦЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Для современного российского общества, социальной философии и гуманитарного знания все более актуальный и злободневный характер приобретает проблема патриотизма и интернационального воспитания. После «возвращения» Крыма, событий на Украине, введения Западом санкций в отношении России в научном сообществе, во всех слоях общества востребованной оказалась идея интеграции и единения социума, необходимость наполнения новым содержанием понятий «патриотизм» и «интернационализм», придания

смысла бытию евразийского полиэтнического и поликонфессионального пространства народов.

Патриотизм и интернационализм как категории науки являются сложными и противоречивыми феноменами. Цель статьи – исследование российской цивилизации как объективной реальности, выявление актуальности патриотических ценностей и интернациональной идеи, определение их сущности и специфики. Насколько эти феномены востребованы как программа политического и социального действия, как базис культурно-нравственного воспитания? Согласно историческим традициям и социальным реалиям России патриотизм – это нравственный принцип, готовность к самопожертвованию, любовь к Отечеству, родной земле, гордость за прошлое и настоящее страны. В связи с этим русский религиозный философ В. С. Соловьев писал: «Ясное сознание своих обязанностей по отношению к отечеству и верное их исполнение образуют добродетель патриотизма» [1, с. 378].

Патриотизм в условиях совместного социального бытия народов России постепенно превращается в неотъемлемую часть общественного сознания, основу сохранения и развития страны. Тема патриотизма все более актуализируется в связи с 75-летием Великой Победы, которое отметит в следующем году наша многонациональная страна. Новый смысл приобретают традиции Сталинграда, они живы и являются примером подлинного патриотизма, потому что имеют всемирно-историческое значение, являются символом особого величия советского народа. Сталинградская Победа стала началом коренного перелома во Второй мировой войне, она подтвердила интернациональное единство и братство народов СССР. Патриотизм в годы Великой Отечественной войны, на фронте и в тылу, продемонстрировали все народы страны. Миллионы людей разных национальностей ради сохранения свободы и целостности СССР ценою огромных жертв защитили интересы общества и государства.

Сегодня, в период постмодерна, наступило новое время для поиска основ общественного согласия, обеспечения мира и доверия между народами. Им может стать интернационализм как политика и идеология, признающая реальное равноправие представителей всех рас, наций, этносов, культур и религий на основе мира и доверия, согласия и дружбы. В единстве идеи патриотизма и интернационализма могут

стать фундаментом для бытия полиэтнического и многоконфессионального российского государства и общества. Они отвечают интересам национальной безопасности, внешней политики и внутренним вызовам России. В связи с этим Президент России В. В. Путин еще в 2012 г. отмечал: «Нам необходима стратегия национальной политики, основанная на гражданском патриотизме. Любому человеку, живущий в нашей стране, не должен забывать о своей вере и этнической принадлежности. Но он должен, прежде всего, быть гражданином России и гордиться этим. Никто не имеет права ставить национальные и религиозные особенности выше законов государства. Однако при этом сами законы государства должны учитывать национальные и религиозные особенности» [2].

Современное общество представляет собой динамичную реальность, в которой настоящее воспринимается как «ускользающее» бытие, а будущее как мир, где преобладают риски и неопределенность. Все это указывает на нарастающую сложность, нелинейность и многовариантность будущего [3, с. 5]. Оперативность решения проблем усугубляется дефицитом времени и фрагментарностью действий людей в сфере реализации актуальных и жизненно важных задач, необходимых для реального бытия общества. Патриотическая идея, формирование ценностей и установок патриотизма, новой идентичности в полиэтническом обществе во многом коррелируется с целями и основными положениями, принципами и задачами Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 г. [4].

В настоящее время в изучении патриотизма значим учет всех факторов. Он предполагает тесное взаимодействие ветвей власти и институтов гражданского общества, особенно национальных общественных объединений [5, с. 30]. Системный и значимый характер в Волгоградской области носит работа по реализации Государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 гг.» [6]. Комитет по делам национальностей и казачества нашего региона совместно с национальными общинами, «Домом Дружбы» стремятся консолидировать общество на основе общегосударственных идей. Сегодня главная задача – поиск путей формирования надэтнических и надрели-

гиозных ценностей, понимаемых и принимаемых подавляющим большинством населения страны.

В системе общих патриотических ценностей следует творчески использовать все историческое наследие, как богатство, достижения, так и недостатки, упущения. В первую очередь, это касается как тысячелетней истории России, ее народов, великих побед прошлого, так и драм и трагедий, культурных разломов и цивилизационных особенностей, сложных политических и социальных трансформаций, происходящих в эпоху интернационализации и глобализации мира.

Уровень патриотизма социума и эффективность патриотического воспитания можно оценивать на основе разных показателей. Во-первых, их надо связать с достижениями на международной арене. Сегодня важно сохранить и развивать позитивную динамику патриотизма среди граждан, особенно среди молодежи.

Во-вторых, в число показателей должны быть включены знания по истории и географии России, ее политике и экономике, науке и культуре, искусстве и спорту. Ныне значим региональный и муниципальный уровни: знание республик, краев, областей, мегаполисов нашей великой страны.

Сегодня в российском обществе патриотизм востребован, как никогда. В многонациональной федерации сфера патриотического и интернационального воспитания должна опираться на высокий уровень образования, быть основана на глубоком знании и понимании общества, учете как глобальных, общенациональных, так и локальных, региональных интересов страны. Опора на идеи патриотизма и интернационализма способны помочь в более объективной оценке реальной действительности, поиску путей преодоления периодически повторяющихся кризисов в разных сферах общества, стать значительным потенциалом в обеспечении устойчивости социальной системы, ресурсом в непрерывном развитии страны.

В-третьих, к числу значимых показателей следует относить особенности демографического состояния населения, его естественного и расширенного воспроизводства. Следует признать, что кризисные явления в разных сферах общества, в особенности в области демографии, ухудшают межэтнические и межконфессиональные отношения, отношения к мигрантам и инонациональным соседям,

усложняют перспективы их социокультурной адаптации. Для многонационального общества патриотизм и интернационализм являются одним из основных объективных индикаторов стабильного развития страны, основой понимания гражданами событий, касающихся как нашей истории, так и современного мира. Важно, чтобы экстремизм и агрессия, этнофобии, особенно мигрантофобии, не расширили пространство своего влияния, не превратились в деструктивный фактор. В условиях нынешней экономической стагнации ухудшение качества жизни людей может привести к нарастанию напряженности в сфере адаптации мигрантов и идентификации индивидов, росту антимигрантских настроений, а затем и дестабилизации общества.

Хотелось бы обратить внимание еще на один аспект. Он касается актуализации вопросов интеграции сферы патриотического и интернационального воспитания в процессы образования, воспитания и обучения молодежи. Здесь одна из главных проблем: как помочь молодежи найти более высокие цели в жизни, заниматься эффективной самореализацией, сочетать личные и общественные интересы. На наш взгляд, патриотическое воспитание, особенно студентов – это сложный вид научной и образовательной деятельности, требующий от преподавателя глубокого понимания сущности и смысла патриотизма. Не секрет, что уровень патриотизма студенческой молодежи во многом зависит от их социальной и политической активности. Поэтому его следует не только соотносить с процессами образования и воспитания, но и связывать непосредственно с культурой, искусством, литературой, традициями, обычаями, национальными, этническими, семейными и иными ценностями.

Сегодня патриотизм и интернационализм нужно рассматривать через все сферы функционирования нашего общества. В политической сфере главными являются понятия родина, Россия, федерация, народ, держава, страна. В рамках государства и права значимыми являются такие символы, как герб, гимн, флаг. К ним примыкают уникальные образы, символизирующие специфичность и неповторимость России, уникальность ее народов. Через призму духовности патриотизм предстает в образе истории, родного языка, культуры, религии, музыки, литературы, традиций, быта, разных видов народного творчества.

В системе ценностей важную роль играет деятельность человека и его мировоззренческая позиция, установки. Они касаются интересов, потребностей, норм поведения. Социальный портрет включает гражданственность, порядочность, верность, отвагу, вежливость, мужество, справедливость, ответственность. Активная гражданская позиция – необходимый атрибут патриота, она направлена на сознательное участие в политической и общественной жизни. Это чувства, которые испытывают граждане по отношению к Родине: любовь, гордость, свобода, долг, честь. Человек, обладающий активной гражданской позицией, всегда готов внести вклад в дело развития страны и народа, изменить и преобразовать окружающую реальность.

Сегодня рост национального самосознания выражается в новом осмыслении таких духовных ценностей, как «Родина» и «российская нация». Понятие «Родина» важно идентифицировать со всей территорией страны, исторически сложившейся на ней многонациональностью и поликонфессиональностью всего населения как единой нации и общности, постепенной выработкой представлений, что «мы – россияне».

Патриотическое и интернациональное воспитание предполагает глубокое знание истории страны, общества, государства, уважение к великим свершениям страны. Концепция патриотизма и интернационализма требует формирования ценностного и значимого информационного пространства, соединяющего историю с настоящим и будущим. Современное российское общество должно опираться на неразрывность идеи патриотизма и интернационализма, сочетать в себе исторический и социальный оптимизм, иметь высокие цели, смыслы и ценности. Для строительства гармоничного общества важна ценность общего блага, культура межнационального диалога, высокая нравственность, обеспечивающая гармонию общественных и личных интересов.

Список библиографических ссылок

1. Соловьев В. С. Оправдание добра: в 2 т. М., 1988. Т. 1. 892 с.
2. Путин В. В. Россия: национальный вопрос. URL: putin-itogi.ru (дата обращения: 12.02.2019).

3. Зорькин В. Д. Суть права // Вопросы философии. 2018. № 1. С. 5–16.

4. О Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года: Указ Президента Российской Федерации. URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 12.02.2019).

5. Данакари Р. А. Философия этнического бытия. Этническая группа удин(ы) в условиях глобализации человечества: моногр. Волгоград: Волгогр. ин-т управления ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2017. 388 с.

6. О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы»: постановление Правительства РФ от 30 декабря 2015 г. № 1493. Собрание законодательства Российской Федерации от 11 января 2016 г. № 2. (Ч. I). Ст. 368.

© Данакари Р. А., Козловцев Е. А., 2019

* * *

*Л. И. Дарбинян,
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС*

НРАВСТВЕННОСТЬ И БЛАГОУСТРОЙСТВО: ОСНОВАНИЯ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ

Понятия нравственность и благоустройство являются взаимосвязанными. На первый взгляд в самом слове «благоустройство» присутствует нравственный аспект. Благоустроить означает оборудовать, сделать хорошим и удобным.

В словаре Ожегова под нравственностью понимается внутреннее, духовные качества, которыми руководствуется человек, этические нормы; правила поведения, определяемые этими качествами [1, с. 360].

Формирование нравственности представляет собой сложный и многосторонний процесс, в котором общество играет решающую

роль. Нравственный человек не будет своими действиями портить всю красоту места, в котором он живет. Человек, являясь биосоциальным, должен одухотворяться красотой и величием окружающей среды и не портить своими безнравственными действиями блага природы. Он должен также своим примером призывать других граждан к сохранению и улучшению состояния своих дворовых территорий, города и страны. Как утверждал Кант, нравственность – это внутреннее состояние человека, реализуемое через внешнее проявление индивида.

Проблему нравственности также рассматривал итальянский ученый Аурелио Печчеи. В своей книге «Человеческие качества» он утверждал, что суть проблемы, которая встала перед человечеством на нынешней стадии его эволюции, заключается именно в том, что люди не успевают адаптировать свою культуру в соответствии с теми мнениями, которые сами же вносят в этот мир, и источники этого кризиса лежат внутри, а не вне человеческого существа, рассматриваемого как индивидуальность и как коллектив. Решение всех этих проблем должно исходить прежде всего из изменения самого человека, его внутренней сущности [2].

Экологический кризис является следствием низкого развития либо отсутствием нравственного начала в отношении человека к окружающей среде. Если человек безнравственный с низким показателем культурного развития, то ему все равно на красоту и состояние города, в котором он живет. Нравственный человек, напротив, будет сохранять и улучшать состояние своей родной местности.

В современных условиях развития общества наиболее важной является нравственное воспитание молодежи в сфере благоустройства городских округов. Одним из показателей, позволяющих оценивать нравственное воспитание, является гордость за свою Родину, желание улучшить свой город и показать всю красоту своей родной местности.

Проблемой является, что современная молодежь не соблюдает нравственные и этнические нормы, правила хорошего поведения. Вместо того чтобы заниматься процветанием своего родного города, напротив, всякими аморальными действиями портит его внешний вид. Люди должны понимать, что безнравственным отношением приносят вред не только окружающим, но и себе.

Благоустройство территории городского округа – комплекс мероприятий по инженерной подготовке и обеспечению безопасности,

озеленению, устройству покрытий, освещению, размещению малых архитектурных форм и объектов монументального искусства [3].

Но следует понимать, что состояние городских округов в первую очередь зависит от самих горожан, а потом только от муниципального хозяйства!

Состояние окружающей среды имеет воздействие на психическое и физическое здоровье человека и поэтому формирование духовно-нравственной основы в сфере благоустройства и озеленение городских округов у молодежи занимает особое место. Наиболее эффективной профилактикой распространения различных травм и заболеваний является убранный мусор, чистые улицы, ухоженные дворы.

Говоря о благоустройстве, нельзя оставить без внимания нравственный аспект. Нравственность является основой высоких показателей выполнения эффективных работ по сохранению и улучшению красоты, порядка и внешнего вида городских округов в целом. Благоустройство – это не комплекс работ и мероприятий, это образ жизни. Чтобы добиться чистого города, надо начать с уборки своих дворовых территорий. И поэтому формирование нравственного аспекта является ключевой. Функцию воспитания нравственности должны нести как семья, так и система образования.

Список библиографических ссылок

1. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Рус. яз. 1986. 797 с.
2. Печчеи, А. Человеческие качества: моногр. М.: Прогресс, 1985. 312 с.
3. Об утверждении Правил благоустройства территории городского округа Волгоград: решение Волгоградской городской Думы от 21 октября 2015 г. № 34/1091. URL: <http://docs.cntd.ru> (дата обращения: 27.02.2019).

© Дарбинян Л. И., 2019

* * *

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПАТРИОТИЧЕСКОМУ ВОСПИТАНИЮ ЛИЧНОСТИ

Сегодня патриотическое воспитание рассматривается на уровне государства: общественные деятели и политики во главе с Президентом Российской Федерации В. В. Путиным разработали программу патриотического воспитания на 2016–2020 гг. На одной из встреч с представителями общественности по вопросу патриотического воспитания В. В. Путин сказал: «Справедливо говорят, что настоящий патриотизм – это образованный патриотизм. Настоящий патриот тот, кто знает, как и чем он может служить своему Отечеству» [1]. В связи с этим в современном российском обществе вопросы патриотического воспитания личности приобретают особо важное значение и актуальным становится выявление методологических подходов к организации воспитательного процесса, в котором и происходит формирование патриотических ценностей и убеждений.

Все методологические подходы ориентированы на достижение результата (системный), другие – на развитие потенциала личности воспитуемого (синергетический, личностно-деятельностный, средовый), третьи – на новое содержание воспитательного процесса (гуманистический, антропологический, культурологический, этнопедагогический, аксиологический). Так, в рамках системного подхода целесообразно использовать системно-структурный анализ, так как для современной науки актуально стремление осуществлять патриотическое воспитание широко, разносторонне и рассматривать его как систему. Теоретико-методологическим основанием построения социально-педагогической системы выбраны основные положения общей теории систем и системного анализа (А. Н. Аверьянов, И. В. Блауберг, Э. Г. Юдин и др.). Эффективность системы патриотического воспитания зависит от степени единства ее структур: внутренней (основные цели, подходы к определению содержания, форм и методов) и внешней (события и мероприятия, реализующие вос-

питательные задачи). Взаимодействие данных структур составляет сущность системы, которая построена на единстве содержательных задач и наиболее эффективных форм их реализации, является смыслообразующей системой патриотического воспитания.

Вплотную к системному примыкает синергетический подход, основанный на идеях целостности восприятия мира, нелинейности, устойчивости, скачкообразности, вероятности, случайности и необходимости (М. В. Богуславский, Л. Я. Зорина, Е. Н. Князева и др.). Главным инструментом синергетики должен быть диалог, который предполагает равенство позиций партнеров, уважительное отношение взаимодействующих сторон, характеризуется преобладанием в его структуре когнитивного или эмоционального компонентов [3, с. 43]. Диалогическая природа патриотического воспитания способствует организации духовно-морального общения, создает предпосылки формирования доверительности между субъектами взаимодействия. Основным критерием эффективности патриотического воспитания на основе синергетического подхода является продвижение личности на более высокий уровень своего развития, характеризующийся более высоким уровнем активности и самоорганизации.

Патриотическое воспитание рассматривается как процесс самозменения личности под влиянием внешних воздействий воспитания, обучения, социальной среды и результат этого процесса. Личностно-деятельностный подход в педагогике опирается на ключевую идею о необходимости преобразования воспитанника в субъект воспитательного воздействия (Е. В. Бондаревская, Л. С. Выготский, И. С. Якиманская и др.), способный планировать и оценивать свои поступки, стратегию и тактику своей жизни. Подход реализуется в жизнедеятельности конкретной личности, учитывая ее жизненные планы, ценностные ориентации и др., а также связан с устремлением педагога содействовать развитию индивидуальности.

Особое место занимает средовой подход, в основе которого – использование возможностей внутренней и внешней среды образовательного учреждения в патриотическом развитии личности. В. Г. Бочарова, Б. З. Вульф, В. А. Караковский и др. отмечают важность организации патриотического воспитания с максимальной его нравственной насыщенностью. При этом широкое участие воспи-

туемого в гражданской и патриотической деятельности является одним из необходимых условий его воспитания.

Единство личностно-деятельностного, синергетического и средового подходов составляет сущность методологии гуманистической педагогики, целью которой является обеспечение процесса саморазвития личности [2]. Гуманистическая философия сегодня проблему выживания человека видит в его стремлении к самоосуществлению и саморазвитию. Гуманистическая направленность воспитания определяется тем, насколько оно способствует формированию у личности механизмов адаптации, самореализации в изменяющемся обществе (Ш. А. Амонашвили, В. И. Загвязинский, В. А. Сухомлинский, К. Д. Ушинский и др.). Гуманистический характер воспитания предполагает субъектно-субъектную схему педагогического взаимодействия, в процессе которого воспитуемый выступает как самостоятельный, активный деятель. Диалектика педагогического процесса связана с проблемой изменения взглядов на патриотическое воспитание, с осознанием того, что сегодня требуется новый подход с целью преодоления трудностей и ошибок, сдерживающих патриотическое развитие личности.

Антропологический подход, обоснованный К. Д. Ушинским, базируется на системном использовании данных всех наук о человеке как предмете воспитания и предполагает учет возрастных особенностей и половых различий участников. Ориентирует педагога на разрешение противоречий, характерных для определенной группы с учетом сензитивных периодов в воспитании. В рамках антропологического подхода патриотизм определяется как одна из высших социокультурных ценностей, имеющих несколько характерных антропологических черт. Он проявляется в сфере чувств, идей, поступков личности; является средством идеологического воздействия и фактором политической практики. Антропологический подход предписывает, что ни одна из черт личности не должна развиваться в ущерб гуманистическим принципам воспитания. Отношение к Отечеству является ценностью жизни и культуры, имеющей общечеловеческое содержание и значение. Гуманистический характер патриотизма составляет его основополагающий критерий (Е. В. Бондаревская, К. Е. Игошев, И. А. Ильин, В. А. Сластенин и др.).

В методологическом плане все вышеобозначенные подходы объединяет культурологический подход. Он основывается на представлении о культуре как питающей среде личности, творчестве как способе развития человека, в процессе которого происходит рождение и становление его самобытности. Культура как определенный исторический уровень развития общества, творческих сил и особенностей человека рассматривается в качестве одного из факторов патриотического воспитания личности.

Этнопедагогический подход отражает единство общечеловеческого, интернационального, национального и индивидуального. Его реализация позволяет не только максимально использовать ее воспитательные возможности, но и формировать эту среду; предполагает органичное сочетание «вхождения» в мировую культуру с учетом наследия национальной культуры; использование народной педагогики в организации образовательного процесса.

В качестве ведущей методологической позиции в патриотическом воспитании личности выступает аксиологический подход (О. Г. Дробницкий, Б. С. Ерасов, В. А. Сластенин и др.). Ценности патриотического воспитания – главные ориентиры формирования гражданина-патриота, защитника Отечества. Основной акцент в патриотическом воспитании личности сделан на таких интегративных личностных качествах как высокий уровень развития гражданственности, трудолюбия, нравственности, уважения к правам и свободам человека, любви к Родине, семье, окружающей природе.

Патриотическое воспитание должно органично входить в общую систему воспитания личности, развивая такие качества, как умение жить в коллективе, принимать решения, ставить цели, выбирать адекватные им средства, прогнозировать результаты своих действий.

Список библиографических ссылок

1. Вазлеев В. А. Актуальные вопросы кадетского воспитания // Аспекты и тенденции педагогической науки: материалы I Междунар. науч. конф. (декабрь 2016 г.). СПб., 2016. С. 16–19.
2. Педагогика: педагогические теории, системы, технологии / С. А. Смирнов, И. Б. Котова, Е. Н. Шиянов [и др.]. М., 2001.

3. Рожков М. И., Байбородова Л. В. Организация воспитательного процесса в школе. М.: Владос, 2000.

© Зауторова Э. В., 2019

* * *

*Г. П. Кибасова,
Волгоградский государственный медицинский университет*

РАЗМЫШЛЯЯ О ПАТРИОТИЗМЕ...

Сегодня многие думающие граждане России переживают сложный момент, который Ю. М. Лотман в свое время охарактеризовал как «страдающая любовь к Родине». В цикле Ю. М. Лотмана «Лекции по русской культуре» автор много говорит об истинном и ложном патриотизме. Его рассуждения о данном феномене и навеяли размышления, которыми хочется поделиться. Как нам представляется, рассуждения об истинном и ложном патриотизме в современных условиях также являются упрощенными, а сам феномен при таком подходе распадается на конфликтующие части. Об этом свидетельствуют коннотации данного понятия.

С одной стороны, официальная пропаганда, официальные каналы ТВ, бесконечные политические шоу культивируют государственный патриотизм, замешанный на милитаристской и мобилизационной терминологии, по которой предметом нашей гордости должны стать фактически начавшаяся гонка вооружений, участие в военных конфликтах, обострение международных отношений и т. д.

С другой стороны, многие молодые люди, «внемля совету профессора Преображенского», не то что газет не читают, но крайне мало смотрят ТВ, некоторые вообще отказались от этого информационного канала и погрузились в «бурный» поток интернет-новостей. У них формируется свое «самостийное» представление о патриотизме, при этом очень разное. Проведенный нами экспресс-

опрос показал, что для одних сегодня, в эпоху глобализации, это полная архаика. Другие идут на поводу официальной пропаганды. Третьи разводят и никак не сопрягают понятия «патриотизм» и «любовь к Родине». Но и в том, и в другом, и в третьем случае теряется сущностный смысл этого важнейшего компонента самосознания человека. Даже наш беглый, поверхностный опрос говорит о том, что молодые люди выхватывают какие-то отдельные грани этого понятия, пытаясь из кусочков мозаики сложить целостное представление.

А что же делать нам, преподавателям высших учебных заведений, тем, кто изо дня в день, лицом к лицу общается с молодежью, тем, кому они напрямую задают иногда весьма острые вопросы? Когда автор проводил свой экспресс-опрос по поводу патриотизма, один из студентов иронически заметил: «А что для Вас патриотизм и любовь к Родине одно и то же?». Кроме того, важно помнить, что мы работаем с самой интеллектуально и духовно развитой частью российской молодежи, которой мы обязаны (наш статус обязывает) давать осмысленные, аргументированные ответы, помочь им постичь ту самую целостность представлений о мире, где важнейшее место занимает концепт «любовь к Отечеству».

Безусловно, любовь к Родине – феномен весьма сложный [1, с. 379]. Однако он напрямую связан с человеком, развивается вместе с человеком, следовательно, это не константа, а процесс. Он зарождается в сфере эмоциональных переживаний, практически как рефлекс, условный рефлекс. Что, кстати говоря, характерно и для животных. Но с развитием человека, с началом осознанной фазы жизни, с приобщением к образованию и наукам, в ходе усвоения культурных традиций своего народа этот природный феномен, как ядро плода, будет обрастать слоями рационального, все более осознанного отношения к Родине. Это нарастание новых слоев на природное ядро происходит и с отдельным человеком, и с обществом в целом. Таким образом, мы можем говорить о внутренних и внешних содержательных слоях этого понятия, т. е. о его сложной структуре.

Однако в любом случае именно сохраняющееся ядро является основой конструирования данного ментального понятия. И если новые, сознательно сформированные под воздействием социальных факторов (образование, культура, карьера, СМИ, социальные взаи-

модействия) слои данного понятия, не вступают в конфликт с ядровой сердцевиной, то патриотизм превращается в мощный компонент формирования социально значимой личности.

Бессознательный (детский) патриотизм связан с ощущениями защищенности, любви, значимости конкретного человеческого существа (ребенка), для конкретной социальной ячейки (семьи). В активной социальной фазе жизни человека данные ощущения наполняются уже социальными смыслами, рациональным содержанием, которые укрепляют ядро патриотических переживаний. Однако если внешние слои данного понятия противоречат смыслу патриотизма бессознательного, «детского», впитанного «с молоком матери», то данная социокультурная ценность перестает работать.

Любые попытки искусственно сформировать гражданский патриотизм приведут к минимальным результатам. «Размахивание» словом «патриотизм» в официальной пропаганде, через стимуляцию агрессивности, страха, напряженности, может «возбудить» самые неразвитые слои населения страны. А у мало-мальски думающих граждан, особенно образованной молодежи, способно вызвать только обратную реакцию.

Конечно, государственный патриотизм может быть законсервирован на самых примитивных уровнях, превратиться в «трескучие» фразы, пустые декларации, что, как мне представляется, и демонстрируют современные российские СМИ, особенно государственные каналы ТВ. Однако мы, профессора, доценты, преподаватели, очевидно, не можем идти на поводу подобных установок. «Пепел Клааса» стучит в наше сердце. За нашими плечами сотни отечественных мыслителей, ученых, мучеников, которые требуют помнить, воспроизводить, додумывать те великие смыслы, которыми они наполняли слово «патриотизм». Ведь «в основе патриотизма гуманное отношение к людям, конкретному человеку как главной ценности, терпимость к инакомыслию и уважение различных мировоззренческих позиций... Иными словами, патриотизм строится на высокой нравственности и культуре. Патриотизм – это не подобоострастное отношение к существующему строю и власти, а стремление сделать Родину истинным Отечеством, которое невозможно не любить» [2, с. 48].

В отечественной истории «страдающая любовь к Родине» связана с зарождением особого социального слоя. На Западе этот слой называют интеллектуалами, а в нашем Отечестве он получил название «интеллигенция». Отметим, что в условиях зарождения и развития индустриальной цивилизации появление такого слоя стало важнейшей необходимостью развития социума. Это те, кто формулировал интеллектуальные ответы на вызовы истории, кто порождал новые смыслы исторического бытия. Во Франции эту роль сыграли философы-просветители. В России эту особую роль интеллектуального оплодотворения общественного развития сыграла российская интеллигенция. Но в силу специфики нашего исторического развития, его догоняющего, скачкообразного характера, у образованных, думающих, патриотически настроенных представителей еще дворянской интеллигенции начала XIX в. не мог не сформироваться критический взгляд на свое Отечество. Этот взгляд и превращает природную эмоцию любви к семье, родителям, родной природе, в осознанную потребность вскрывать пороки общества, которые разрушают гармоничный мир любви к Родине. Еще А. И. Герцен писал, что наша цель поставить диагноз обществу, но мы (т. е. думающие, страдающие за Родину люди) не врачи, мы боль России.

Список библиографических ссылок

1. Кобылкин Р. А., Краюшкин С. И., Медведева Л. М. Формирование исторического сознания как основа воспитания патриотизма // Историческое образование в современном мире: сб. науч. ст. Волгоград: Принт, 2009. С. 379–381.
2. Кононенко Б. И. Патриотизм и культура // Социология власти, 2005. № 4. С. 47–56.

© Кибасова Г. П., 2019

* * *

*Р. А. Кобылкин,
Волгоградская академия МВД России;
Л. М. Медведева,
Волгоградский государственный медицинский университет*

НАСТАВНИЧЕСТВО: К ИСТОРИИ ВОПРОСА

Наставничество – феномен общественной жизни, переживающий в настоящее время новое рождение. В нашей стране его корни достаточно глубоки, особенно широко оно было распространено в прошлом веке.

Обычно под наставничеством понимают разновидность обучения или форму адаптации нового сотрудника, когда знания передаются от опытных работников к новичкам. Это процесс передачи не только профессионального опыта, но и морально-нравственных норм, личностного развития. В нем большое внимание уделяется формированию практических навыков и умений, причем на рабочем месте, при выполнении оплачиваемой работы. Соответственно, наставником называют человека, который передает знания и опыт, наставник тот, кто реализует наставничество.

Существует множество разновидностей наставничества. Оно может быть управляющим, стимулирующим, коллективным (за одним профессионалом закрепляют несколько начинающих работников), индивидуальным (один профессионал – один молодой специалист), формальным (наставника назначают), неформальным (молодой специалист может сам выбрать наставника) и т. д.

Рассматривая наставничество в историческом контексте, можно отметить, что оно существовало уже в первобытном обществе, в ситуации отсутствия письменности, вся жизненно важная информация передавалась от старших членов общества к младшим. В античной литературе отмечены примеры наставничества у древних греков. В «Одиссее» Гомера Ментор выполнял функции смотрителя на Итаке, поскольку был стар и не мог воевать. Его влияние было настолько велико, что сама богиня Афина принимала его облик. В Древнем Риме домашних учителей называли наставниками. В истории также известно наставничество в индуизме, буддизме, хри-

стианстве. Средневековая цеховая система дает образцы профессионального наставничества: мастер – подмастерье. Такие примеры можно обнаружить на разных этапах исторического развития.

Более того, с древних времен наставничество и роль наставника были в фокусе внимания философов. Сократ главной задачей наставника считал пробуждение душевных сил обучаемого. Беседы Сократа были направлены на «самозарождение» истины в сознании ученика. Дидактическим достижением философа стала майевтика, своеобразный спор, который путем продуманных наводящих вопросов нацеливал ученика на поиск истины. Платон говорил, что воспитание нужно начинать с раннего возраста, формируя у ребенка постепенный подход к миру идей, а наставником должен быть человек преклонных лет. Размышления о наставниках и наставничестве имеют место в работах многих мыслителей различных исторических эпох. Можно сказать, что наставничество свойственно всем системам образования и формам обучения, этот феномен является закономерностью развития человеческого общества в целом [1].

В русском языке начиная с середины XVII в. слово «наставник» употреблялось как синоним слов «учитель, воспитатель». В начале XIX в. в некоторых учебных заведениях Министерство народного просвещения ввело должность надзирателя-наставника, в его обязанности входил идеологический контроль. Позже эта должность была упразднена, поэтому в некоторых словарях этот термин можно встретить с пометкой «устаревшее». Начиная с 30-х гг. XX в., наставничество в различных формах было распространено в СССР. Его главной задачей было воспитание молодого поколения, которое доверялось людям с достаточной профессиональной подготовкой и опытом. Движение наставничества пропагандировалось путем смотров, совещаний, поощрений и наград. Наставничество практиковалось на заводах и фабриках, в системе профессионально-технического образования и производственного обучения. Эта форма обучения достигла пика расцвета в 70-х гг. XX в.

В современном дискурсе синонимом наставничества является шефство, кураторство, менторство, тьюторство, баддинг и др. Это практики, которые активно используются в современном менеджменте, особенно за рубежом. В деловой литературе этот феномен принято рассматривать как путь к успеху для всех, кто заботится

о карьерном росте. Рассматривается возможность помощи психолога, который может помочь составить пару «наставник-ученик» с учетом психологической совместимости. При назначении наставника рекомендуют учитывать различные факторы: общие интересы, местожительство, темперамент и т. п.

В настоящее время в нашей стране стали уделять большое внимание наставничеству. Об этой необходимости было сказано в Послании Президента Федеральному Собранию РФ В. В. Путина, а именно о значимой задаче для России – развитии наставничества. По словам лидера страны, только объединив передовые знания и нравственные основы, можно быть и оставаться сильными. В администрации президента заявили о возрождении системы наставничества. Новые российские наставники должны передавать молодым людям знания и опыт – и «особенно ценности». В феврале 2019 г. прошел Всероссийский форум «Наставник». Организатором мероприятия выступило Агентство стратегических инициатив. Цель форума – сформировать государственные программы поддержки наставничества, а также выбрать лучшие практики их внедрения в разных регионах страны, сделать наставничество постоянно действующей системой. Проект «Наставничество» создан для того, чтобы сформировать в России условия, при которых любой человек мог бы самореализоваться и раскрыть свои таланты в существующих профессиях.

Институт наставничества планируют использовать в самых разных сферах: в образовании, предпринимательстве, на производстве, а также в культуре и спорте. Расширение движения наставничества должно решить такую важную для страны экономическую задачу, как повышение производительности труда, улучшение качества жизни и формирование новых ценностей, необходимых для технологического рывка, а также проблему разобщенности и одиночества. Президент РФ В. В. Путин встретился с участниками Всероссийского форума «Наставник», где он отметил: «Любой профессионал... всегда мечтает о том, чтобы дело, которому он посвятил всю свою жизнь..., чтобы эта профессия развивалась, чтобы дело, которое делает этот человек, оказалось в будущем в надежных руках. Думаю, что в этом как раз и сама суть наставничества» [2].

Обсуждая проблему наставничества, глава Минздрава В. И. Скворцова сказала, что: «Наставничество никогда не уходило из здравоохранения – и из медицинского образования, и из практического здравоохранения. Это та отрасль, которая удержала наставничество» [3]. Она также отметила: «Умение лично воспринять информацию о другом человеке... когда нет времени на индукцию и дедукцию и на сбор этой информации, и на ее медленную аналитику, если надо экстренно принимать решение, научение другого человека принять это решение и взять ответственность за здоровье и жизнь другого человека, научение постоянному саморазвитию и самоорганизации. Все это и есть важнейшие векторы наставничества в медицине» [3].

Действительно, медицина – это одна из областей профессиональной деятельности, где молодому специалисту без хорошего наставника не обойтись. Лечебно-профилактические учреждения зачастую лишаются молодых рабочих кадров именно из-за недостатка у молодых специалистов практических познаний и квалификации. Повышение квалификации у медиков напрямую связано с первым этапом самостоятельной работы. Более опытный коллега, курирующий молодого специалиста, позволит сформировать клиническое мышление, стереотип трудовой деятельности, заложит первые навыки общения с пациентами и их родственниками. Такие знания невозможно получить в вузе, они передаются только на практике. Схожие ситуации можно наблюдать и других сферах жизнедеятельности современного общества.

В марте 2019 г. В. В. Путин подписал указ об учреждении знака отличия «За наставничество», его будут вручать лучшим наставникам молодежи в различных сферах. В рамках Всероссийского форума рабочей молодежи Президент России не исключил принятия закона о наставничестве, чтобы законодательно прописать в нем господдержку этого вида деятельности.

Современная ситуация демонстрирует потребность развития практики наставничества, поэтому важно проанализировать прошлый опыт в этом направлении для его результативного использования.

Список библиографических ссылок

1. Долгушева А. Н., Кадневский В. М., Сергиенко Е. И. Наставничество как педагогический феномен: история и современность // Вестник Омского ун-та. 2013. № 4. С. 264–268.
2. Владимир Путин встретился с участниками Всероссийского форума «Наставник». URL: <http://путин.ru-an.info>.
3. Скворцова В. И. О наставничестве в медицине. URL: <https://medrussia.org>.

© Кобылкин Р. А., Медведева Л. М., 2019

* * *

*Д. В. Климова,
Крымский филиал Краснодарского университета
МВД России;
К. А. Новокольская,
Крымский филиал Краснодарского университета
МВД России*

РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ В ГАРМОНИЗАЦИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В России национальный вопрос, учитывая многообразие культур, этносов, традиций и языков нашей страны, без всякого преувеличения обладает фундаментальным характером. Межнациональное и гражданское согласие является одним из наиболее важных условий существования Российской Федерации.

Исследуя литературные источники, посвященные вопросам гармонизации межнациональных отношений, мы пришли к выводу, что особый интерес представляют работы по вопросам образования молодого поколения, которое, по нашему мнению, играет огромную роль в формировании культуры межнациональных отношений между молодежью, находящейся в поликультурном образовательном пространстве.

На данный момент ситуация толерантного отношения молодежи усугубляется за счет того, что вследствие низкой культуры межнациональных отношений создается препятствие к конструктивному межкультурному диалогу между ними, что оказывает острое влияние на межнациональные отношения в целом. Следовательно, можно сделать вывод о том, что причинами таких ситуаций являются: непонимание реальных процессов, которые происходят в мире и обществе; наличие национальных предрассудков; отсутствие здравого смысла; неспособность и отсутствие желания идти на компромиссы; категоричность суждений; амбициозность; внутренняя неприязнь; эгоизм; нетерпимость к чужому мнению [1].

Данные причины можно устранить в течение педагогического процесса, цель которого заключается в создании культуры межнациональных отношений между студентами в современных вузах, а также содействие межкультурному взаимопониманию не только российских и иностранных студентов, но и иностранных студентов друг с другом. Эффективность педагогического процесса обуславливается способностью и готовностью преподавательского состава к приобщению студентов к языкам и культурам посредством понимания особенностей национальных культур, ценностей, а также диалогового взаимодействия [1, с. 59].

Главная задача учебного заведения заключается в том, чтобы формировать способности студентов к адекватной культуре восприятия и понимания различий в менталитетах. Решение данной задачи заключается в формировании умений понимать самого себя и других, чувства собственного достоинства, толерантности, патриотизма, гражданственности, системы целостных ориентаций [2, с. 110].

Отметим, что лишь в системе образования, при условии паритетного творческого взаимодействия, диалога культур, происходит рождение понимания общности целей, ценностей и человеческой природы, появляется представление о человечестве в виде единого и уникального феномена. Очевидным является то, что именно образование способно способствовать взаимопониманию между конфессиями, народами и нациями.

Таким образом, создание культуры межнациональных отношений между студентами в современной национальной культуротворческой цивилизации дает ответ вызовам времени, а ее стратегическая

цель заключается в достойном входе воспитываемых личностей в многонациональное российское и мировое сообщество. Поликультурное образовательное пространство высших учебных заведений является условием знаковости народов и этносов; исторического права на непохожесть и отличие; сохранения религий, этносов и культур. Более того, вне зависимости от своего личного желания, каждый человек осуществляет «общение» с культурами прошлого. Факт создания концепции воспитания личности российского гражданина и духовно-нравственного развития в свете сказанного выше является неслучайным.

В современной молодежной среде межнациональные отношения выступают в форме одного из направлений единства и стабильности гражданского общества и российского государства. Молодежь представляет собой образованную и социально активную ячейку российского общества. В связи с этим формирование гармонизации межэтнических отношений и культуры межнационального взаимодействия в молодежной среде уделено значительное внимание в пределах реализации российской национальной политики. Речь об этом идет в Стратегии государственной национальной политики РФ в периоде вплоть до 2025 г. [3], где определяются задачи и цели по следующим направлениям: формирование у молодежи гражданской идентичности; формирование и воспитание патриотизма; гармонизация межэтнических отношений в молодежной сфере.

В среде студентов все более интенсивно проявляется взаимодействие между студентами, принадлежащими к разным этническим группам, которые обладают определенными традициями, системой мировосприятия и ценностей, что дает возможность к закреплению разнообразных стереотипов межэтнического поведения и восприятия. Одним из факторов, оказывающих негативное влияние на развитие межэтнических отношений, является «недостаточность культурно-просветительских и образовательных мер по воспитанию культуры межнационального общения, формированию гражданской идентичности, изучению традиций и истории народов России, а также их опыта солидарности в защите общего Отечества и укрепления государства» [3].

Неоднократно в своих выступлениях остроту данной проблемы отмечал и Президент Российской Федерации В. В. Путин. Сегодня

институты органов власти и государство ведут деятельность по формированию правовых основ государственной молодежной политики, подготовке и реализации целевых программ. Ориентированы эти программы на выработку необходимой политико-правовой культуры среди молодежи. Они в разнообразных формах привлекают молодежные объединения в процесс реализации, принятия и подготовке важных для молодого поколения решений.

В процессе реализации Стратегии идет деятельность по формированию гражданской идентичности, воспитанию патриотизма, развитию на интернациональной основе органов студенческого самоуправления.

Таким образом, именно образованию принадлежит ключевая роль в вопросах гармонизации межнациональных отношений. Тем самым, реализация мероприятий и проектов, которые направлены на обмен опытом культурного и социального творчества на основе идеалов равенства, справедливости и свободы, а также разработку системы эффективного взаимодействия представителей различных религиозных, этнических групп и гармонизацию межэтнических отношений, представляет собой очень важную составляющую в проблеме формирования культуры межнациональных отношений.

Список библиографических ссылок

1. Маркова Н. Г. О формировании культуры межнациональных отношений студентов в поликультурном образовательном пространстве вуза // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2015. № 3 (39). С. 53–68.
2. Рыбак Е. В. Формирование толерантности у студентов высших учебных заведений: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. М., 2004. 135 с.
3. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 52.

© Климова Д. В., Новокольская К. А., 2019

* * *

*И. В. Лаврентьева,
Рязанский филиал
Московского университета МВД России
имени В. Я. Кикотя*

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ ДЕЗАДАПТАЦИИ КУРСАНТОВ МЛАДШИХ КУРСОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ

Вопросы изучения причин и профилактики дезадаптации курсантов младших курсов образовательных организаций МВД России сегодня являются очень актуальными. Это связано с тем, что современное российское общество предъявляет высокие требования к молодым людям в погонах. Современный мир динамичен, постоянно происходят сложные социально-экономические преобразования в обществе, идет перестройка ценностей, взглядов, убеждений, привычек и жизненных смыслов. Эти и другие факторы требуют быстрой адаптации курсантов к новым для них условиям. Для некоторых из них такие изменения происходят вполне естественно, а другие испытывают определенные трудности.

По результатам проведенных исследований процесса адаптации первокурсников к вузу можно выделить следующие главные трудности: отрицательные переживания, связанные с уходом из школьного коллектива; неопределенность мотивации выбора профессии, недостаточная психологическая подготовка к ней; неумение осуществлять психологическое саморегулирование поведения и деятельности, усугубляемое отсутствием привычки к повседневному контролю педагогов; поиск оптимального режима труда и отдыха в новых условиях; отсутствие навыков самостоятельной работы и т. п. [2, с. 337].

Анализируя изученные в юридической психологии и педагогике причины дезадаптации курсантов младших курсов, можно сделать вывод о том, что основными являются следующие:

1. Повышение требований учебного заведения к курсанту. Попав в новые условия обучения, курсант иногда не может организовать свой учебный процесс и приспособиться к новым требованиям.

В отличие от школы в вузе занятия длятся по 1,5 часа с небольшими перерывами. Появляются новые формы обучения, такие как лекция, семинар, практические и лабораторные занятия. Много времени уделяется самоподготовке, которая тоже проходит в не совсем привычных условиях. Как правило, занятия строятся согласно расписанию и форме их проведения, что значительно отличается от классических школьных уроков. Некоторые курсанты никак не могут привыкнуть к освоению большого объема изучаемого материала, его осмыслению. В связи с этим у обучающихся могут появляться головные боли, расстройства сна и другие неврастенические расстройства. Это в свою очередь ведет к повышенной утомляемости (кроме того, не стоит забывать, что курсанты ходят в наряды и от них требуется не спать по несколько часов ночью), пониженному настроению, появлению идей самоуничтожения и низкой самооценки. В период экзаменационной сессии также у курсантов наблюдается нарушение нормального функционирования организма в целом. Это связано с тем, что иногда курсантам свойственно преувеличивать экзаменационные опасения, ожидая предвзятого отношения со стороны преподавателей, их излишнюю требовательность. Этот факт может создавать негативную пессимистическую установку на экзаменационную сессию.

2. Направленность личности, установки, интересы, мотивационная сфера не соответствуют выбранному учебному заведению. Зачастую встречаются такие случаи, когда родители настаивают на выборе того или иного учебного заведения, не принимая в расчет особенности личности ребенка. Уже сразу в начале обучения курсанты замечают, что выбранный вуз не соответствует его ожиданиям, интересам и представлениям о выбранной специальности. Кроме того, курсанты первый год или два живут в казарме, в условиях, далеко не похожих на домашние, в которых много запретов и ограничений. Дезадаптация может проявляться в психосоматике (болезнь кишечника, не диагностируемые заболевания) и вегетативных расстройствах.

3. Наличие определенных событий, которые могут приводить к затруднениям в учебе и усугублять уже имеющиеся трудности. К этим событиям можно отнести болезнь родителей, ссору с друзьями, молодым человеком или девушкой, материальные затруднения, конфликт с курсовым звеном, командиром учебного взвода или

преподавателем. Согласно проведенным исследованиям легче курсанты переносят те ситуации, которые могут вызывать сочувствие у окружающих, а также о которых можно с кем-нибудь посоветоваться. Например, с командиром, куратором или индивидуальным наставником. Если же ситуация не дает такой возможности (очень личная проблема, с которой нельзя поделиться), то курсант может оказаться в изоляции, опасаясь осуждения окружающих, переживая чувства самоуничтожения и самообвинения [1, с. 98].

4. Наличие учебных дисциплин, связанных со служебной деятельностью. Помимо обычных общеобразовательных предметов на первом курсе курсанты начинают изучать огневую и физическую подготовку. Некоторым курсантам страшно взять в руки оружие, и они боятся произвести прицельный выстрел в сторону мишени. Данный факт также может привести к отдельным дезадаптационным последствиям.

Таким образом, тщательно изучая причины дезадаптации курсантов образовательных организаций МВД России, можно спланировать поэтапное психологическое сопровождение обучающихся и свести к минимуму возможные негативные последствия низкой адаптируемости и, что не маловажно, исключить связанные с этим нарушения служебной дисциплины.

Список библиографических ссылок

1. Денисевич М. Н., Вогулкин С. Е. Технология умственного труда: учеб. для вузов. Екатеринбург: УрГИ, 2006. С. 98.
2. Юрина О. И., Лаврентьева И. В. Психологическое сопровождение курсантов в период их первоначального обучения как одно из условий формирования психологической готовности к служебной деятельности // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2017. № 10 (152). С. 337.

© Лаврентьева И. В., 2019

* * *

*Н. А. Лапина,
Рязанский филиал Московского университета МВД России
имени В. Я. Кикотя*

К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ С ОСОБЫМИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ ПОТРЕБНОСТЯМИ

Идея инклюзии в образовании была озвучена на Всемирной конференции по образованию детей с особыми потребностями «Доступ и качество», которая состоялась в Саламанке (Испания) в июне 1994 г. Выводы этой конференции заключались в том, что «образование с учетом особых потребностей является проблемой, которая в равной степени касается как стран Севера, так и Юга, и что эти страны не могут двигаться вперед, будучи изолированными друг от друга. Такого рода образование должно являться составной частью общей образовательной стратегии и действительно быть объектом новой социально-экономической политики. Это требует крупной реформы обычной школы [1, с. 59]. С осени 1992 г. в России началась реализация проекта «Интеграция лиц с ограниченными возможностями здоровья». В 11 регионах были созданы экспериментальные площадки по обучению детей с особыми образовательными потребностями (далее – детей с ООП). Новый термин «дети с особыми образовательными потребностями» закрепляет смещение акцентов в характеристике «особых детей» с отклонениями от нормы, недостатков, патологий на фиксацию их потребностей в особых условиях и методах обучения и воспитания, ссылаясь на ответственность общества за выявление и реализацию этих потребностей [2, с. 183].

Переход от интеграции к инклюзии начался в 2001 г. и сопровождался принятием ряда важных нормативных правовых документов. В 2008 г. Россия подписала Конвенцию ООН «О правах инвалидов». В статье 24 Конвенции говорится том, что в целях реализации права на образование государства-участники должны обеспечить инклюзивное образование на всех уровнях и обучение в течение всей жизни

человека [3]. Таким образом, мы наблюдаем актуализацию инклюзивного образования в нашей стране; процесс развития инклюзивного образования в России условно можно поделить на два этапа: 1) этап интегрированного образования (начало 90-х) – характеризуется созданием экспериментальных площадок интегрированного образования; создание на базе общеобразовательных школ классов коррекции, классов компенсирующего обучения, классов педагогической поддержки и др.; 2) этап становления инклюзивного образования (2000 – по настоящее время) – характеризуется наличием большого количества образовательных программ по реализации инклюзивного образования с долгосрочной перспективой.

В связи со сложившейся обстановкой в обществе наблюдается необходимость развития инклюзивной педагогики. В настоящее время инклюзивная педагогика охватывает новые концептуализации обучения, в которых подчеркивается возможность всех учащихся использовать свой врожденный потенциал учиться и расширять его. С этой точки зрения следует признать, что основной целью обучения нельзя считать предоставление учащимся широких и разнообразных возможностей узнавать, но нужно обратить внимание на то, что необходимо развить их способность к обучению и расширить их интеллектуальные возможности. Способность к обучению рассматривается как изменчивая среда и что учителя могут и делают разницу в том, что и как дети узнают путем создания педагогических «допусков» [4], так как позволяют ученикам активно и творчески заниматься в процессе обучения. Как было традиционно принято считать, существуют когнитивные и психологические способности развития детей с последующими биологически определенными последовательными шаблонами. Впоследствии эти предположения были проблематизированы; далее они постепенно заменяются доказательной биологическим и культурным разнообразием. Таким образом, основой стала концепция деятельности людей в действии, а не индивидуальные способности каждого учащегося, т. е. цель достигается скорее, опираясь на ресурсы, находящиеся в окружающей среде; цель – помочь ученикам справиться с такими задачами, как запоминание, мышление, решение проблем и создание чего-либо нового.

Тем не менее, несмотря на заметный прогресс в понимании изменчивости природы интеллекта и повышение значимости разнообразия обучающихся, все еще требуется возможность укрепления структуры школьного образования и представляются серьезные вызовы для продвижения инклюзивного педагогического подхода к существующему школьному образованию. Учитывая вышеизложенные соображения, мы приходим к выводу, что должна существовать концепция, имеющая своей целью не обозначение учащихся с трудностями в обучении, а ориентированность на определенные потребности обучающихся. Цель должна заключаться в том, чтобы отвечать требованиям «профиля индивидуальной обучаемости» [4] и приспособить широкий диапазон способностей и потребностей обучающихся к образовательному процессу. Воспитание, таким образом, имеет приоритет над природой, в то время как произвольное и одномерное понимание человеческого интеллекта подвергается осуждению и концепции в плане трансформации способности к обучению в целях повышения его качества. Чтобы быть успешным, некоторым детям может понадобиться больше прямых указаний, чем другим, а также внешнее руководство со стороны взрослых. В любом случае воспитатели должны сначала признать тот факт, что трудности в обучении отражают несоответствие между ребенком и ожиданиями, вытекающими из социального контекста. Подчеркивая важность контекста обучения, социально-культурные теории обучения в сочетании с инклюзивной педагогикой синтезируются для успешного внедрения в эффективные учебные сообщества *для всех*.

Роль педагогики приобретает ключевую позицию в создании организационных условий, которые могут раскрыть и максимизировать потенциал учащихся. Таким образом, необходимо опираться на следующие принципы в инклюзивной образовательной системе:

Принцип природосообразности является основополагающим фактором, который учитывается в образовательном процессе; необходимо опираться на природу ребенка, на законы его развития, создавать условия для самопознания и самореализации; учитывать физические, возрастные и индивидуальные особенности.

Принцип целостного подхода к образовательному процессу выражается во взаимодействиях школы и внешкольных учреждений в различных социальных сферах, таких как: сфера здравоохранения,

сфера социальной защиты и социального обслуживания, сфера культуры, сфера спорта, сфера печати и массовых коммуникаций.

Принцип непрерывности характеризует оказание педагогической поддержки и сопровождение образования как постоянный процесс, отличающийся отсутствием эпизодичности и наличием многократных повторяющихся действий, направленных на оказание помощи обучающемуся.

Принцип рекомендательного характера оказания помощи гарантирует соблюдение прав родителей детей с ОВЗ выбирать способы получения образования.

Принцип гибкости учебных программ предписывает наличие универсальности учебной программы, подходящей как для здоровых детей, так и для детей с особыми образовательными потребностями. Инклюзивное образование представляет собой процесс развития общего образования, подразумевающий доступность образования для всех, в плане приспособления к разным нуждам детей. Это обеспечивает для детей с особыми потребностями доступ к образованию. Инклюзивное образование разрабатывает подход к обучению и преподаванию. Этот подход будет более гибким для реализации различных потребностей в воспитании и обучении детей. Стандарт применим как в коррекционной, так и в инклюзивной школе. Инклюзивное образование не исключает коррекционное образование, оно не вытесняет его. Должны быть созданы условия и для того, и для другого.

Актуальным считается вопрос о понимании масштаба инклюзии, которая основана на содержании школьной модели и образования, одинаковой для всех школьников вне зависимости от их отличий (школьники должны приспосабливаться к правилам, режиму и нормам системы образования). Основной целью современного качественного инклюзивного образования является предоставить возможность обучения всех детей с ООП. Одним из центральных компонентов для реализации данной цели является педагогическое сопровождение образования детей с ООП, организованное согласно вышеперечисленным принципам.

Список библиографических ссылок

1. Пономарева Г. Т. Инклюзивное образование в России // Педагогика высшей школы. 2017. № 2. С. 59–62.
2. Лапина Н. А. Проблема образования детей с особыми образовательными потребностями в контексте гуманистических ценностей // Актуальные проблемы и перспективы духовно-нравственного и патриотического воспитания молодежи: сб. ст. по материалам X ежегодной межрегион. науч.-практ. конф. 2017. С. 182–184.
3. Российское образование. Федеральный портал. Документы. URL: <http://www.edu.ru> (дата обращения: 22.02.2019).
4. Лиасиду А. Инклюзивное образование: суть перемен. Лондон. 2015. URL: <http://www.springer.com> (дата обращения: 13.02.2019).

© Лапина Н. А., 2019

* * *

ВИДЫ ДЕГУМАНИЗАЦИИ В ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ КОМПАНИЯХ

Категория «дегуманизации» (рус. «расчеловечивание») в западной науке в первую очередь интерпретируется в рамках психологического и социально-психологического знания.

С. Оптоу считает, что «дегуманизация – это психологический процесс, при котором противники рассматривают друг друга как недочеловеков, не заслуживающих моральной оценки»¹.

М. Майэс связывает дегуманизацию с затянувшимися «моральными/ценностными конфликтами», сильные чувства ненависти и отчуждения при их протекании обуславливают увеличение психологической дистанции между группами, ведущее к «моральному исключению»². Моральное исключение, в свою очередь, интерпретируется как психологический процесс, при котором члены одной группы рассматривают свою группу и ее ценностно-нормативную среду как превосходящую относительно другой группы. Как следствием, так и причиной данного процесса является дегуманизация и маргинализация аутгруппы.

Профессор Мельбурнского университета Н. Хаслам предлагает рассматривать дегуманизацию как повседневный социальный феномен, уходящий корнями в обычные социально-когнитивные процессы³. Ученый выделяет две формы дегуманизации, основанные на отрицании двух «чувств человечности»: человеческой видовой уникальности и человеческой природы. В первом случае данное отри-

¹ Opatow, Susan, «Aggression and Violence», in *The Handbook of Conflict Resolution: Theory and Practice*, eds. M. Deutsch and P.T. Coleman. (San Francisco: Jossey-Bass, 2000), p. 417.

² Maiese, Michelle. *Dehumanization. Beyond Intractability*. Eds. Guy Burgess and Heidi Burgess. Conflict Information Consortium, University of Colorado, Boulder. Posted: July 2003.

³ Haslam, N. Dehumanization: An Integrative Review // *Personality and Social Psychology Review* 2006. Vol. 10. No. 3, 252–264.

чение низводит человека до животного, отсюда Н. Хаслам выводит «анималистическую дегуманизацию». Во втором – до деперсонифицированного объекта, автомата, чему соответствует «механическая дегуманизация». С дихотомией, предложенной Н. Хасламом, солидаризируются и другие ученые-психологи, интерпретируя и верифицируя ее в своих эмпирических исследованиях. К примеру, в работе Р. Мартинеса, Р. Родригеса-Байлона и М. Мойя «Это животные или машины? Измерение дегуманизации»¹ в методологии эмпирического исследования также используется деление дегуманизации на две формы: 1) отрицания уникальных человеческих качеств другого, представление его животным; 2) отрицания человеческой природы другого, представление его автоматом.

Очевидно, что при «анималистической дегуманизации» в качестве основного механизма процесса выступает зооморфизация, а при «механической дегуманизации» – реификация (которую в данном случае можно интерпретировать, как овеществление посредством деперсонификации). Дегуманизация в своих интерпретациях часто сводится к механической, обозначаясь как поведение или процесс, подрывающий индивидуальность, деперсонифицирующий индивида.

Вызывает интерес тот факт, что Н. Хаслам не ограничивается межгрупповым уровнем дегуманизации, к чему склонны большинство исследователей, относящихся к социально-психологическому, социологическому и социально-антропологическому знанию. Он редуцирует дегуманизацию к внутриличностным когнитивным процессам, наблюдающимся на уровне повседневного межличностного общения.

Концепция Н. Хаслама позволяет нам эвристически пойти еще дальше и редуцировать дегуманизацию к уровню генетических программ, поскольку в своей анималистической форме она сводится к зооморфизации (и обнаруживающейся в диалектическом единстве противоположной ей «антропоморфизации»). Которые, в свою очередь, редуцируются к генетическим программам межвидовой и внутривидовой дифференциации.

¹ Martínez, R., Rodríguez-Bailón, R., & Moya, M. Are they animals or machines? Measuring dehumanization // The Spanish Journal of Psychology, 15, Volume 15, Issue 3, November 2012. P. 1110–1122.

Анималистическая и механическая дегуманизации Н. Хасслама становятся относительно распространенными объектами исследований в современных социально-гуманитарных науках. К числу фундаментальных можно отнести исследование М. Ж. Пачилли, М. Роккато, С. Паглиаро и С. Руссо отраженное в работе «От политических противников к врагам? Роль воспринимаемой нравственной дистанции в анималистической дегуманизации политической аутгруппы»¹. Ученые рассматривают связи между политической идентичностью, восприятием моральной дистанции между политическими группами и внутригрупповой анималистической дегуманизацией. Ученые установили положительную корреляцию между внутригрупповой идентификацией и аутгрупповой дегуманизацией, опосредованную моральной дистанцией между ингруппой и дегуманизируемой аутгруппой.

Понимание анималистических механизмов дегуманизации отражается и во множестве практических и прикладных работ, затрагивающих проблематику пропаганды в СМИ, формирования образа врага и негативного информационно-пропагандистского контента в информационных войнах и психологических операциях, дегуманизации в истории геноцида и репрессий.

Ф. Найтли и С. Кин считаются основоположниками проблематики конструирования образа врага, этот процесс они рассматривали как формирование образа «дегуманизированного другого» посредством использования анималистических метафор и образов².

Э. Штетер и Д. Виллс в своем исследовании, посвященном конструированию образа врага канадскими СМИ в кампании против терроризма, акцентируют важность использования при дегуманизации «животных метафор» и «животных образов»³.

¹ Pacilli, M. G., Roccato, M., Pagliaro, S., Russo, S. From political opponents to enemies? The role of perceived moral distance in the animalistic dehumanization of the political outgroup // *Group Processes & Intergroup Relations*. Volume 19. Issue: 3. P. 360–373.

² Knightly, P. The first casualty. London: Deutsch Press. 1975.; Keen, S. Faces of the enemy [Video recording]. California News Reel. 1987.

³ Steuter, E., Wills, D. Discourses of Dehumanization: Enemy Construction and Canadian Media Complicity in the Framing of the War on Terror // *Global Media Journal – Canadian Edition*. Volume 2. Issue 2. P. 7–24.

Взгляд на дегуманизацию как следствие социального неравенства, односторонний процесс, при котором высокоранговые группы игнорируют и стигматизируют низкоранговые группы, тем самым избавляясь от моральной ответственности и легитимируя свое господство, в своем исследовании палестино-израильского конфликта как межгрупповой войны («Враг как животное: симметричная дегуманизация во время асимметричной войны») опровергают Е. Брюно и Н. Ктейли¹. Ученые исследуют «явную»/«откровенную» дегуманизацию (англ. «blatant dehumanization») в ассиметричном противостоянии израильтян и палестинцев и приходят к выводу о симметричности дегуманизации и агрессивности в этом очевидно ассиметричном конфликте.

Исследовательский акцент на аутгрупповых и ингрупповых аспектах дегуманизации и, как следствие, проблематике внутригрупповой идентификации, моральной аутгрупповой дистанции и исключения, межгрупповых конфликтов, стигматизации и т. п., привел к появлению понятия «инфрагуманизация» (англ. «infrahumanization»).

Термин «инфрагуманизация» введен в научный тезаурус социально-гуманитарного знания профессором Католического университета Лувена Жаком-Филиппом Лейнсом. Инфрагуманизация является частным термином по отношению к дегуманизации и являет собой, по мнению ученого, отрицание человечности оппонентов в межгрупповых конфликтах. «Инфрагуманизация аутгрупп предполагает рассмотрение их как в меньшей степени человеческих и более звероподобных, чем ингруппа, которая воспринимается как в сущности человеческая»².

Ж.-Ф. Лейнс с коллегами верифицировал данное явление посредством исследования эмоциональной составляющей групповой идентификации, разделяя эмоции на уникально человеческие (ностальгия, любовь, сожаление и т. д.) и общие для людей и животных (гнев, радость, страх и т. д.). Ученые пришли к выводу о том, что люди привносят уникальные человеческие эмоции в ингруппу, а не в аутгруппу, определенным образом отказывая аутгруппам в человечности. Инфрагуманизация в большинстве своем не приводит к дегуманизации

¹ Bruneau, E., & Kteily, N. The enemy as animal: Symmetric dehumanization during asymmetric warfare. *PLoS ONE*, 12(7). 2017. Article ID e0181422.

² Leyens, J.-P., Demoulin, S., Gaunt, R., Paladino M.P. Infra-humanization: The wall of group differences // *Social Issues and Policy Review*. 2007. 1 (1). P. 139–172.

других, сознательному лишению их человечности и представляет собой естественное для индивида/группы следствие действия механизма групповой идентификации, завышающего оценку ингруппы и внутригрупповой среды относительно аутгрупп.

По нашему мнению, эволюционно-генетический базис механизма групповой идентификации, инфрагуманизации и дегуманизации как таковой основывается на генетических программах межвидовой и внутривидовой дифференциации (их производная – рассматриваемая в трудах Б. Ф. Поршнева, архаическая программа «Мы – Они», различающая человека/ингруппу от палеоантропов и других чужих человеческих групп).

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что интерпретации дегуманизации как явления и как процесса затрагивают разные уровни социальной реальности. На макроуровне это политически организованные и контролируемые властью действия, направленные против других стран, больших социальных групп и отдельных меньшинств. На мезоуровне это действия одних институтов, групп и общностей внутри одного общества относительно других, инфрагуманизация (дифференциация ингруппа – аутгруппа) на уровне институтов, социальных организаций, больших социальных общностей и групп. На микроуровне социальной организации это инфрагуманизация (дифференциация ингруппа – аутгруппа) на уровне малых групп, а также дегуманизация как когнитивный внутриличностный процесс (Н. Хаслам) и наше эволюционно-биологическое понимание дегуманизации как производного явления относительно генетических программах межвидовой и внутривидовой дифференциации.

Мы можем также обобщить и выделить механизмы дегуманизации, рассматриваемые в работах исследователей, относящихся к различным отраслям социально-гуманитарного знания.

1. Зооморфизация (анималистическая дегуманизация).
2. Инфрагуманизация.
3. Делигитимация.
4. Моральное исключение.
5. Объективизация/реификация (овеществление), деперсонификация (механическая дегуманизация).

© Лушников Д. А., 2019

*Т. Н. Матвиенко,
МОУ СШ № 101 г. Волгограда;
Е. А. Матвиенко,
Волгоградская академия МВД России*

СОВРЕМЕННОЕ ЦИФРОВОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК РЕСУРС ДЛЯ РАЗВИТИЯ НОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Российское образование на протяжении многих лет достаточно успешно обеспечивает нашу страну хорошо подготовленными кадрами, сохраняет конкурентоспособность на мировом рынке. Однако останавливаться, почивать на лаврах ни в коем случае нельзя. Понимая это, руководство страны запустило проект «Современная цифровая образовательная среда в РФ», который должен заработать на полную мощность уже в 2024 г.

Проект охватывает все уровни образования, в том числе и школьное его звено. Хотелось бы поделиться опытом работы в этом направлении в МОУ СШ № 101 г. Волгограда. С 2018 г. на базе школы реализуется инновационный проект «Цифровая образовательная среда как ресурс реализации образовательной технологии смешанного обучения при изучении иностранных языков в школе».

Данный проект дает возможность учебному предмету «Иностранный язык» стать привлекательной областью знания и деятельности, а получению языковых знаний – осознанным и внутренне мотивированным процессом. Проект является организационной основой конструирования образовательного пространства, консолидирует усилия педагогов по достижению новых образовательных результатов посредством использования современных образовательных технологий, в частности, технологии смешанного обучения (прием «перевернутое обучение») и современной цифровой образовательной среды.

К основным результатам проекта можно отнести следующее:

1. Разработана и применяется нормативно-правовая и организационно-методическая база инновационной деятельности.

2. В результате реализации проекта педагогами иностранного языка освоена новая образовательная технология – технология смешанного обучения (в частности, прием «перевернутое обучение», которая позволила повысить эффективность образовательного процесса и качество образовательных результатов).

3. Коллективом педагогов разработана модель управления самостоятельной работой учащихся с учебным материалом при реализации технологии смешанного обучения. Данная модель содержит систему специальным образом сформулированных заданий, выполнения которых, учащийся изучает новую информацию и преобразует ее в предметные знания и умения (Технологические карты).

4. Для успешной реализации данной модели на практике педагогами была создана цифровая языковая образовательная среда, соответствующая требованиям ФГОС ООО, включающая образовательные сайты, веб-квесты, тренажеры и тесты для учащихся, а также сайты, содержащие методические рекомендации для педагогов.

5. Разработаны комплекты тренажеров и тестов для самоподготовки и самоконтроля учащихся с использованием цифровой среды в оболочке LeaningApps.

6. Создан каталог ресурсов ЦОС для применения учащимися и педагогами на уроках английского языка.

7. С целью распространения отработанных моделей в рамках проекта на базе МОУ СШ № 101 Дзержинского района Волгограда проведена региональная научно-практическая конференция, 4 вебинара, издан сборник «Современные технологии в обучении иностранному языку: от теории к практике».

8. МОУ СШ № 101 Дзержинского района Волгограда на сайте конкурсшкол.рф создала методическую сеть проекта «Цифровая образовательная среда как ресурс реализации образовательной технологии смешанного обучения при изучении иностранных языков в школе» в разделе «Цифровая образовательная среда и электронное обучение в образовательной организации».

В данной методической сети состоят 26 участников из разных субъектов Российской Федерации.

9. Сформированы устойчивые механизмы взаимодействия с образовательными организациями не только из города Волгограда и Волгоградской области, но и других субъектов Российской Феде-

рации: Липецкой, Тамбовской, Тюменской областями, Краснодарским краем. В результате заключено 27 договоров.

10. На платформе Moodle МОУ СШ № 101 Дзержинского района Волгограда в открытом гостевом сегменте с использованием элемента «Форум» была сформирована авторская образовательная сеть региональной инновационной тематической направленности для отработки новых технологий и содержания обучения и воспитания при реализации образовательной технологии смешанного обучения при изучении иностранных языков в школе с применением Региональной Образовательной Системы Тестирования и возможностью организации совместных сетевых мероприятий со школами региона через модуль ОДО (организация дополнительного образования) ГИС «Образование» Волгоградский области. Подписаны 20 договоров между участниками – организациями сети.

11. Была усовершенствована локальная сеть во многих кабинетах школы, приобретены и обновлены цифровые технические средства обучения, в том числе – лингафонное оборудование для изучения английского языка.

Как итог – в этом году несколько выпускников школы поступили в Волгоградский государственный социально-педагогический университет на факультет иностранных языков. Популярность и привлекательность языковых знаний, по опросам школьников и их родителей, значительно возросла. Опыт работы по интенсификации изучения иностранных языков на базе современных цифровых технологий востребован – как в школе, так и за ее пределами – для совершенствования преподавания других предметов.

© Матвиенко Т. Н., Матвиенко Е. А., 2019

* * *

ПРОБЛЕМА ТРАНСЛЯЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ КАК ОСНОВЫ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПРОФЕССИИ ВРАЧА)

Духовно-нравственное воспитание является одним из главных направлений воспитательного процесса в целом. Его исход важен для формирования будущего специалиста в любой сфере деятельности, но особенно для профессий, где непосредственный контакт происходит по линии «человек-человек». К ним относится профессия врача, более того, эта сфера имеет отношение к самым главным ценностям общества и человека – жизни и здоровью. Можно сказать, что духовно-нравственное воспитание врача является значимой частью его профессиональной подготовки. Именно высокие нравственные качества позволяют сохранять ответственное отношение к профессии в сложных ситуациях (ненормированный рабочий день, эмоциональное напряжение, негативная реакция пациентов и их родственников, низкая оплата труда, разрыв между ценностями профессии и общества и др.) [1].

Теоретически эти проблемы вполне осмысленны, однако непосредственно на практике при реализации процесса духовно-нравственного воспитания вопросов остается очень много. Существует множество направлений формирования мировоззрения и личностных качеств будущего врача, одно из них воспитание на примере выдающихся ученых, их служения науке, профессии, народу.

В связи с этим в качестве примера часто используют историю жизни и деятельности Зинаиды Виссарионовны Ермольевой (1898–1974 гг.) – известного микробиолога XX в., нашей землячки. Она разработала холерный бактериофаг и первый отечественный антибиотик, начала разработку интерферона. Два факта ее профессиональной биографии особенно показательны в воспитательных целях. Учась на медицинском факультете университета в городе Ростове-на-Дону, З. В. Ермольева активно занималась научной работой. Она проводила опыты по изучению холеры, через форточку пробиралась

рано утром в лабораторию, не дождавшись открытия вуза, чтобы проверить ход исследований. Для доказательства правильности выводов заразила себя холерой и вылечилась с помощью своего препарата. Ее холерный фаг использовался в годы Великой Отечественной войны, когда в ходе Сталинградской битвы началась вспышка холеры. Фактически на своей родной земле З. В. Ермольева организовала широкомасштабные прививки, ликвидировав болезнь. Премию правительства, полученную за победу над холерой, использовала на строительство военного самолета.

В 1942 г., используя плесень со стен бомбоубежища, ею был получен первый отечественный антибиотик. Это открытие не требует особых комментариев, так как антибиотики продолжают свою спасительную миссию в современной жизни. Что касается военного времени – это была настоящая революция, позволившая спасти тысячи жизней. Таким образом, вклад З. В. Ермольевой неоченим не только в медицину, но и в победу нашей страны в Великой Отечественной войне.

Зинаида Виссарионовна Ермольева яркая личность, ее пример достоин для подражания последующими поколениями. Но каким образом информация о ней может дойти до представителей сегодняшней молодежи? В учебной литературе (например, по истории медицины) содержится достаточно краткая информация о З. В. Ермольевой [2, с. 422, 516, 517]. В книге «Для победы в Сталинграде» среди очерков и заметок о тружениках тыла рассказ самой З. В. Ермольевой «Незримая армия» [3]. Память о З. В. Ермольевой отражена на карте Волгоградской области и в музеях города. В г. Фролово Волгоградской области именем З. В. Ермольевой названа улица, установлен памятник с мемориальной доской. В музее-панораме Сталинградской битвы демонстрируется образец холерного бактериофага и работа З. В. Ермольевой «Холера». В музее Волгоградского государственного медицинского университета представлены свидетельства контактов З. В. Ермольевой с кафедрой микробиологии Сталинградского медицинского института и т. д. Все перечисленные сведения – итог целенаправленной работы коллектива преподавателей и студентов нескольких поколений ВолгГМУ, как и подборка информации об отражении образа Ермольевой в культуре.

Личность З. В. Ермольевой вдохновляла деятелей искусства на создание цельных и самоотверженных образов. О ее жизни и деятельности написаны художественные произведения, сняты документальные и художественные фильмы. Среди них документальный сериал «Шекспиру и не снилось», состоящий из цикла фильмов Л. Николаева, а также документальный фильм «Госпожа Пенициллин». Один из первых художественных образов представлен в пьесе А. Липовского «На пороге войны», где З. В. Ермольева стала прообразом героини Световой. Кроме того, она стала прообразом Татьяны Власенковой – героини трилогии В. А. Каверина «Открытая книга». По роману были сняты художественные фильмы.

Роман «Открытая книга» экранизировался дважды. Первый из одноименных художественного фильма был снят в 1973 г., режиссер В. Фетин. Большую известность получил второй фильм 1977 г. режиссера В. Титова. И книга, и фильм повествуют не только о З. В. Ермольевой, становлении и развитии микробиологии, но о людях, страстно увлеченных наукой. В 2013 г. вышел телесериал «Черные кошки» режиссера Е. Лаврентьева. Сюжет разворачивается в послевоенное время, на фоне борьбы с бандитизмом происходит борьба вокруг науки, прообразом одной из героинь стала З. В. Ермольева.

Таким образом, историческая память о З. В. Ермольевой представлена достаточно широко. Однако в этой ситуации есть и серьезные проблемы. К сожалению, досадно мало современных произведений искусства по этой теме и информация представлена не отвечающими интересам современной молодежи средствами. Учитывая факт утраты ею интереса к чтению и просмотру познавательных телевизионных передач, необходимо рассмотреть возможности создания новых информационных потоков, адекватных запросам молодых людей. Кроме того, пересмотреть его содержательное наполнение в направлении смены угла зрения с героизации звезд шоу-бизнеса, сомнительных достижений и т. п. на сохранение исторической памяти о действительно выдающихся достижениях и их авторах.

В связи с этим актуализируется роль преподавателя, особенно высшей школы [4], как направляющего процесс получения знания и осуществляющего духовно-нравственное воспитание, способного модулировать и адаптировать необходимую информацию к воз-

возможностям и потребностям молодежи и общества. На наш взгляд, рассматриваемая проблема важна при реализации процесса духовно-нравственного воспитания касательно любой профессии.

Список библиографических ссылок

1. Лисина О. А., Краюшкин С. И., Медведева Л. М. Духовно-нравственное воспитание во внеучебной работе: опыт Волгоградского государственного медицинского университета // Традиционные ценности России: сб. материалов I Всерос. форума. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2018. С. 204–208.
2. Сорокина Т. С. История медицины: учебник для студ. высш. мед. учеб. заведений. 9-е изд., стер. М.: Академия, 2009. 560 с.
3. Для победы в Сталинграде / под ред. В. М. Михайлов, Ж. М. Мельникова. М.: Советская Россия, 1973. 382 с.
4. Кобылкин Р. А. Ценности высшего образования в культурной динамике общества: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Волгоград, 2006. 24 с.

© *Медведева Л. М., 2019*

* * *

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД ПРИ ОСВОЕНИИ ДИСЦИПЛИНЫ «ФИЗИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА»

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ вступил в силу с 1 сентября 2013 г. Под профессиональным образованием в нем понимается «вид образования, который направлен на приобретение обучающимися в процессе освоения основных профессиональных образовательных программ знаний, умений, навыков и формирование компетенции определенных уровня и объема, позволяющих вести профессиональную деятельность в определенной сфере и (или) выполнять работу по конкретным профессии или специальности». Согласно этому закону в Российской Федерации установлены следующие уровни профессионального образования: среднее профессиональное образование; высшее образование – бакалавриат; высшее образование – специалитет, магистратура; высшее образование – подготовка кадров высшей квалификации. Нормативной базой реализации этих уровней служит соответствующий профессиональный стандарт. Реализуют профессиональные стандарты образовательные организации высшего образования. Образовательные организации осуществляют в качестве основной цели их деятельности образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования и научную деятельность.

В образовательных организациях высшего образования России высшее образование является целью для обеспечения подготовки высококвалифицированных кадров по всем основным направлениям общественно полезной деятельности в соответствии с потребностями общества и государства, удовлетворение потребностей личности в интеллектуальном, культурном и нравственном развитии, углублении и расширении образования, научно-педагогической квалификации.

В образовательных организациях системы МВД России реализуются программы высшего образования – специалитета, согласно фе-

деральным государственным образовательным стандартам высшего образования, которые введены в 2014 г. Как правило, в образовательных организациях системы МВД России обучение проводится по одной из следующих специальностей: 40.05.01 – Правовое обеспечение национальной безопасности; 40.05.02 – Правоохранительная деятельность; 40.05.03 – Судебная экспертиза.

И хотя в вузах МВД России установлены критерии отбора кандидатов на обучение из расчета два человека на одно место, проблема мотивации к обучению, особенно на старших курсах, остается. К сожалению, высокие баллы, полученные по ЕГЭ, не гарантируют, что абитуриент действительно хочет обучаться в конкретном вузе по определенной специальности, зачастую ему самому доподлинно неизвестно, какая отрасль знаний его интересует больше. И что наиболее печально, курсанты, которые действительно хотели получить высшее образование и стать высококвалифицированными специалистами органов внутренних дел, к третьему-четвертому году обучения об этом забывают. При этом самообразование (самостоятельное обучение) находится на крайне низком уровне.

Задача же вузовского образования, на наш взгляд, – предоставить обучаемому минимальную базу, заложить основы и обозначить пути реализации, а не натаскивать на знание цифр, дат и фактов. В основе обучения должен лежать компетентностный подход, концепт «многозначный термин». Педагогические работники должны обучать компетенциям, навыкам, таким как анализ, концентрация внимания, умение проблематизировать, стратегически мыслить.

Задачей преподавания в образовательных организациях системы МВД России является не «натаскивание» курсантов и слушателей, а подведение их к глубокому пониманию закономерностей изучаемого предмета. Высшая школа отличается от средней не только специализацией подготовки, но главным образом методикой учебной работы, степенью самостоятельности обучающихся. Преподаватель вуза лишь определенным образом организует познавательную деятельность студентов, понимание же должен осуществлять сам курсант.

Выпускник, освоивший программу специалитета по дисциплине «Физическая подготовка», должен обладать следующими общекультурными (ОК) и общепрофессиональными компетенциями

(ПК): способностью организовывать свою жизнь в соответствии с социально значимыми представлениями о здоровом образе жизни (ОК-9); способностью выполнять должностные обязанности по обеспечению законности и правопорядка, безопасности личности, общества и государства, защите жизни и здоровья граждан, охране общественного порядка (ПК-7); способностью соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина (ПК-8); способностью осуществлять действия по силовому пресечению правонарушений, задержанию и сопровождению правонарушителей, правомерно и эффективно применять и использовать табельное оружие, специальные средства, применяемые в деятельности правоохранительных органов, по линии которых осуществляется подготовка специалистов (ПК-18); способностью выполнять профессиональные задачи в особых условиях, чрезвычайных обстоятельствах, чрезвычайных ситуациях, в условиях режима чрезвычайного положения и в военное время, оказывать первую помощь, обеспечивать личную безопасность и безопасность граждан в процессе решения служебных задач (ПК-23).

Такое содержание компонентов педагогической системы позволит эффективно управлять процессом формирования профессионально-прикладной физической подготовки курсантов и слушателей вузов МВД России и обеспечить готовность сотрудников органов внутренних дел России к выполнению служебных обязанностей и успешному решению оперативно-служебных и служебно-боевых задач в рамках освоения дисциплины «Физическая подготовка».

© Овчинников В. А., Жарков С. А., 2019

* * *

СИМПТОМЫ АНАРХИЗМА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Для начала желательно разобраться с самим понятием анархизма и развитием анархии в России. Анархизм (в переводе с греческого *anarchia* – безвластие) – идеология, принципами которой являются отрицание государства и власти в отношении общества, группы или отдельно взятого лица, в привычном ее понимании.

Анархизм в России зародился в середине XIX в. Из-за кризиса государственной власти, который отразился на всех сторонах общественной жизни, стали развиваться революционные кружки, которые оказали большое влияние на российских революционеров. Первым, кто способствовал развитию анархизма, был Прудон, одной из анархических работ которого была книга «Что такое собственность?». В данной работе он заявил, что собственность ведет к неравенству, «ведет к эксплуатации слабого сильным» и что она должна быть уничтожена. Знаменитое выражение: «Анархия – мать порядка» принадлежит ему.

Крупнейшими представителями анархизма в Российской империи были такие философы, как: Михаил Александрович Бакунин и Кропоткин Петр Алексеевич. Лишь при Бакунине анархизм сформировался как революционное движение. Он не признавал никакую форму иерархической власти, исходящую от воли государства. Отвергал идею привилегированных классов, социальное и экономическое неравенство. Его идеи до сих пор поддерживаются современными анархистами. П. А. Кропоткин, который также известен своей работой «Записки революционера», возглавил партию анархистов в начале XX в. Однако в 1922 г. анархистская партия в СССР будет запрещена и немногочисленные группы анархистов будут уничтожены.

Возрождение анархизма в России произойдет только в конце 70-х гг., во время перестройки, но уже в лице самостоятельных социальных групп, таких как анархисты, панки и музыканты, исполняющие

панк-рок. Эти социальные группы мало взаимодействуют и редко пересекаются между собой. Зачастую стереотипы, присущие одним, предписывают другим.

Панки – субкультура, характерными особенностями которой являются критическое отношение к обществу и политике. Некоторые представители ведут асоциальный образ жизни, так как их взгляды выражают стремление к личной свободе и полной независимости. Редко «настоящие» панки принимают участие в музыкальных группах, так как отрицают массовость и протестуют против массовой культуры.

Панк-группы выражали идеологию анархизма через музыку и текст песен, которые имели политизированные и социальные мотивы, направленные против истеблишмента. Истеблишмент – власть, политическая элита, а также социальные институты, с помощью которых поддерживается социальный порядок. Однако не все панк-группы в своих текстах выражают недовольство к власти.

В СССР панк-группы появились в 80-х гг. Именно на этом рубеже зародилась группа «Гражданская Оборона». Группа являлась одной из наиболее влиятельных панк-рок групп, оказавших большое воздействие на советскую молодежь, а также на другие панк группы, такие как: FPG, «Тараканы» и др. Как говорил вокалист группы Егор Летов в одном из своих интервью: «Панк – это нарушение определенных правил, канонов». Сам автор песен придерживался данной позиции, доказательством чего является его поведение, противоречивейшие устоявшимся в обществе нормам. В песнях его позиция часто входит в диссонанс с установившимся государственным общественным строем.

Современное общество также не обделено панк-группами, тексты которых имеют анархическую направленность. Например, группа «Порнофильмы», выделяющаяся своеобразным названием, очень популярна среди молодежи. Некоторые тексты группы выражают свой протест, содержат строки, имеющие антиполитический характер. Они обвиняют государство как систему, а не как отдельно взятую страну. «Россия для грустных – ни выбора, ни перемен». Это единственная песня, где фигурирует название страны. Их концерты зачастую необоснованно запрещаются в городах органами местного самоуправления, хотя их песни, кроме слов о недоволь-

стве власти, не имеют ни одной строчки, которая призывала бы к протестному движению или свержению власти, и не имеют отношения к экстремизму.

Группа призывает людей к сохранению мира и природы, а также мирного сосуществованию как внутри стран, так и всего мира в целом. Популярность группы «Порнофильмы» не ограничивается границами России, они также известны за рубежом.

Деятельность подобных групп не ограничивается критикой государства, они также поднимают важнейшие общественные проблемы, такие как неравенство, несправедливость, эксплуатация слабых сильными. Доносят мысль о том, что человек свободен и не должен зависеть от устоявшихся стандартов и мнений, его поведение не должно быть навязано чужой волей, общественной или религиозной.

Эти и многие другие группы выражают свой протест и недовольство к власти в текстах, донося до людей проблемы современного государства в виде музыки и запоминающихся строк. Однако мало какие из этих групп могут спровоцировать народ на какие-либо антисоциальные действия. Серьезной опасности для государства эти группы не несут, так как их деятельность все равно является коммерческой и направлена на получение прибыли. Их основной задачей является «открытие людям глаз» на происходящее в стране, а виновниками всех современных проблем они выставляют людей, стоящих у власти.

Панк-рок группы несерьезно воспринимаются современными анархистами, которые действительно представляют в каком-то смысле угрозу для государства. Анархисты уже с начала XXI в. активно борются с несправедливостью, проводя агитации, митинги и активистские компании в разных точках страны. Например, в январе 2018 г. группой московских анархистов был разгромлен офис «Единой России», было выбито окно в офисе и вовнутрь закинута дымовая шашка. А в марте, несмотря на массовые репрессии против анархистов и аресты, была проведена кампания против репрессий, государственного террора и президентских выборов. Пытаясь расшатать устоявшийся государственный строй, они часто проводят несанкционированные и незаконные митинги и покушаются на власть. Поддерживают идею М. А. Бакунина о борьбе

с государством и создании социально-освободительного движения с опорой на широкие народные массы.

Таким образом, в современной России существуют музыкальные группы, в песнях которых прослеживается настроение анархизма. Они выражают свой протест в текстах, донося до слушателей глобальные проблемы современного общества и, несмотря на давление со стороны власти, продолжают свою деятельность и имеют большую поддержку людей.

© Панченко Л. Д., 2019

* * *

*В. А. Парамонова, Е. О. Беликова,
Волгоградский государственный университет*

ОТРАЖЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ТОПОНИМАХ СОЦИАЛЬНОГО ЛАНДШАФТА РЕГИОНА*

Человечество на протяжении веков пытается создать «правильное» (справедливое, не коррумпированное, благополучное и т. п.) общество. Революции всех времен и народов, с одной стороны, предлагают «унифицированный» набор предложений – «Свобода. Равенство. Братство» [10], с другой, требуют признания «правильного» (своего) взгляда на мир и его устройство, порождая непримиримую борьбу со «старым», а значит и несправедливым прошлым. Постреволюционный период характеризуется радикализмом в уничтожении «наследия проклятого прошлого», сопровождающимся сносами памятников вождей ушедших эпох, переписыванием истории и пр. [1–3; 6], что влечет изменение социального ландшафта, при сохранении ландшафта природно-географического.

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 18-411-340011 р а «Сохранение и трансляция региональных ценностей как условие модернизации социокультурного ландшафта современного российского региона».

Топонимическая система («определенным образом организованная совокупность топонимов») [8, с. 146], фиксируя возвышенности, низины, плато и т. п., отражает одновременно и специфику рельефа местности, и социально значимые «позиции» (события, персоналии и т. п.) жизни региона. В результате революционной борьбы с «пережитками старого мира» коррекции подвергался социальный ландшафт, видоизменяясь до неузнаваемости: подданный Российской империи становился гражданином СССР, царицынец – сталинградцем и т. п. В большинстве случаев массовые переименования населенных пунктов происходили по «многочисленным просьбам трудящихся», и в период с 1919 по 1985 гг., по подсчетам А. И. Груздева [4, с. 6], из 700 тысяч населенных пунктов более половины получили новые названия. Частичный возврат к «историческим названиям» произошел лишь после распада СССР: Свердловск – Екатеринбург, Ленинград – Санкт-Петербург и пр.

Радикальная борьба с топонимической системой обусловлена, с одной стороны, не соответствием «старых» символов-маяков требованиям новой политической реальности, а с другой – потребностью обозначения социального ландшафта «нового мира» на географической карте. Символы-маяки, которые начинает использовать новая власть, изменяют привычный «рельеф» местности: так, исчезают, в первую очередь, «контрреволюционные» названия (например, улицы Архангельская, Воскресенская, Екатерининская, Ильинская и пр.). Одновременно с идеологически чуждыми топонимами уничтожению подвергались и политически нейтральные наименования: например, социальный ландшафт послереволюционного Царицына лишился ряда улиц – Ладожской, Печерской и пр. Отказ от политически нейтральных топонимов обусловлен, по мнению Т. Латыпова, тем, что подобные названия «в противовес «революционным»... настраивают на мирный лад» [5], а не на активную революционную борьбу за светлое будущее людей труда. В результате подобных преобразований у человека возникают трудности при ориентировании на местности, которая была изучена вдоль и поперек.

Изменения топонимической системы в постреволюционной России сделали, для советского читателя, отечественную дореволюционную классику своеобразной *terra incognita*: знакомство происхо-

дило лишь с событийной частью произведения без возможности привязать их «к местности» города N (будь то Москва, Санкт-Петербург, Киев или иной какой населенный пункт). Литературные персонажи ходили по конкретным улицам и переулкам, площадям и закоулкам, чьи названия отражали постепенное формирование социального ландшафта [названий ворот, бастионов, церквей, трактов (Бранденбургская, Фридландская и пр.); «профессиональной» принадлежности «конца города» или народа, заселявшего ее (Грузинская, Гончарная и пр.); фиксацией физико-географических особенностей местности (Сивцев вражек, Грунтовая и пр.); ойконимов (Бакинская, Дубовская и пр.); антропонимов (Александровская, Петровская и пр.); гидронимов (Невская, Двинская, и пр.)]. В связи с переименованиями исторические города, для советского читателя, предстали городами-фантамами, с абстрактным социальным «рельефом».

Социальные ландшафты советских городов формировались на основе «пяти источников и пяти составных частей» [7, с. 12], что делало их (социальные ландшафты населенных пунктов) однообразными: в каждом городе была «своя» 3-я ул. Строителей, Розы Люксембург, Коммунистическая и т. п. Топонимический «новояз» создавал хоть и идеологически «выверенный», но унифицированный социальный ландшафт. Е. М. Поспелов, проанализировав географические названия четырех городов Советского Союза (Москва, Минск, Донецк и Горький), подчеркивает, что топонимы этих городов содержат около 33 % одинаковых названий, а «общее число повторений названий минских улиц хотя бы в одном из указанных городов составляет 70 % объема списка» [9, с. 110].

Война «с памятниками» начала 90-х гг. XX в. привела к частичному возврату исторических названий, но разрушило уже ставший привычным, для нескольких поколений советских людей, социальный ландшафт страны, региона, населенного пункта. Советский «новояз» за десятилетия существования СССР «превратился» в исторические названия, став проводником во времени и пространстве и культуuroобразующими скрепами «между прошлым, настоящим и будущим» [4, с. 6]. Во все постреволюционные времена именно подобные «скрепы» подвергаются массивному разрушению.

При любых попытках «переименования» следует учитывать, что топоним – это код исторической памяти. Топонимика обеспечивает ориентацию в пространстве и времени, формируя неповторимый социальный ландшафт региона. Исторические названия (страны, региона, населенных пунктов, городских «артерий») являются особого рода памятниками духовной культуры и, вследствие этого, подлежат правовой охране.

Список библиографических ссылок

1. 139 памятников деятелям коммунистического тоталитарного режима снесены – отчет Кабмина // ВЕСТИ.UA. Режим доступа: <http://vesti-ua.net>. 2019. 20 янв. Заглавие с экрана.

2. В Украине снесли более 100 памятников по программе декоммунизации: На территории Западной Украины памятников коммунистическому вождю уже практически не осталось // ВЕСТИ. Режим доступа: <http://vesti-ukr.com>. 2019. 10 февр. Заглавие с экрана.

3. Гром А. Разрушители истории // РИАНОВОСТИ. Режим доступа: <http://ria.ru/radio/20150922/1272956412.html>. 2019. 10 февр. Заглавие с экрана.

4. Груздев А. И. Топонимика и общественно-политические процессы // Вторая приморская краевая научно-практическая конференция «Исторические названия – памятники культуры» (г. Владивосток, 26–27 мая 1992 г.) / отв. ред. А. И. Груздев; ред. О. Л. Рублева. Владивосток : ИПК «Дальпресс», 1992. С. 5–9.

5. Латыпов Т. Их именами... // ВиД. URL: <http://www.evid.ru/index-m-192-p-63-article-26541.htm>. 2019. 10 февр. Заглавие с экрана.

6. Лихоманов П. Ленин – не Хусейн? Украина – не Ирак? // Российская газета. RGRU. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/09/30/pamyatnik.html>. 2019. 10 февр. Заглавие с экрана.

© *Парамонова В. А., Беликова Е. О., 2019*

* * *

ПРОПАГАНДА ОПЫТА СТАЛИНГРАДСКОЙ ПОБЕДЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ КАК ЭЛЕМЕНТ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

Патриотическое воспитание в любом обществе рассматривается как элемент национальной идеи. В словаре С. И. Ожегова патриотизм трактуется как «преданность и любовь к своему Отечеству, своему народу». В современных условиях развития российского государства вопросам формирования патриотизма стало уделяться гораздо больше внимания, чем в предыдущее десятилетие. Патриотизм связывается не только с проявлением героизма, но и с повседневным эволюционированием гражданского общества. Тем не менее, обращение к историческому опыту, прошлому народа до сих пор является базой для выстраивания патриотических концепций. Подвиг народа в годы Великой Отечественной войны в нашей стране на долгие годы стал основой советского патриотизма. При этом он был востребован не через десятилетия, а уже в дни боевых сражений использовался сначала как пропагандистские методы, а затем как высшее проявление патриотических чувств народных масс.

Одной из самых героических страниц Великой Отечественной войны была Сталинградская битва. Город выстоял в тяжелых боях, город был восстановлен из руин. Но и в дни возрождения волжской твердыни, когда Красная Армия продолжала освобождать территорию страны и других государств, региональная власть старалась сохранить для будущих поколений память о героизме советских солдат и офицеров.

Сразу после окончания боев Сталинградский обком и горком ВКП (б), облисполком и горисполком обсудили вопрос об охране исторических памятников и братских могил погибших защитников Царицына – Сталинграда. 10 февраля в каждом районе города были отведены специальные места под братские могилы воинов-сталинградцев. Места под братские могилы выделялись в центре

районов, захоронение останков производилось в торжественно-траурной обстановке с участием воинских и гражданских организаций с возложением на могилы венков и возведением временных памятников [2, л. 2об – 3]. Вот как об этом вспоминал первый секретарь обкома ВЛКСМ В. Левкин: «Тела защитников Сталинграда хоронили с воинскими почестями; из приволжских лесов приносили молодые ели и украшали ими могильные холмы героев. Здесь же, на улицах, или вечером в блиндажах комсомольцы делали на небольших металлических пластинах надписи для скромных памятников на братских могилах. Короткие волнующие строки этих надписей призывали к священной мести за погибших товарищей, за сожженный и разрушенный город» [1, с. 79–80].

Другой формой пропаганды мужества и героизма воинов Красной Армии в Сталинградской битве явилась организация по инициативе сталинградских властей Музея обороны. Длительное время показывать собираемый материал было негде. Сталинградский городской Комитет обороны (далее СГКО) определил в специальном постановлении для развертывания временной экспозиции подвал здания универмага, в котором пленили фельдмаршала Паулюса. Здесь должны были располагаться три зала по темам «Оборона Царицына», «Оборона Сталинграда» и «Восстановление Сталинграда». Стенды с материалами при участии сотрудников музея и отдела пропаганды обкома ВКП (б) готовили руководители предприятий и организаций из своих средств. Каждый житель Сталинграда обязывался сдать в фонды музея имеющееся у него трофейное имущество, относящееся к обороне города. В функции Музея вошел также сбор сведений обо всех участниках обороны Сталинграда, исторических местах, братских могилах, составление списков на всех зверски замученных, составление фототеки всех основных зданий города до начала на них восстановительных работ и по завершении таковых, установление мемориальных досок. Выделялись грузовая машина и один автобус для перевозки экскурсий по городу [8, л. 66–67].

Вопрос о реставрации бывшего здания Музея обороны города Царицына – Сталинграда находился под постоянным контролем не только местных властей, но и ЦК ВКП (б). 1 ноября 1945 г. уполномоченный Комиссии партийного контроля по Сталинградской

области М. Захаров в справке об отношении партийно-советских организаций Сталинграда к сохранению исторических памятников города на имя секретаря ЦК Г.М. Маленкова говорил о невыполнении пункта постановления СГКО № 452 от 7 июня 1943 г. о восстановлении здания Музея обороны [4, л. 127–131]. Но окончательно вопрос о восстановлении помещений Музея обороны так и не был решен в годы Великой Отечественной войны.

Другим мероприятием пропагандистко-патриотической направленности стала выставка трофейного оружия на площадке стадиона «Динамо». На выставке были экспонированы 6 разнотипных самолетов, 10 танков, 23 орудия, танк народного ополчения, советский самолет, сбивший наибольшее число вражеских самолетов в районе Сталинграда, легкое вооружение всех типов [5, л. 28]. Несмотря на объективные трудности, выставка была открыта и резонанс, который она вызвала среди общественности и воинских частей, позволил продолжить ее работу уже в помещении семи комнат бывшего Командного пункта в Комсомольском садике [5, л. 5–6].

Летом 1943 г. в городе создается комиссия по истории Отечественной войны при городском Совете народных депутатов. Ее работа также несколько раз оценивалась вышестоящими властными структурами, указывалось на не должное принятие мер по сохранению памятников обороны Сталинграда. В результате СГКО своим решением обязал горисполком завести сводную книгу, в которой были бы указаны все могилы бойцов и командиров, погибших при защите Сталинграда, прикрепить районные организации к определенным историческим памятникам для ухода за ними (привлекая к этой работе депутатов гор- и райсоветов, пионерские, школьные и комсомольские организации, заводы и учреждения), организовывать возложение цветов на братские могилы и систематически знакомить жителей города, прибывающих экскурсантов с подвигами людей, павших в боях с немецкими захватчиками на территории Сталинграда, устраивая коллективные посещения могил, беседы и пр. [8, л. 73–74]. В ноябре 1944 г. список исторических мест и братских могил только по городу Сталинграду дополнен 82-мя исторически значимыми местами, дополнительно установлено месторасположение 46 братских могил [6, л. 18–26].

Озабочены вопросом сохранения исторических памятников, особенно периода Сталинградской битвы, были и архитекторы. По проекту генерального плана большое значение придавалось ансамблям, посвященным прославлению героизма защитников Сталинграда. К. С. Алабян, ведущий архитектор Гипрогора, ответственный за генплан, 4 августа 1943 г. отмечал в своей записке на имя секретаря ЦК ВКП (б) А. С. Александрова, что «многие братские могилы, временно поставленные памятники и другие реликвии обороны исчезли». К. С. Алабян обращался в ЦК ВКП (б) с просьбой об установлении государственными историческими заповедниками таких мест, как Мамаев курган, «где сама земля, изрытая воронками и траншеями, представляет из себя волнующую картину», Дом Павлова на площади 9-го Января, некоторые из блиндажей генерала Родимцева и пр. [3, л. 127].

Еще одной интересной формой пропаганды героического подвига защитников Сталинграда явился велопробег Сталинград – Москва – Ленинград. В нем приняли участие 6 человек, комсомольцев города. За 13 ходовых дней, с 9 по 23 июля 1944 г., они проехали на велосипедах 1 950 км. Целью данного мероприятия, как писалось в документах, «было установление живой связи с трудящимися и физкультурными организациями города Ленина» и проведение работы по привлечению «молодежи Советского Союза на восстановление города-героя Сталинграда». В Ленинград было доставлено письмо и социалистическое обязательство комсомольцев Сталинграда о сроках возрождения города. Сталинградцы и ленинградцы подписали обращение ко всей молодежи бывших оккупированных городов, сел и деревень с призывом быстрее разгром фашистов и восстановления народного хозяйства страны [7, л. 560–562, 588–590; 9, л. 50–50 об.].

Сталинград олицетворял для страны не только символ победы советского народа, он являлся памятником и пропагандой всего советского строя. Его исторические места, монументы вселяли уверенность в том, что выбранный страной Советов путь единственной верный. Забота о них должна была символизировать стойкость и глубину памяти о героях, отдавших свою жизнь за свободу Родины. Для органов центральной власти Сталинград стал центром пропаганды героики войны, прочности и верности ее курса.

Список библиографических ссылок

1. Левкин В. Комсомольцы города-героя. М.: Молодая гвардия, 1944.
2. Государственный архив Волгоградской области. Ф. 71. Оп. 1. Д. 640.
3. Российский государственный архив социально политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 216.
4. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 368.
5. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (далее – ЦДНИВО). Ф. 113. Оп. 14. Д. 25.
6. ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 129.
7. ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 18. Д. 7.
8. ЦДНИВО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 5.
9. ЦДНИВО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 8.

© Пищулина С. Ю., 2019

* * *

А. В. Родкина,
Рязанский филиал
Московского университета МВД России
имени В. Я. Кикотя

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РИТОРИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ КУРСАНТОВ

Современное состояние общественной жизни характеризуется изменением гражданского правосознания, укреплением российской государственности, развитием общества информационного типа, демократизацией образования и внедрением новых образовательных технологий в учебный процесс. В последние десятилетия наблюдаются изменения в различных аспектах деятельности юристов

и, соответственно, в их подготовке. Кроме того, проходившая в 2011–2012 гг. реформа полиции утвердила правовые основы взаимоотношений органов внутренних дел и общества, повысила уровень общественного контроля за органами внутренних дел и заменила доминантную модель отношений с гражданами на партнерскую. В связи с этим, к профессиональной подготовке, этической культуре, коммуникативным знаниям, умениям и навыкам специалистов в последнее время предъявляются особые требования. А. Ф. Кони, известный публицист, судебный оратор, недаром утверждал, что «юрист должен быть человеком, у которого общее образование идет впереди специального». И действительно, юрист – это всесторонне развитый специалист, знающий закон и на его основе разрешающий социальные конфликты, а также владеющий основами речевой коммуникации, умеющий своей речью воздействовать и убеждать, аргументированно отстаивать свою точку зрения.

Деятельность органов внутренних дел относится к сфере повышенной ответственности. Выявляя и пресекая правонарушения, сотрудники полиции выполняют функции управления, ведут правовое воспитание населения. В связи с этим полицейскому приходится не только оперировать законом, но и убеждать, разъяснять, доказывать. В настоящее время все больше внимания уделяется формированию коммуникативной компетентности сотрудника правоохранительных органов, существенным признаком квалифицированной подготовки становится владение устной и письменной речью, основными тактиками и приемами общения, что составляет риторическую подготовку [4, с. 40].

Формирование коммуникативной и лингвистической компетентности при подготовке специалистов осуществляется на занятиях по дисциплинам «Русский язык в деловой документации. Культура речи» и «Риторика». Обобщение теоретических и практических знаний в области профессиональной коммуникации, представленных в форме специфических юридических понятий и принципов, смыслообразующих положений и ситуаций, необходимых для успешного речевого взаимодействия, составляет основу коммуникативной компетенции юриста [1, с. 98]. Способность осуществлять общение посредством языка, знать основы культуры речи, реализовывать языковые правила и нормы в различных видах речевой дея-

тельности является основой языковой (лингвистической) компетенции [2, с. 238].

Дисциплина «Русский язык в деловой документации. Культура речи» дает представление о русском языке как инструменте для организации профессиональной деятельности, нормах литературного языка и правилах составления служебных документов. В рамках изучения дисциплины курсанты знакомятся с теоретическими сведениями о стилевой системе русского языка, основах культуры речи и требованиями, предъявляемыми к культуре речи сотрудника полиции, подробным образом изучают историю, функциональное значение, разновидности и особенности юридических (служебных) документов, требованиями к юридической технике. На практических занятиях, опираясь на полученные знания, обучающиеся развивают навыки работы со служебными документами, нормами устной и письменной речи. Однако, изучения дисциплины «Русский язык в деловой документации. Культура речи» зачастую бывает не достаточно для уменьшения речевых пробелов и повышения успешности выполнения коммуникативных задач будущими специалистами.

Наряду с дисциплиной «Русский язык в деловой документации. Культура речи» особое внимание уделяется дисциплинам «Риторика» и «Юридическая риторика», поскольку владение системой теоретических знаний по данной дисциплине обеспечивает прочный фундамент для оттачивания полученных знаний в практической деятельности [5, с. 23]. Риторическая подготовка курсантов на сегодняшний день требует особого внимания, так как умением грамотно и четко выражать свои мысли применительно к конкретной ситуации общения, аргументированно отстаивать свою точку зрения, воздействовать своей речью на представителей различных категорий граждан определяется, с одной стороны, специфика правоохранительной деятельности, с другой – успешность ее организации.

Современными исследователями риторика понимается как учебная дисциплина, наука и искусство красноречия. Ее зарождение восходит к античности. Риторика возникла в V в. до н. э. в Древней Греции как искусство красноречия. Исходя из специфики деятельности органов внутренних дел, на сегодняшний день под риторикой понимается «не только слагаемое общей культуры общения в целом,

но и социальное речевое воздействие» [3, с. 13]. Данной точке зрения придерживаются М. Панов, Л. Тумина, Л. Носкова.

Риторiku традиционно делят на общую, изучающую универсальные законы, принципы и правила построения речи независимо от конкретной сферы речевой коммуникации, и частную, учитывающую сферу человеческой деятельности. Для подготовки будущих специалистов необходимой является профессионально ориентированная риторика, в основе которой лежат принципы и правила деловой, судебной и юридической риторики.

В учебных планах данная дисциплина зачастую составляет вариативную часть. Это свидетельствует об умалении значимости курса для формирования коммуникативной и лингвистической компетенций курсантов. Однако именно риторика дает представление о теории коммуникации, общекультурных и психологических принципах общения, тактиках и техниках ведения спора. В рамках аудиторных занятий и во время самостоятельной подготовки курсанты на практике учатся применять знания по теории аргументации, искусстве ведения споров, применяют и отражают риторические и психологические уловки. Помимо этого, будущие специалисты получают возможность развития и совершенствования навыков составления текста публичного выступления и произнесения его перед аудиторией, знакомятся с приемами привлечения внимания слушателей и усиления коммуникативной позиции говорящего. Так или иначе, именно от риторической подготовки курсантов зависит в будущем и имидж сотрудника правоохранительных органов.

Дисциплина «Риторика» ставит своей целью повышение коммуникативной культуры общения сотрудника органов внутренних дел не только при работе с различными категориями граждан, но и при взаимодействии в служебном коллективе в качестве коллеги, подчиненного или руководителя. У подчиненного и, в особенности, у руководителя любого ранга в работе с другими сотрудниками главным оружием является речь. С ее помощью необходимо создать такие условия, чтобы деятельность коллектива была наиболее результативной. В этом может помочь лишь владение правилами устной речи, знание законов логики, теории коммуникации, основ полемического и ораторского мастерства. Кроме того, руководитель и подчиненный должны уметь постоянно поддерживать внимание

слушателей, участников общения. Вот почему курсанту, который готовится стать сотрудником органов внутренних дел, так важно знать психологию общения, условия эффективной коммуникации, способы усиления собственной позиции в различных ситуациях общения и приемы привлечения слушателей, тактики и техники общения, способы отражения логических и риторических уловок.

Таким образом, для овладения навыками и умениями рационального речевого поведения будущего сотрудника правоохранительных органов необходимо изучение такой учебной дисциплины, как «Русский язык в деловой документации. Культура речи». Однако для повышения эффективности деятельности и решения служебных задач может быть недостаточно знаний о культуре речи, нормах русского литературного языка и навыков работы с юридическими документами. Для решения коммуникативных задач будущий специалист должен владеть приемами убеждающей речи и логической аргументации, представлениями об этических правилах речевого поведения, уметь налаживать контакт, воздействовать и убеждать представителей различных категорий граждан и любую аудиторию. Помочь в этом призвана такая дисциплина, как «Риторика», значение которой для профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел очевидно.

Список библиографических ссылок

1. Климова О. В. Коммуникативная компетенция как ядро профессиональной деятельности юриста // Вестник ЮУрГУ. 2008. № 13. С. 98–102.
2. Минина А. И. Актуальные проблемы языковой компетенции // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. № 2. С. 236–240.
3. Носкова Л. Г. Проблемы риторической подготовки сотрудников органов внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2007. № 2(29). С. 13–15.
4. Родкина А. В. Юридическая риторика в профессиональной деятельности сотрудника ОВД // Материалы круглого стола «Органы правопорядка: прошлое и настоящее». 2018. С. 40–42.

5. Сагирян И. Г., Василенко М. А. Юридическая риторика в профессиональной деятельности будущего юриста // Молодой ученый. 2017. № 22.1. С. 23–26.

© Родкина А. В., 2019

* * *

О. В. Свинарева, В. В. Крючков,
*Рязанский филиал
Московского университета МВД России
имени В. Я. Кикотя*

ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ МВД РОССИИ

Возросшие требования к профессиональным качествам сотрудников органов внутренних дел повлекли необходимость повышения эффективности подготовки будущих специалистов в стенах образовательных организаций высшего образования МВД России. Не вызывает сомнения тот факт, что освоение курсантами профессиональной деятельности должно осуществляться с самого начала обучения в образовательной организации. В настоящее время в образовательной среде наблюдаются тенденции, связанные с формированием нового направления научных знаний о профессиональном образовании, обусловленных как дальнейшим развитием педагогической науки, так и требованиями общественного развития. Данное явление согласно теории научных революций в конечном итоге приведет к смене педагогических парадигм.

Т. Кун дает определение понятия парадигма как «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают модель постановки проблем и их решений научному сообществу» [3]. Когда сумма новых знаний начинает противоречить

существующей парадигме возникает кризис научной дисциплины, результатом разрешения которого становится новая научная парадигма. В настоящее время гуманистическое образование, основой которого выступает концепция индивидуального саморазвития, приобретает лидирующие позиции в научной педагогической мысли по сравнению с традиционным знаниевым образованием.

Гуманистическая педагогическая парадигма основана на светском гуманизме, диалектическом материализме, рационально-этико-экзистенциализме, и характеризуется гуманно ориентированным педагогическим процессом, педоцентрическими отношениями между участниками педагогического процесса, творческими принципами методов реализации, учетом особенностей природы человека при выборе педагогического инструментария, общественной ориентированностью системы образования. Педагог занимает уважительно-требовательную позицию к обучающимся, что способствует их активному включению в педагогический процесс, самообучению, самовоспитанию.

Субъекты педагогического процесса:

- педагог;
- обучающийся;
- учебная группа;
- педагогический коллектив;
- семья;
- референтные лица (руководство учебно-строевых подразделений, тренеры, др.).

Педагогическим взаимоотношениям свойственны:

- оптимизм и радость общения;
- жизненные перспективы;
- интерес обучающихся к себе и окружающему миру;
- диалог;
- рефлексия;
- раскрытие индивидуальности;
- анализ неудач и ошибок, проживание ситуаций успеха;
- взаимная ответственность педагога и обучающихся;
- понимание чувства долга.

Обучение выступает основным средством педагогического процесса, который направлен на гуманистическое воспитание. Целью

педагога является воспитание гармоничной личности, которая способна самостоятельно жить в обществе, нести ответственность за свои действия, имеет четкую гуманистическую позицию, смысложизненно ориентированную, способную к личностному росту, самореализации, созиданию [6, с. 28].

Системно-деятельностный подход, как важная составляющая гуманистической педагогической парадигмы, основан на учете образовательных потребностей обучающихся, их профессиональных, возрастных и психологических особенностей. В процессе обучения обучающийся переосмысливает и преобразует свой жизненный опыт.

Процесс обучения курсантов в образовательной организации МВД России характеризуется определенными особенностями реализации требований концепции гуманистической педагогической парадигмы.

В отличие от студента, курсант более сдержан служебными обстоятельствами в самореализации, он обязан строго соблюдать нормативные предписания образовательной организации и федерального законодательства, процесс обучения тесно связан со служебной деятельностью.

Н. В. Ерошенков сформулировал модель профессионально-нравственной подготовки курсантов в образовательной среде и предложил возможность преодоления разрыва между личностным и профессиональным становлением обучающихся. Эффективность подготовки достигается соблюдением следующих требований:

- ценностное регулирование подготовки обучающихся;
- грамотная организация процесса подготовки с учетом видов подготовки и особенностей учебных коллективов;
- разумная взаимосвязь участников педагогического процесса в образовательной организации;
- наличие взаимосвязи профессионально-нравственных потоков между обучающимися и образовательной средой;
- ориентация обучающихся на деонтологические принципы и нормы будущей служебной деятельности [2, с. 57].

Концепция личностного роста курсантов предусматривает умение преодолевать трудности обучения с помощью личностных качеств, внутреннего потенциала при наличии развивающего педагогического влияния и поддержки [1; 4]. Факторы личностного роста:

- условия образовательной среды,
- сформированность внутренних убеждений обучающихся;
- личностная самореализация;
- наличие личностных ценностей и понимание смысла жизни;
- жизненная устойчивость личности [4, с. 82].

В качестве отдельного блока существующих научных разработок в рамках гуманистической педагогической парадигмы выступает педагогическое сопровождение курсантов образовательных организаций МВД России. Оно определяется, как, в широком смысле, – «подсистема образовательной системы образовательной организации, в контексте которой реализуется специальная деятельность профессорско-преподавательского состава и руководящего состава учебно-строевых подразделений и формируется адаптационная среда; в узком, субъективном, смысле – это непосредственная фасилитативная деятельность (от англ. *facilitate* – помогать, облегчать, способствовать) педагога (курсового офицера, преподавателя) по отношению к курсантам в образовательном процессе, их поддержка в сложных жизненных ситуациях» [5, с. 48].

Педагогического сопровождения курсантов предполагает следующие этапы реализации: педагогическая помощь курсантам в освоении адаптационного дидактического модуля; педагогическая помощь курсантам в различных видах деятельности образовательного процесса: освоение адаптационной компетенции, построение индивидуального адаптационного маршрута; системное педагогическое сопровождение курсантов в реализации адаптационного дидактического модуля в различных видах деятельности образовательного процесса. Результатом сопровождения является реализация курсантами устойчивого адаптивного поведения, готовность служебной, учебной, воспитательной, квазипрофессиональной видам деятельности.

Таким образом, эффективное использование достижений гуманистической педагогики в организации образовательного процесса образовательных организаций МВД России в наибольшей степени способствует достижению целей и задач в области подготовки квалифицированных кадров для органов внутренних дел Российской Федерации.

Список библиографических ссылок

1. Большунова Н. Я., Кононова Т. А. Специфика военного характера // Сибирский психологический журнал. 2014. № 3. С. 144–150.
2. Ерошенков, Н. В. Профессионально-нравственная подготовка курсантов в образовательной среде вуза МВД России: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. Белгород, 2014. 243 с.
3. Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ. М.: Прогресс, 1977. 300 с.
4. Оспенников С. В. Психолого-педагогическое сопровождение личностного роста курсантов военно-образовательного учреждения внутренних войск МВД России: дис. ... канд. псих. наук: 19.00.07. Новосибирск, 2016. 175 с.
5. Ульянова И. В., Свинаярева О. В. Интегративный подход к педагогическому сопровождению студентов в период их адаптации к образовательному процессу // Научные исследования и образование. 2017. № 3. С. 47–50.
6. Ульянова И. В. Педагогика смысложизненных ориентаций: учеб. пособие. Владимир, 2010. 245 с.

© Свинаярева О. В., 2019

* * *

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В ДУХОВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ЧЕЛОВЕКА

Пространство и время как антропологический феномен обладает социальной ценностью и инкорпорирован в духовную сферу человека [1]. Современное российское общество обладает базовыми признаками, позволяющими утверждать о его вступлении в ситуацию постмодернити, хотя и отягощенной реликтами индустриализма в его поздних проявлениях.

Человек постмодерна живет в многомерном пространстве, задавая ему параметры и меры. В индивидуальном бытии человек обретает многомерность, которая становится определяющей константой его сущности. Многомерность есть та определенность, которая задает человеческие качества. Отличительные признаки постмодерна (утверждение равновесия и человечности, возврат человека к самому себе, сосуществование противоположностей, восстановление добродетелей и нравственных ценностей, ценность душевного покоя и здоровья и т. д.) оказывают серьезное влияние на развитие индивида. У современного российского человека оформляются следующие признаки. Во-первых, происходит его вовлечение в духовное пространство постмодерна, которое характеризуется сосуществованием стилей, попытками разрешения споров между традиционностью и модернизмом, синтезом традиций и инноваций, смешением ролей и личностей и т. д. Во-вторых, человек оказывается интегрирован в сетевую культуру (интеркультуру), которая мозаична, стирает противоречия между добром и злом, внося неопределенность в общепринятые категории морали и делая относительным вопрос о моральных основаниях бытия человека. Виртуальная реальность сетевого пространства провоцирует релятивизм в весьма жестоких формах. В-третьих, изменяется сознание человека. Наступает разочарование наукой. Размываются границы между наукой и искусством, наукой и культурой и т. д. Множественность интерпретаций означает преодоление жесткой смысловой одно-

значности, Случайность и амбивалентность претендуют на господство в сознании человека. В-четвертых, человек освобождается от мировоззренческих парадигм и идеологических схем, ориентированных на будущее. Усиливается стремление к деконструкции, что активизирует аналитические способности мышления и оставляет право за множественностью и бесконечностью репрезентаций. В-пятых, структура субъекта лишается субъективной доминанты. Субъект воспринимает себя в качестве своего собственного объекта (объект – это место в пространстве, которое не связано ни с физической общностью, ни с моральными категориями) и является фундаментально расщепленным, т. е. субъектом и объектом одновременно. В-шестых, современный человек как человек традиции сосуществует с человеком постмодерна как человеком инновации. Применительно к российскому человеку речь не идет о вытеснении традиционного наследия, которое сакрально. Правомерно утверждать о сосуществовании традиций и инноваций, о движении к оптимальному варианту, когда инновации в духовно – культурной жизни вырастают из традиций и сосуществуют с ними, задавая вектор развитию человека и придавая ему динамичность. В-седьмых, с целью обобщения информационных потоков человек овладевает искусством знаков – симулякров. В данном контексте речь идет не столько о симулякрах как гибридно – цитатном сверхъязыке, сколько о способности носителей сверхъязыка к моделированию образцов. Реальность приобретает признаки фантомности. Появляется возможность смоделировать гиперреальность как бесконечное множество пространств и временных отрезков различной длительности и объяснить ее средствами гибридного языка науки и культуры. Таковы исходные посылы анализа времени – пространства человеком постмодерна с российской спецификой.

Обратимся к исходным основаниям анализа представлений о времени – пространстве человека постмодерна (по З. Бауману «индивидуализированного общества», по У. Беку «общества риска» и т. д.) и их следствиям. В постмодернизме доминирующим процессом становится индивидуализация [2] как способ преодоления социальной чуждости, что в числе прочих факторов актуализирует антропологический подход к постижению времени – пространства.

Человек постмодерна допускает разрыв пространственно-временного континуума. «Время и пространство, – констатирует З. Бауман, – по-разному распределены между стоящими на разных ступенях глобальной властной пирамиды. Те, кто может себе это позволить, живут исключительно во времени. Те, кто не может, обитают в пространстве. Для первых пространство не имеет значения. При этом вторые из всех сил борются за то, чтобы сделать его значимым» [3, с. 51]. Хотя в приведенной цитате речь идет о пространстве в его географическом значении, сокращаемом коммуникативными средствами, справедливо формулируется вывод об изжитости смысла пространства как препятствия или предела [Там же, с. 47], что уже является свидетельством переосмысления пространственных границ, сокращающихся в пределах достигаемости. Пространственная доминанта постмодерна вытесняет время как доминанту модерна. Скорость преодоления пространства становится символом эпохи и фактором сохранения времени. В несколько утрированной форме эту мысль выразил П. Бурдьё, который считает, что власть над пространством «есть так же власть над временем» [4, с. 45]. В этом суждении кроется ошибка не логического, а стилистического характера. Наша интерпретация заключается в изменении смысловой нагрузки употребляемых понятий. Речь следует вести не о власти над пространством, а его преодолении, не о власти над временем, а его экономии.

Изменяется соотношение социального и личного (индивидуального) пространства. Личное пространства расширяет пределы роста и поглощает социальное пространство. Для человека социальное пространство становится фоном, на котором разворачиваются события частной жизни. Необходимость социального пространства осознается лишь тогда, когда оно выполняет общественные функции, в том числе и патерналистские. В российском социуме наблюдается резкое сокращение социальных инициатив, что ускоряет отмеченную тенденцию и вызывает неоднозначную реакцию. Необходимость восстановления функций общественного пространства, пусть и в усеченном объеме, представляется самоочевидной. Магистральный путь воссоздания общественной организации в предельно максимальном объеме функций представляется посильной задачей для гражданского общества. Решение этой задачи, вероятно,

откладывается на отдаленную перспективу. Впрочем, российское общество находится в начале демонтажа общественного пространства, перспективы которого неопределенны, а темпы неодинаковы.

На примере демонтажа социального пространства отчетливо видно, что контроль над настоящим затруднен, либо отсутствует. И это притом, что постмодерн предпочитает настоящее, а задача «управления настоящим становится задачей каждого отдельного человека» [2, с. 142]. Настоящее трудноуловимо, затруднена его рефлексия и аналитика. В этом видится главная причина игнорирования настоящего в пользу «того, что должно быть», «что было и будет». Порожденная постмодерном фрагментация жизни, определяющая ее протекание, предопределила крушение времени в ее модернистской трактовке. Из непрерывного и направленного оно становится «эпизодическим», что соответствует жизненным фрагментам, переживаемым человеком. Эпизоды – фрагменты не могут быть выстроены им в сколь-нибудь логическую последовательность, имеющую линейный характер. Поиски заложенных в эпизодах настоящего смыслов ограничивают аналитическую перспективу человека. Поэтому затрудненным оказывается построение жизненного нарратива и интеграция в исторический контекст времени. В итоге такое положение препятствует становлению исторической субъективности индивида. Пребывание во времени и пространстве становится образом жизни человека, лишённого устойчивого положения в обществе. Фрагментация жизни и неопределенность будущего порождают апатию и провоцируют бессилие перед вызовами настоящего.

Итак, наша позиция относительно пространства и времени в восприятии и оценивании их и человеком постмодерна определена. Антропологическое время не существует независимо от пространства, равно как и пространство вне времени; они континуальны в своих проявлениях. Пространство «связывает» время; дает возможность ему проявиться и ощутить, прочувствовать его течение человеком. Российская специфика восприятия определяется интеграцией времени и пространства в контекст духовных универсалий.

Список библиографических ссылок

1. Сироткин Ю. Л. Человек и время. Философско-антропологический дискурс: монография. Казань: КЮИ МВД России, 2017. 388 с.
2. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. 390 с.
3. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс – Традиция, 2000. 384 с.
4. Бурдьё П. Социология политика. М.: Socio – Logos, 1993. 336 с.

© Сироткин Ю. Л., 2019

* * *

*К. С. Смирнов,
Волгоградский государственный медицинский университет*

КРИЗИС ТРАДИЦИОННЫХ РЕГУЛЯТОРОВ СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ БИОКАПИТАЛИЗМА

Целый ряд аналитиков сходятся в том, что современная стадия развития капитализма может быть определена как «биокапитализм» [1, с. 124]. Биокапитализм предполагает, что каждый человек реально или потенциально является «сам себе предпринимателем», своеобразным «малым предприятием». В настоящее время все меньше говорят о человеке или даже более абстрактном человеческом факторе. Отныне человек есть, прежде всего, и главным образом человеческий капитал. Человек в качестве человеческого капитала описывается триадой свойств (знание – навыки – способности), которая должна расти количественно и меняться качественно для увеличе-

ния ее стоимости в поле тотально конкурентной социальной среды. Отсюда мультипликативный рост так называемых рейтингов эффективности, которые присутствуют уже почти во всех областях человеческой деятельности и даже просто поведения (чего стоят, например, рейтинги доверия и правоспособности в современном Китае). Можно сказать, что обозначилась тенденция уподобления человека некому биороботу, поведение которого должно быть максимально предсказуемым и эффективным. А экономический дискурс является определяющим в характеристике человека. Как результат, перед нами разворачивается глубокий кризис традиционных регуляторов человеческого поведения: религии, морали и права. Создается впечатление, что в мире биокапитализма, где деньги – это жизнь, призванная к тому, чтобы делать деньги и бесконечно двигаться в круге инвестирования и получения доходности, эти регуляторы вообще неуместны. Можно наблюдать те причудливые трансформации, которые претерпевают религия, мораль и право. В области религиозного дискурса обращает на себя внимание увеличение религиозных сект, лидеры которых просто обогащаются за счет своих адептов. Да и традиционные конфессии включают в себя мощную финансовую составляющую (укажем только на Банк Ватикана).

Единственная мораль, которая соответствует биокапитализму, – это не знающий никаких пределов гедонизм. И в этой своей беспредельности он превращается в гедонистический эготизм. Последний, по словам Жижека, есть «безжалостный эготизм каждого индивида, гонящегося за своим частным интересом» [2, с. 212].

Что касается права, то здесь также можно наблюдать характерные сдвиги. Фактически возникло своеобразное «право капитала» [3, с. 164]. Конечно, нельзя сказать, что права человека полностью уступили место «праву капитала» и правосудие «продано». Однако в целом ряде статей даже уголовного судопроизводства появились нормы, предполагающие, что, если потерпевшая сторона согласна на финансовую компенсацию ущерба здоровью или смерти, то обвиняемый освобождается от наказания.

Таким образом, мы оказались в мире, где деньги решают почти все, где каждый сам за себя, где утрачено всякое доверие и, как результат, нет места солидарности, справедливости и элементарной человечности. Едва ли такой мир, такая социокультурная реаль-

ность имеет перспективу и обнадеживающее будущее. Следовательно, необходим поиск альтернативы биокапитализму. Основой такой альтернативы могла бы стать биоэтика. И хотя биоэтика возникла совсем недавно (в последней трети XX в), один из основателей этой науки Ван Поттер видел в ней новую идеологию глобального сообщества, которая могла бы стать основой выживания и мостом в будущее для всего человечества, а не только для самых эффективных и рентабельных. Уже существует Универсальная Декларация ЮНЕСКО по биоэтике, включающая пятнадцать биоэтических принципов. Важнейшими из них, в связи с заявленной темой, являются следующие: достоинство и права человека, уважение человеческой уязвимости и целостности, равенство, справедливость и право справедливости, недискриминация и нестигматизация, солидарность и сотрудничество, распределение прибыли. Для претворения этих принципов в жизнь нужна политическая, скоординированная воля мирового сообщества. Такой поворот мог бы стать основой новой глобализации, которая определялась бы не тотальным присутствием капитала, а глобальным стратегическим видением того, что можно было бы назвать «биоэтаносом» [4, с. 8]. Мы определяем биоэтанос как глобальное, социокультурное пространство не просто выживания, но совместного проживания. Пространства, где нет места агрессии и крайнему индивидуализму.

Список библиографических ссылок

1. Корсани А. Капитализм, биотехнонаука и неолиберализм. Информация к размышлению об отношениях между капиталом, знанием и жизнью в когнитивном капитализме // Логос. 2007. № 4 (61).
2. Жижек С. Событие. Философское путешествие по концепту. М.: РИПОЛ классик, 2018.
3. Смирнов К. С. Парадокс современной культуры: права человека или «право» капитала // Политика и право в социально-экономической системе общества: материалы XIII Междунар. науч.-практ. конфер., г. Москва, 30 декабря 2014 г. М.: Институт стратегических исследований, 2014.

4. Смирнов К. С. Биоэтнос как пространство справедливости и реального совершенствования человека // Биоэтика. 2017. № 1 (19).

© Смирнов К. С., 2019

* * *

*М. В. Сяба,
Белгородский юридический институт МВД России
имени И. Д. Путилина*

**ГЕРОИКО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ
ПОВЫШЕНИЯ ПАТРИОТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ
ВОСПИТАНИЯ КУРСАНТОВ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
СИСТЕМЫ МВД РОССИИ**

Происходящие в Российской Федерации процессы общественно-политических и социальных преобразований выдвинули ряд важнейших задач по формированию высоких нравственных, морально-психологических и деятельностных качеств личности сотрудников органов внутренних дел, среди которых важное место занимает патриотизм.

Патриотизм является одной из наиболее значимых, непреходящих ценностей, присущую всем сферам жизни гражданского общества, являющуюся важнейшим духовным достоянием личности курсанта образовательной организации системы МВД России, характеризующую высший уровень ее развития и проявляющуюся в активно-деятельностной самореализации на благо Отечества.

В рамках государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 гг.» Министерством внутренних дел Российской Федерации 17 июня 2016 г. № 1/5746 утвержден План мероприятий МВД России по реализации государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Россий-

ской Федерации на 2016–2020 гг.», которым предусмотрены основные мероприятия органов, организаций и подразделений МВД России в области патриотического воспитания сотрудников органов внутренних дел, курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России [4].

Формирование патриотической направленности воспитания курсантов не возможно без уважительного отношения к историческому прошлому, гордости за достижения своей страны, за свой народ и символы государства [5, с. 144].

Территория Белгородской области обладает огромным потенциалом для формирования патриотической направленности курсантов, ведь патриотизм всегда был символом мужества, доблести и героизма, негибаемой силы народа. Примеры подвигов наших земляков, совершение в период Великой Отечественной войны, это та база, на основе которой можно формировать высокие патриотические ценности и идеалы.

В Белгородской области звания Героя России удостоились шестеро человек: Владимир Барковский (полковник главного управления внешней разведки КГБ СССР), Владимир Бурцев (полковник внутренней службы УВД Белгородской области), Виктор Трофименко (полковник ФСБ), Денис Зуев (старший сержант срочной службы), Юрий Ворновский (младший сержант ВС РФ), Юрий Чумак (гвардии сержант), Вячеслав Воробьев (старший сержант милиции).

Мы полностью разделяем позицию Ю. В. Аманацкого, А. А. Кочина о том, что если нет героев-патриотов, то нет страны [1, с. 157]. Для курсантов образовательных организаций системы МВД пример подвигов защитников Отечества должен стать основой современного патриотического воспитания, так как именно на таких героических примерах формируются ценности нации.

Поэтому важным аспектом патриотического воспитания курсантов образовательных организаций системы МВД России является героико-патриотическое направление.

В Белгородском ЮИ МВД России имени И. Д. Путилина для достижения целей, связанных с патриотическим воспитанием курсантов используется комплекс форм, средств и методов воспитания, которые Н. Н. Мирошниченко делит на три направления:

- 1) воспитание историей;

2) воспитание через сопричастность с происходящими событиями и сохранение их;

3) приумножение традиций государства, органов внутренних дел, служебного коллектива [2, с. 16].

Формированию личной сопричастности обучающихся с героическим прошлым Отечества, с памятью героев служит проведение большого количества мероприятий патриотической направленности, среди которых тематические вечера, организация встреч с ветеранами, смотры-конкурсы коллективов художественной самодеятельности, организация экскурсий в музеи патриотической направленности.

Не стоит забывать о том, что для формирования патриотической направленности курсантов особое значение имеет воспитательный потенциал биографических данных легендарных профессионалов уголовного сыска и мужественных сотрудников полиции – Героев России [6, с. 30]. Во время обучения в Белгородском ЮИ МВД России имени И. Д. Путилина профессорско-преподавательский состав знакомит обучающихся с деятельностью великого сыщика И. Д. Путилина, основателя советской школы сыска Я. А. Вагина, Героя Российской Федерации подполковника И. В. Маслова, Героя Российской Федерации капитана И. С. Задорожного, рассказывают о героическом подвиге Н. Г. Кулькова, действиях Героя Российской Федерации полковника И. С. Груднова, Героя Российской Федерации генерал-полковника М. А. Панькова и др.

Именно благодаря краеведческой работе курсантов и профессорско-преподавательского состава 7 апреля 2015 г. федеральному казенному образовательному учреждению высшего образования «Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации» было присвоено почетное наименование «имени И. Д. Путилина». Иван Дмитриевич Путилин – человек, которого по праву называют основоположником российского сыска, человеком-легендой, защитником людей и угрозой для преступников. Являясь подлинным патриотом, он считал, что человек, независимо от убеждений, религии, положения должен верно служить своему Отечеству. Именно такие примеры патриотизма следует использовать в системе формирования патриотической направленности

сти воспитания у курсантов, обучающихся в образовательных организациях системы МВД России.

В рамках патриотического направления, а именно воспитания патриотических чувств важное место играет гимн. Мы полностью согласны с точкой зрения Н. Д. Никандрова, который считает, что необходимо чаще исполнять гимн нашей страны, так как государственный гимн имеет важное воспитательное значение, но в тоже время важно учитывать, что «будем играть гимн чаще – воспитаем патриотов» [3, с. 43].

В Белгородском юридическом институте МВД РФ имени И. Д. Путилина перед началом занятий ежедневно звучит гимн Российской Федерации, в аудиториях размещены флаги, портрет президента Российской Федерации и министра внутренних дел Российской Федерации. Ежегодно курсанты участвуют в различных ритуалах, среди которых принятие курсантами первого года обучения Присяги, день сотрудника органов внутренних дел РФ, вручение погон и т. д.

Эффективность системы патриотического воспитания в Белгородском ЮИ МВД России имени И. Д. Путилина повышается, когда в учебно-воспитательном процессе активное участие принимают ветераны, которые пропагандируют такие качества как верность Присяге и Родине, осознанный патриотизм, самоотверженное отношение к выполнению своих служебных полномочий [2, с. 19].

Патриотизм формируется в учебной деятельности образовательных организаций системы МВД России. Так, можно выделить опыт Н. А. Шабельниковой, которая через изучение отечественной истории заставляет обучающихся задуматься о патриотизме. Ею предложен метод, направленный на формирования патриотической направленности курсантов и связанный с проведением сравнительного анализа профессиональной деятельности двух генерал-лейтенантов А. Деникина и Д. Карбышева, в результате которого курсанты должны ответить, кто из предложенных личностей больший патриот: тот, кто служил России независимо от политического строя, или тот, кто воевал за свою идеологию и политику [7, с. 90]. Именно такие занятия заставляют курсантов задуматься об истинном патриотизме.

Таким образом, можно сказать о том, что героико-патриотическое направление повышения патриотической направленности воспитания курсантов образовательных организаций системы МВД России обладает потенциалом для формирования высоких патриотических идеалов и ценностей у курсантов. Герои Советского Союза и Герои России – вот пример героических поступков наших земляков, на которые нужно равняться подрастающему поколению. В то же время, необходимо использовать колоссальный опыт профессионалов уголовного сыска, мужественных сотрудников полиции который позволит обучающимся стать профессионалами своего дела и позволит им в будущем прославить свой край и Отечество.

Список библиографических ссылок

1. Аманацкий Ю. В., Кочин А. А. Патриотизм в духовно-нравственном измерении // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 2 (74). С. 154–158.
2. Мирошниченко Н. Н. Патриотическое и духовно-нравственное воспитание курсантов, слушателей и студентов образовательных учреждений системы МВД России: учеб.-метод. пособие. Белгород: ООНИ и РИД, 2005. 64 с.
3. Никандров Н. Д. Государственный гимн в школах: воспитание или популизм? // Педагогика. 2018. № 2. С. 34–44.
4. План мероприятий Министерства внутренних дел Российской Федерации по реализации государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы». URL: <https://xn--clabt1a.xn--blaew.xn--plai> (дата обращения: 11.12.2018).
5. Усов А. В. «Служа закону – служу народу»: основные направления формирования патриотического сознания в учебных заведениях системы МВД России // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XX междунар. науч.-практ. конф. (20-21 апреля 2017 г.): в 2 ч. / отв. ред. Н. Н. Цуканов. Красноярск: СибЮИ МВД России. 2017. Ч. 1. С. 143–145.
6. Хрисанов В. А., Полушкин М. Ю., Устинов А. А. Патриотическое воспитание курсантов (слушателей) Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина на примерах

деятельности легендарных сыщиков и мужественных поступков бесстрашных полицейских – Героев России // Вестник Белгородско-го юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2017. № 1. С. 27–35.

7. Шабельникова Н. А. «С пользой для Отечества, во славу России»: воспитательная направленность преподавания истории в учебных заведениях системы МВД России // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XX междунар. науч.-практ. конфер. (20-21 апреля 2017 г.): в 2 ч. / отв. ред. Н. Н. Цуканов. Красноярск: СибЮИ МВД России. 2017. Ч. 1. С. 88–90.

© Сяба М. В., 2019

* * *

*И. В. Хамидова,
Рязанский филиал
Московского университета МВД России
имени В. Я. Кикотя*

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КУРСАНТОВ ВУЗА МВД

Деятельность курсантов, поступивших в высшие учебные заведения МВД России, можно рассматривать с точки зрения двойственности статуса: с одной стороны, они являются обучаемыми, с другой – сотрудниками органов внутренних дел.

Курсанты вуза МВД получают профессиональное образование в специфической социокультурной среде. Условия обучения в вузах МВД значительно отличаются от условий обучения в гражданских вузах. Условия обучения в вузах МВД имеют свою специфику: во-первых, жесткая регламентация распорядка дня; во-вторых, у курсантов есть не только учебная деятельность, но и служебная; в-третьих, отношения с преподавателями, курсовым звеном строят-

ся на принципах субординации. Кроме того, у курсантов вуза МВД преобладают групповые виды деятельности. Но еще более значимой, пожалуй, является такая особенность, как относительная социальная изоляция. Порядок полицейского вуза предусматривает, что курсанты 1-го и 2-го курсов постоянно проживают в казарме.

Социальный статус курсантов строится на противоречии потребностей молодого человека и норм, порожденных социальным институтом, в который он пришел учиться. В силу этого в процессе адаптации у курсантов возникают всякого рода трудности.

И это, конечно, не может не отражаться на становлении их профессиональной идентичности.

Выбор профессии и последующий процесс профессионализации – это долгий этап формирования личности, который приводит к качественному преобразованию личности, к ее постоянному росту.

Проанализировав литературу по проблеме профессиональной идентичности, мы пришли к выводу, что сегодня не существует единого мнения в определении этого термина. Авторы изучают разные составляющие этого феномена.

Е. П. Ермолаева в своей работе определяет профессиональную идентичность «как интегративное понятие, в котором выражается взаимосвязь личностных характеристик, обеспечивающих ориентацию в мире профессий, что позволяет более полно реализовывать личностный потенциал в профессиональной деятельности, а также прогнозировать возможные последствия профессионального выбора» [1, с. 80].

В. С. Симонова считает, что «профессиональная идентичность – это психологический уровень самоидентификации, отношение и место собственного «Я» в существующем профессиональном коллективе в режиме реального времени [3, с. 642].

Этот вопрос является актуальным для органов внутренних дел. Основу профессионального становления курсанта представляют процессы профессиональной идентичности. Четкого представления о деятельности полицейского у юношей, поступивших в вуз МВД, нет. Это обстоятельство связано с несоответствием их представлений, которые сформировались до поступления в вуз, представлениям реальным условиям обучения и службы, которые отличаются от гражданских вузов учебными и дисциплинарными требованиями.

С. В. Ковальчишина пишет: «Возрастная незрелость, идеалистические представления о будущей профессии (или полное их отсутствие), а в большинстве случаев принудительное избрание этой профессии (по желанию родителей и родственников) неблагоприятно отражается на результате профессионального становления будущего работника полиции» [2, с. 3].

Процесс адаптации к условиям вуза имеет большое значение в принятии или непринятии профессии. Преподаватели и курсовые командиры предъявляют повышенные требования к развитию курсанта, связанные с достижением успехов в учебе и выполнении служебных обязанностей.

Происходит ломка стереотипов, новая информационная обстановка приводит к растерянности некоторой части курсантов, что замедляет формирование профессиональной идентичности первокурсников в процессе учебной деятельности.

Анализ литературы по этому вопросу позволяет констатировать, что социально-психологические особенности становления личности курсанта в период обучения в институте МВД – это своего рода устойчиво сформированная у курсанта совокупность личностных, физических и профессиональных качеств, которая позволяет курсанту решать важные учебные и служебные задачи. Управляемый процесс и при переходе от одного этапа обучения к другому конкретизирует ситуацию профессиональной идентичности.

Много в жизни курсанта зависит от профессиональной идентичности. Для того чтобы успешно происходило формирование профессиональной идентичности курсанта, важным, по мнению Ю. И. Сурменко, «является непосредственное оказание психологической помощи курсантам на основе привлечения большинства педагогов и командиров подразделений, а также других должностных лиц вуза к решению проблем повышения эффективности адаптации молодых людей к условиям обучения» [4, с. 21].

Приступая к исследованию профессиональной идентичности, мы пришли к выводу, что основными показателями степени профессиональной идентичности являются: образ «Я» курсанта, ценностные ориентации курсанта, профессиональное самосознание и готовность курсанта к профессиональной деятельности.

Результаты нашего исследования позволили нам прийти к следующим выводам:

1. Формированию основ профессиональной идентичности у курсантов вуза МВД способствует профессиональная подготовка, в ходе которой формируются профессиональный образ «Я», профессионально значимые качества и готовность курсанта к профессиональной деятельности.

2. Процесс формирования профессиональной идентичности курсантов способствует появлению новообразований в структуре личности курсанта. Эти новообразования являются показателем того, что у курсанта формируется профессиональная идентичность.

3. Процессу профессиональной идентичности курсанта способствует развитое профессиональное самосознание.

4. Идентификация курсантов с социальной ролью, которая обозначается понятием «сотрудник ОВД», позволяет говорить о том, что в структуре самосознания личности курсанта присутствует профессиональный «Я»-образ, что может свидетельствовать о том, что курсант осознает себя субъектом профессиональной деятельности.

5. В основе «Я-образа» курсантов лежит иерархия ценностных ориентаций.

6. Диагностика ценностных ориентации курсантов показала, что курсанты достаточно высоко оценили качества, необходимые сотруднику органов внутренних дел и указали качества, которые отражают отношение курсантов к себе как к субъекту профессиональной деятельности.

7. Словарь самоописаний показал, что на втором курсе преобладающими являются волевые качества, на четвертом курсе – интеллектуальные и коммуникативные, что свидетельствует о более высоком уровне профессиональной идентичности и подтверждает нашу гипотезу: формирование профессиональной идентичности возрастает от курса к курсу.

8. Анализ ценностных ориентаций и словаря самоописаний курсантов показали, что о профессиональной ответственности у большей части курсантов еще не приходится говорить, поскольку ее уровень проявления и осознания пока недостаточно высок, что свидетельствует о дефектах профессионального самосознания.

9. Существенное различие, выделенных и поставленных по рангу на первые места качеств, из словаря самоописаний курсантов и профессионально значимых качеств, отмеченных сотрудниками органов внутренних дел, можно объяснить недостаточными знаниями курсантов об условиях реальной службы.

9. Ответы на вопросы анкеты показали, что курсанты стремятся к изменению своего профессионального статуса, к совершенствованию профессиональных умений и навыков.

Целью профессиональной подготовки курсантов и слушателей в вузе МВД, конечно же, является формирование должного уровня профессионально значимых качеств курсантов, но профессиональная подготовка курсантов в вузе МВД должна способствовать и практической адаптации курсантов к своей будущей профессиональной деятельности.

Список библиографических ссылок

1. Ермолаева Е. П. Преобразующие и идентификационные аспекты профессиогенеза // Психологический журнал. 1998. Т. 19. № 4. С. 80–81.
2. Ковальчишина С. В. Исследование психологических особенностей формирования профессиональной идентичности курсантов следственно-криминалистического факультета // Психология и право. 2012. № 1. С. 71–80.
3. Симонова В. С. Особенности профессиональной идентичности курсантов вузов МВД России в зависимости от уровня профессиональной адаптации // Молодой ученый. 2016. № 5. С. 640–643. URL <https://moluch.ru> (дата обращения: 07.02.2019).
4. Сурменко Ю. И. Психологические особенности профессионального развития курсантов в процессе обучения в военном учебном заведении: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2002. 23 с.

© Хамидова И. В., 2019

* * *

*Н. В. Ханина, И. В. Дзядевич,
Калининградский филиал
Санкт-Петербургского университета МВД России*

НАУЧНОЕ ПОЗНАНИЕ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

Среди особенностей современного научного познания, исследуемых философами и социологами науки, ее методологами, на первый план выходят процессы интеграции, объединяющие разрозненные отрасли научного знания в единую систему.

В методологическом анализе взаимодействия между субъектными уровнями научного знания центральное место занимают социологические составляющие, а процесс формирования научного знания в его субъектно-гуманистической модели рассматривается как результат взаимодействия субъектов, представляющих собой социальные общности (научное сообщество, общество, человечество) или отдельных членов этих общностей (личность). В результате чего в методологический анализ органично вводятся социологические характеристики, хотя он осуществляется преимущественно в плоскости «знаниевой».

Невозможно проанализировать научное знание вне учета собственно социологических параметров, задаваемых местом и ролью субъекта знающего и субъекта познаваемого в структуре социальной реальности. Принципы социальной дифференциации при этом могут пониматься по-разному. Но будучи скоррелированы с социологическими характеристиками конкретных субъектов познания, они вполне смогут «работать».

Учесть такие корреляции возможно с помощью принципа моделирования, устанавливающего взаимно-однозначное соответствие между объектом познания и субъектными основаниями познавательного процесса, принципа, вводящего в процесс познания модели как образы познаваемого объекта и процесса познания, с включенными в них субъектными характеристиками.

Анализируя субъектно-гуманистическую модель научного познания, нельзя не прийти к выводу, что ее появление не только реа-

лизация внешнего для науки социокультурного запроса. Расширение методологического анализа за счет субъектных, социологических составляющих обусловлено логикой развития самого научного познания, т. е. внутринаучными факторами. Социокультурная детерминация, которая так или иначе признавалась до сих пор методологами, философами и социологами науки, но чаще всего выносилась на уровень метатеоретических оснований науки, с помощью субъектно-гуманистической модели выстраивается в весь ход познавательной деятельности.

Современные исследования показывают, что метатеоретические основания науки, коренящиеся в глубинах функционирующих структур, ассимилирующихся в глобальных картинах мира, обнаруживают не только историческую, эпохально-культурную общность (именно на нее обращают внимание в первую очередь), но и существенную гетерогенность, разнородность, имевшую место в каждой эпохе, но особенно ярко проявившуюся на исходе нашего столетия.

Это можно объяснить тем, что в социологическом срезе культура никогда не была однородна. Обнаруживая ряд общих для конкретной исторической эпохи характеристики, на деле она всегда функционировала в форме различных субкультурных уровней. Можно по-разному подходить к анализу стратификации культуры, кладя ее в основу разнопорядковые критерии: классовые, демографические, национально-этнические, этические, морально-правовые и т. д., но не замечать эти различия — опасное заблуждение. Исторический опыт показал, что чрезмерный оптимизм в оценке возможностей выравнивания культурных характеристик по вертикали и сближения их по горизонтали, если и возможно, то лишь в перспективе, и скорее всего в плане диалога различных культурных традиций.

Характерно, что типичные для тех или иных культур черты, анализируются в ретроспективе это и особенности древних культур, средневековой культуры, культуры зарождающегося капитализма и т. д. что же касается современных культур, то, пожалуй, только отечественные культурологи и социологи чересчур однозначно были ориентированы на выявление и анализ общих, типобразующих качеств «единой социалистической по содержанию, национальной по форме и интернациональной по духу культуре». Субкультурные

различия трактовались ими как существенные или несущественные различия, которые должны быть в скором времени преодолены. В зарубежной культурологии и социологии культуры исследованиям социокультурных различий уделялось гораздо больше внимания. Это нашло отражение в работе предыдущего всемирного философского конгресса, посвященного проблемам взаимосвязи философии и культуры [3, с. 4]. К выводам об усиливающейся культурной гетерогенности, определяющей процесс «демассофикации» современного общества, приходит и известный футуролог О. Тоффлер в одном из последних своих исследований [4, с. 114], результаты которого нашли свое отражение в его книге «Третья волна».

Поясняя написанной им в этой книге, автор замечает в диалоге с Ф. Бурлацким: «Я думаю, что для «второй волны» характерна массовая культура. «Первая волна» – это социальные изменения, связанные с аграрной революцией, «вторая волна» знаменует создание «индустриальной цивилизации». Для «третьей волны» характерно отсутствие единой культуры. Постоянно меняющееся разнообразие новых культур. Что отсюда следует. Отсюда следует, что ни одна расовая или этническая культура, ни одна религия, ни одна национальность не может иметь монополии на лучшие способности, которые требует экономика «третьей волны». Каждая культура, будь то алжирская, кубинская, корейская подходит к «третьей волне» со своей психологией, со своим собственным национальным характером, развившемся на протяжении веков. Именно «матчевая встреча» между культурами прошлыми и возникающими культурами «третьей волны» будет определять, как различные нации будут существовать в новой цивилизации, где в значительно большей степени, чем в массовом обществе прошлого, будут представлять собой постоянно изменяющуюся мозаику мини-меньшинств» [2, с. 22–23].

Утверждение Тоффлера являются далеко не голословными. Даже на простейшем, донauchном уровне нельзя не обратить внимание на усиливающиеся в глобальных масштабах процессы социальной и культурной дифференциации, которые Тоффлер называет «демассофикацией». Демографы и социологи, обратив внимание на процессы этнической дифференциации, усилившиеся в последней тре-

ти нашего столетия назвали эти явления «этническим парадоксом современности» [1, с. 6–7].

Не менее яркие примеры можно увидеть в размежевании бывшего Советского Союза и аналогичных процессах среди стран бывшего социалистического содружества. Даже если по-разному оценить эти явления, отдавая приоритет в их реализации внутренним или внешним факторам, пройти мимо процессов дезинтеграции, не заметить их нельзя. Возможно, такая деструкция является основой будущей, качественно иной интеграции – но это, пожалуй, дело будущего. Сегодня же на первый план выходят процессы дифференциации во всех сферах жизни.

Усиление культурной гетерогенности представляет интерес и в плане изучения особенностей современного научного познания, потому что гетерогенная по форме и содержанию культура реализуется в деятельности различных субъектов-носителей культурных ценностей, в том числе и в деятельности познавательной. В научном познании эта реализация носит опосредованный характер, где роль звена выполняют общая и специальная картины мира. В них происходит своеобразная селекция категориальных структур, функционирующих в культуре той или иной эпохи, в соответствии с внутринаучными идеалами и нормами. Внутринаучные критерии (идеалы и нормы объяснения и описания, доказательности и обоснованности знаний, их организации (позволяли классической и даже отчасти неклассической науке абстрагироваться от своего рода социокультурных аберраций).

В современной науке субъектные, социокультурные параметры не могут быть вынесены за скобки, они включены в ткань научного познания, обнаруживаются во всех его структурных компонентах. В условиях усиливающейся культурной гетерогенности в глобальных картинах мира, редуцирующихся затем в общих научных и специальных научных картинах, обнаруживаются разнотипные категориальные структуры. В общеметодологическом плане их можно квалифицировать и как реалистические, и как диалектико-материалистические, и религиозно-мистические – причем и те, и другие в разнообразных вариациях. Представления о мире в глобальных картинах мира похожи на очень сложную мозаику, элементы которой имеют субъектную определенность. Ее учет в совре-

менном научном познании настолько же необходим, насколько и проблематичен в рамках традиционной, «знаниевой» модели научно-познавательной деятельности. Решить эту задачу позволяет субъектно-гуманистическая модель научного познания. Ее роль в методологическом анализе возрастает и в связи с тем, что с ее помощью становятся понятнее особенности социологического познания: они видятся не только в его особой предметной области – социальной реальности, и не только в особом субъектном подходе к ее познанию, а в органичном сочетании двух названных факторов, позволяющих свести воедино онтологические и методологические аспекты социологического познания. Эта собственно социологическая специфика органично входит в современное научное познание как единый социокультурный процесс, тем самым обеспечивая системную целостность современной науки.

Список библиографических ссылок

1. Бромлей Ю. В. Национальные процессы в СССР: в поисках новых решений. М., 1988. С. 6–7.
2. Бурлацкий Ф. Новое мышление. М., 1989. С. 22–23.
3. Философия и культура. XVII Всемирный философский конгресс: проблемы, дискуссии, суждения. М., 1987.
4. Toffler A. The third wave. N. Y., 1980, С. 114.

© *Ханина Н. В.*, 2019

* * *

СОХРАНЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО КОДА КАК ПРОБЛЕМА ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Проблема патриотического воспитания подрастающего поколения в условиях открытого культурного пространства должна рассматриваться как часть более масштабной проблемы, а именно проблемы сохранения национального культурного кода нации [1]. В 2014 г. в России был разработан документ об «Основах государственной культурной политики». В его основе лежит задача поиска путей и выработки механизма сохранения национально-культурной идентичности в условиях глобализующегося мира. Под «национальным культурным кодом» понимается «система самобытных, доминирующих в обществе ценностей, смыслов и взглядов, сформировавшихся в процессе исторического цивилизационного развития, принимаемая как общепринятая норма для самоидентификации людей и передаваемая из поколения в поколение через воспитание, образование и обучение» (*документ опубликован в «Известиях» 10 апреля 2014 г.*).

Национальный культурный код может рассматриваться как способность индивида под давлением глобализующейся, информационной и массовой культуры сохранять сознательно и/или неосознанно ощущение собственной принадлежности к определенной этнической группе, его способность ощущать себя представителем конкретного народа и воспроизводить соответствующие культурные нормы в повседневной жизни [2, с. 16]. К структурным элементам, описывающим, национально-культурную идентичность, могут быть отнесены как предельно широкие по своему охвату элементы, такие как объяснительные картины мира, этническое самосознание, так и эмоционально-чувственные элементы, трудно поддающиеся описанию и анализу.

Культура предоставляет каждому ее носителю необходимые ориентиры и поведенческие паттерны, которые, в свою очередь, опираются на ценностное ядро и ценностные иерархии. Лавинооб-

разное увеличение числа культурных моделей в современном мире делает культуру клиповой или мозаичной. В такой культуре разрушаются иерархии, в ней нет «правильного» и «неправильного», «высокого» и «низкого», «нормативного» и «выходящего за пределы нормы». Ситуация отсутствия культурных ориентиров разрушает механизм воспроизводства национально-культурной идентичности [6, с. 103].

Менталитет нации «является базисом, возможно, биологически наследуемым, представляющим самые глубокие формы сознания», а содержание этих форм всегда «культурно и исторически обусловлено» [3].

На основе менталитета формируются такие значимые элементы культурного кода нации как этноним, национальный характер, историческая память и этническое самосознание. Именно эти элементы отвечают за формирование исторического сознания и являются основой воспитания патриотизма [4, с. 380]. Значимыми для воспроизводства культурного кода являются образы своей культуры (автостереотипы) и образы чужих культур (гетеростереотипы), а также отношение к ним. Сюда же могут быть включены предрассудки/клише/мифы (безапелляционные фиксированные априорные установки), стереотипы/сценарии (упрощенные плоские представления), образы/нарративы/темы (объемные представления) о других/чужих культурах. Эти неотрефлексированные представления также составляют существенную часть национально-культурной идентичности [7, с. 392].

Современная культурная ситуация требует от индивида быть культурно ответственной личностью. Он должен научиться соединять в себе разные культурные модели, и, одновременно, оставаться самим собой. При этом у него должно сохраняться чувство принадлежности к своей культуре. Это ощущение, проходя через стереотипы массовой культуры, должно сохранять связь со значимыми смыслами и значениями своей культуры. Из этого следует, что государства и общества должны быть способны создать объективные условия для поддержания ощущения принадлежности к национальной культуре. Иначе мы должны констатировать, что у культуры отсутствует механизм защиты и сохранения собственной идентичности.

Поиски и создание такого механизма должны реализоваться и в научно-теоретической сфере (изучение позитивного опыта других стран и культур), и в практической сфере – через государственную политику, образование и воспитание граждан. Индивид должен быть постоянно погружен в среду, в ситуации, благодаря которым он осознает себя частью культуры и полностью ассоциирует себя с ней. В этом случае процесс формирования идентичности проходит как индоктринизация и культурное программирование. Особая роль в этом процессе принадлежит ранним периодам формирования гражданина, поскольку ценности, обретенные в детские и юношеские годы, навсегда остаются с ним и практически не могут быть вытеснены из его сознания в последующие периоды жизни. Из этого становится ясно, какова роль школы и образования в процессе воспроизводства национального культурного кода [2, с. 15].

Если начальный период социального культурного тренинга прошел успешно, то можно ожидать, что во взрослой жизни сохранение своей культуры не только будет происходить под «давлением культуры», но и станет результатом осознанных усилий самого человека. В этом случае индивид выступает как культурно ответственная личность и способен участвовать в межпоколенной культурной эстафете.

Для граждан любой страны возможность гордиться своей родиной, ощущать свое право быть сопричастным к великому наследию прошлого является одной из базовых потребностей, поскольку формирует его картину мира, даже если эта потребность не вполне артикулируется гражданином и носителем культуры. Такой же важной потребностью для граждан является уверенность в том, что заслуги и успехи твоей страны, ее вклад в мировую историю, культуру, экономику признается мировым сообществом, странами-лидерами мирового развития.

Глобализационные процессы и связанные с ними разнонаправленные тенденции к унификации и обособлению культур ведут к активной эксплуатации имиджей. Интерес к роли имиджа в политической, экономической и социальной практике современного мирового сообщества связано, в первую очередь, с формированием открытого культурного пространства. Формирование позитивного внутривнутриполитического и внешнеполитического имиджа России,

ее отдельных регионов, а также формирование позитивного имиджа ее лидеров, значимых исторических и политических событий в истории страны являются важными проблемами гуманитарного знания, в частности истории культуры, социологии культуры, имиджологии, политологии. От успешного решения этих задач напрямую зависит внутривнутриполитическая стабильность, уровень доверия к политической элите внутри страны, сохранение патриотических настроений.

В конце 90-х гг. прошлого столетия, когда мир фактически был однополярным, вопрос о международном имидже России стоял очень остро. И хотя культурный статус страны всегда оставался недостижимо высоким, экономические проблемы существенно повлияли на снижение ее политического статуса. За последние десятилетия было немало сделано, в том числе и усилиями представителей гуманитарных наук, чтобы современная Россия, как наследница Советского Союза перестала ассоциироваться с такими понятиями как «империя зла», «большой брат», «мировой сырьевой придаток» и т. д. Такая же работа, на наш взгляд, должна быть продолжена в отношении имиджей регионов России, ее крупных и малых городов. Многие из них, в том числе Волгоград, хорошо известны за пределами страны, однако в отношении них продолжают господствовать социально-политические стереотипы, созданные еще в советский период, когда главным принципом формирования имиджа было создание «другого мира», противостоящего большинству стран Запада и западному образу жизни. Именно тогда образ Волгограда сложился в таких терминах как «город-солдат», «Волжская твердыня» и т. д. Полностью осознавая значимость Сталинградской битвы в структуре имиджа города и страны в целом, нужно признать, что на смену жестко политизированному подходу в патриотическом воспитании должен прийти сегодня культуроцентричный подход. Историки и культурологи знают, что наш регион в культурном отношении гораздо богаче. На протяжении тысячелетий он являлся точкой пересечения многих культур, конфессий, цивилизаций. Культурное наследие Волгоградской области представлено большим историческим периодом: от памятников древнейших эпох (палеолитическая стоянка Сухая Мечетка) до уникальных объектов Великого переселения народов, средних веков, Нового и Новейшего времени. На территории Волгограда находятся уникальные памят-

ники, связанные с историей сарматов и савроматов, уникальные свидетельства, связанные с историей Золотой Орды, реформаторской деятельностью Ивана Грозного и Петра I, крестьянских войн Разина и Пугачева. На примере Царицына можно проследить процессы, отражающие пути превращения отсталой глубинки в промышленные центры, подобные американскому Чикаго. Проблемами сохранения архитектурно-градостроительной среды малых исторических городов и архитектурными особенностями их сооружений живо интересуются за рубежом [5]. Изучение и дальнейшее использование культурного наследия Волгоградского региона позволяют сделать регион своеобразным эталоном феномена поликонфессиональности и полиэтничности, обозначить его роль в культуре страны в целом. Воссоздание историко-культурного прошлого нашего региона – это и есть создание той среды, погружаясь в которую, индивид становится ответственным носителем культуры. И это – во многом задача гуманитарного знания.

Список библиографических ссылок

1. Авходеева Е. А., Петров А. В. Теоретико-методологические основания исследования национально-культурной идентичности в условиях глобализации. *Философия социальных коммуникаций*. 2015. № 1 (30). С. 77–83.

2. Авходеева Е. А. Сохранение национально-культурной идентичности в условиях открытого культурного пространства (на примере Китая): автореф. дис. ... канд. филос. наук. Волгоград: Волгогр. гос. мед. ун-т, 2016.

3. Гуревич А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993.

4. Кобылкин Р. А., Краюшкин С. И., Медведева Л. М. Формирование исторического сознания как основа воспитания патриотизма // *Историческое образование в современном мире: сб. науч. ст.* Волгоград: Принт, 2009. С. 379–181.

5. Серебряная В. В. Проблемы преобразования архитектурно-градостроительной среды малых исторических городов: на примере Волгоградской области // *Пром-Инжиниринг: сб. тр. II междунар. науч.-техн. конф.* ФГБОУ ВПО «Южно-Уральский государствен-

ный университет» (национальный исследовательский университет). 2016. С. 563–568.

6. Черемушникова И. К. Имидж в эпоху «восстания масс» // Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия: Проблемы социально-гуманитарного знания. 2010. № 9 (69). С. 103–107.

7. Черемушникова И. К., Авходеева Е. А. Культурная память и культурная идентичность: материалы Всерос. (с международным участием) науч. конф. молодых ученых (XI Колосницынские чтения). 2016. С. 388–393.

© Черемушникова И. К., 2019

* * *

*Л. В. Эслауэр,
Волгоградская академия МВД России*

ДИАЛОГ КАК ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Изучению диалога в его различных аспектах посвящен целый комплекс учений и концепций. Это обстоятельство обусловлено многосложностью и широтой данного явления социокультурной действительности. Диалог выступает одновременно объектом изучения различных научных дисциплин – психологии, языкознания, философии, культурологии, истории. В свою очередь, философия при исследовании диалога делает акцент на разных его ипостасях, учитывая одновременно методологические, аксиологические, онтологические, гносеологические аспекты диалога.

Теория диалога связана с таким широким кругом философских и культурологических вопросов, что изучение данного явления общественной и культурной жизни вызвало формирование множества концепций и теорий относительно сущности диалога.

Как отмечается в литературе, впервые понятие «диалог» в философском контексте было употреблено древнегреческим философом Сократом¹. В философии Сократа диалог выступал в качестве ведущего метода нахождения истины. При этом сократический диалог представлял собой форму проникновения людей друг в друга посредством познания предмета. Как считал Сократ, диалог является способом духовного возрождения человека, что объясняется тем, что в данном процессе осуществляется «припоминание» того, что заложено в человеке «бессмертной душой»².

Таким образом, значимость сократического диалога обусловлена его сильным воспитательным эффектом, в процессе которого происходит раскрытие сущности человека.

По окончании эпохи античности проблема диалога отошла в ряд второстепенных философских проблем. Мировоззрение Средневековья не способствовало развитию идей диалога в рамках философских учений.

На рубеже XVIII–XIX вв. начался качественно новый этап в развитии диалогии. В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть философскую концепцию голландского философа Ф. Гемстергойса (1721–1790). Ф. Гемстергойс является представителем мистически-поэтического неоплатонизма. Философ поставил в центр исследования отношение человека к человеку, собственного «я» к другому «я». Эстетические взгляды Ф. Гемстергойса оказали существенное воздействие на раннюю романтику. Заданные им вопросы побудили мыслителей искать духовные механизмы человека, которые ответственны за характер и форму общения, где равноправное общение трактуется как средство морально-нравственной самореализации людей³.

На основе развития идей, заложенных Ф. Гемстергойсом, немецкий философ Ф. Шлейермахер (1768–1832 гг.) утверждал, что самосознание личности формируется только в соотношении с сознанием

¹ Кессиди Ф. Сократ. Ростов н/Дону: Феникс, 1999. С. 29–30.

² Каллаева Д. Р. Роль теории диалога М. М. Бахтина в формировании социокультурной компетенции // Актуальные вопросы современной педагогики: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Уфа, март 2013 г.). Уфа: Лето, 2013. С. 132–135. URL: <https://moluch.ru>.

³ Там же.

другого. К таким выводам философ пришел на основе изучения индивидуального как высшего проявления реальности и исследования общения как единственного и уникального метода связи людей¹. Следовательно, философы приходят к мысли о том, что диалог является способом самосознания, в том числе способом осознания человеком самого себя.

Немецкий философ-материалист Л. А. Фейербах (1804–1872) является автором оригинального учения о сущности человека, заключающегося в понимании человека как существа, стремящегося не только к личному блаженству, но и к многостороннему, распространяющемуся на других самоограничению².

Л. А. Фейербах впервые высказал мнение о том, что человеческая сущность лежит вне его, в общении, в единстве человека с другими людьми. При этом человек для себя является человеком в обычном смысле слова, а в общении с другими людьми человек есть любовь и гармония.

На различных этапах развития мировой философской мысли проблемами диалога и диалогического мышления занимались представители различных философских направлений: феноменологии, социалингвистики, семиотики, фундаментальной онтологии и др.

Предметом отдельного научного интереса диалог и связанная с ним тематика становится в начале XX в. в данный период развития мировой философской мысли изучение диалога стало центральной проблемой в ряде философско-эстетических и психологических учений. Проблематика диалогических отношений, общения и диалога, как считают исследователи, выходит на первый план в те периоды развития человечества, когда в обществе складывается приоритет гуманистических отношений³.

Философами, которые внесли особенно значимый вклад в изучение проблематики диалога, стали: Г. Г. Шпет, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, К. Ясперс, С. Л. Франк, Ф. де Соссюр, Ч. Пирс, П. А. Фло-

¹ Габитова Р. М. Философия немецкого романтизма: Гёльдерлин, Шлейермахер. М.: Наука, 1989. С. 84.

² Любутин К. Н. Фейербах: философская антропология. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. С. 39.

³ Зиновьев И. В. Проблемы русской философии диалога (историко-философский анализ): дис. ... д-ра филос. наук. Екатеринбург, 2008. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/1179/1/urgu0590s.pdf>

ренский, К. Леви-Стросс, Ю. М. Лотман, Н. С. Трубецкой, Л. Н. Гумилев, Ф. Розенцвейг, О. Розеншток-Хюсси, Э. Левинас, А. И. Введенский, И. И. Лапшин.

Среди западных основоположников теории диалога центральной фигурой является Мартин Бубер (1878–1965).

Его произведение «Я и Ты» (1923) является работой, в значительной степени определившей развитие идей диалога в XX в.¹ В философии М. Бубера особенный интерес представляют: обоснование моральных устоев посредством диалога, проблемы диалога между людьми и Богом, роль языка в диалоге. М. Бубер трактовал диалог в качестве сущностной характеристики бытия человека. Человек, по мнению М. Бубера, ничего не может сказать о себе, не соотнеся себя с другим. Таким образом, идея абсолютной равнозначности «Я» и «Ты» становятся главной идеей философии М. Бубера. При этом философ отмечал, что «Я и «Ты» не сливаются, так как это привело бы к прекращению взаимосвязи. Для каждого из участников диалога путь к самому себе является не кратчайшим, а, напротив, длинным, проходящим через партнера и через мир. Таким образом, М. Бубер трактует диалог как инструмент духовного единения, обретения смысла жизни².

Произведение М. Бубера оказало огромное воздействие на формирование идей известнейшего отечественного философа М. М. Бахтина, который был знаком с данной работой в оригинале.

Следовательно, диалогизм может рассматриваться как направление, в значительной степени формирующее современную философскую мысль на Западе и в России. В настоящее время многие сформировавшиеся ранее подходы в исследовании диалога активно трансформируются с учетом политических и социокультурных реалий. Новые направления требуют не только углубленного изучения, но и выявления исторических предшественников, раскрытия обширного творческого потенциала диалогической тематики.

¹ Бубер М. Я и Ты / пер. В. В. Рынкевича. URL: <http://psylib.org.ua/books/buber01/index.htm>.

² Каллаева Д. Р. Роль теории диалога М. М. Бахтина в формировании социокультурной компетенции // Актуальные вопросы современной педагогики: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Уфа, март 2013 г.). Уфа: Лето, 2013. С. 132–135. URL: <https://moluch.ru>.

Происходящие в ХХI в. общественные и социокультурные трансформации актуализируют дальнейшее изучение диалога как инструмента общения и познания, который преобразует человеческую личность. Диалог выступает в качестве основы бытия и мышления человека, определяет будущее развитие природы и общества. В условиях глобализации возрастает значение международного диалога в сфере гуманитарного знания, культуры в целом. Исследование диалога представляет собой своего рода полилог научных и культурных традиций, а изучение диалога выступает как междисциплинарная проблема. На современном этапе диалог представляет собой уникальное поле научной деятельности, где сотрудничают специалисты самых различных областей знаний. Речь в настоящее время идет не только о взаимодействии, но также о взаимообогащении и взаимодополнении. В результате на смену диалогическим концепциям М. Бубера и М. М. Бахтина приходят, по мнению современных исследователей, «универсальный диалог» М. С. Кагана, «диалог культурных миров» Г. С. Померанца, «полилог культур» О. Н. Астафьевой¹.

Таким образом, изучив исследование диалога как проблему философско-эстетических и психологических учений, можно сделать ряд выводов. Изучению диалога был посвящен целый комплекс учений и концепций, что обусловлено широтой и многоаспектностью данного явления социокультурной действительности. Диалог выступает одновременно объектом изучения различных научных дисциплин – психологии, языкознания, философии, культурологии, истории. На разных этапах развития мировой философской мысли различные философские концепции и учения рассматривали диалог с различных позиций.

Итак, диалогические практики складываются еще в рамках древнегреческой культуры. На рубеже XVIII–XIX вв. начинается качественно новый этап в развитии диалогике. Ее эволюция была связана с исследованиями Ф. Гемстергойса, Ф. Шлейермахера, Л. А. Фейербаха и др. Философами, которые внесли особенно значимый вклад в изучение проблематики диалога, стали Э. Гуссерль, М. Хайдеггер,

¹ Зиновьев И. В. Проблемы русской философии диалога (историко-философский анализ): дис. ... д-ра филос. наук. Екатеринбург, 2008. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/1179/1/urgu0590s.pdf>.

К. Ясперс, С. Л. Франк, П. А. Флоренский, К. Леви-Стросс, Ю. М. Лотман, Н. С. Трубецкой, Л. Н. Гумилев, А. И. Введенский и др.

Среди западных основоположников теории диалога центральной фигурой является Мартин Бубер, работа которого «Я и Ты» является в значительной степени, основной детерминантой идеей диалога в XX в. М. Бубер трактует диалог как инструмент духовного единения, обретения смысла жизни.

В настоящее время продолжают изыскания ученых и философов в области диалога. Происходящие в XXI в. общественные и социокультурные трансформации обусловили дальнейшее изучение диалога как инструмента общения и познания.

© Эслауэр Л. В., 2019

* * *

*Т. В. Яловенко,
Волгоградская академия МВД России*

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОГО ПАТРИОТИЗМА В XXI в.

Обращаясь к вопросу патриотизма, следует сразу выделить актуальный аспект развития системы воспитания на государственном уровне, это говорит о том, что само понятие «патриотизм» должно включать в себя четкое научное определение. Однако на современном этапе развития патриотизм является лишь «определенным умонастроением в мотивации индивидуума к действию» [1, с. 142].

Для того чтобы дать наиболее точную и детальную дефиницию патриотизму, необходимо рассмотреть трансформацию данного понятия в рамках краткого ретроспективного анализа, связанного с глобальными изменениями в мироустройстве – экономике, политике, социальном строе, исходя из которого можно увидеть проблему патриотизма в современном ракурсе XXI в.

Изменения принципиального характера коснулись самой социальной системы и ее ценностных параметров, отношения человека к религии и даже особенностей восприятия мира в связи с ростом технологий и научной образованности.

Многие факторы оказали и продолжают оказывать свое влияние на отношение человека к ценностным параметрам, без которых немислимо социальное общество, поэтому для точного понимания предмета, находящегося под постоянным воздействием ситуационных и временных явлений, мы рассмотрим тенденции трансформации понятия «патриотизм» в российских реалиях.

Патриотизм почитали как высшую из всех добродетелей еще во времена Петра I. По факту патриотизм – любовь к народу и родине – становится идеологией государства Российского. Главные ценности того времени отражаются в словах «Бог, Царь и Отечество». Наиболее ярко патриотизм был выражен в отношении к службе в армии, что было отражено в «Уставе воинском» от 1716 г., в ряде российских законов того времени, в том числе написанных лично государем-императором постановлениях, таких как «Учреждение к бою» и «Воинский артикул» [2, с. 101].

Проявление патриотизма в Российской империи было не только связано с воинской службой, но также имело и гражданский характер. Достаточно широко был распространен гражданский патриотизм, он носил осознанный характер и никак не был связан с ксенофобией, антисемитизмом или проявлениями примитивного национализма.

Октябрьская революция в России внесла принципиальные изменения в сознание общества, кардинально изменив национальную идеологию. В короткие сроки страна фактически с нулевого уровня развила собственную индустрию, религиозная идеология была запрещена, а власти молодой Советской России занялись образованием и просвещением темных народных масс. Система ценностей некоторое время носила размытый характер, как это обычно бывает во времена сильных политических потрясений. Для назидания новой классовой пролетарской идеологии была создана колоссальная индустрия идеологической пропаганды.

По причине возникновения новых классовых, политических и идеологических изменений в послереволюционное время прежнее понятие Отечества, ассоциировавшееся в народном сознании в первую

очередь с религией и царем, теперь имело отождествление с социалистической родиной, т. е. с советской государственной и общественной системой.

В период Великой Отечественной войны ранее сформированный патриотизм стал одной из причин Победы, аккумулировав в себе и любовь к Родине, и любовь к вождю (призыв «За Родину! За Сталина!») [3, с. 149]. Патриотизм в это время окончательно политизируется и становится опорой политического режима.

В последние годы Советской власти внимание к патриотическому воспитанию сильно упало, не найдя надежной опоры в политике «нового мышления». Это совпало с периодом, когда наша страна активно шла в русле политики глобализации, сопровождавшейся критикой советского опыта. Таким образом, если после 1917 г. отторжение патриотизма было связано с идеей о постепенном отмирании государства, то в 1990-е гг. происходило отторжение патриотизма по причине якобы наличия преград с его стороны для развития личности и строительства демократического общества. Однако уже с середины 1990-х гг. Президент Б. Н. Ельцин начал использовать термин «россияне», аналогичный прежнему «советский гражданин». Термин «россияне» был призван объединить большое число народностей, проживающих на территории России, и сформировать единую гражданскую нацию [2, с. 101].

Тем не менее, несмотря на то что перечисленные выше государственные документы дают четкое понимание патриотизма и характеризуют его роль в развитии современной российской государственности, в общественном сознании отношение к патриотизму оставалось неоднозначным, что подтверждало поведение и заявления некоторых политических и общественных деятелей.

Неадекватная ориентированность в вопросе патриотизма обусловлена новыми трактовками российской истории, которые были озвучены в конце XX в. Новая «историческая правда» стала информационным орудием по разрушению российского общества. Она спровоцировала принципиальные изменения в конструкции исторического самосознания российского народа, что повлекло за собой общий культурно-нравственный упадок и отрицательное влияние на патриотические настроения в целом [2, с. 103].

Кардинальные политические события в России конца XX – начала XXI вв. обозначили крутой поворот в новейшей истории России, им характерны заметные изменения в социально-экономической, политической и духовной сферах, что касается всего общества и каждого отдельно взятого гражданина. На фоне социально-экономического роста и демократизации общественных отношений резко упала воспитательная роль российской культуры, искусства, системы образования как важнейших факторов формирования патриотизма.

Закономерным итогом процесса разрушения основополагающих жизненных идеалов стало пренебрежительное отношение моральными общественными нормами, к историческому наследию в целом и патриотической идеологии как таковой. Нравственно-патриотическое воспитание молодежи на тот момент в России было сведено к нулю.

Еще одно изменение патриотизма происходит с приходом нового Президента в 2000 г. Появляется новый вид патриотизма – «государственный», что стало следствием политики Владимира Путина по укреплению государственной власти в начале своего правления (призыв «Нам нужна твердая президентская власть»). Авторы определили «государственный патриотизм» как «проявление его носителями чувства гордости за державу, активное участие в укреплении государственности», таким образом связывая его с верностью государственной власти в традициях 1930–1940-х гг. Помимо «государственного патриотизма» в современной России можно выделить также «национальный патриотизм», заключающейся в прививании национального самосознания, национальной культуры и традиций, уважении к истории страны и т. п. [4, с. 250].

Значительная роль патриотизма выражена после принятия Крыма в состав России, усилившего внутренний экономический кризис и ставшее причиной частичной международной изоляции. «Крымская весна» стала одной из самых популярных тем в российском обществе и способствовала резкому взлету рейтинга президента. Включение этих событий в учебники вяжется с государственным патриотизмом, который на данный момент господствует в обществе. При этом некоторые авторы отмечают, что сознание современной молодежи отличается от поколений XX в.: падение «железного занавеса» разнообразило систему ценностей, и далеко не все готовы

жертвовать своими вполне конкретными интересами ради аморфного «общего блага» [5, с. 298].

Как можно увидеть, Российская Федерация сегодня прямо заимствует у СССР достижения в пропаганде патриотизма. Патриотизм по-прежнему подразумевает жертвование собственными интересами и уровнем жизни ради интересов Родины. При этом никаких достижений, кроме военных, Россия не демонстрирует (это было заметно в Президентском послании 2018 г., в 2019 г. мало что изменилось [6]).

Кардинальные перемены в российской политической жизни в XXI в. обозначили крутой поворот в новейшей истории России, им характерны заметные изменения в социально-экономической, политической и духовной сферах, что касается всего общества и каждого отдельно взятого гражданина. На фоне социально-экономического роста и демократизации общественных отношений резко упала воспитательная роль российской культуры, искусства, системы образования как важнейших факторов формирования патриотизма.

Таким образом, в наше сложное и неоднозначное время патриотизм превращается из явления из области чувственного и, стало быть, субъективного восприятия действительности в предмет конкретного научного изучения с целью стать инструментом стратегического влияния во внешней и внутренней политике государства.

Список библиографических ссылок

1. Магарил С. А. Смыслы патриотизма – исторические трансформации // Социологические исследования. 2016. № 1 (381). С. 142–151.
2. Пальцев А. И. Патриотизм: современное прочтение // Гуманитарные проблемы военного дела. 2017. № 1 (10). С. 101–105.
3. Сафонова М. В. Понятие патриотизма в Советский период // Проблемы социально-гуманитарного образования на современном этапе модернизации российской школы. Барнаул, 2014. С. 149–152.
4. Национальная идея России: в 6 т. М.: Научный эксперт, 2012. Т. I. С. 249–254.

5. Антонова А. Д., Сафронова Е. С., Лучникова М. Д. Патриотизм в современной России: вопросы и проблемы // Молодой ученый. 2017. № 48. С. 296–299.

6. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 20 февраля 2019 г. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

© Яловенко Т. В., 2019

* * *

Сведения об авторах

Абу Саада А. – аспирант Волгоградского государственного университета, преподаватель кафедры прикладной статистики Университета Палестины.

Баева Е. В. – доцент ВИПК МВД России, кандидат педагогических наук.

Бардаков А. И. – профессор Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор политических наук.

Баций А. Е. – преподаватель Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Беликова Е. О. – доцент Волгоградского государственного университета, кандидат социологических наук.

Бельских И. Е. – профессор кафедры МФПС и ТП Волгоградского государственного технического университета, доктор экономических наук, профессор.

Боинчану Г. И. – доцент кафедры Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат педагогических наук.

Варакин С. В. – доцент Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат философских наук.

Василенко Е. В. – преподаватель Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России, кандидат психологических наук.

Войтов А. В. – доцент кафедры философии Волгоградской академии МВД России, кандидат социологических наук.

Воропаева В. В. – студент 4 курса факультета государственного и муниципального управления Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Гаврилов С. Д. – ассистент кафедры международных отношений, политологии и регионоведения Волгоградского государственного университета.

Геворкян А. И. – адъюнкт кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России.

Гордиенко В. В. – заместитель начальника кафедры философии Волгоградской академии МВД России, кандидат экономических наук.

Гринькова А. А. – магистрант Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Гришина Е. В. – преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Гулевская Н. А. – доцент кафедры философии и права Волгоградского государственного технического университета, кандидат исторических наук, доцент.

Гулевский А. Н. – доцент кафедры философии Волгоградской академии МВД России, кандидат философских наук, доцент.

Данакари Р. А. – профессор Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор философских наук.

Дарбинян Л. И. – студент Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Демидов А. В. – доцент кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук.

Денисова А. В. – студент 4 курса Волжского филиала Международного юридического института.

Дзядевич И. В. – преподаватель Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России.

Дулина Н. В. – профессор кафедры социологии Волгоградского государственного университета, доктор социологических наук.

Дулина Н. В. – доктор Волгоградского государственного университета, доктор социологических наук.

Ерыгин Д. А. – студент 3 курса факультета права НИУ «Высшая школа экономики».

Ерыгина В. И. – доцент кафедры менеджмента общего и профессионального образования Белгородского института развития образования, доцент кафедры всеобщей истории НИУ Белгородского государственного университета, преподаватель Инжинирингового колледжа НИУ Белгородского государственного университета, кандидат исторических наук.

Еськин Д. Л. – заместитель начальника кафедры информатики и математики Волгоградской академии МВД России, кандидат физико-математических наук.

Жарков С. А. – доцент кафедры тактико-специальной подготовки Волгоградской академии МВД России, кандидат педагогических наук.

Закалятина Л. А. – преподаватель Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук.

Зауторова Э. В. – профессор, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор педагогических наук.

Зуева О. В. – доцент кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России, кандидат социологических наук.

Иванов С. М. – пресс-секретарь Волгоградской епархии, кандидат философских наук.

Кибасова Г. П. – профессор кафедры истории и культурологии Волгоградского государственного медицинского университета, доктор философских наук.

Климова Д. В. – старший преподаватель Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук.

Кобылкин Р. А. – доцент кафедры философии Волгоградской академии МВД России, кандидат философских наук.

Козловцев Е. А. – главный специалист Комитета по делам национальностей и казачества Волгоградской области.

Колесников В. А. – профессор Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор политических наук.

Коломейцева Т. П. – студентка кафедры международных отношений, политологии и регионоведения Волгоградского государственного университета.

Коломенская О. Д. – преподаватель Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России.

Копылова Г. К. – доцент Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат психологических наук, доцент.

Корольков К. В. – доцент кафедры социологии Северо-Кавказского федерального университета, кандидат педагогических наук.

Косяченко В. И. – профессор кафедры тактико-специальной подготовки Волгоградской академии МВД России, кандидат педагогических наук, доцент.

Котельников Н. В. – начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Кравченко Е. А. – студент Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Крючков В. В. – начальник кафедры Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат исторических наук, доцент.

Кузнецова В. А. – преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России.

Лаврентьева И. В. – профессор Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат психологических наук, доцент.

Липина Н. А. – преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Лушников Д. А. – заведующий кафедрой социологии Северо-Кавказского федерального университета, доктор социологических наук, профессор.

Маслов В. А. – доцент кафедры теории и истории государства и права Уральского юридического института МВД России, кандидат юридических наук.

Маслов М. С. – старший преподаватель Волгоградского государственного аграрного университета.

Матвиенко Е. А. – начальник кафедры философии Волгоградской академии МВД России, кандидат философских наук, доцент.

Матвиенко Т. Н. – директор МОУ СШ 101 г. Волгограда, учитель истории и обществознания, кандидат педагогических наук.

Матюхин О. И. – слушатель 2 факультета Академии управления МВД России.

Мацефук Е. А. – доцент Волгоградского государственного социально-педагогического университета, кандидат педагогических наук.

Медведева Л. М. – доцент кафедры истории и культурологии Волгоградского государственного медицинского университета, кандидат философских наук.

Мелихов А. И. – доцент кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Моисеева Д. В. – доцент Волгоградского государственного технического университета, кандидат социологических наук.

Морозов А. А. – доцент Омской академии МВД России, кандидат исторических наук.

Морозов И. Л. – профессор Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор политических наук, доцент.

Морозов С. И. – доцент Волгоградского государственного университета, кандидат политических наук.

Назарова Т. П. – доцент Волгоградского государственного аграрного университета, кандидат исторических наук.

Никитина Г. А. – старший преподаватель кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России.

Нифталиева И. А. – адъюнкт адъюнктуры Волгоградской академии МВД России.

Новокольская К. А. – курсант Крымского филиала Краснодарского университета МВД России.

Овчинников В. А. – начальник кафедры физической подготовки Волгоградской академии МВД России, доктор педагогических наук, профессор.

Панкратов С. А. – заведующий кафедрой международных отношений, политологии и регионоведения Волгоградского государственного университета, доктор политических наук, профессор.

Панченко Л. Д. – курсант 1 «К» курса Волгоградской академии МВД России.

Парамонова В. А. – доцент Волгоградского государственного университета, кандидат социологических наук.

Парилов О. В. – профессор кафедры философии Нижегородской академии МВД России, доктор философских наук, профессор.

Пищулина С. Ю. – научный сотрудник, доцент общеинститутской кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин Волжского филиала Международного юридического института, кандидат исторических наук.

Попов М. Ю. – доцент кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Прибытков Ю. Б. – аспирант Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Разбегаев П. В. – начальник кафедры информатики и математики Волгоградской академии МВД России, кандидат педагогических наук, доцент.

Родкина А. В. – преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Рунаев Р. Ю. – преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Волгоградской академии МВД России, кандидат философских наук.

Руссу О. Д. – доцент общеинститутской кафедры общих гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Волжского филиала Международного юридического института, кандидат философских наук.

Рябко Т. В. – психолог ГПР ОМПО ОРЛС Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России.

Садков А. Н. – доцент кафедры гражданского и международного частного права института права Волгоградского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Садков В. А. – адъюнкт адъюнктуры Волгоградской академии МВД России.

Салахова Ж. В. – доцент Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук.

Сальников Е. В. – начальник кафедры социально-философских дисциплин Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова, доктор философских наук, доцент.

Свинарева О. В. – старший преподаватель Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат педагогических наук.

Семенова О. В. – заместитель начальника кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Семиколенова А. Ю. – курсант 1 «К» курса Волгоградской академии МВД России.

Сироткин Ю. Л. – доцент Казанского юридического института МВД России, кандидат социологических наук.

Смирнов К. С. – доцент кафедры философии, биоэтики права Волгоградского государственного медицинского университета, кандидат философских наук.

Стемасова В. Ю. – студент Волгоградского государственного университета.

Степаненко В. В. – доцент кафедры международного полицейского сотрудничества и борьбы с преступностью по каналам Интерпола Центра подготовки сотрудников органов внутренних дел для участия в миротворческих миссиях ВПК МВД России, кандидат философских наук, доцент.

Стоцкий А. П. – доцент кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук.

Стризов А. Л. – профессор кафедры философии Волгоградской академии МВД России, доктор философских наук, профессор.

Сухоруков В. А. – доцент кафедры философии Волгоградской академии МВД России, кандидат педагогических наук, доцент.

Сяба М. В. – старший преподаватель Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина, кандидат педагогических наук.

Тарасов Н. К. – адъюнкт кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России.

Тафинцева И. С. – адъюнкт адъюнктуры Волгоградской академии МВД России.

Треушников И. А. – начальник кафедры философии Нижегородской академии МВД России, доктор философских наук.

Хамидова И. В. – профессор Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат психологических наук, доцент.

Ханина Н. В. – доцент Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук.

Черемушникова И. К. – профессор кафедры истории и культурологии Волгоградского государственного медицинского университета, доктор философских наук.

Чукаев Т. О. – преподаватель кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России.

Шапцева Л. М. – учитель истории и обществознания МОУ СШ № 134 «Дарование» г. Волгограда.

Шукюров Ш. Т.-О. – доцент кафедры административной деятельности в ОВД Академии полиции МВД Азербайджанской Республики, доктор философии по праву, представитель МВД Азербайджанской Республики в НКС при СМВД.

Щепкин С. С. – доцент кафедры гражданского и международного частного права Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина, кандидат юридических наук, доцент.

Эслауэр Л. В. – курсант 3 курса факультета подготовки следователей Волгоградской академии МВД России.

Яловенко Т. В. – доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

Научное издание

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ
РАЗВИТИЕ РОССИИ
КАК КОМПЛЕКСНАЯ ПРОБЛЕМА
ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Материалы VII Всероссийской
научно-практической конференции

г. Волгоград, 28–29 марта 2019 г.

Редакторы *М. В. Остертак, С. А. Пан, О. С. Старовидченко*
Технический редактор *С. А. Пан*
Компьютерная верстка *С. А. Пан*
Дизайн обложки *О. А. Напольских*

Волгоградская академия МВД России.
400089, Волгоград, ул. Историческая, 130.

Редакционно-издательский отдел.
400131, Волгоград, ул. Коммунистическая, 36.

Подписано к использованию 30.12.2019. Объем 3,0 Мб.
Тираж 10. Заказ 61.

ОПиОП РИО ВА МВД России.
400131, Волгоград, ул. Коммунистическая, 36.